

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2023

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, про-
фессор, Институт проблем передачи
информации РАН; Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Institute for Information Transmis-
sion Problems of the RAS; Vinogradov Rus-
sian Language Institute of the RAS, Full Mem-
ber of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovolskij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language),
National Research University Higher School of
Economics, Full Member of the RAS, Moscow,
Russia;

- Вежбицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — академик РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор,
Институт славяноведения РАН;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор, Будапештский Университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор,
Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор,
Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор,
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН,
профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
Институт языкознания РАН;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
- Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Стойнова Н. М. — к.ф.н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- Н. И. Киреев, П. В. Падалка.* К описанию одной группы прилагательных: происхождение и функционирование слов типа *одинарный* и *бинарный* 9
- С. В. Князев.* Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация 32
- М. Н. Шевелёва.* Семантика начинательности глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* в истории русского языка и проблема грамматикализации сложного будущего времени 66
- Т. В. Пентковская.* Перевод Библии Пискаatora 1643 г. и новый проект церковнославянского перевода Библии XVII в. книжного круга Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского 96
- Г. А. Мольков, М. Г. Шарихина.* Грамматические явления в Требнике Никона (1658 г.) на фоне предшествующей церковнославянской богослужебной традиции XV–XVII вв. (на материале отдельных чинов) 111
- Д. С. Кулмаматов.* Восточные реалии в среднеазиатских делах Посольского приказа XVII в. 125
- Д. С. Крылов.* Поправки к чтению новгородской берестяной грамоты № 307 144
- М. Н. Саенко.* Праславянское название селезёнки: проблемы этимологии 160
- Е. А. Заливина.* Вариативность окончаний глаголов в форме 3-го лица настоящего времени в говоре вокруг города Опочки (Псковская область, Опочецкий район) 180

Полемика

- Н. Б. Пименова.* Словообразовательная членимость и мотивированность слов русского языка в лексикографическом представлении 202

Материалы диалектологических экспедиций

- Р. В. Ронько, А. С. Азанова, А. Д. Анисимов, Е. Е. Войтович, Е. А. Заливина, М. С. Замбрыцкая, С. А. Землянская, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский.* Псковский говор деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Терехово и Степаньково Западнодвинского района Тверской области. Элементы корпусного описания и полевые материалы 216
- Адреса университетов и институтов 263
- Правила подачи статей 264

CONTENTS

Articles

<i>Niyaz I. Kireyev, Polina V. Padalka.</i> On the origin and usage of <i>odinarnyj, binarnyj</i> and similar adjectives	9
<i>Sergey V. Knyazev.</i> Phrase finalizer in the Archangel'sk dialects: phonetic realization and phonological interpretation	32
<i>Maria N. Sheveleva.</i> Semantics of beginning of the verbs with the root <i>-ča-/čьn-</i> in the history of Russian and the problem of complex future tense grammaticalization	66
<i>Tatiana V. Pentkovskaya.</i> Piscator's Bible translation of 1643 and a new project of the Church Slavonic Bible translation of the 17th century belonging to the book coterie of Epiphanius Slavinetsky and Euthimius Chudovsky	96
<i>Georgiy A. Molkov, Milyausha G. Sharikhina.</i> Grammatical features of the Trebnik by Nikon (1658) against the background of the previous Church Slavonic liturgical tradition of the 15th–17th centuries (on the material of some lities)	111
<i>Dusmamat S. Kulmamatov.</i> Eastern realia in the seventeenth-century Central Asian acts of the Ambassadorial order	125
<i>Dmitry S. Krylov.</i> Interpretation amendments to Novgorod birchbark letter no. 307....	144
<i>Mikhail N. Saenko.</i> Proto-Slavic words for the spleen: problems of etymology	160
<i>Ekaterina A. Zalivina.</i> Third person verbal affixes in OPOCHKA dialects	180

Polemics

<i>Natalia B. Pimenova.</i> Derivational segmentability and motivation of Russian words in lexicographic representation	202
---	-----

Materials of dialectological expeditions

<i>Roman V. Ronko, Anna S. Azanova, Arseniy D. Anisimov, Ekaterina A. Zalivina, Sofiya A. Zemlyanskaya, Igor A. Marchenko, Denis I. Mochulskiy, Ekaterina E. Voitovich.</i> The dialect of the villages Shetnevo, Makeevo, Sh'elkino, Terekhovo and Stepan'kovo of the Zapadnodvinskij district, Tver oblast'. A grammar sketch and field notes	216
Addresses of universities and institutes	263
Notes for contributors	265

ИССЛЕДОВАНИЯ

doi.org/10.31912/tjano-2023.1.1

Н. И. КИРЕЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
nkireyev@yandex.ru

П. В. ПАДАЛКА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ppadalka0@gmail.com

К ОПИСАНИЮ ОДНОЙ ГРУППЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ ТИПА *ОДИНАРНЫЙ* И *БИНАРНЫЙ**

Данная статья пытается подвести итог многолетним дискуссиям о происхождении слова *одинарный*: описана история этого прилагательного, приведены самые ранние обнаруженные примеры, объяснена хронология его народноэтимологических преобразований. Изначально форма *одинарный* появляется в результате диссимилиации в слове *ординарный*, а затем, в результате аттракции к числительному *один*, семантически отделяется от исходной лексемы. Рассмотрены заимствованные прилагательные на *-арный*, соотносимые по смыслу с числительными (*бинарный*, *тернарный* и мн. др.), приведены хронологические данные об употреблении подобных слов до начала XX в., собраны сведения, помогающие установить стилистический статус этих прилагательных.

Во второй части статьи, синхронической, приведен список не зафиксированных словарями прилагательных на *-(н)арный*, соотносимых с числительными и образованных по продуктивной в современном русском языке модели словообразования, существование которой ранее отрицалось в научной литературе. Речь о словах с начальной частью, восходящей к древнегреческому языку (типа *тетранарный* и *пентанарный*), и о словах с исконным первым элементом (типа *четырёхнарный* и *пятиарный*); отдельно рассмотрены псевдолатинизмы типа *унарный* или *квартинарный*. Описаны явления морфемики и морфонологии, наблюдаемые в данной группе прилагательных; предложен возможный механизм возникновения этой словообразовательной модели. Кроме того, рассмотрен ряд близких любопытных слов, не относящихся к ней напрямую.

Ключевые слова: *одинарный*, диссимилиация, народная этимология, словообразовательная модель, разговорное словообразование, гапология, наложение морфем.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году. Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой в Институте языкознания РАН 1 октября 2022 г. Благодарим анонимного рецензента за ценные замечания к тезисам доклада, равно как и рецензента журнала за дополнения и исправления к статье.

Русский язык в научном освещении. № 1. 2023. С. 9–31.

Максу Барганову к юбилею

Настоящая работа посвящена диахроническому и синхронному описанию особого класса русских прилагательных — слов на *-áрный*, формально или семантически соотносимых с числительными.

1. Ранняя история слова *одинарный*

В этимологической литературе указывалось, что прилагательное *одинарный* является народноэтимологическим преобразованием слова *ординарный* в результате аттракции к числительному *один* [Шанский и др. 1971: 304]. В. П. Старинин [1963: 84—85] утверждает, что *одинарный* «вошло в литературный язык примерно 40—50 лет тому назад в выражениях, где ранее употреблялось слово *ординарный*: *о(р)динарная простыня, о(р)динарное одеяло, о(р)динарный размер*». Данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) с этим скорее согласуются — самый первый пример там датируется 1890 г.

Расширение круга привлекаемых источников, однако, несколько корректирует это представление: судя по [Google Books] и [HathiTrust], слово *одинарный* употребляется в русскоязычной печати по меньшей мере с 1760-х гг.

На первом этапе оно используется в значении слова *ординарный*, так что иной раз даже можно заподозрить простую опечатку¹:

- (1) *Сверхъ сего изъ опредѣлений добра неотмѣнно совершеннаго и по рассуждению такого, (§. 144.) дѣйствительнаго и страдательнаго, (§. 145.) одинарнаго и экстраординарнаго, (§147.) происходятъ слѣдующія аксіомы: <...>* [Гейнекций 1766: 294];
- (2) *Ежели же, запаснаго хлѣба въ магазейнѣ не будетъ; а селтеръ [французская мера] одинарнаго или простова (sic!) хлѣба, ниже двадцати ливровъ продавать стануть; то...* [Намерение 1771: 75].

Однако «опечатка» эта подозрительно систематична и делается из книги в книгу, в разных издательствах, в том числе довольно серьезных.

- (3) *Возьми одинарнаго простаго вина одно ведро, шалфею поль фунта <...>* [Решетников 1791: 284];
- (4) *Глава церкви мѣдная, позлащенная одинарнымъ листовымъ золотомъ; на алтарь и придѣлахъ главы деревянныя, вызолочены и съ желѣзными своими крестами одинарнымъ золотомъ* [Описание 1840: 9].

В издании из примера (4) интересующее нас слово употреблено ещё дважды, поэтому следует считать, что такие «опечатки» отражают реальное

¹ Несомненные и прозрачные опечатки тоже реальны — мы не стали приводить многочисленнейшие контексты с *одинарными профессорами* и *экстраординарными академиками*.

произношение. Как справедливо отметил И. Б. Иткин (устное сообщение), здесь представлено не что иное, как дистантная диссимилиация $p \dots p > \emptyset \dots p$.

На следующем этапе, относящемся, видимо, к первой половине XIX в., начальная часть прилагательного *одинарный* была соотнесена с числительным *один*², а семантика переосмыслена и сдвинута в сторону единичности. Самый ранний обнаруженный нами пример относится к 1822 г:

- (5) *Шафты* [т. е. фусты, стволы] *колоннъ, изъ коихъ однъ зубчатыя [= с каннелюрами], а другія ровныя; капители крѣпкія и колосальнаго измѣренія, и антаблементы одни парные, а другіе одинарные — вотъ что представитя потомъ съ перваго взгляда* [Проппак 1822: 136].

Заметим, что это хоть и перевод с французского, но отнюдь не дословный:

- (6) *⟨...⟩ des chapiteaux d'une force et d'une proportion colossales; des entablemens, les uns appareillés, les autres qui semblent ne l'avoir jamais été, et aucun plan distinct en apparence* [Propiac 1820: 111—112].

В дальнейшем слово употреблялось в научной литературе, и в третьей четверти XIX в. начало регулярно использоваться в разных отраслях знаний. Так, комментируя пассаж И. И. Лепёхина из описания нового вида пауков «[о]ни имѣють только по шести глазъ», энтомолог замечает: *безъ сомнѣнія двойные боковые взяты за одинарные*³ [Крыницки 1837: 79].

- (7) *По окончаніи этой постройки, отверстие резервуара а было заложено каменной плитой и вмѣсто прежней двойной проводной трубы въ каменномъ ходѣ от D до а была проложена **одинарная*** [Абих 1845: 67];
- (8) *Крыши волжскихъ и мѣдведицкихъ барокъ бываютъ преимущественно тесовыя, долевыя и поперечныя, двойныя и **одинарныя**, как на домъ...* [Памятная книжка 1859: 38];
- (9) *Какъ драхмы такъ и оболы были **одинарные** и сугубые, т. е. двойныя, тройныя, четверныя и дробныя, какъ напр. половина оболы, четверть оболы* [Страшкевич 1863: 190].

Также в коммерции:

- (10) заглавия столбцов в таблице цен на «приводные ремни» (за аршин): ***одинарные**, двойные, тройные, ремни съ тесьмой* [ТС 1866: 251].

Уже в середине XIX в. можно встретить примеры в художественной литературе:

² Отметим, что морфонологически такой анализ вполне возможен — хоть *одѣн* и содержит «беглый и», этот звук часто сохраняется в дериватах, ср. *одинаковѣй* и *одинокій* [Иткин 2007: 233—234]. Акцентологически *одина́рный* тоже идеально соответствует свойствам слова *одѣн* в данную эпоху.

³ Как мы понимаем, вид, о котором идёт речь, — в современной номенклатуре *Gibbaranea bituberculata* (Walckenaer, 1802), — имеет в действительности восемь глаз.

- (11) *Добрая старушка* [зима] ⟨...⟩ *пролетѣла мятелью по удивленнымъ, опустѣлымъ улицамъ, занесла глубокими заметами рельсы желѣзныхъ дорогъ, разукрасила узорами стекла въ **одинарныхъ** окнахъ, постучала съ насмѣшкой въ легонькіе камини* ⟨...⟩ [Современникъ 1854: 146—147].

Быстрое распространение этого слова следует связать с затруднённой краткого выражения смысла ‘состоящий из одного элемента’ в русском языке рассматриваемой эпохи. Так, по данным [СлРЯ XVIII, 16], в этом значении могли использоваться *од(и)накий*, *од(и)наковый* [Там же: 185—186], *од(и)нокий* [Там же: 187—188], имевшие другое основное значение; окказионально употреблялись *од(и)начный* [Там же: 187], *одиноковый*, *одичатый* [Там же: 188]. Семантика слова *единичный* была связана в первую очередь с отделённостью, самостоятельностью [Там же, 7: 61]. Слишком далеко отстояли по своему смыслу от нужной зоны *единственный* [Там же: 69—70], *единый* [Там же: 70—71], как и *безсложный*, *несоставленный*, *простой*, *цѣлый* и прочие.

Между тем для значений, соотносимых с другими числами, прилагательные имелись. Такую картину мы наблюдаем в алеутской грамматике [Вениаминов 1846]. Переводя одну серию алеутских числительных, автор использует в качестве русских переводов прилагательные: *одинарный*, *двойной*, *тройной*, *четверной*, *пятерной*, *шестерной*, *семерной*, *восмерной*, *девятерной* и *десятерной* [Там же: 76] (в общем алфавитном словаре соответствующее алеутское слово также переводится русским *одинарный* [Там же: 21]). Таким образом, рассматриваемое слово оказалось очень удобным для заполнения этой лакуны в системе языка.

2. К вопросу о более ранних примерах

Согласно изданию [МРФ 1882: 23], в инструкции, выданной Адмиралтейств-коллегией лейтенанту Чаплину 4 мая 1741 г., есть следующий пассаж:

- (12) ⟨...⟩ *по морскому обычаю прежде спрашивать откуда они идутъ и какихъ кораблей въ пути своемъ гдѣ они видѣли военныхъ, **одинарныхъ** или эскадрами, шведскихъ или какой иной націи они бы ни были* ⟨...⟩.

Пример затем цитируется в [СлРЯ XVIII, 16: 186—187]. Несмотря на семантическую безупречность контекста, хронологические соображения заставляют несколько усомниться в нём, — возможно, мы имеем дело с неправильно прочтённым *ординарный*. Если же нет, то именно этот пример и следует считать самым ранним свидетельством рассматриваемой диссимилиации.

В пособии [Шлаттер 1765: реэстръ] в оглавлении один из разделов назван *о дѣльъ желѣзной двойной и ординарной жести*. В начале самой главы её название напечатано как *О ДѢЛЪ ЖЕЛЕЗНОЙ ДВОИНОЙ И ОДИ-*

НАКОИ ЖЕСТИ [Там же: 90], так же оно выглядит на одном из колонтитулов [Там же: 95]. Однако в двух других колонтитулах — *двойной и одинарной жести* [Там же: 91, 93]. Ср.: *По вымоченій оныхъ досокъ, должно ихъ складывать въ пары, въ каждую ординарной по осмидесять, двойной по сороку досокъ* [Там же: 92]. Вероятно, это несколько небрежное издание содержит раннее (и потому весьма изолированное) отражение переосмысления интересующего нас прилагательного.

3. Этимология слов типа *бинарный*, *тернарный* и т. п.

Надо полагать, что дополнительный импульс для распространения слова *одинарный* в новом значении можно связать и с его включением в корреляцию с новыми прилагательными типа *бинарный* на следующем этапе его истории.

Эти последние вошли в русский язык, насколько мы можем судить, в третьей четверти XIX в. в основном через математику, ботанику и химию.

- (13) *Вместе с тем химические отношения $COCl_2$ довольно убедительно говорят в пользу отсутствия в этой частице прямого взаимодействия между хлором и кислородом: ничего похожего не замечается здесь на тот характер, который обнаруживается в бинарных соединениях этих двух элементов* (А. М. Бутлеров. *Теоретические и экспериментальные работы по химии* (1851–1886))⁴.

В [ЭСРЯ МГУ, 1/2: 12] со ссылкой на [СИС 1954: 107] предполагается заимствование прямо из латыни (оставлено без комментариев в [Аникин III: 209]), что неправдоподобно. Непосредственным источником следует считать скорее французское *binaire*, чем нем. *binär*, которое само было заимствовано из французского только в XIX в. [Pfeiffer 1993; ср. Fradin 2019].

К последней трети этого века относится заимствование слова *сингулярный*, о котором см. следующий раздел.

В самом конце XIX столетия в русскоязычной математике вошло в употребление прилагательное *тернарный* — тут уже в качестве источника можно принять и нем. *ternär*.

- (14) *Мнѣ не удалось однако получить формуль, аналогичныхъ формулам Плюккера. Подобныхъ формуль не установлено еще и для тернарнаго коннекса* [Синцов 1894: 39].

Примерно в то же время в биологии стало употребительным слово *тринарный* в связи с распространением изучения подвидов (источником могло быть и французское *trinaire*, и немецкое *trinär*, и английское *trinary*). Приведём лишь несколько примеров (их число можно умножить):

⁴Здесь и далее, если не указано иное, примеры взяты из НКРЯ.

- (15) *Я, какъ извѣстно, дѣлаю еще шагъ впередъ и, такъ какъ я пользуюсь для обозначенія вида **тринарною** номенклатурою, то каждый можетъ видѣть по каталогу, какую форму сойки я подразумѣваю [Radde 1899: 249];*
- (16) *Вѣдь въ дальнѣйшемъ Нестеровъ правильно оперируетъ съ **тринарной** номенклатурой, почему же для географической расы сойки оставлять «var.»? [ИКМ 1911: 282];*
- (17) *Основная форма по правиламъ **тринарной** номенклатуры получаетъ удвоенное видовое названіе, *Synt[etrum] vulgatum vulgatum* [Бартенев 1915: 284];*
- (18) *Все это учитывается уже зоологами, и не даром (sic!) виды сменились подвидами и морфами, при чем (sic!) бинарная система Линнея обращается мало-по-малу в **тринарную** и еще далее [Браунер 1929: 83].*

Слово *унарный*, по-видимому, было заимствовано только в XX в. в химическую (из немецкого?) и математическую терминологию (надо полагать, уже из английского), см. пример (22).

- (19) *По аналогіи съ терминомъ „бинарная функція“ (стр. 9) мы будем называть такія функціи „**унарными**“ функціями (Curtiss)⁵ (Университетские известия, 1912).*

Ошибкой было бы думать, что этим рассматриваемый класс заканчивался. Выше мы перечислили слова, которые систематически и регулярно использовались в разных областях знаний, а эпизодически употреблялись и более редкие прилагательные.

- (20) *Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обобщеніе результатовъ, полученныхъ ранѣе для **тернарныхъ** коннексовъ на коннексы **кватернарные**, получается сравнительно просто [Васильев 1895: 5];*
- (21) *Имея у себя на службѣ **септенарный** пучокъ лучей, они управляютъ семью силами природы (Е. П. Блаватская. Путеводная Звезда неизведанного⁶, 1889).*

Эта серия слов в конечном счёте восходит к латинским прилагательным на *-ārius*, образованным от основы дистрибутивных (распределительных) числительных, ср. *bīnī* ‘по два’ → *bīnārius* ‘двойной’ (прилагательное зафиксировано только в постклассической латыни, см. [TLL, II: 1992]).

Сосуществование форм *тернарный* и *тринарный* отражает собственно латинскую вариативность *ternī* vs. *trīnī*, см. [Sihler 1995: 435—436]. При этом надо отметить, что ‘по одному’ на латыни будет *singulī*, не **ūnī* —

⁵ <https://books.google.ru/books?id=z1FKAQAAMAAJ>.

⁶ <https://iknigi.net/avtor-elena-blavatskaya/58995-putevodnaya-zvezda-neizvedannogo-elena-blavatskaya/read/page-2.html>.

и потому *унарный* — это псевдолатинизм, образованный (ещё в английском) по модели *бинарного* и *тернарного*, точнее, *binary* и *ternary* от основы порядкового латинского числительного *ūnus* (вместо дистрибутивного).

Таким образом, *-н-* в словах типа *би-н-арный* восходит к латинскому суффиксу дистрибутивности.

4. *Сингулярный* и *унарный*: особенности семантики и употребления

Как отмечено выше, *сингулярный* и *унарный* с точки зрения этимологии дублируют друг друга.

- (22) О слове *singulary*: *Вслед за У. В. Куайном мы принимаем этот этимологически более правильный термин вместо распространённого в настоящее время термина unary* [Чёрч 1960: 349].

Тем не менее следует констатировать, что по крайней мере в русском языке произошла семантическая специализация этих слов.

Если *унарный*, *бинарный* и т. п. значат ‘состоящий из стольких-то элементов, частей’, то *сингулярный* (в числе прочего) — ‘являющийся лишь одной частью чего-либо’. Именно к этому значению относятся самые ранние примеры — в римском праве сингулярное (лат. *singularis*) правопреемство — это наследование не всех прав человека, а лишь одного из них (в дореволюционных юридических трудах данное прилагательное встречается десятки раз):

- (23) *Мы предпочитаем называть этот вид наследования партикулярнымъ — въ отличіе отъ такъ называемаго сингулярнаго наследования въ которомъ привыкли безразлично сливать этотъ собственно наследственный переходъ, исчерпывающій все наследство, хотя и по частямъ, съ противоположнымъ ему, именно — ограниченнымъ переходомъ отдѣльныхъ выдачъ изъ наследства, какъ увидимъ ниже* [Демченко 1875: 7].

Отсюда естественно происходит и значение ‘единственный, уникальный’, почти наверняка развивавшееся под влиянием франц. *singulier* ‘индивидуальный, исключительный’ (ср. [DAF 1878: 751]):

- (24) *Наконецъ SC. установившее quasi узупфрукт, вводитъ столь ненормальное явленіе, что на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на законъ въ высшей степени сингулярный, и потому оно никакъ не можетъ быть распространено въ своемъ дѣйствіи далѣе того случая, для котораго именно было издано, а въ источникахъ мы только видимъ, что по SC. ususfructus omnium rerum legari potuit* [Дорн 1871: 92].

Также ‘однократный’ и ‘относящийся к единственному числу’:

- (25) *Такой закон — то, что будет позже ниспослано Богом еврейскому народу, то, что должно регулировать общественное поведение, но не **сингулярное** действие (событие), каковым было грехопадение (О. Аронсон. Телевизионный образ, или Подражание Адаму (2003) // «Неприкосновенный запас», 11.11.2003);*
- (26) *Для названий парных частей тела форму без показателя множественности следует считать не столько **сингулярной**, сколько «формой общего числа» [Выдрин 2016: 33].*

Кроме того, специальную семантику имеет и существительное *сингулярность*. В связи с этим предлагается считать, что *сингулярный* не входит в тот рассматриваемый нами класс слов, в который входят *унарный, одинарный, бинарный* и др.

5. Стилистика

Некоторые авторы середины XIX в. критиковали употребление слова *одинарный*:

- (27) *На той же страницѣ: «Гребень у пѣтуха **одинарный**». Что́ это за слово **одинарный**? *Одинарный, то-есть обыкновенный? или значитъ что-нибудь другое? Сколько намъ извѣстно, у пѣтуховъ, о которыхъ идетъ рѣчь, гребни состоятъ изъ одной лопасти, или простые гребни. Если переводчик хотѣлъ сковать новое словцо для означенія такого гребня, то по-крайней-мѣрѣ слѣдовало объяснить, какъ это сдѣлано на стр. 24, гдѣ тоже употреблено небывалое русское словцо паровать [Алек. 1859: 55].**

И. Потанин [1864: 39] при обследовании алтайских говоров включает *одинарный* в число диалектизмов.

Тем не менее это прилагательное продолжало завоёвывать всё большие права. По-видимому, первая лексикографическая фиксация данного слова относится к [Ушаков 1938: 761], где уже указывается его связь с *ординарный*, но никаких помет не даётся (ни «разг.», ни «спец.», ни «нов.»). При этом в упомянутом издании не зафиксировано никаких других представителей рассматриваемого класса — эти слова ещё были скорее принадлежностью узкотерминологической сферы (и на протяжении 1940-х и 1950-х гг. они, насколько нам известно, фигурировали только в терминологических и двуязычных словарях). Это можно связать с тем, что для них есть общепотребительные исконные аналоги — *двойной, двойственный, двоякий* и т. д.

Пуристское отношение к *одинарный*, однако, сходило на нет довольно медленно, и ещё Н. М. Александров [1977: 203] возмущался:

- (28) *Мне представляется, что новый словарь не только должен дать по возможности исчерпывающе современную русскую лексику, но и должен предостеречь от употребления неверных, иногда искаженных слов, восстанавливая их правильную форму, и неправильного употребления существующих слов.*

*Пример на первое — слово **одинарный**. Совершенно чудовищно, что появившаяся на наших глазах (sic!) народная этимология вошла в официальный язык, а через него даже и в Словарь Ожегова. По-моему, полуклиника ничуть не хуже, но, к счастью, она не вошла в язык.*

Как мы показали выше, «появившееся на наших глазах» употребление существовало к тому моменту по крайней мере полтора года. Впрочем, и сейчас изредка можно встретить недовольство этим словом:

- (29) *Нет! Говорить «**одинарный**» вместо «ординарный» и «одиночный» так же нелепо, как говорить «дварный» и «триарный» вместо «двойной» и «тройной»⁷.*

Форма *тринарный* в течение XX в. отчасти теснилась другими словами — в частности, биологическая номенклатура подвидов сейчас чаще называется *триномиальной*. Тем не менее она вполне продолжала употребляться в разных областях (особенно часто — в химии; ср. укр. *тринарний*), хотя в словари вошёл только вариант *тернарный*:

- (30) *Восприятие обоих противоположных членов [корреляции фонем по каким-либо признакам] как равно активных, равно отклонившихся от нормы в противоположные стороны возможно лишь там, где на ряду (sic!) с ними существует еще третий член, абсолютно пассивный или «нейтральный», — т. е. только в том случае, где корреляция (sic!) уже не бинарна, а **тринарна**. Это имеет место напр. в абхазском языке где у целого ряда архифонем (...) различаются три вида фонем, — мягкие (палатализованные), лабиализованные и нейтральные (Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938));*
- (31) *Теперь рассмотрим тот случай, когда один из осадков представляет **тринарный** электролит⁸ (Журнал общей химии, 1935).*
- (32) *Однако существующая языковая знаковая система систематики нуждается в усовершенствовании. В ней произволен не только выбор знаковых элементов бинарного и **тринарного** обозначения, что неизбежно, но также многих таксонов рангом выше семейства [Тахтаджян 1966: 33];*

⁷ 2013, <https://booksonline.com.ua/view.php?book=118714&page=15>.

⁸ <https://books.google.ru/books?id=nAwwAAAAIAAJ&q=тринарный>.

- (33) Модель составлена в вариантах бинарного (*переселиться или нет*) и **тринарного** (*искать жилье и переселиться; искать, но не переселиться; не искать и не переселиться*) выбора⁹ (Реферативный журнал: География, 1979);
- (34) Таким образом, каждое редкое растительное сообщество можно охарактеризовать **тринарным** индексом редкости, интегрально определяющим степень критичности его состояния, позволяющим решать первоочередность принятия конкретных мер¹⁰ (Бюллетень Главного ботанического сада, 1983);
- (35) Серьезные американские критики расшифровывают мозмовское «нечто» так: на их взгляд, индустрия книжного бизнеса в США зиждется на трех «китах» — это жажда власти, стремление к обогащению и секс. Сей **тринарный** механизм без малейшей запинки срабатывает в обществе «массовой культуры», его совершенно сознательно, изобретательно и бесстыдно используют все упомянутые авторы-миллионеры¹¹ (Литва литературная, 1986).

6. Незафиксированные в словарях лексемы

В современном русском языке из представителей интересующего нас класса широко распространены *одинарный* и *бинарный*; в монументальный [РОС 2012] включены ещё *унарный* и *тернарный*. В течение XX в. эти слова образовали нечто вроде словообразовательного ряда и вызвали к жизни целый класс новых аналогично построенных прилагательных. Их первая часть при этом может иметь разное происхождение: 1) латинское, с опорой на *бинарный*; 2) русское, с опорой на *одинарный*, а отчасти и *тринарный*; 3) греческое — во-первых, потому что начальная часть формы *тринарный* может интерпретироваться как греческая (ср. др.-греч. *τρι-* = лат. *tri-* в сложениях [Sihler 1995: 411]), а во-вторых, — из-за общей установки на греческий при создании терминов.

Следующие примеры дают представление об интересующих нас словах с латинской начальной частью. Они регулярно встречаются в (преимущественно) научной и технической литературе (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены):

- (36) **Квинарный** сектор — это сектор экономики, который принимает наиболее важные решения¹²;

⁹ <https://books.google.ru/books?id=DodFAQAAIAAJ&q=тринарного>.

¹⁰ <https://books.google.ru/books?id=7DIIAQAAMAAJ&q=тринарным>.

¹¹ <https://books.google.ru/books?id=swOzAAAAIAAJ&q=тринарный>.

¹² 2022, <https://progler.ru/blog/kak-sozdat-bolshe-vozmozhnostey-dlya-trudoustroystva>.

- (37) Многие авторы косвенно упоминают 12-летний цикл, как **дуоденарный**, как дирекционный и как прогрессивный, но подобных профекций на основе дуоденариев почему-то до сей поры не было, как нет такой системы даша в Джйотише¹³;
- (38) Кроме того, Марк Аврелий перевел главу ведомства *a rationibus* из **дуценарных** прокураторов в **треценарные** и ввел новый дуценарный всаднический пост — помощника главы финансового ведомства — *procurator summarum rationum*¹⁴;
- (39) Не, поскольку новичок вроде бинарный (тринарный, **мультинарный**) яд, его действие началось при варке каши с лавровым листом и прочими пряностями, пропитанными компонентами¹⁵.

О словах типа нулярный см. в следующем разделе.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что некоторые такие прилагательные следовало бы характеризовать как псевдолатинизмы — составленные из латинских морфем слова, не соответствующие латинской грамматике. Так, в следующих пассажах употреблены слова **октоарный** (вместо ожидаемого *октонарный от лат. *ostōnī*) и **нонарный** (вместо *новенарный от *novēnī*):

- (40) например, только два **однобайтных** (восьмибитных) регистра данных можно рассматривать, как множество бинарных (двухаргументных, двухоперандных, двухвыходовых) 256-тиричных функций, которых может быть $256^{(256^2)}$ = «очень много», а при восьми однобайтных регистрах, как множество **октоарных** (восьмиаргументных, восьмиоперандных, восьмивыходовых) 256-тиричных функций, которых может быть $256^{(256^8)}$ = «ещё больше»¹⁶;
- (41) — А что означает **нонарный**?¹⁷

Подобные слова можно встретить отнюдь не только на форумах. Ср. следующую статью, где наравне со многими тривиальными формами употреблено придуманное по аналогии с **центенарный** слово **дуцентенарный** (вместо более правильного **дуценарный** от лат. *discēnī*):

- (42) Так, Марку Эмилию Бассу пришлось пройти четыре **сексагенарных** (т. е. вознаграждавшийся суммой в 60 тыс. сестерциев в год) прокураторских поста, прежде чем он был назначен на **центенарную** должность (Pfl. 103)¹⁸;

¹³ 2017, <https://realnyeludi.ru/?p=blog&id=20185&review=1>.

¹⁴ 1981, <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1449950039>.

¹⁵ 2018, <https://forum.mfd.ru/forum/thread/?id=61882&page=13111>.

¹⁶ 2018, <http://www.nedopc.org/forum/viewtopic.php?t=19134&p=147866>.

¹⁷ 2017, <https://iknigi.net/avtor-ien-benks/133315-ekscsessiya-ien-benks/read/page-8.html>.

¹⁸ 2021, <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/276132/1/Счастье%20не%20в%20награде%20за%20доблесть.pdf>.

- (43) Однако в каталоге Пфлаума имеется лишь два указания на положение ретийского прокураторства в системе **дуцентенарных постов**¹⁹.

Особенно показателен следующий контекст из блога филолога Александра Львовича Соболева:

- (44) *Не могу не отметить, что это довольно редкий для русской поэзии тип скользящей рифмовки (Гаспаров приводит примеры тернарной и кватернарной рифмовки, а эта — **квинтернарная!**) — Л. Л.*²⁰

Ясно, что **квинтернарный** вместо более правильного **квинарный** (лат. *quīnī* ‘по пять’) образовано именно по аналогии с **кватернарный** и **тернарный** (если бы, скажем, прилагательное происходило от другой формы латинского числительного, то получилось бы что-нибудь в духе ***квинквенарный**, чего не зафиксировано ни в каком виде).

Д. В. Сичинава сразу после цитаты из М. Л. Гаспарова, в которой фигурировало слово **кватернарный**, употребляет слово **квартернарный** [Сичинава 2022: 148], повторяя его несколько раз²¹:

- (45) *В скобках после каждого имени указано число образцов тернарной, а после знака ‘+’ — **квартернарной** скользящей рифмовки [Там же: 152].*

Следует полагать, что это слово образовано от основы латинского порядкового числительного (*quārtus*) вместо дистрибутивного (*quaternī*).

Более того, при всей распространённости прилагательного **бинарный** в научной литературе сейчас иногда употребляется слово **биарный**:

- (46) *Выбираем произвольный элемент $b \in G$, у которого **биарный** порядок равен t^{22} .*

Следующий блок примеров — для слов с начальным греческим элементом.

- (47) *Описанный **монарный** цикл близок по своим параметрам к бинарному циклу, в котором отходящие ПС остаточным теплом нагревают жидкий теплоноситель, например воду*²³;
 (48) *Я **мононарный** цветной самоцвет*²⁴;

¹⁹ Ibidem.

²⁰ 2010, <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/112921.html>.

²¹ Попутно заметив сомнительность термина **кватеральный**, иногда используемого в отношении схем рифмовки. С большими числами, однако, автор предпочитает русские слова **пятерной** и **шестерной**. Ср. ситуацию в алеутской грамматике.

²² 2013, http://cheb.tspu.ru/attachments/597_tom14_v4_Shchuchkin.pdf.

²³ 2015, <https://samo-delkin.livejournal.com/1059.html>.

²⁴ 2020, <https://2ch.life/a/arch/2020-04-01/res/6685563.html>.

- (49) **Полиарный** (мультиарный) — функция принимает любое количество аргументов²⁵;
- (50) Однако данный бинарный или **полиарный** подход к интегративным объектам языкознания и речемышления не может проводиться в традиционных лингвистических и философских терминах²⁶;
- (51) Бинарный, тернарный, **тетрнарный**, **пентнарный**, полиэлементный синкретизм и соответствующие синтетические новообразования²⁷.

Как видим из последнего примера, латинские и греческие формы вполне могут употребляться вперемешку. Сюда же условно отнесём и:

- (52) Синапс в этой системе **триннарный**, то есть может иметь три состояния: -1 , 0 и 1 ²⁸.

Более же всего нас интересуют слова с начальным русским элементом.

- (53) Для нахождения последнего элемента списка используйте **двунарный** предикат `last(type_of_elements, list)`²⁹;
- (54) Через **двунарный** соосный редуктор крутящий момент ротора двигателя передается на барабан³⁰;
- (55) Однако, этого можно избежать, если перейти к другой базе знаний, в которой предикат с именем "Фиб" определен как **трехарный**, то есть имеющий три аргумента, включающий в себя в качестве аргумента значения N -ого и $N-1$ -ого элементов последовательности³¹;
- (56) **Треннарный** оператор в инициализаторе анонимного класса не парсится³²;

²⁵ 2016, <https://github.com/btshft/HowTo/blob/master/js/curry-partial-apply-ru.md>.

²⁶ 2017, <http://staff.ulsu.ru/fefilovai/kogitologia.htm>.

²⁷ 2018, https://artcenter.ru/wp-content/uploads/2018/10/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B6%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8-%D0%9C%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B5-%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2_.pdf.

²⁸ 2016, <https://nplus1.ru/news/2016/09/21/truenorthcnn>.

²⁹ 2014, https://revolution.allbest.ru/programming/00468072_0.html.

³⁰ 2008, <http://belka-park.ru/gruzopod-ennost.html>.

Слово **двунарный** встречается, понимается, и в значении 'имеющий два яруса нар':
А. Барак большой, **двунарный**, на нижних ярусах матери с детьми, на верхних — бездетные [Файнют 1991];

В. Второй **двунарный** эшелон отправлялся через месяц (2007, <https://proza.ru/2007/07/16-09>).

³¹ 2013, <https://studfile.net/preview/476584/page:7/>.

³² 2018, <https://github.com/pascalabcnet/pascalabcnet/issues/2617>.

- (57) Если бинарный считать за 2-х символьный, **четыренарный** за 4-х символьный, октальный — за 8-х (sic!) символьный, гексадецимальный 16-и символьный³³;
- (58) Если Вы хотя бы чуть чуть знакомы с понятием «опцион», то Вы легко «сварганите» хоть бинарный хоть тринарный, хоть **пятиарный**³⁴;
- (59) Но тогда получается, что категориальный базис языка тернарного описания состоит не из одной тройки категорий, а из двух таких троек. И значит название «язык тернарного описания» следовало бы заменить «языком **шестиарного описания**»³⁵;
- (60) Это **восьмиарный** (т. е. имеющий 8 дуг или ребер) элемент (конструкт) семантической сети, представляющий собой ориентированный граф в виде окружности, пересеченной двумя диаметрами, находящимися под прямым углом друг к другу³⁶;
- (61) Причем здесь тройной или **десятинарный**?³⁷

Как видим, могут использоваться и основы количественных числительных (**четыренарный** как **тринарный**), и основы, обычные для сложений (**двунарный** как **двузначный**, **двухнарный** как **двухэтажный**).

Более того, даже **одинарный** не является единственным вариантом прилагательного на **-арный**, соотносимого с единицей:

- (62) Если на 53 два агента начнут захват и успеют до 10:00 то их тима получит **одинарный** бонус а враг нет, если только 1 взять то будет бонус обоим **одинарный**³⁸ — опечатка исключена, так как слово напечатано дважды;
- (63) Это если стеклопакет **однарный**³⁹.

В следующем примере кавычки отражают окказиональность слова **многонарный**. Тем не менее это не гапакс.

- (64) Это действительно «**многонарный**» оператор⁴⁰;
- (65) Володя Путин всегда хорошо учился. Особенно нравилась ему геометрия. Он любил проводить вертикали, горизонталы. Потом, на плоскости, в двумерном пространстве — диагонали, через то,

³³ 2018, <https://otvet.mail.ru/answer/1900969436>.

³⁴ 2015, <https://smart-lab.ru/mobile/topic/242713/>.

³⁵ 2006, <http://www.philosoph.onu.edu.ua/elb/uemov/after.pdf>.

³⁶ 2012, <https://www.aspirans.com/files/images/Yakovlev.%202012.%20Thesaurus%20approach.%20UM-3-2012.pdf>.

³⁷ 2009, <http://forum.nodeny.com.ua/index.php?topic=151.60>.

³⁸ 2019, <https://dota2.ru/forum/threads/tak-ja-ne-ponjal-avanposty.1333439/>.

³⁹ 2020, https://vk.com/wall-20249656_4064800.

⁴⁰ 2021, <https://www.rsdn.org/forum/humour/8150152.all>.

*что другие писали. Еще больше понравилось ему строить клеточки в пространстве трехмерном, и твердо решил он: вот вырасту, построю большое пространство, **многонарное**⁴¹.*

Дополнительно отметим, что в текстах можно найти также запись *0-арный, 1-арный, 2-арный, 3-арный, 4-арный, 5-арный, 10-арный*. Для цифр 1 и 2 также встречается запись на *-нарный*.

- (66) ***0-арная** редукт-функция как и раньше, может быть вызвана, если нужен начальный элемент. Вариант **2-арный** используется для, собственно, самой редукции. А **1-арный** вариант вызывается в самом конце всей работы (по завершению reduce)⁴²;*
- (67) *При возведении дома применяют **1-нарный**, 1,5-торный и 2-ной силикатный белый кирпич⁴³;*
- (68) ***2-нарный** оператор над 2-мя подчинёнными выражениями⁴⁴;*
- (69) *По этой логике 2-уровневый **3-арный** граф должен дать 9 записей⁴⁵;*
- (70) *Т. е. достаточно рассматривать её как бинарную операцию, а тернарный, **4-арный**, и т. д. её варианты однозначно следуют из неё по определению⁴⁶;*
- (71) ***5-арный** узел дерева поиска⁴⁷;*
- (72) *Справочник «Спецификации Номенклатуры» содержит 6-уровневый **10-арный** граф, имеющий 1 000 000 различных ветвей и при обходе такого графа таблица ВремТаблицаб на выходе цикла алгоритма содержит 1 000 000 записей⁴⁸.*

Л. П. Крысин [2004: 69] утверждал, что морфема *-арн-* непродуктивна для русского словообразования. Мы надеялись показать, что по крайней мере для современного русского языка это неверно.

В итоге мы обнаружили в текстах следующие не зафиксированные в словарях лексемы: *единарный/однарный, двунарный/двухнарный, трехарный/тренарный, четыренарный, пятиарный, шестиарный, восьмиарный, десятинарный, многонарный* (с русскими корнями), *биарный, кватернарный, квинарный/квинтернарный, септенарный, октоарный, нонарный, дуоденарный, сексагенарный, центенарный, дуцентенарный/дуценарный, треченарный, мультарный/мультиарный/мультинарный* (с латинскими кор-

⁴¹ 2004, <https://www.anekdot.ru/id/108645/>.

⁴² 2022, <https://habr.com/ru/post/247889/>.

⁴³ 2013, <https://papamaster.su/kakie-preimushhestva-imeet-belyj-silikatnyj-kirpich-pered-krasnym/>.

⁴⁴ 2008, <https://gamedev.ru/code/forum/?id=89219&page=5>.

⁴⁵ 2010, <https://infostart.ru/public/78285/>.

⁴⁶ 2007, <https://dxdy.ru/post79363.html>.

⁴⁷ 2018, <https://vporoshok.me/post/2018/12/search-tree/>.

⁴⁸ 2010, <https://infostart.ru/public/78285/>.

нями), *монарный/мононарный, триарный/тринарный, тетранарный, пентанарный, полиарный, полинарный* (с греческими корнями). Кроме того, ещё о нескольких словах будет сказано в следующем разделе.

7. Отступление: нулярный, арность, дуобинарный

Обратим внимание на вариативность написаний прилагательных, образованных от числительного '0'. Они, во-первых, могут образовываться от форм *нуль* или *ноль*, а во-вторых, — иметь весьма редкое для русской орфографии буквосочетание *-ба*⁴⁹.

- (73) *Получается все правильно, кроме пункта ж), в котором должно стоять «да», т. к. предикат без переменных, т. е. нулярный предикат = высказыванию, которое может принимать значение 1 или 0⁵⁰;*
- (74) *Множество вместе с бинарной, унарной и нулярной операциями⁵¹.*

Можно предполагать, что такое написание — довольно регулярное в специальной литературе (так, что иногда другие варианты даже исправляются на этот, «более правильный»: см. следующий пример) — обусловлено желанием единообразного написания суффикса.

- (75) *Не «нулярная», а «0-арная» (если в виде слова, то будет «нульарная»)⁵²;*
- (76) *Арность оператора — это количество операндов, которыми он оперирует.
Нулярный оператор имеет ноль операндов. Унарный оператор имеет один операнд. Бинарный оператор имеет два операнда. Тернарный оператор имеет три операнда⁵³.*

В предыдущем пассаже также употреблено чрезвычайно любопытное слово *арность*. Эта лексема, отсутствующая в общих словарях, по-видимому, является калькой английского *arity*. О проблемах морфемики будет сказано в следующем разделе, сейчас же лишь заметим, что такая «деморфологизация» и «деграмматикализация» (в терминах [Плунгян 2003: 90]) морфемы *-арн-* дополнительно укрепляет её позицию в словообразовательной системе русского языка. Семантически данное слово близко к термину *валентность* (например, в синтаксическом смысле).

⁴⁹ Среди слов, включённых в [РОС 2012], это сочетание встретилось только в двух: *грабьармия* и *дельтартовский* (не считая топонимов и оттопонимических образований).

⁵⁰ 2021, <https://www.cyberforum.ru/mathematical-logic-sets/thread2927713.html>.

⁵¹ 2015, <https://www.hse.ru/data/2015/01/30/1106213686/AEforAutoInvestigation.pdf>.

⁵² 2017, <http://math.hashcode.ru/questions/133818>.

⁵³ 2013, http://narana1717.ru/gallery/modern_perl_2013_ru.pdf.

Далее, насколько нам известно, до сих пор совершенно не привлекали внимания следующие контексты:

- (77) При употреблении однородных координат первая часть уравнения коннекса представляет **битернарную** форму — тернарную как по отношению к координатам точки, так и по отношению к координатам плоскости; самый коннекс может быть назван по этой причине тернарным [Васильев 1895: 2];
- (78) Амплитудные спектры данных импульсов спадают к границам полосы частот, а в случае модифицированного **дуобинарного** импульса спектр не содержит постоянной составляющей (рис. 1.7)⁵⁴.

Источником первого следует считать немецкое *biternär*, второго — английское *duobinary*. При формальном сходстве есть некоторая семантическая разница. В первом примере значение выделенного слова можно сформулировать как ‘тернарный в двух аспектах’ — в качестве аналога можно было бы придумать что-то в духе **обоюдотернарный*. Во втором примере первая морфема выделенного слова отвечает за количество элементов, подающихся на вход, а вторая — за количество элементов, выдающихся на выходе. В качестве параллели можно привести *одно-однозначное соответствие* (= биективное), реже встречается слово *много-многозначный*. Также занятно, что если количество элементов входа или выхода больше двух, то употребляется то же слово *дуобинарный* — но не просто *дуобинарный*, а *модифицированный*.

При этом у данного термина есть варианты (не соответствующие английскому источнику):

- (79) Для кодирования звука специалисты избрали необычный **двубинарный** метод, сокращенно названный «Д2». Речь идет об одном хитроумном электронном приспособлении, позволяющем вдвое сократить занимаемое сигналами место⁵⁵ (Г. Н. Вахнадзе. Всемирное телевидение, 1989);
- (80) На два входа **дубинарного** кодера СВК поступают две информационные последовательности символов⁵⁶.

8. Синхронный морфемный анализ, гаплогогические формы

Морфемное членение рассматриваемого класса слов не так тривиально, как может показаться на первый взгляд. Как видно из примеров, перед морфемой *-арн-* иногда появляется *-н-*, а иногда нет. Заслуживающими обсуждения, полагаем, являются четыре возможных варианта морфемного

⁵⁴ 2016, <https://elib.spbstu.ru/dl/2/r16-48.pdf/download/r16-48.pdf>.

⁵⁵ <https://books.google.ru/books?id=4tMMAQAIAAJ>.

⁵⁶ 2017, https://bstudy.net/975173/tehnika/svertochnye_kody.

членения: *-нарн-ый, -нар-н-ый, -н-ар-н-ый, -н-арн-ый*. Что касается первого *-н-*, то выделять его в самостоятельную морфему представляется бессмысленным, учитывая его упомянутую опциональность и отсутствие семантического наполнения (обычный суффикс прилагательного *-н-* присоединялся бы после *-арн-*). Возможные решения: 1) объявить *-н-* морфоидом, интерфиксом или «асемантической межморфемной прокладкой»; 2) при непризнании существования интерфиксов [Плунгян 2003: 98] — объявить *-н-* предметом алломорфического варьирования суффикса⁵⁷.

Что касается второго *-н-*, то в связи с ним следует рассмотреть образования типа *бинарить, бинар*. Обнаруживаются и другие слова, образованные сходным образом, например *легендарить* и *элитарить*:

- (81) Для непустого множества A пару (A, a) , такую, что $a \subseteq A^2$ называем **бинаром**⁵⁸ (Кибернетика и системный анализ, 2004);
- (82) Если используешь только то что олицетворяет объект, то **бинарить** [о магическом действии: распространяться не только на цель, но и на совершающего ритуал] не должно⁵⁹;
- (83) Не обязательно же **легендарить** всякую там алхимию или кузню...⁶⁰;
- (84) Буду **звездить** и **элитарить**⁶¹.

Мы предлагаем считать *-ар-* и *-арн-* алломорфами.

Прилагательные *бинарный* и *монарный* легко соотносимы со словами *бинокль* и *монокль* соответственно. В словах *бинокль* и *монокль* мы предпочитаем выделять корень *-окл-*, а статус первой морфемы не может быть выше префиксоида, так как эта морфема только модифицирует значение корня (мы полагаем, что считать её корнем в этих словах трудно). В словах же *бинарный* и *монарный* первая морфема не может быть ничем, кроме корня, поскольку в ней и заключается основная часть лексического значения. В [Тихонов 1996] слово *бинарный* членится так: префиксоид *би-*, корень *-нар-*, суффикс *-н-*, окончание *-ый*. Безусловно, подобное членение не выдерживает никакой критики. Мы считаем, что в словах рассматриваемой нами группы следует выделять корни *би-*, *тер-*, *кватер-* и т. д.

Сделаем отдельную ремарку относительно слов *монарный* и *нонарный*. Наличие в текстах варианта *мононарный* позволяет постулировать здесь

⁵⁷ Ср.: *Operationen können (als „uni-näre“?) schon aus einem Elemente (zuweilen oder immer) ein neues erzeugen, oder aber als „Knüpfungen“ deren zweie oder mehrere bedürfen um ein neues Element hervorzubringen („binäre“, „ternäre“ und „multi-näre“? Knüpfungen)* (1890, https://www.deutschestextarchiv.de/book/view/schroeder_logik01_1890?p=649).

⁵⁸ <https://books.google.ru/books?id=SFpJAQAIAAJ>.

⁵⁹ 2014, <https://magija-portal.ru/viewtopic.php>.

⁶⁰ 2013, https://forums.playground.ru/elder_scroll_5_skyrim/legendarnye_navyki_bessmyslitsa-782267/#comment-10812632.

⁶¹ 2015, https://vk.com/wall-963161_52.

гаплоглогию (а не просто морфы *мон-* и *нон-* соответственно + морф *-арн-*). Это тем интереснее, что И. Б. Иткин [2007: 254] справедливо заметил — в русском языке гаплоглозия не происходит на границе между приставкой и корнем. Это дополнительно подтверждает наш анализ: *монарный* тогда оказывается устроено как *розоватый* (ещё более точной, хотя и несколько экзотической аналогией, могут служить отчества *Прович*, *Провна* [Там же: 252], у которых есть вариант без гаплоглозии *Провович*, *Прововна*).

Стоит оговориться, что *-арн-* может быть не только суффиксом, но и корнем — в приведённом выше слове *арность*, — т. е. эта единица, как и *би-*, полифункциональна (имеет переменный морфемный статус).

9. Заключение

Подведём итог. Прилагательное *ординарный* после диссимилятивной утраты первого *-р-* не могло не попасть в сферу семантического влияния числительного *один*; таким образом переосмысленное слово оказалось востребовано, поскольку заполняло собою своего рода системную лауну и получило распространение, несмотря на пуристическое противодействие. Впоследствии в русский язык пришли прилагательные *бинарный*, *тернарный* и подобные; слово *ординарный* было соотнесено с ними — не только из-за общности финали, но и из-за сходно устроенной семантики.

Такое сближение нескольких гетерогенных слов дало толчок к локальному, но бурному словообразовательному процессу, в результате которого интересующий нас класс прилагательных пополнился словами с латинскими, греческими и русскими корнями.

Прилагательные, возникшие в результате своеобразной народноэтимологической аттракции, представляют интерес и для синхронного описания русской морфемики.

Источники

Абих 1845 — Отчет Комиссии, назначенной для исследования тифлиских минеральных источников / Составил Г. Абих, перевел Р. Крафт. Тифлис, 1870. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/216552>.

Алек. 1859 — И. Алек. [Рец. на:] Домашние птицы. М., 1858 // Отечественные записки. 1859. Т. СХХII. Январь. С. 54—56. URL: <https://books.google.ru/books?id=KS1jAAAAcAAJ>.

Александров 1977 — Н. М. Александров. Об употреблении слов // Современная русская лексикография: Сб. статей / Редкол.: А. М. Бабкин (отв. ред.) и др. Л., 1977. С. 203—205.

Бартевев 1915 — А. Н. Бартевев. Фауна России: Насекомые ложносетчатокрылые (Insecta Pseudoneuroptera). Т. I. Пг., 1915. URL: <https://books.google.ru/books?id=ovbQAAAAMAAJ>.

Браунер 1929 — А. Браунер. К вопросу о географической изменчивости у млекопитающих // Природа. 1929. № 1. С. 83—87. URL: <https://priroda.ras.ru/djvu/1929-01.djvu>.

Васильев 1895 — А. Васильев. Отзыв о сочинении Д. М. Синцова «Теория коннексов...» // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1895. Кн. 7—8. С. 1—10. URL: <https://books.google.ru/books?id=yiFHAQAAMAAJ>.

Вениаминов 1846 — Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка священника И. Вениаминова. СПб., 1846. URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/011440762>.

Выдрин 2016 — В. Ф. Выдрин. «Он поднялся на ногу» vs. «ему надрали уши»: употребление сингулярных и плюральных форм названий парных частей тела в бамана // Исследования по языкам Африки. Вып. 6. М., 2016. С. 22—35.

Гейнекций 1766 — Основания умственной и нравоучительной философии ... , сочиненныя Иоанномъ Готтглобомъ Гейнекциемъ ... , и съ латинскаго языка на российской переведенныя. М., 1766. URL: <https://books.google.ru/books?id=LPZkAAAAcAAJ>.

Демченко 1875 — В. Демченко. Предложения представленные съезду русских юристов в Москве // Юридический вестник. 1875. Кн. 7—9. С. 1—20. <https://books.google.ru/books?id=FAoSAAAAyAAJ>.

Дорн 1871 — Об узуфрукте по римскому праву. Сочинение Л. Дорна. Т. I. СПб., 1871. URL: <https://books.google.ru/books?id=8IYDAAAQAQAJ>.

ИКМ 1911 — Известия Кавказского музея. [За 1911]. Т. 5. Тифлис, 1911. URL: <https://books.google.ru/books?id=hPtEAAAAyAAJ>.

МРФ 1882 — Материалы для истории русского флота. Ч. 9 / [ред. Ф. Ф. Веселого]. СПб., 1882.

Намерение 1771 — Политическое намерение о комерции. Книга ... съ французскаго на российской языкъ переведена. СПб., 1771. URL: <https://books.google.ru/books?id=RSloAAAAcAAJ>.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>.

Описание 1840 — Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужского монастыря, составленное ... архимандритом Никодимом. СПб., 1840. URL: <https://books.google.ru/books?id=Gn6sDzTA8bMC&pg=PA9>.

Памятная книжка 1859 — Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. URL: <https://books.google.ru/books?id=E3FAAQAAMAAJ>.

Потанин 1864 — И. Потанин. Югозападная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. Вып. VI. 1864. С. 1—154. URL: <https://books.google.ru/books?id=Sx8FAAAAyAAJ>.

Прописки 1822 — Достопамятности в мире, или Описание существующих на земле редких произведений природы и искусства... Сочинение..., изданное Г. Прописки. Перевод с французского. Ч. I. М., 1822. <https://books.google.ru/books?id=wftkAAAAcAAJ>.

Решетников 1791 — Любопытный художник и ремесленник, или Записки ..., собранныя А. Ръшетниковымъ. URL: М., 1791. <https://books.google.ru/books?id=4thjAAAAcAAJ>.

Синцов 1894 — Д. М. Синцов. Теория коннексов в пространстве ... Казань, 1894. URL: <https://books.google.ru/books?id=3AKwIxG0sD0C>.

Современник 1854 — Иностранные известия // Современник. Т. XLIII. СПб., 1854. URL: <https://books.google.ru/books?id=NiUYAAAAyAAJ>.

Страшкевич 1863 — Прибавление II. Краткий очерк греческих древностей, составленный адъюнктом К. Страшкевичем... Продолжение // Университетские известия. 1863. № 7. С. 179—210. URL: <https://books.google.ru/books?id=shxBAQAIAAJ>.

Тахтаджян 1966 — А. Л. Тахтаджян. Система и филогения цветковых растений. М.; Л., 1966 [вып. дан. 1967].

ТС 1866 — Технический сборник. Т. II. СПб., 1866. URL: <https://hdl.handle.net/2027/нур.33433084740863>.

Файнют 1991 — М. Файнют. Послесловие к «Крутому маршруту» Е. Гинзбург // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (20-е — 80-е гг.) / Сост. и ред. Т. В. Тигонен. Л., 1991. Вып. 2. С. 67—74.

Чёрч 1960 — А. Чёрч. Введение в математическую логику / Пер. с англ. В. С. Чернявского; под ред. В. А. Успенского. М., 1960.

Шлаттер 1765 — Обстоятельное описание руднаго плавильнаго дѣла... Т. II. Сочинено Иваномъ Шлаттеромъ. СПб., 1765.

Google Books — <https://books.google.com>.

HathiTrust — <https://www.hathitrust.org>.

Krynicky 1837 — J. Krynicky. Arachnographiae Rossicae. Decas prima // Bulletin de la Société Imperiale des Naturalists de Moscou. Vol. 10. № 5. P. 73—88. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/bibliography/4951>.

Propiac 1820 — Les merveilles du monde, ou les plus beaux ouvrages de la nature et des hommes, répandus sur toute la surface de la terre ... Par M. Le Chevalier de Propiac. Paris, 1820. URL: <https://books.google.ru/books?id=PXm77zy672oC>.

Radde 1899 — G. Radde. Die Sammlungen des kaukasischen Museums Bd. I: Zoologie. Tiflis: Typographie der Kanzelei des Landescheffs, 1899. URL: <https://doi.org/10.5962/bhl.title.49456>.

С л о в а р и

Аникин III — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 3: бе — болдыхать. М., 2009.

РОС 2012 — Русский орфографический словарь. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012. URL: <https://orfo.ruslang.ru>.

СИС 1954 — Словарь иностранных слов / Ред. И. В. Лёхин, Ф. Н. Петров. 4-е изд., доп. и перераб. М., 1954.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1984—1991. Вып. 1—6; СПб., 1992—. Вып. 7—.

Тихонов 1996 — А. Н. Тихонов. Морфемно-орфографический словарь. М., 1996.

Ушаков 1938 — Одинарный // Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1938. Т. 2: Л—Ояловеть. Стб. 761. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/15/us276104.htm>.

Шанский и др. 1971 — Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971.

ЭСРЯ МГУ, 1/2 — Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 2: Б / Автор-сост. Н. М. Шанский. М., 1965.

DAF 1878 — Singulier // Dictionnaire de l'Académie française. 7e éd. T. II. Paris, 1878. P. 751. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A7S1050>.

Pfeiffer 1993 — Binär // Wolfgang Pfeifer et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Di-

gitalen Wörterbuch der deutschen Sprache, (<https://www.dwds.de/wb/etymwb/binär>), abgerufen am 15.10.2022.

TLL II — *Ma x I h m. binarius // Thesaurus linguae Latinae. Vol. II. Fasc. IX. Leipzig: Teubner, 1906. Col. 1992. URL: <https://publikationen.badw.de/en/thesaurus/lemmata#19400>.*

Л и т е р а т у р а

Иткин 2007 — И. Б. И т к и н. Русская морфонология. М.: Гнозис, 2007.

Крысин 2004 — Л. П. К р ы с и н. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. (*Studia philologica*.)

Плунгян 2003 — В. А. П л у н г я н. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Сичинава 2022 — Д. В. С и ч и н а в а. К описанию скользящей рифмовки у поэтов XX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2022. № 3 (33). С. 147—161.

Старинин 1963 — В. П. С т а р и н и н. Структура семитского слова: Прерывистые морфемы. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

Fradin 2019 — В. F r a d i n. French denumerals in *-aire* // *Word Structure*. 2019. Vol. 12, Issue 1. P. 60—93.

Sihler 1995 — А. S i h l e r. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.

Статья получена 29.10.2022

Niyaz I. Kireyev

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
nkireyev@yandex.ru

Polina V. Padalka

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ppadalka0@gmail.com

ON THE ORIGIN AND USAGE OF *ODINARNYJ*, *BINARNYJ* AND SIMILAR ADJECTIVES

In this paper long-standing discussions on the etymology of the word *odinárnyj* ‘single’ are summed up: we describe the history of the adjective, provide the earliest known textual occurrences, clarify the chronology of the folk-etymological reanalysis of the word. Initially the form *odinárnyj* emerged as a result of dissimilation within the adjective *ordinárnyj* ‘ordinary’, then it was influenced by the numeral *odin* ‘1’ and separated from the original lexeme. We discuss borrowed adjectives ending in *-árnyj* and semanti-

cally corresponding to numerals (*binárnyj* ‘binary’, *ternárnyj* ‘ternary’ and many others) and show chronological data on the usage of these words up till the beginning of the 20th century.

The second part of the paper deals with synchronic issues; it contains a list of words ending in *-(n)árny*, which semantically correspond to numerals and are built in accordance with a productive Modern Russian derivational pattern, the existence of which has earlier been denied in linguistic literature. It concerns adjectives whose first element is Greek (like *tetranárnyj* and *pentanárnyj*) or Slavic (for example, *četyr’oxnárnyj* or *p’atiárnyj*); some pseudo-Latinisms like *unárnyj* or *kvarternárnyj* are described separately. We also briefly discuss phenomena of morphemics and morphonology observed in those words and propose a tentative mechanism of the formation of this derivational pattern.

Keywords: *odinarnyj*, dissimilation, folk etymology, derivational model, colloquial derivations, haplology, overlap of morphemes

References

- Fradin, B. (2019). French denumerals in *-aire*. *Word Structure*, 1(12), 60–93.
- Itkin, I. B. (2007). *Ruskaia morfonologija*. Moscow: Gnozis.
- Krysin, L. P. (2004). *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku i sotsiolingvistike*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Plungian, V. A. (2003). *Obshchaia morfologija: Vvedenie v problematiku* (2nd ed.). Moscow: Editorial URSS.
- Sichinava, D. V. (2022). K opisaniiu skol'ziashchei rifmovki u poetov XX veka. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 3(33), 147–161.
- Sihler, A. (1995). *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Starinin, V. P. (1963). *Struktura semitskogo slova: Preryvistye morfemy*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury.

Received on October 29, 2022

С. В. КНЯЗЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

ФРАЗОВЫЙ ЗАВЕРШИТЕЛЬ В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: ФОНЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ И ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию тонального контура ответных диалогических реплик в севернорусских говорах Пинежского, Виноградовского, Мезенского, Лешуконского и Верхнетоемского районов Архангельской области на материале данных диалектных речевых корпусов и магнитофонных записей автора 1987–1999 гг. общей длительностью 47 часов. Проведенный анализ дает основания утверждать, что этот тип мелодического контура в эталонном виде (при наличии значительного числа заударных слогов в конечном во фразе акцентоносителе) имеет следующую фонетическую структуру: низкий тон, ассоциированный с ударным гласным + восходящий тон, ассоциированный с сегментом (словом), следующим непосредственно за ударным гласным + высокий тон, ассоциированный с отрезком между ударным и конечным в слове гласным + нисходящий тон, ассоциированный с конечным в слове гласным + низкий тон, ассоциированный с концом конечного в слове и фразе гласного. При реализации контура на одном (последнем во фразе) слоге может наблюдаться его компрессия: сокращение (вплоть до полного отсутствия) продолжительности отрезка с ровным высоким тоном и фрагмента с конечным понижением тона. При этом в исследованных архангельских говорах не существует запрета на ассоциацию трех тональных целей с одним слогом, поэтому усечение контура отсутствует. В качестве фонологической интерпретации предлагается структура $L^* H- L\%$ (тональный акцент — низкий тон, фразовый тон — высокий, пограничный тон — низкий).

Ключевые слова: севернорусские говоры, фонетика, интонация, тональный акцент, фразовый тон, пограничный тон.

1. Введение

Одной из особенностей просодического оформления высказываний с семантикой завершенности в севернорусских говорах является широкое распространение в них мелодического контура, содержащего восходящее движение тона на ударном или заударном слогах последнего слова во фразе. Чаще всего такая интонация отмечается в ответных диалогических репликах, преимущественно однословных. По материалам своих экспедиций 20-х годов прошлого века этот «фразовый завершитель» в пинежских говорах описал П. С. Куз-

нецов: «Конечный слог перед паузой, независимо от того, ударный он или не ударный, заметно протягивается... Этот конечный слог обычно имеет отлого-восходящую интонацию с крутым падением в конце» [Кузнецов 1949: 13–14].

Л. В. Щигель, исследовавшая, к сожалению, не названные «говоры разных районов Вологодской и Архангельской областей» [Щигель 1985: 102], указывает, что в ее работе «помимо предложений с вопросительным словом и без него изучались и ответы на вопрос. Критерием отбора подобных ответов в качестве объекта изучения являлась их краткость, они состоят из одного-двух слов и представляют собой одну синтагму. По строению мелодического контура эти ответы разбиваются на две группы, одна из которых объединяет примеры интонации завершения по типу ИК-1 в литературном языке, для другой группы примеров характерно повышение тона на постцентральной части, причем уровень тона в центре несколько ниже уровня тона предцентральной части. Эта группа мелодических контуров соответствует ИК-4 литературного языка» [Там же: 109]. Анализ этих примеров приводит автора к выводу, что существует «характерная особенность интонации архангельских говоров по сравнению с вологодскими и с литературным языком — возможность оформления конца предложения (вопроса и не вопроса) резким повышением тона или повышением с последующим понижением на последнем гласном предложения при значительном его удлинении» [Там же: 111].

Р. Ф. Пауфошима отмечает, что в севернорусских говорах, наряду с другими, широко распространен «мелодический контур, выступающий также в функции завершения, а именно, восходящий, с сильным подъемом тона в постцентральной части высказывания... после чего может следовать падение тона», но указывает, что такая интонация, которая «по своим характеристикам напоминает реализации ИК-4», отмечена во всех севернорусских говорах, т. е. «она свойственна и вологодским, и кировским, и пермским, и архангельским говорам» [Пауфошима 1989: 58–59, 61].

В [Князев и др. 1997: 201–202] на материале верхнепинежских говоров этот фразовый завершитель описывается как восходящий акцент, там же высказывается гипотеза о его варьировании в зависимости от места ударения в последнем слове фразы, т. е. от наличия или отсутствия заударных слогов; в [Князев 2022в; 2022г] на том же материале он интерпретируется как восходящий акцент с поздним таймингом. Однако накопленные к настоящему времени данные других архангельских говоров позволяют предположить, что реальная структура этого мелодического контура сложнее, чем предполагалось ранее. Настоящая статья посвящена вопросу о фонетической реализации и фонологической интерпретации фразового завершителя в говорах Архангельской области.

2. Материал

Основным материалом исследования служили наши магнитофонные записи пяти архангельских говоров:

- 1) д. Сельцо Виноградовского района (запись С. В. Князева, 1989 г., 300 мин. звучания);
- 2) д. Веегора (и окрестных деревень¹) Пинежского района (запись С. В. Князева и С. К. Пожарицкой 1999 г.; В. Голубевой и С. Саркисянц 1986 г., всего 680 мин.);
- 3) дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района в верховьях Пинеги (запись С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, 1987 и 1990 гг., 540 мин.) [Князев 2021а];
- 4) д. Кеба Лешуконского района (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1986 г., 380 мин.) [Князев 2022б];
- 5) д. Мосеево (и окрестных деревень²) Мезенского района в среднем течении притока Мезени Пёзы (запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1989 г., 460 мин.) [Князев 2022в].

В качестве дополнительного материала были использованы записи Р. Ф. Касаткиной из д. Ваймуша Пинежского района (1966 г.) и С. К. Пожарицкой из д. Занюхча Пинежского района (1984 г.) и д. Тимошино Верхнетоемского района (1997 г.). Общее число исследованных случаев — 926.

В соответствии с классификацией, предложенной О. Г. Гецовой, эти говоры относятся к зонам 4 и 7 архангельских говоров: северо-восточной «в широком варианте» (Лешуконский, Мезенский, Пинежский районы) и к зоне среднего течения р. Северной Двины (Виноградовский и Верхнетоемский районы) [Гецова 1997: 150].

3. Результаты

Ниже — в соответствии с гипотезой о зависимости реализации исследуемого контура от наличия или отсутствия заакцентных слогов — приводятся примеры реализации мелодического контура фразового завершителя на акцентоносителях трех типов:

- 3.1 со словесным ударением на последнем слоге во фразе;
- 3.2 с ударением на предпоследнем слоге;
- 3.3 с ударением на третьем от конца слоге и ранее.

3.1. Ударение на последнем слоге

Примеры фразового завершителя, реализованного на конечных во фразе словах с последним ударным гласным, приведены на рис. 1–12. Анализ структуры мелодического контура в этой позиции свидетельствует о том, что:

¹ Вальтево, Водогора, Кусогора, Матвера, Шаста, Шеймогора.

² Калино, Баковская, Езевец.

- длительность конечного во фразе ударного гласного составляет от 180 до 460 мс, что существенно превышает среднюю длительность гласного под ударением в этих говорах (97 мс);
- во всех примерах, кроме последнего, где тональные изменения происходят в высоком регистре (рис. 12), тон в начале ударного слога ровный низкий (L*), в большинстве случаев он сохраняется приблизительно до середины гласного (исключения — рис. 3, 5, 10);
- после начального отрезка с ровным низким тоном происходит повышение частоты основного тона (далее — ЧОТ) до высокого уровня (Н⁻³), завершающееся до окончания ударного слога (исключение — рис. 1);
- после достижения высшей точки ЧОТ возможны три стратегии:
 - 1) высказывание завершается высоким тоном (рис. 1, 2)⁴;
 - 2) начинается понижение тона, которое достигает (рис. 7–12) или не достигает (рис. 3–6) минимума (низкого пограничного тона, L⁰%);
 - 3) перед понижением имеется относительно продолжительный участок (от 54 до 111 мс) ровного высокого тона (Н-Н⁻⁵, рис. 6, 8–12), наличие которого тем более вероятно, чем больше длительность гласного акцентоносителя.

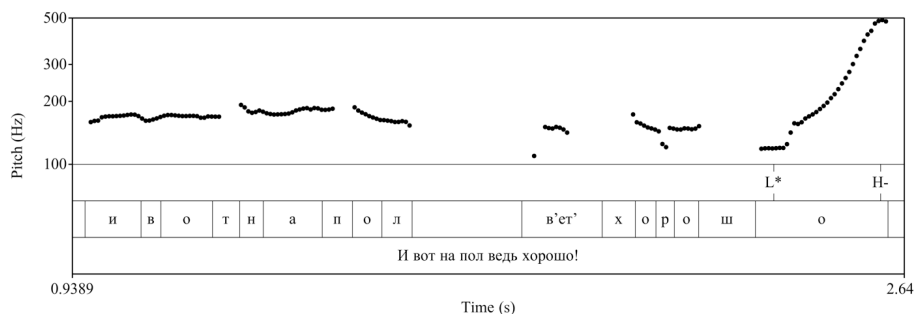

Рис. 1. Интонограмма фразы *И вот на пол ведь хорошо!!*
д. Ваймуша

³ Или до сверхвысокого, если повышение начинается с высокого, см. рис. 12.

⁴ В этом случае знак Н- (высокий фразовый тон) использован условно, с формальной точки зрения нет оснований только на материале этих примеров определить, является ли высокий тон фразовым или пограничным, однако с учетом других примеров это решение представляется, на наш взгляд, более убедительным (см. подробнее п. 4.3 ниже).

⁵ В этом случае для удобства восприятия знаком Н- маркируется и начало, и конец отрезка с ровным высоким тоном; эта нотация не означает, конечно, наличия двух фразовых тонов.

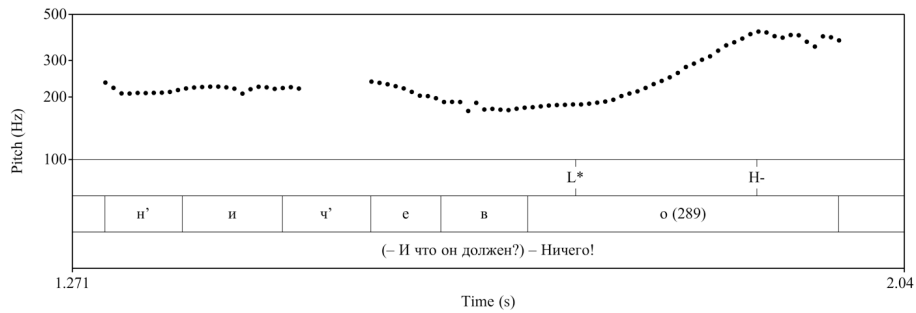

Рис. 2. Интонограмма фразы (— И что он должен?) — Ничего!
д. Мосеево

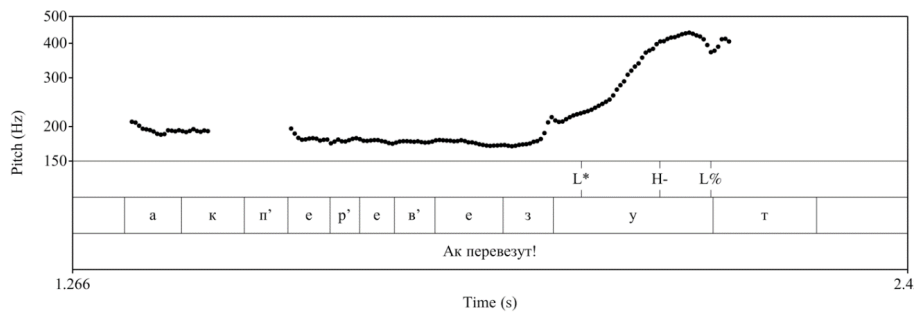

Рис. 3. Интонограмма фразы Ак перевезут!
д. Занюхча

Рис. 4. Интонограмма фразы (Елены Мартыновны) один дом стоит!
д. Мосеево

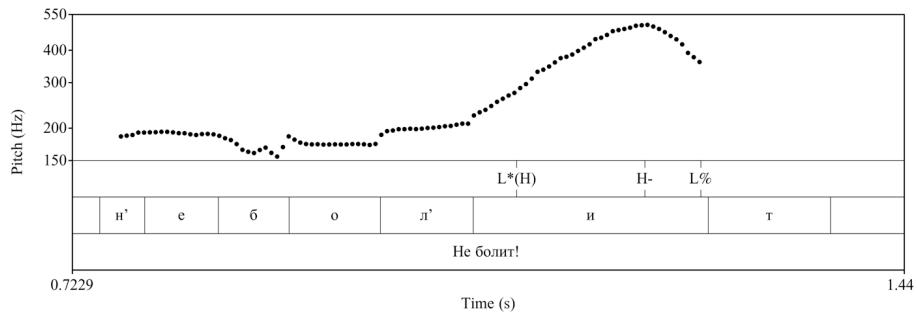

Рис. 5. Интонограмма фразы *Не болит!*
д. Занюхча

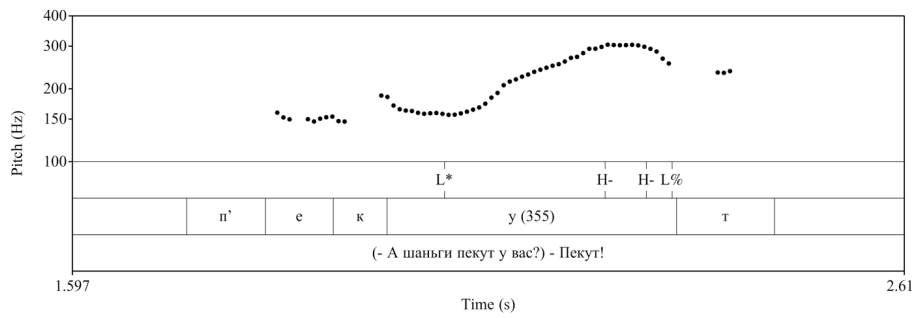

Рис. 6. Интонограмма фразы *(— А шаньги пекут у вас?) — Пекут!*
д. Вадюга

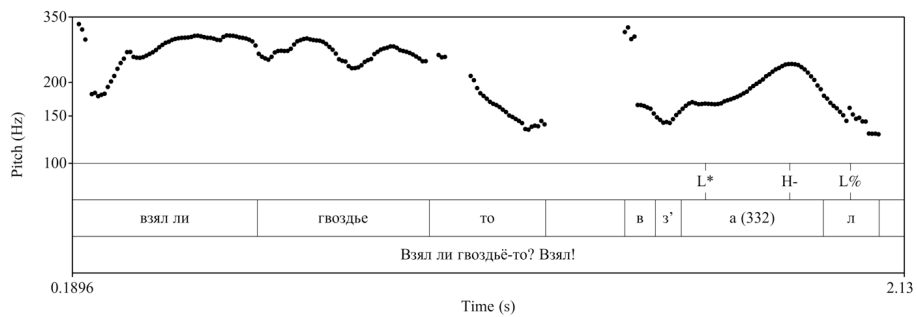

Рис. 7. Интонограмма высказывания *Взял ли гвоздь-то? Взял!*
д. Кеба

Рис. 8. Интонограмма фразы *Точила-то надо вертеть!*
д. Веегора

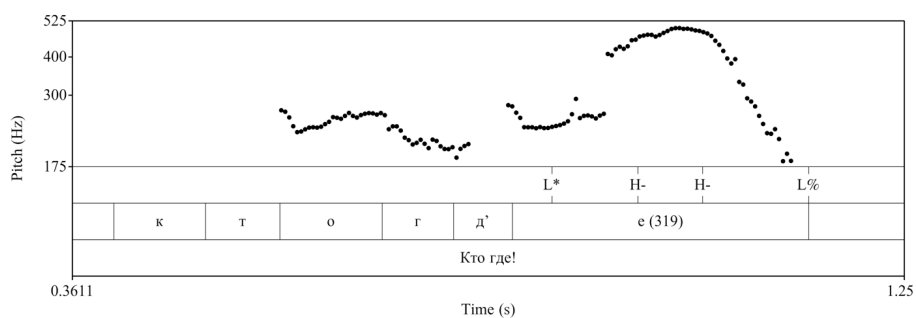

Рис. 9. Интонограмма фразы *Кто где!*
д. Веегора

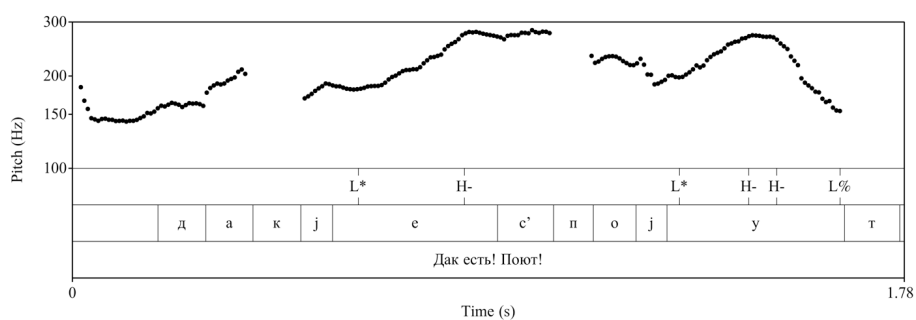

Рис. 10. Интонограмма высказывания *Да, есть! Поют!*
д. Вадюга

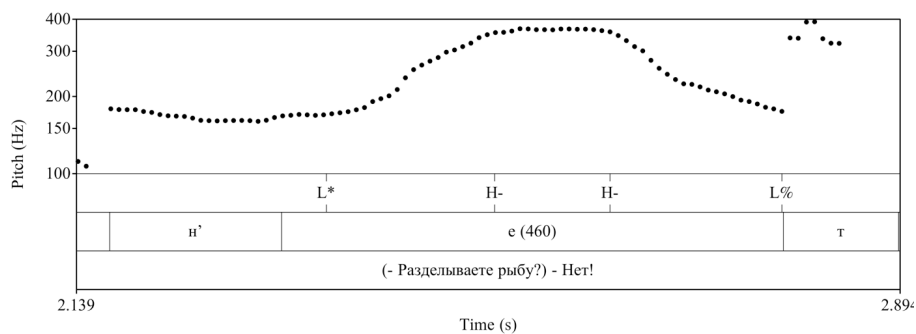

Рис. 11. Интонограмма фразы (— Разделяете рыбу?) — Нет!
д. Вадюга

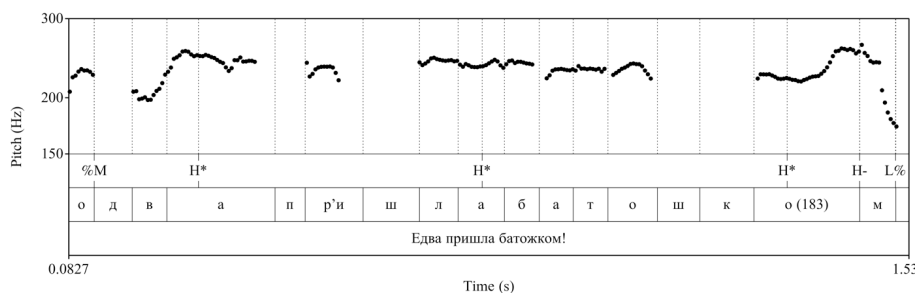

Рис. 12. Интонограмма фразы *Едва пришла батожком!*
д. Вадюга

3.2. Ударение на предпоследнем слоге

Примеры фразового завершителя, реализованного на двух конечных во фразе слогах с предпоследним ударным гласным, приведены на рис. 13–29. Анализ структуры мелодического контура в этой позиции позволяет утверждать, что

- длительность конечного гласного составляет от 160 до 270 мс, что значительно превышает среднюю продолжительность неконечного ударного гласного (97 мс), но при этом существенно меньше длительности конечного ударного (180–460 мс);
- интенсивность конечного безударного гласного превышает интенсивность неконечного ударного (рис. 16)⁶;
- в исключительных случаях тональная структура на ударном гласном совпадает с той, что была отмечена в предыдущем разделе (тон в начале ударного слога ровный низкий, затем происходит повыше-

⁶ Подробнее о распределении интенсивности во фразе в верхнепинежских говорах см. [Князев и др. 1997].

ние, см. рис. 13–15), в подавляющем же большинстве примеров ровный низкий тон (L^*) фиксируется на всем протяжении ударного гласного (рис. 16–27);

- после отрезка с ровным низким тоном происходит повышение ЧОТ до высокого H^- (в случае H^* — до более высокого уровня по сравнению с уровнем самого тонального акцента), завершающееся обычно до начала заударного гласного (т. е. повышение это осуществляется обычно на согласном в инициали заударного слога);
- после достижения высшей точки ЧОТ образуется продолжительный участок (плато, от 60 до 135 мс) ровного высокого тона ($H-H^-$, исключения — рис. 16, 29, в последнем случае — не в конце высказывания), длительность которого коррелирует с продолжительностью заударного гласного;
- после чего, обычно в середине конечного гласного, начинается понижение тона, которое в большинстве исследованных примеров достигает минимума (низкого пограничного тона, L^0); исключения наблюдаются преимущественно в случае небольшой длительности гласного (рис. 22, 27).

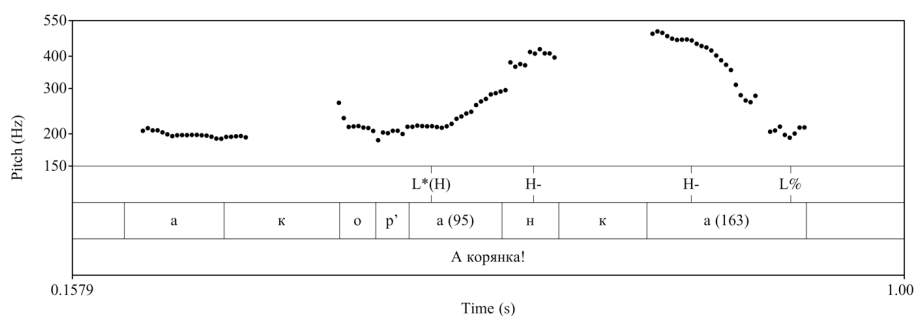

Рис. 13. Интонограмма фразы *А корянка!*
д. Мосеево

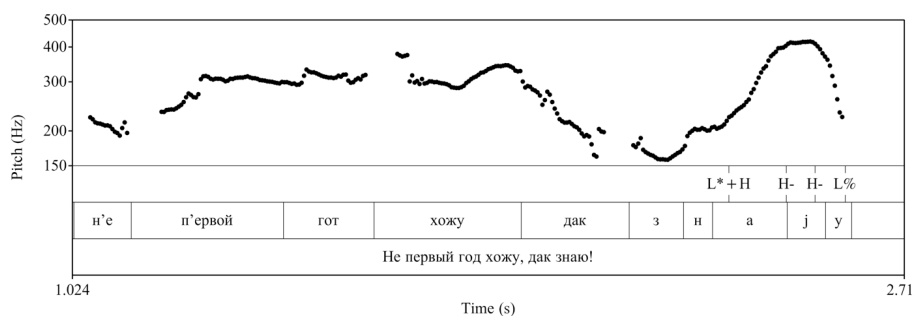

Рис. 14. Интонограмма фразы *Не первый год хожу, дак знаю!*
д. Занюхча

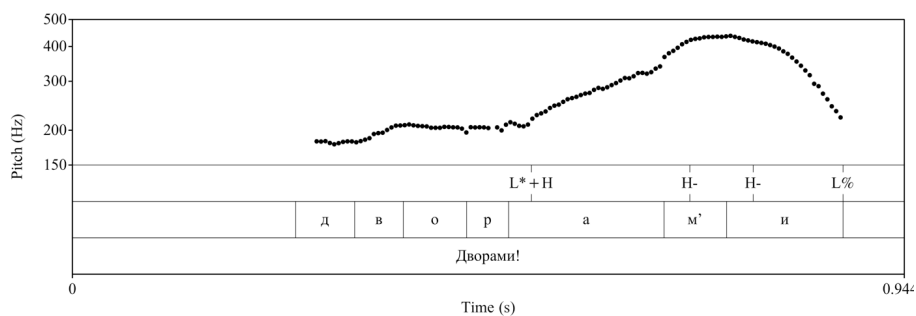

Рис. 15. Интонограмма фразы *Дворами!*
д. Занюхча

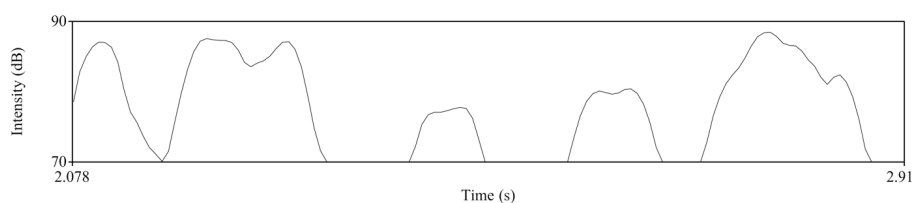
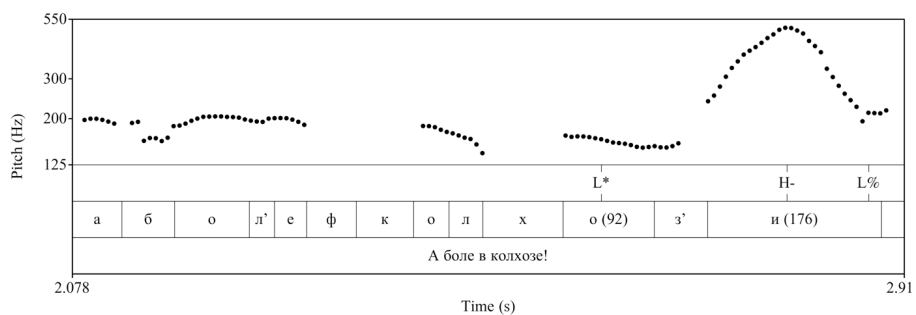

Рис. 16. Интонограмма (вверху) и огибающая интенсивности (внизу) фразы
(— *А Вы только в лесопункте работали?*) — *А боле в колхозе!*
д. Кеба

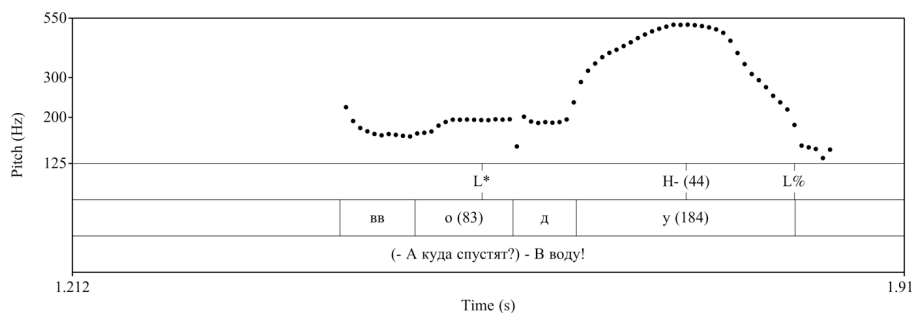

Рис. 17. Интонограмма фразы (— *А куда спустят?*) — *В воду!*
д. Кеба

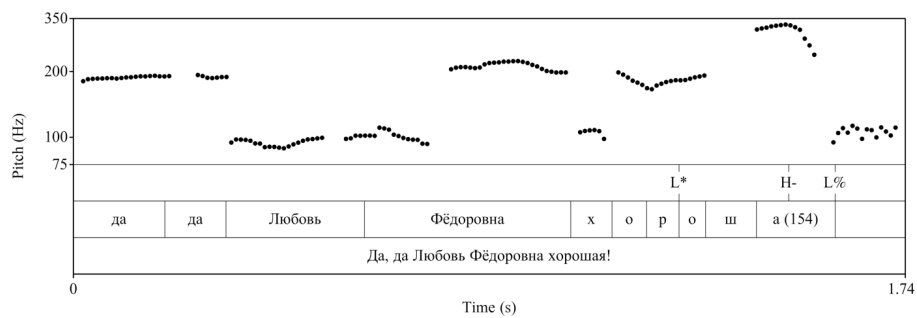

Рис. 18. Интонограмма фразы *Да, да Любовь Фёдоровна хорошая!*
д. Сельцо

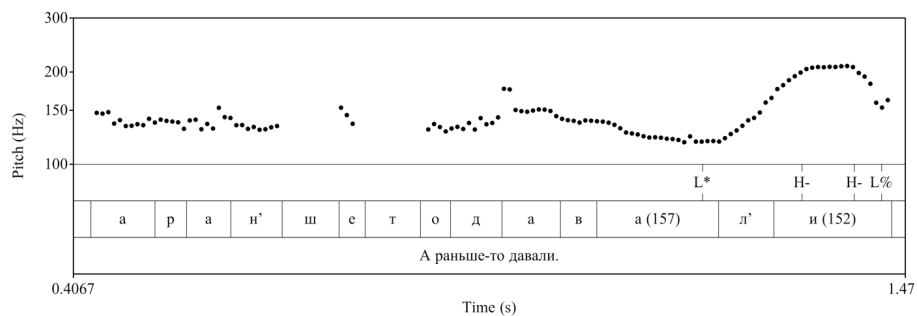

Рис. 19. Интонограмма фразы *А раньше-то давали.*
д. Сельцо

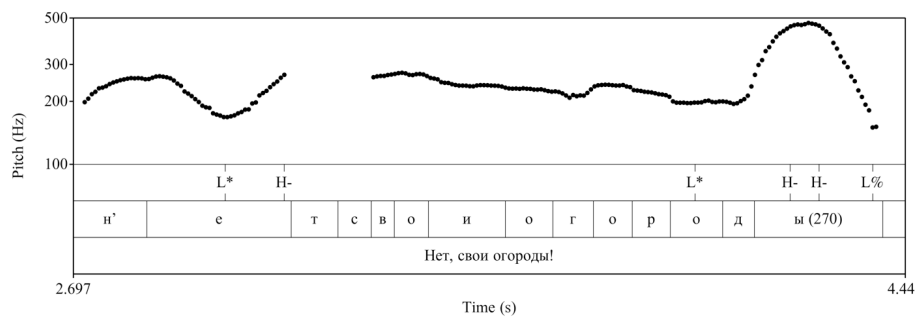

Рис. 20. Интонограмма высказывания *Нет, свои огороды!*
д. Сельцо

Рис. 21. Интонограмма фразы *На работу-то ведь ходили в пришивных голяшках!*
д. Мосеево

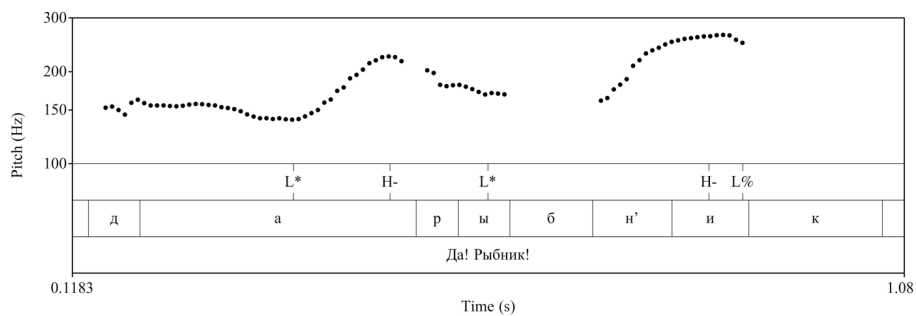

Рис. 22. Интонограмма фразы *Да! Рыбник!*
д. Вадюга

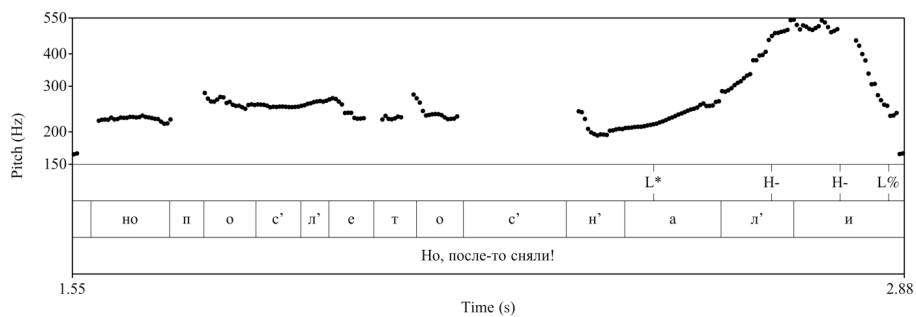

Рис. 23. Интонограмма фразы *Но, после-то сняли!*
д. Веегора

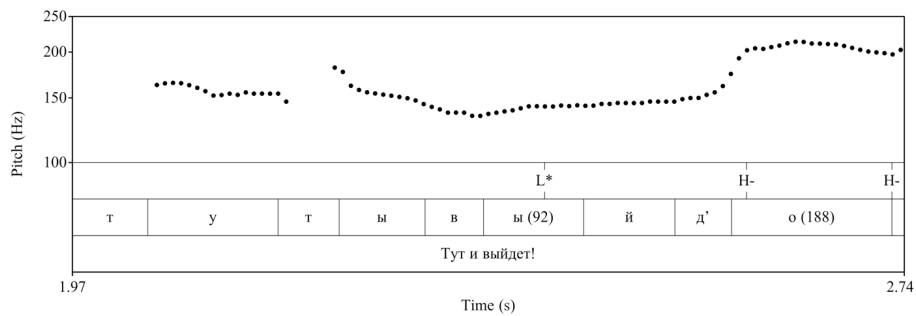

Рис. 24. Интонограмма фразы *Тут и выйдет!*
д. Ваймуша

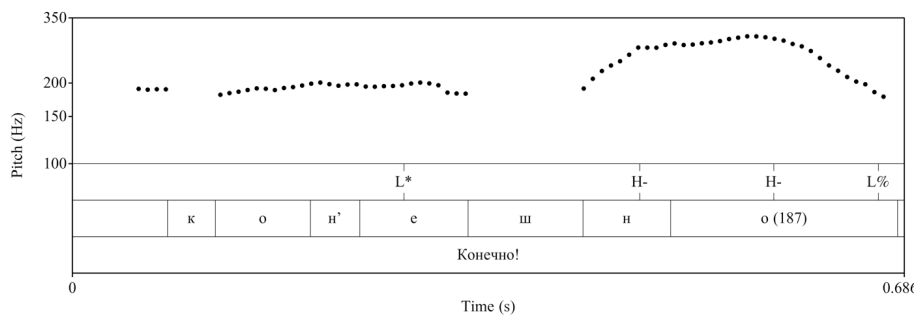

Рис. 25. Интонограмма фразы *Конечно!*
д. Вадюга

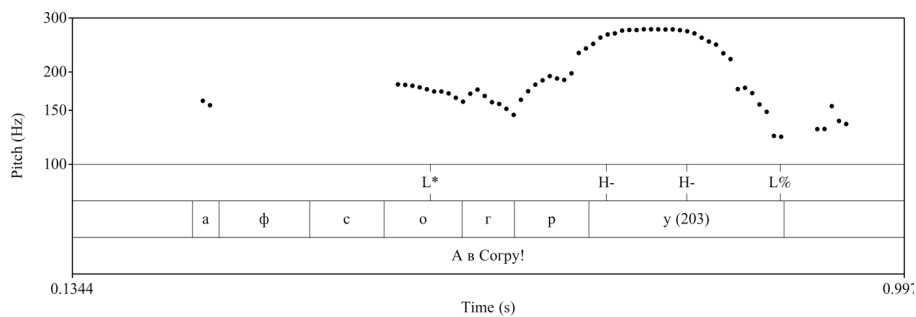

Рис. 26. Интонограмма фразы *А в Согу!*
д. Вадюга

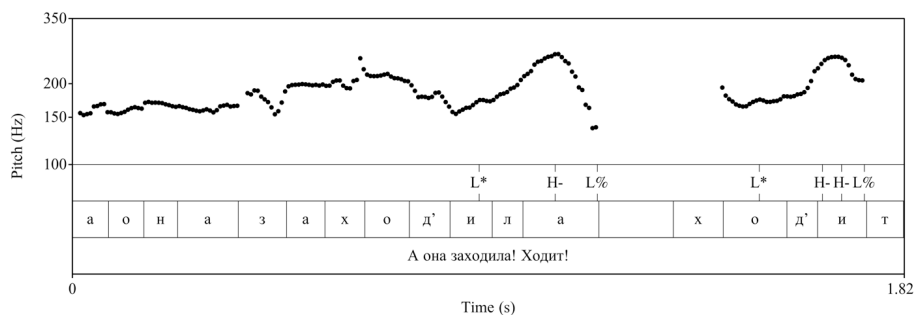

Рис. 27. Интонограмма высказывания *А она заходила! Ходит!*
д. Веегора

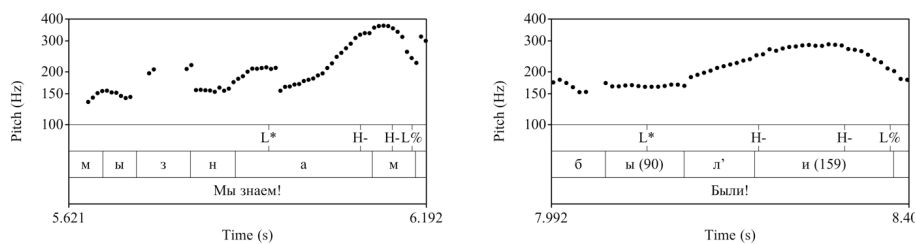

Рис. 28. Интонограмма высказывания *Мы знаем! Были!*
д. Занюхча

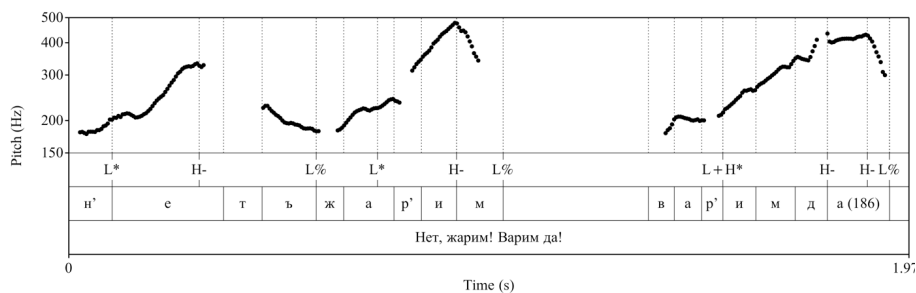

Рис. 29. Интонограмма фразы *Нет, жарим! Варим да!*
д. Занюхча

3.3. Ударение на третьем от конца слоге и ранее

Примеры фразового завершителя, реализованного на большем числе конечных во фразе слогов с ударением на третьем от конца слоге и ранее, приведены на рис. 30–37. Эти примеры в исследованных текстах являются самыми редкими (менее 20 % всех случаев). Мелодический контур в данной позиции имеет следующую структуру:

- наибольшая длительность фиксируется на конечном во фразе гласном (до 227 мс, что несколько меньше длительности конечного гласного в остальных примерах);
- в исключительных случаях тональная структура на ударном гласном совпадает с той, что была описана в разделе 3.1 (тон в начале ударного слога ровный низкий, затем происходит повышение, см. рис. 30), в подавляющем же большинстве примеров ровный низкий тон (L*) фиксируется на всем протяжении ударного гласного (рис. 31–36);
- после отрезка с ровным низким тоном происходит повышение ЧОТ до высокого Н- (фонетически — сверхвысокого в случае Н*), завершающееся обычно до начала предпоследнего гласного (исключение — рис. 36);
- после достижения высшей точки ЧОТ всегда образуется продолжительный (до 450 мс) участок ровного высокого тона (Н-Н-), длительность которого зависит от продолжительности заударного фрагмента;
- после чего в середине конечного гласного, его начале или даже в начале согласного в инициали конечного слога начинается понижение тона, которое достигает минимума (низкого пограничного тона, L%) в конце последнего во фразе гласного.

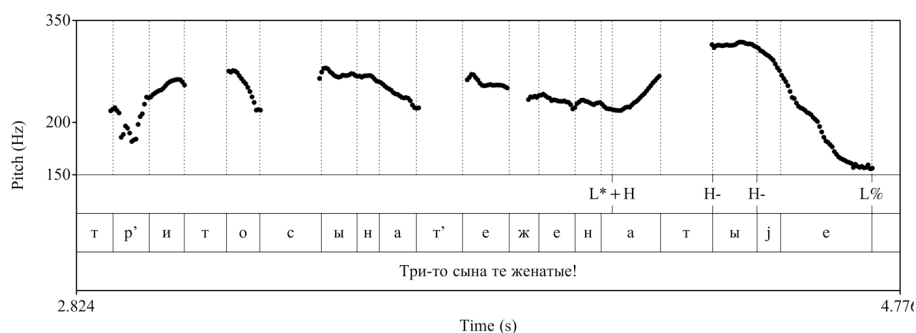

Рис. 30. Интонограмма высказывания *Три-то сына те женатые!* д. Тимошино

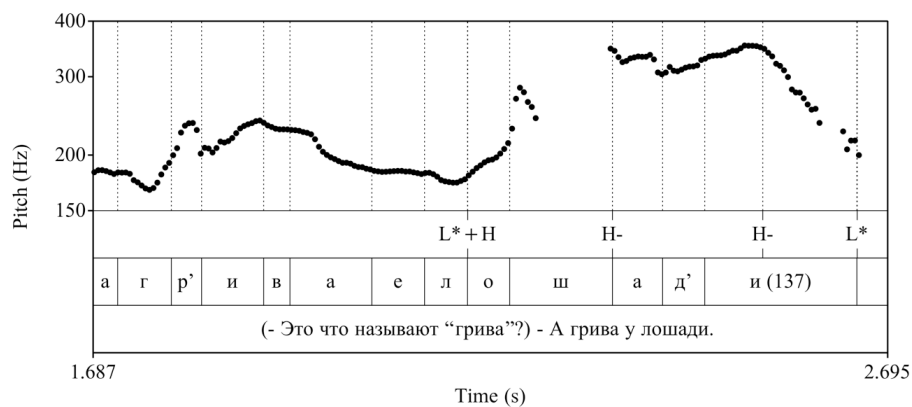

Рис. 31. Интонограмма фразы
 (— Это что называют «грива»?) — А грива у лошади.
 д. Мосеево

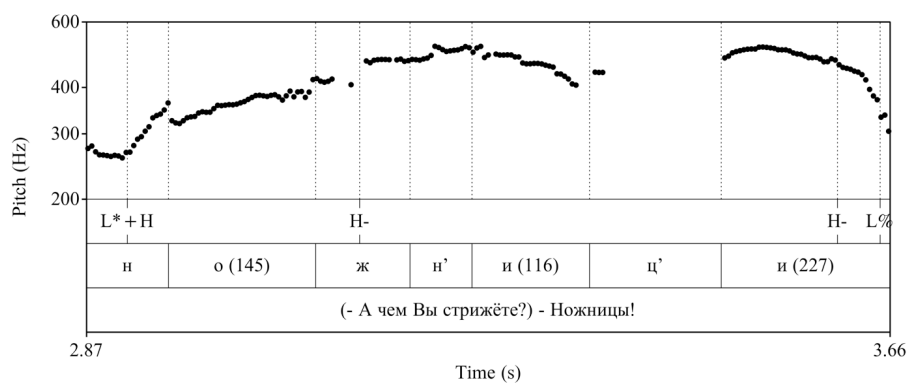

Рис. 32. Интонограмма фразы (— А чем Вы стрижёте?) — Ножницы!
 д. Кеба

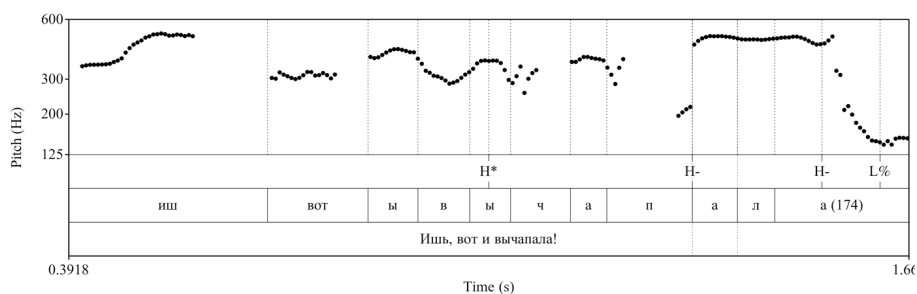

Рис. 33. Интонограмма фразы *Ишь, вот и вычапала!*
 д. Кеба

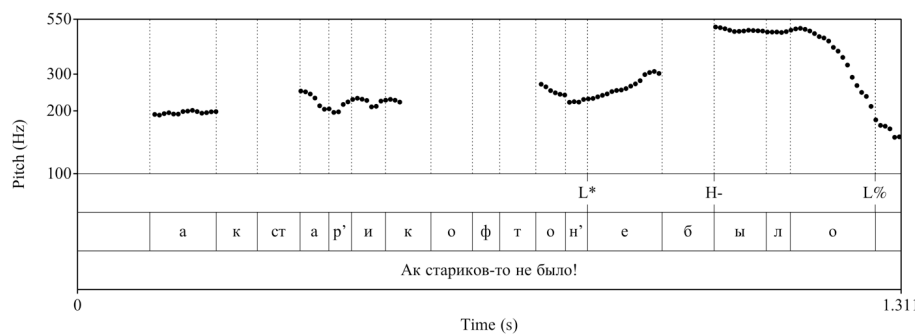

Рис. 34. Интонограмма фразы *Ак стариков-то не было!*
д. Веёгора

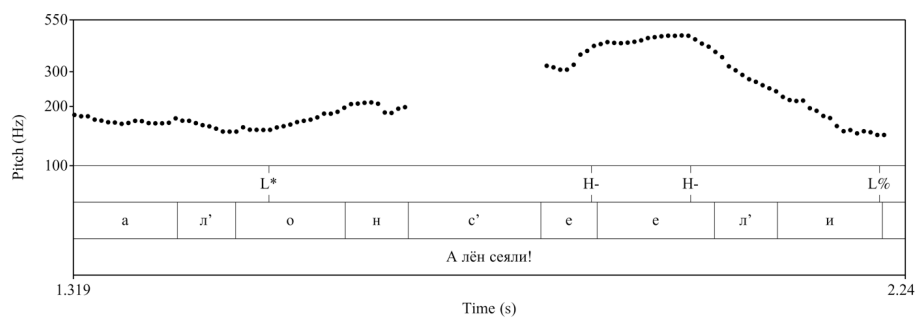

Рис. 35. Интонограмма фразы *А лён сеяли!*
д. Веёгора

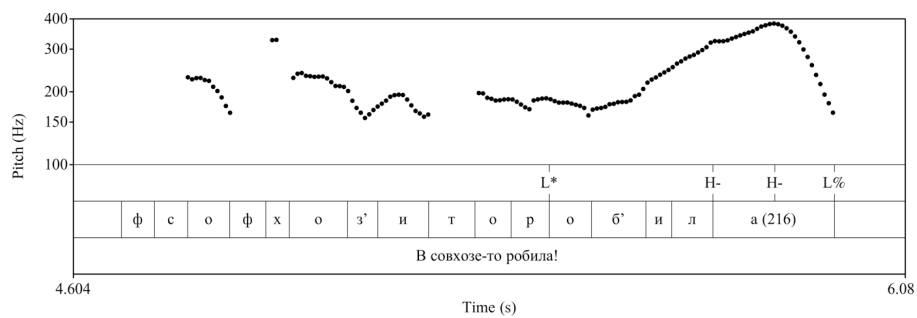

Рис. 36. Интонограмма фразы *В совхозе-то робила!*
д. Мосеево

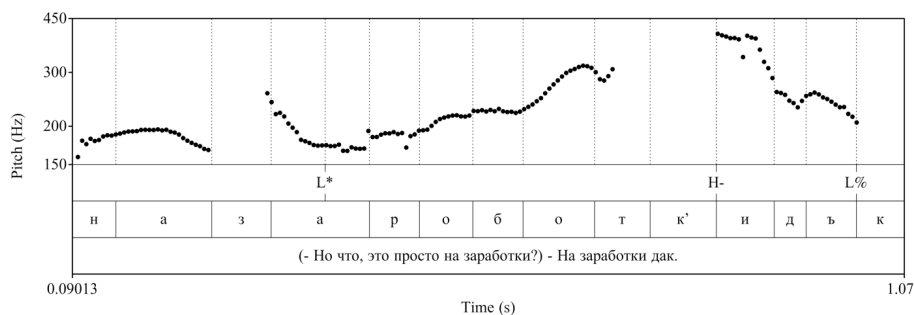

Рис. 37. Интонограмма фразы
 (— Но что, это просто на заработки?) — На заработки дак.
 д. Мосеево

3.4. Выводы

На основании приведенных данных со значительной долей уверенности можно сформулировать вывод, что рассмотренный выше тип мелодического контура в идеальном случае, т. е. при наличии значительного числа заударных слогов в конечном во фразе акцентоносителя, имеет следующую структуру:

- 1) низкий тон, ассоциированный с ударным гласным;
- 2) (восходящий тон, ассоциированный с сегментом (слогом), следующим непосредственно за ударным гласным)⁷;
- 3) высокий тон, ассоциированный с отрезком между ударным и конечным в слове гласным;
- 4) (нисходящий тон, ассоциированный с конечным в слове гласным);
- 5) низкий тон, ассоциированный с концом конечного в слове и фразе гласного.

В тех случаях, когда заударных слогов меньше двух (один или ни одного), длительность конечного слога во фразе значительно увеличивается вследствие необходимости реализовать сложное тональное движение, но даже и с учетом этого удлинения контур может подвергаться существенной адаптации:

- при наличии одного заударного слога сокращается (в редких экстремальных случаях — до нуля) продолжительность отрезка с ровным высоким тоном и отрезка с конечным понижением тона, восходящий тон может частично реализовываться на ударном (предпоследнем во фразе) гласном;
- в случае отсутствия заударных слогов сокращается (часто до нуля) продолжительность отрезка с ровным высоким тоном и (в экстремальных случаях — до нуля) отрезка с конечным понижением тона.

⁷ В скобках приводятся тональные движения, без скобок — тональные цели.

4. Фонологическая интерпретация

4.1. Фонологическая структура фразового завершителя

Некоторые исследователи указывают на сходство описанного выше мелодического контура с ИК-4 литературного русского языка [Щигель 1985: 109; Пауфошима 1989: 59]. Однако наши данные свидетельствуют о том, что при всем наблюдаемом сходстве (низкий тон на ударном гласном акцентоносителя и восходящий после него) структура фразового завершителя в архангельских говорах сложнее структуры ИК-4, т. к. включает в себя (после повышения ЧОТ в постацентной части) еще ровный высокий тон с последующим падением до низкого. В рамках интонационной модели Е. А. Брызгуновой адекватное описание этого контура представляется затруднительным, поскольку в системе ИК постацентная (как и преацентная) части ИК выступают в нерасчлененном виде, т. е. фиксируется лишь одно значение (низкий/высокий тон) как в постцентральной, так и в прецентральной части высказывания. В других просодических описаниях тональные явления в заацентной части высказывания могут быть охарактеризованы более подробно и, следовательно, более точно.

В интонационной модели шведского языка, предложенной Й. Брюсом [Bruce 1977; 1982], мелодический контур рассматривается как последовательность независимых тональных целей, связанных с разными отрезками высказывания: каждое слово ассоциировано со словесным акцентом, а каждая фраза — с фразовым тоном. Словесные акценты реализуются на ударном слоге фонетического слова, а фразовые тоны характеризуют фрагменты между лексическим тональным акцентом и пограничным тоном в конце фразы.

В наиболее широко распространенной в настоящее время автосегментно-метрической системе описания фразовой просодии [Pierrehumbert 1980; Beckman, Hirschberg 1994], в значительной степени основанной на модели Й. Брюса, фразовые тоны могут использоваться для характеристики фрагмента тонального контура после последней тональной цели (ядерного тонального акцента), т. е. начальной части постъядерного тонального «хвоста» (tail) [Beckman et al. 2005: 15].

Таким образом, в модели Дж. Пьерхамберт [1980] мелодический контур состоит из

- тональных акцентов (pitch accents, L*, H*⁸) и
- двух типов «краевых тонов» (edge tones):
 - собственно пограничных (boundary tones L%, H%), ассоциированных только с концом фразы (intonational phrase), и
 - фразовых (phrase accents L-, H-), ассоциированных как с концом синтагмы (intermediate phrase), так и с отрезком между ядерным тональным акцентом во фразе и пограничным тоном, т. е. «хвостом» мелодического контура [Beckman et al. 2005: 17].

⁸ Здесь перечислены только базовые значения, их комбинации могут задавать сложные тональные конфигурации, см. ниже.

В конкретных описаниях просодических систем термин ‘phrase accent’ может использоваться либо в обоих этих значениях, либо только в одном (первом, тон в конце синтагмы). В этом последнем случае все явления, наблюдаемые на отрезке после ядерного тонального акцента, характеризуются как пограничные тоны. Так, в описании английского языка граничные тоны подразделяются на 1) фразовые L- и H-, маркирующие концы синтагм, 2) конечные пограничные L% и H%, маркирующие концы фраз, и 3) начальный пограничный %H [Ibid.: 24]. Однако при наличии значительного разнообразия заакцентных конфигураций здесь приходится вводить большое количество пограничных тонов: например, в каталанском их выделяется восемь [Aguilar et al. 2009–2011], а в корейском — девять: L% (низкий), H% (высокий), LH% (восходящий), HL% (нисходящий), LHL% (восходяще-нисходящий), HLH% (нисходяще-восходящий), LHLH% (восходящий-нисходящий-восходящий) и даже LHLHL% (восходящий-нисходящий-восходящий-нисходящий) [Jun 2005: 216–217]. С учетом того, что пограничный тон в общем случае ассоциируется с конечным слогом фразы, такое решение выглядит достаточно спорным.

Один из способов сократить это число предложен в работе [Grice et al. 2005a], где на материале немецкого языка предлагается упростить нотацию для краевых тональных явлений, чтобы сделать ее фонетически более прозрачной. Так, в случае совпадения тонального уровня на границах синтагм и фраз транскрибируется только конечный пограничный тон: H-% вместо H-L% и L-% вместо L-L% [Ibid.: 68].

Другая возможность заключается в том, чтобы описывать сложный «хвост» мелодического контура путем комбинации значений фразового и пограничного тонов. Такое решение использовано, например, в описании греческой фразовой просодии, предложенном А. Арванити и М. Балтазани: “There are three types of phrase accent in Greek, H-, L- and !H-... Greek has three types of boundary tone, H%, L% and !H%... The three boundary tones combine with the phrase accents in eight different configurations that appear to have specific pragmatic functions... The H-L% configuration is used in yes-no questions, in which the nuclear accent is invariably L*. The H- accent in this case shows two distinct patterns of alignment, depending on the position of the nucleus... Specifically, if the nucleus of the question is *not* on the final word of the utterance, the H-aligns with the stressed syllable of the final word. If the nucleus is on the final word, the H- and L% are realized at the right edge of the utterance”⁹ [Arvaniti, Baltazani 2005: 94–96].

⁹ «В греческом языке представлены три типа фразовых тонов (H-, L- и !H-)... и три типа конечных пограничных тонов (H%, L% и !H%), их комбинации дают восемь возможных тональных конфигураций, связанных, по-видимому, с особыми прагматическими функциями... Конфигурация H-L% используется в общих вопросах, в которых тональным акцентом всегда служит L*. Фразовый H- в этом случае может по-разному ассоциироваться с сегментной последовательностью в зависимости от позиции ядра... Так, если выделенное тональным акцентом слово не яв-

Как представляется, есть основания считать именно это последнее решение наиболее оптимальным для описания фразового завершителя в архангельских говорах¹⁰:

- повышение тона осуществляется сразу после тонального акцента (ударного гласного), в отличие, например, от (L*) Н% литературного русского языка в ИК-4, где место этого повышения может быть совершенно разным — от первого заударного до конечного во фразе слога [Князев, Савельева 2021];
- высокий тон в заакцентной части контура реализуется как продолжительное плато и в наиболее благоприятных условиях распространяется на все заударные слоги, кроме (последней части) конечного;
- в случае значительного числа заакцентных слогов на последнем слоге фразы реализуется только нисходящее движение тона, т. е. пограничный тон в его идеальном выражении;
- в севернорусских говорах фонологически противопоставлены два пограничных тона Н% и L% (первый из которых фонетически может быть реализован как !Н%) [Князев 2021б], вводить в описание еще один пограничный тон, причем в силу его сложности принципиально отличающийся от двух простых, не кажется разумным;
- ровный высокий тон является одной из ярких типологических особенностей севернорусских говоров [Князев 2022в], есть все основания полагать, что он должен фиксироваться как отдельная тональная цель.

Таким образом, мы считаем, что фонологически мелодический контур фразового завершителя в архангельских говорах представляет собой структуру **L* Н- L%**.

4.2. Замечание о семантике контура L* Н- L%

На слух носителя литературного языка описанный тип просодического оформления высказывания представляется ненейтральным, поэтому в большинстве приведенных в статье реплик используется восклицательный знак. О том же свидетельствуют и данные интонационной типологии: в самых разных языках этот (или максимально сходный с ним) контур используется преимущественно как ненейтральный:

- немецкий язык, L*+Н L-%: контрастивное утверждение, самоочевидность, сарказм [Grice et al. 2005a: 71];
- японский, НL%: настойчивость (в речи представителей младшего поколения) [Venditti 2005: 182];

ляется последним в высказывании, Н- ассоциируется с ударным слогом последнего слова; если же ядерный акцент реализован на последнем слове, Н- и L% реализуются на его заударной части».

¹⁰ Примечательно, что и в других аспектах севернорусская интонация весьма сходна с греческой [Князев 2022г].

- корейский, LHL%: настойчивое убеждение, раздражение [Jun 2005: 216];
- кантонский диалект китайского, HL%: неожиданность [Wai et al. 2005: 296];
- каталанский, HL%: самоочевидность [Aguilar et al. 2009–2011].

Тем не менее имеется и существенный аргумент против этой точки зрения. Альтернативным вариантом оформления ответных диалогических реплик в исследованных говорах является контур, не содержащий восходящего тона [Князев, Пронина 2021]; по замечанию Е. В. Щигель, это «примеры интонации завершения по типу ИК-1 в литературном языке» [Щигель 1985: 109]. Ниже на рис. 38 приведены ответные реплики, состоящие из частиц *да* и *нет*, оформленные контуром L* H- L%, а на рис. 39 — реплики, состоящие из частицы *нет*, с иным типом просодического оформления. На наш взгляд, в последнем случае мелодический контур представляет собой структуру H* L- L%: с ИК-1 их сближает наличие нисходящего тона, который, однако, не является частью тонального акцента, как это видно на примерах с постацентными слогами (рис. 40–43).

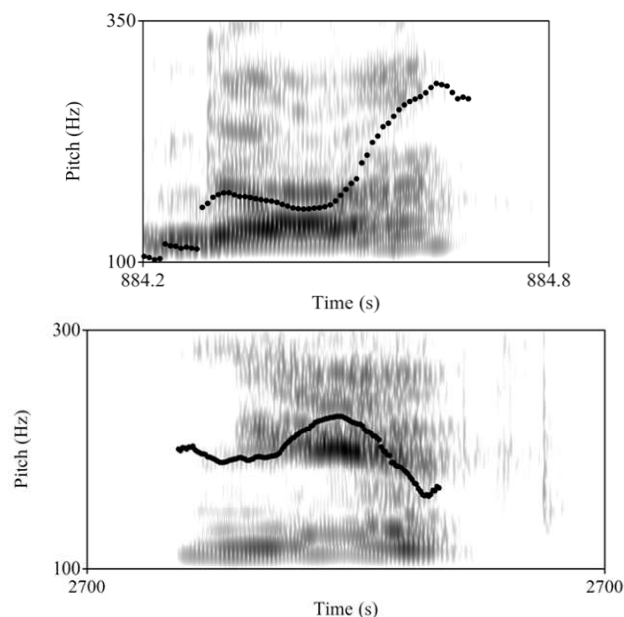

Рис. 38. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ ответных диалогических реплик *да* (слева) и *нет* (справа); д. Вадюга

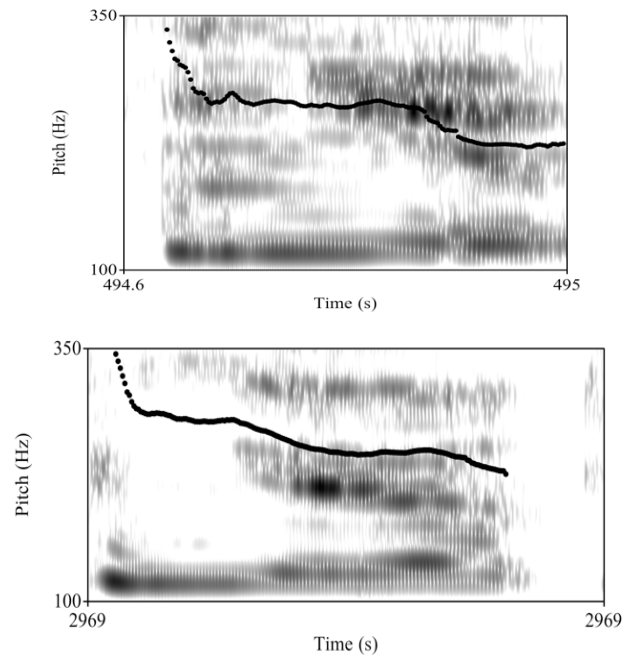

Рис. 39. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ
ответных диалогических реплик *нет;*
д. Вадюга

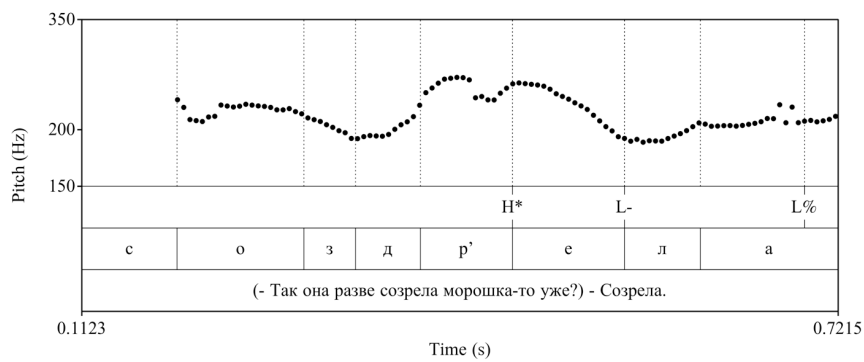

Рис. 40. Интонограмма фразы
(— Так она разве созрела морошка-то уже?) — Созрела.
д. Мосеево

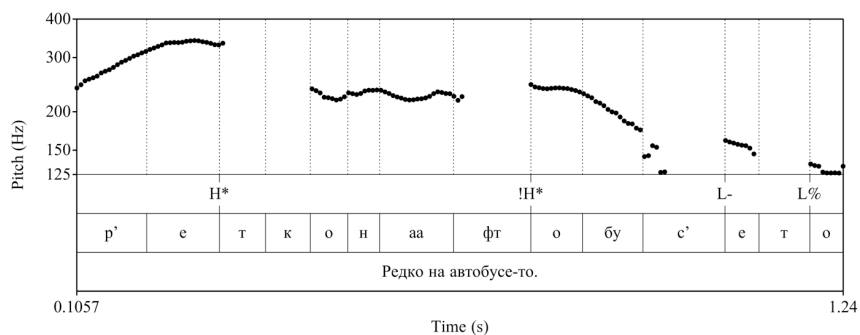

Рис. 41. Интонограмма фразы
 (— И чего ж они, ходят пешком что ли?) — Редко на автобусе-то.
 д. Сельцо

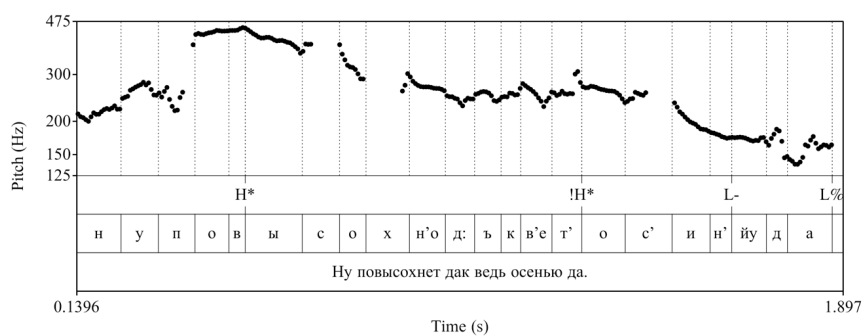

Рис. 42. Интонограмма фразы
 (— Помёрзнет ещё, да?) — Ну, повысохнет дак ведь осенью да
 д. Мосеево

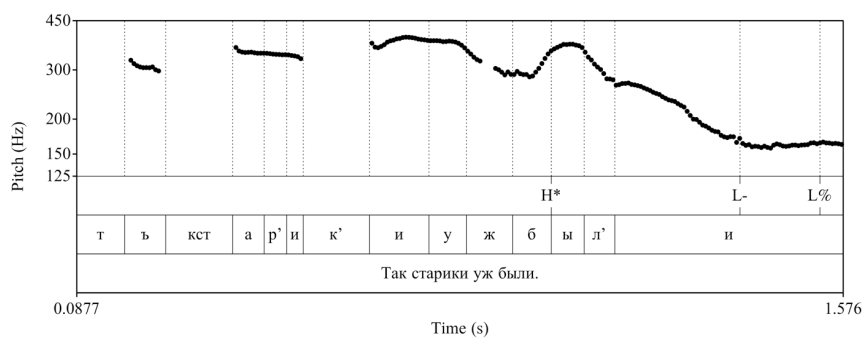

Рис. 43. Интонограмма фразы *Так старики уж были.*
 д. Мосеево

По данным сплошного анализа в говоре Вадюги, контуром L* H- L% оформляется 80 % всех состоящих из частиц реплик (111 из 138), в то время как контуром без восходящего тона — всего 20 % (27 из 138) [Князев, Пронина 2021]; сходное распределение наблюдается и в других репликах, в том числе — в других исследованных говорах. Этот факт позволяет усомниться в том, что контур с восходящим движением тона маркирует эмоции информанта («акцент вызова», по Е. А. Брызгуновой): сложно представить, что носитель диалекта лишь в одном случае из пяти использует нейтральное просодическое оформление ответных диалогических реплик.

Таким образом, вопрос о том, маркирует ли контур L* H- L% нейтральное утверждение наряду с ненейтральным, остается пока открытым вследствие сложности изучения интонационной семантики на диалектном материале. Отметим лишь, что есть еще и основания считать, что в ответных репликах, где этот контур фиксируется чаще всего, он может использоваться для копирования направления тона в предшествующей реплике [Князев, Пронина 2021].

4.3. Адаптация тонального контура к сегментной последовательности

Как отмечалось выше, в случае недостатка сегментного материала для полной реализации контура L* H- L% при отсутствии заударных слогов может происходить его адаптация: сокращается (вплоть до полного отсутствия) продолжительность отрезка с ровным высоким тоном и фрагмента с конечным понижением тона.

В языках мира такая адаптация может осуществляться разными способами [Silverman, Pierrehumbert 1990; Caspers, van Heuven 1993; Prieto 2005]. В качестве основных стратегий в интонологии принято выделять

1) компрессию (compression), когда тональное движение тем или иным способом редуцируется вследствие недостатка времени для его реализации, и

2) усечение (truncation), в случае полного устранения части сложного тонального контура, см. изначально [Eriksson, Alstermark 1972] на материале лексических акцентов в шведских диалектах и далее [Grønnum 1989; Grice 1995; Grabe, 1998; Grabe et al. 2000; Grice et al. 2005b; Hanssen et al. 2007; Ladd 2008; Prieto, Ortega-Llebaría 2009; Rathcke 2013] на материале фразовых тональных акцентов нидерландского, немецкого, английского, испанского и каталанского языков.

Так, 1) в английском языке при ассоциации контура L+H* L- H% с односложным высказыванием компрессия приводит к его реализации без плато с низким тоном L- и с возможным увеличением крутизны тонального движения и уменьшением его амплитуды [Cho, Flemming 2015: 360], в то время как 2) в венгерских вопросительных предложениях в тех же условиях последняя часть контура L* H L% усекается (и восходяще-нисходящий контур реализуется как восходящий) [Ladd 2008: 182–183].

Усечение обычно трактуется как фонологическое правило, основанное на ограничении количества тональных целей, ассоциированных с одним

слогом (в венгерском, в отличие от английского, их допускается не более двух), тогда как компрессия связывается преимущественно с фонетическими закономерностями — физическим недостатком сегментного материала, в частности при быстром темпе речи. В одном и том же языке могут наблюдаться и оба эти процесса, как, например, в корейском, где трункация связана с запретом на ассоциацию нескольких тональных целей с одним слогом, а компрессия обусловлена недостаточной для реализации тонального движения длительностью сегментов и представляет собой не простую редукцию тонального контура, а «приоритизацию» одних его частей за счет других [Cho, Flemming 2015: 379]. Таким образом, трункация и компрессия не исключают друг друга, а использование той или иной стратегии может быть обусловлено не типологическими закономерностями, а индивидуальным выбором, поскольку говорящий может выбирать между удлинением сегмента и редукцией тонального контура [Rathcke 2017: 195].

Обращаясь к анализу фразового завершителя в этом аспекте, можно было бы предположить, что в архангельских говорах при реализации данного мелодического контура на одном (последнем во фразе) слоге имеет место усечение конечного нисходящего тонального движения: так, на рис. 1, 2, 24 оно явным образом отсутствует, а на рис. 3–6 наблюдается лишь небольшое понижение ЧОТ в абсолютном конце фразы. Однако данные, приведенные на рис. 7–12, со всей очевидностью свидетельствуют о том, что при достижении конечным во фразе гласным длительности более 300 мс тональный контур реализуется на этом единственном слоге в полном объеме, включая плато с высоким тоном и падение ЧОТ до максимального низкого значения (особенно показательным в этом отношении представляется рис. 11, на котором представлен гласный максимальной длительности — 460 мс). Таким образом, в архангельских говорах — в отличие, например, от венгерского или корейского языков — не существует запрета на ассоциацию трех тональных целей с одним слогом, а случаи неполной реализации мелодического контура $L^* H - L\%$ являются результатом компрессии вследствие недостаточной длительности просодического ядра этого слога.

4.4. Некоторые следствия: общий вопрос в севернорусских говорах

Мелодический контур общего вопроса в севернорусских говорах¹¹ описан в работах М. Пост [2005; 2007; Post 2008] и назван ей «широкой шляпой»: “Whereas in IK-3 the fall starts immediately after the stressed syllable of the accented word... it starts later in this movement, possibly only in the last syllable or syllables”¹² [Post 2005: 49] (см. примеры из нашего материала на рис. 44 и 45). М. Пост предложила интерпретировать нисходящую часть

¹¹ На материале говора д. Варзуга Терского р-на Мурманской обл.

¹² «В то время как в ИК-3 падение тона начинается сразу после ударного слога... в этом контуре оно начинается позднее, только на последнем слоге или слогах».

этого контура как второстепенный акцент либо как тональное движение, которое является последней частью главного тонального акцента (“trailing tone of the nuclear pitch accent with a late association”) [Post 2008]. В [Князев 2022в; 2022г] предложено использовать в описании «широкой шляпы» в архангельских говорах фразовый тон, весь контур тогда имеет вид $(L+)H^*H-L\%$. Как представляется, приведенные выше аргументы в пользу интерпретации фразового завершителя в архангельских говорах как мелодического контура структуры $L^*H-L\%$ могут служить еще одним аргументом в пользу этого решения, поскольку свидетельствуют о том, что фразовый тон является одним из необходимых элементов описания севернорусской просодии (в отличие, например, от литературной русской).

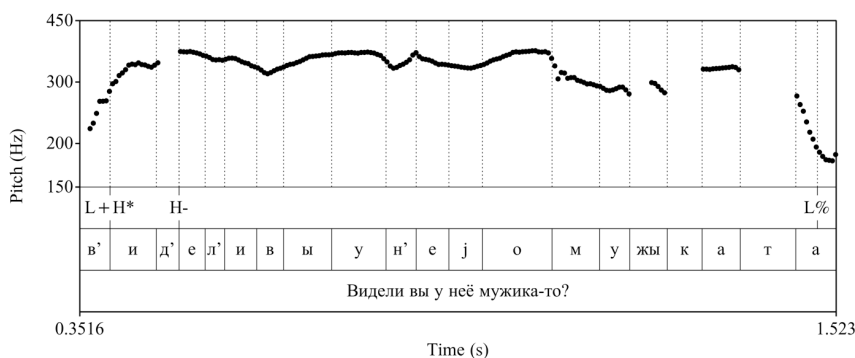

Рис. 44. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?*
д. Вадюга

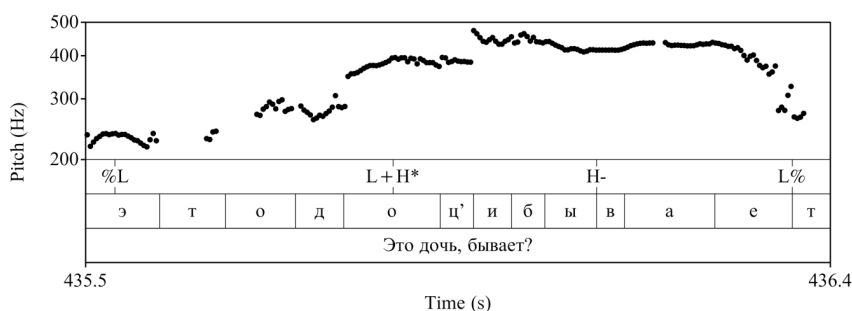

Рис. 45. Кривая ЧОТ фразы *Это дочь, бывает?*
д. Вадюга

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что фразовый завершитель в архангельских говорах представляет собой структуру $L^*H-L\%$, т. е. тональ-

ную конфигурацию, которую принято обозначать термином «шляпа» (“hat”): низкий тон + восходящий + ровный высокий + нисходящий + низкий. Этот мелодический контур является одним из самых распространенных в языках с фразовой просодией [Nooteboom 1997: 653], а в севернорусской просодической системе занимает особое положение: с его помощью (при разном тайминге восходящего тона) оформляются не только ответные реплики (как это показано выше) и общие вопросы [Пост 2007; Post 2008], но иногда и вопросы с вопросительным словом (см. рис. 46). О возможности оформления других коммуникативных типов этим же мелодическим контуром судить пока затруднительно.

Следует также отметить, что в статье обсуждается лишь небольшой фрагмент фонологической структуры интонационной системы северо-восточных архангельских говоров. Без знания о полной системе (которое является делом будущего) представленный выше анализ следует считать сугубо предварительным, а предложенные интерпретации (и, соответственно, использованные в описании символы) требуют, конечно, дальнейшего подтверждения.

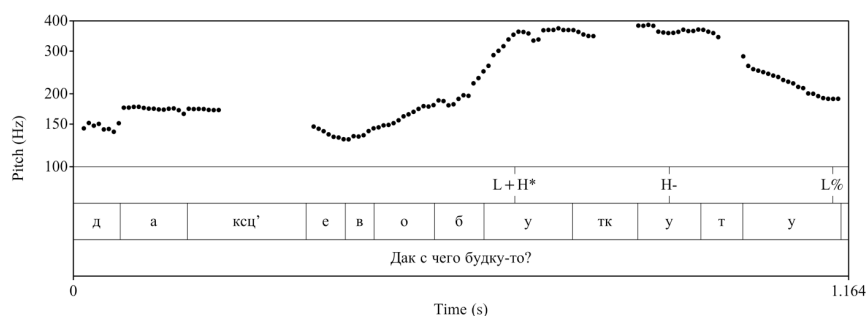

Рис. 46. Кривая ЧОТ фразы *Да с чего будку-то?*
д. Тинева

Источники

Князев 2021а — С. В. Князев. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/>, дата обращения: 21.06.2022.)

Князев 2022а — С. В. Князев. Корпус говора села Кеба. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/keba>, дата обращения: 01.09.2022.)

Князев 2022б — С. В. Князев. Корпус говора Средней Пёзы. 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/pyoza>, дата обращения: 03.10.2022.)

Aguilar et al. 2009–2011 — L. Aguilar, C. De-la-Mota, P. Prieto (coords) (2009–2011). Cat_ToBI Training Materials. URL: http://prosodia.upf.edu/cat_tobi.

Литература

- Гецова 1997 — О. Г. Гецова. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. 7. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.
- Князев 2021б — С. В. Князев. Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. 2 (27). С. 39–65.
- Князев 2022в — С. В. Князев. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022. № 1 (43). С. 113–153.
- Князев 2022г — С. В. Князев. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.
- Князев и др. 1997 — С. В. Князев, А. Н. Левина, С. К. Пожарицкая. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII / К. В. Горшкова, М. Л. Ремнева (ред.). М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 198–220.
- Князев, Пронина 2021 — С. В. Князев, М. К. Пронина. Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с пословным тональным оформлением // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 20. М.: РГГУ, 2021. С. 251–263.
- Князев, Савельева 2021 — С. В. Князев, К. А. Савельева. Фонетическое и фонологическое описание в интонации (ИК-4 в русском языке: постцентр или пограничный тон?) // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 41–64.
- Кузнецов 1949 — П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 5–44.
- Пауфошима 1989 — Р. Ф. Пауфошима. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров) // Славянское и балканское языкознание. Просодия / С. Б. Бернштейн (ред.). М.: Наука, 1989. С. 53–63.
- Пост 2007 — М. Пост. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
- Щигель 1985 — Е. В. Щигель. Особенности интонационной организации фразы в некоторых севернорусских говорах. Диалектография русского языка / Р. И. Аванесов, А. И. Горшков (ред.). М.: Наука, 1985. С. 102–111.
- Arvaniti, Baltazani 2005 — A. Arvaniti, M. Baltazani. Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora // Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 84–117.
- Beckman, Hirschberg 1994 — M. Beckman, J. Hirschberg. ToBI Annotation Conventions. Ms. Ohio State University, 1994.
- Beckman et al. 2005 — M. Beckman, J. Hirschberg, S. Shattuck-Hufnagel. The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 9–54.
- Bruce 1977 — G. Bruce. Swedish Word Accents in Sentence Perspective. Lund: Lund University, 1977.

Bruce 1982 — G. Bruce. Developing the Swedish Intonation Model // Working Papers in Phonetics Department of Linguistics and Phonetics. University of Lund, 1982. Vol. 22. P. 51–116.

Cho, Flemming 2015 — H. Cho, E. Flemming. Compression and truncation: The case of Seoul Korean accentual phrase // *Studies in Phonetics, Phonology, and Morphology* 21. 2015. P. 359–382.

Caspers, van Heuven 1993 — J. Caspers, V. van Heuven. Effects of time pressure on the phonetic realization of the Dutch accent-lending pitch rise and fall // *Phonetica* 50. 1993. P. 161–71.

Eriksson, Alstermark 1972 — Y. Eriksson, M. Alstermark. Fundamental frequency correlates of the grave word accent in Swedish: the effect of vowel duration. Speech Transmission Laboratory // *Quartely Progress and Status Report 2–3*. Kungliga Tekniska Högskolan. Sweden, 1972.

Grabe 1998 — E. Grabe. Pitch accent realisations in English and German // *Journal of Phonetics*. 1998. Vol. 26. P. 129–143.

Grabe et al. 2000 — E. Grabe, B. Post, F. Nolan, K. Farrar. Pitch accent realization in four varieties of British English // *Journal of Phonetics*. 2000. Vol. 28. P. 161–185.

Grice 1995 — M. Grice. The Intonation of Interrogation in Palermo Italian: Implications for Intonation Theory. Tübingen: Niemeyer, 1995.

Grice et al. 2005a — M. Grice, S. Baumann, R. Benzmueller. German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology // The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford Unive. Press, 2005. P. 55–83.

Grice et al. 2005b — M. Grice, M. D'Imperio, M. Savino, C. Avesani. Strategies for Intonation Labelling across Varieties of Italian // The phonology of intonation and phrasing / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 362–389.

Grønnum 1989 — N. Grønnum. Stress group patterns, sentence accents and sentence intonation in Southern Jutland (Sønderborg and Tønder) — with a view to German // *Annual Report of the Institute of Phonetics*. Copenhagen: University of Copenhagen, 1989. Vol. 23. P. 1–85.

Hanssen et al. 2007 — J. Hanssen, J. Peters, C. Gussenhoven. Alignment of the second low target in Dutch falling-rising pitch contours // *Proceedings of the 8th Interspeech Conference*. Antwerp, 2007. P. 2641–2644.

Ladd 2008 — D. R. Ladd. *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Nooteboom 1997 — S. G. Nooteboom. The prosody of speech: melody and rhythm // *The Handbook of Phonetic Sciences* / W. J. Hardcastle, J. Laver (eds.). Oxford: Basil Blackwell Limited, 1997. P. 640–673.

Pierrehumbert 1980 — J. B. Pierrehumbert. *The Phonology and Phonetics of English Intonation*. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1980.

Post 2005 — M. Post. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.

Post 2008 — M. Post. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.

Prieto 2005 — P. Prieto. Stability effects in tonal clash contexts in Catalan // *Journal of Phonetics*. 2005. Vol. 33. P. 215–242.

Prieto, Ortega-Llebaría 2009 — P. Prieto, M. Ortega-Llebaría. Do complex pitch gestures induce syllable lengthening in Catalan and Spanish? // *Phonetics and Phonology: Interactions and Interrelations* / M. Vigário, S. Frota, M. J. Freitas (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 51–70.

Rathcke 2013 — T. Rathcke. On the neutralizing status of truncation in intonation: A perception study of boundary tones in German and Russian // *Journal of Phonetics*. 2013. Vol. 41. P. 172–185.

Rathcke 2017 — T. Rathcke. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German // *Phonetica*. 2017. Vol. 73. P. 194–228.

Silverman, Pierrehumbert — K. E. A. Silverman, J. B. Pierrehumbert. The timing of prenuclear high accents in English // *Papers in Laboratory Phonology I: Between the Grammar and the Physics of Speech* / J. Kingston and M. Beckman (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 72–106.

Venditti 2005 — J. Venditti. The J_ToBI Model of Japanese Intonation. Prosodic typology // *The phonology of intonation and phrasing* / S.-A. Jun (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 172–200.

Wai et al. 2005 — Yi P. W. Wai, K. M. Ch. Marjorie, M. E. Beckman. An Autosegmental-Metrical Analysis and Prosodic Annotation Conventions for Cantonese. Prosodic typology // *The phonology of intonation and phrasing* / S.-A. Jun. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 271–300.

Статья получена 06.09.2022

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svknia@gmail.com

**PHRASE FINALIZER IN THE ARCHANGEL'SK DIALECTS:
PHONETIC REALIZATION AND PHONOLOGICAL INTERPRETATION**

This paper deals with the intonation of replies in Northern Russian dialects spoken in Pinezhsky, Verkhnetoemsky, Mezensky, Leshukonsky and Vinogradovsky districts of the Arkhangel'sk region. I show that the Northern Russian dialects that are discussed have a distinct intonational phonology, with features uncommon for the Standard variety of Russian: frequent use of a rising-falling pitch movement after the last nuclear syllable. This means that the phonology of these dialects allows for several changes of pitch direction after the nuclear syllable, a phenomenon not observed in Standard Russian (at least not in neutral, non-modal speech). I introduce phrase tones in the intonational phonology of these Northern Russian dialects in order to be able to describe the non-final high tone. The study, based on the material of dialectal speech corpora and the author's tape recordings of dialectal speech made in the period of 1987–1999 (total duration — 47 hours), reveals that the proper phonetic realization of the melodic contour in question (found predominantly in the accented words with two or more post-stressed syllables) is the following: low pitch associated with stressed syllable + rising tone immediately after the

stressed syllable + high plateau associated with a segmental string between stressed and final syllables + falling tone associated with the final syllable of the intonational phrase + low pitch at the end of the final syllable. In case of time pressure (realization of the tune on a monosyllable) the contour may undergo compression, whereby the complete tune is squeezed into the time available, while no truncation due to syllable count is revealed because of very low rank of constraints limiting the number of tones that can be associated with a syllable in Arkhangel'sk dialects. We finally suggest the L* H- L% phonological interpretation of the contour (low pitch accent + high phrase accent + low boundary tone) rather than the L* HL% alternative.

Keywords: Northern Russian dialects, phonetics, prosody, pitch accent, phrase accent, boundary tone

References

- Arvaniti, A., & Baltazani, M. (2005). Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora. In S.-A. Jun (Ed.), *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing* (pp. 84–117). Oxford: Oxford University Press.
- Beckman, M., & Hirschberg, J. (1994). *ToBI Annotation Conventions*. Ms. Ohio State University.
- Beckman, M., Hirschberg, J., Shattuck-Hufnagel, S. (2005). The Original ToBI system and the evolution of the ToBI framework. In S.-A. Jun (Ed.), *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing* (pp. 9–54). Oxford: Oxford University Press.
- Bruce, G. (1977). *Swedish Word Accents in Sentence Perspective*. Lund: Lund University.
- Bruce, G. (1982). Developing the Swedish Intonation Model. *Working Papers in Phonetics Department of Linguistics and Phonetics*, 22, 51–116.
- Caspers, J., & van Heuven, V. (1993). Effects of time pressure on the phonetic realization of the Dutch accent-lending pitch rise and fall. *Phonetica*, 50, 161–71.
- Cho, H., & Flemming, E. (2015). Compression and truncation: The case of Seoul Korean accentual phrase. *Studies in Phonetics, Phonology, and Morphology*, 21, 359–382.
- Eriksson, Y., & Alstermark, M. (1972). Fundamental frequency correlates of the grave word accent in Swedish: the effect of vowel duration. Speech Transmission Laboratory. *Quarterly Progress and Status Report*, 2–3. Sweden: Kungliga Tekniska Högskolan.
- Getsova, O. G. (1997). Dialektnye razlichiiia russkikh arkhangel'skikh govorov i ikh lingvogeograficheskaia kharakteristika. In K. V. Gorshkova, & M. L. Remneva (Eds.), *Voprosy russkogo iazykoznaniiia. Vyp. 7. Russkie dialekty: istoriia i sovremennost'* (pp. 138–197). Moscow: Izd-vo MGU.
- Grabe, E. (1998). Pitch accent realisations in English and German. *Journal of Phonetics*, 26, 129–143.
- Grabe, E., Post, B., Nolan, F., & Farrar, K. (2000). Pitch accent realization in four varieties of British English. *Journal of Phonetics*, 28, 161–185.
- Grice, M. (1995). *The Intonation of Interrogation in Palermo Italian: Implications for Intonation Theory*. Tübingen: Niemeyer.
- Grice, M., Baumann, S., & Benzmueller, R. (2005). German Intonation in Autosegmental-Metrical Phonology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 55–83). Oxford: Oxford Unive. Press.

Grice, M., D'Imperio, M., Savino, M., & Avesani, C. (2005). Strategies for Intonation Labelling across Varieties of Italian. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 362–389). Oxford: Oxford University Press.

Grønnum, N. (1989). Stress group patterns, sentence accents and sentence intonation in Southern Jutland (Sønderborg and Tønder) — with a view to German. *Annual Report of the Institute of Phonetics*, 23, 1–85.

Hanssen, J., Peters, J., & Gussenhoven, C. (2007). Alignment of the second low target in Dutch falling-rising pitch contours. In *Proceedings of the 8th Interspeech Conference* (pp. 2641–2644). Antwerp: ISCA.

Kniazev, S. V. (2021). Poslovnii melodicheskii kontur i odin iz sposobov oformleniia nezavershennosti v govore s. Tserkovnoe Arkhangel'skoi obl. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 2(27), 39–65.

Kniazev, S. V. (2022a). O frazovoi intonatsii v russkikh govorakh s poslovnym melodicheskim oformleniem. *Voprosy yazykoznanii*, 1, 7–39.

Kniazev, S. V. (2022b). O strukture tonal'nogo aktsenta v russkikh govorakh s «poslovnym» melodicheskim oformleniem. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(43), 113–153.

Kniazev, S. V., & Pronina, M. K. (2021). Intonatsiia *da i net* v arkhaiskom govore s poslovnym tonal'nym oformleniem. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (Iss. 20, pp. 251–263). Moscow: RGGU.

Kniazev, S. V., & Savel'eva, K. A. (2021). Foneticheskoe i fonologicheskoe opisanie v intonatsii (IK-4 v russkom iazyke: posttsentr ili pogranichnyi ton?). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 41–64.

Kniazev, S. V., Levina, A. N., & Pozharitskaia, S. K. (1997). O govorakh Verkhnei Pinegi i Vyi. In K. V. Gorshkova, & M. L. Remneva (Eds.), *Voprosy russkogo iazykoznanii. Vyp. 7. Russkie dialekty: istoriia i sovremennost'* (pp. 198–220). Moscow: Izd-vo MGU.

Ladd, D. R. (2008). *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nooteboom, S. G. (1997). The prosody of speech: melody and rhythm. In W. J. Hardcastle, & J. Laver (Eds.), *The Handbook of Phonetic Sciences* (pp. 640–673). Oxford: Basil Blackwell Limited.

Paufoshima, R. F. (1989). Ob ispol'zovanii registrovykh razlichii v russkoi frazovoi intonatsii (na materiale russkogo literaturnogo iazyka i severnorusskikh govorov). In S. B. Bernshtein (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Prosodiia* (pp. 53–63). Moscow: Nauka.

Pierrehumbert, J. B. (1980). *The Phonology and Phonetics of English Intonation*. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy.

Post, M. (2005). *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech* (Doctoral dissertation). Universitetet i Tromsø, Tromsø.

Post, M. (2007). K probleme opisaniia intonatsii obshchego voprosa v odnom severnorusskom govore. In M. L. Kalenchuk (Ed.), *Fonetika segodnia — 5* (pp. 156–157). Moscow: IRIa RAN.

Post, M. (2008). Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. In *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody* (pp. 233–236). Campinas: ISCA.

Prieto, P. (2005). Stability effects in tonal clash contexts in Catalan. *Journal of Phonetics*, 33, 215–242.

Prieto, P., & Ortega-Llebaría, M. (2009). Do complex pitch gestures induce syllable lengthening in Catalan and Spanish? In M. Vigário, S. Frota, & M. J. Freitas (Eds.), *Phonetics and Phonology: Interactions and Interrelations* (pp. 51–70). Amsterdam: John Benjamins.

Rathcke, T. (2013). On the neutralizing status of truncation in intonation: A perception study of boundary tones in German and Russian. *Journal of Phonetics*, 41, 172–185.

Rathcke, T. (2017). How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 194–228.

Shchigel', E. V. (1985). Osobennosti intonatsionnoi organizatsii frazy v nekotorykh severnorusskikh govorakh. In R. I. Avanesov, & A. I. Gorshkov (Eds.), *Dialektografiia russkogo iazyka* (pp. 102–111). Moscow: Nauka.

Silverman, K. E. A., & Pierrehumbert, J. B. (1990). The timing of prenuclear high accents in English. In J. Kingston, & M. Beckman (Eds.), *Papers in Laboratory Phonology I: Between the Grammar and the Physics of Speech* (pp. 72–106). Cambridge: Cambridge University Press.

Venditti, J. (2005). The J_ToBI Model of Japanese Intonation. Prosodic typology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 172–200). Oxford: Oxford University Press.

Wai, Yi P. W., Marjorie, K. M. Ch., & Beckman, M. E. (2005). An Autosegmental-Metrical Analysis and Prosodic Annotation Conventions for Cantonese. Prosodic typology. In S.-A. Jun (Ed.), *The phonology of intonation and phrasing* (pp. 271–300). Oxford: Oxford University Press.

Received on September 6, 2022

М. Н. ШЕВЕЛЁВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mnsheveleva@mail.ru

**СЕМАНТИКА НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛОВ
С КОРНЕМ *-ЧА-/-ЧЬН-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПРОБЛЕМА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
СЛОЖНОГО БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ**

Статья посвящена исследованию специфики семантики глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* (*начати/почати/учати*) в истории русского языка, инфинитивные конструкции с которыми рассматривались в качестве претендентов на грамматикализацию в сложное будущее время. Показано, что исконная семантика глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* отличалась от значения современного русского *начать*: они выражали не собственно фазовое значение (выделения начальной фазы ситуации), а наступательность, т. е. переход от отсутствия ситуации к ее наличию. Этой спецификой семантики, представленной и в старославянских, и в древнерусских текстах и сохраняющейся в истории русского языка вплоть до нового времени (а в северных говорах и поныне), объясняются все особенности их употребления и сочетаемости (возможность сочетания со стативами, конструкции с отрицанием при инфинитиве, употребление в составе нарративной цепочки); именно за счет этой специфики возникает иллюзия их формализации. Эти свойства *-ча-/-чьн-* глаголов в равной мере проявляются как в презенсе, так и в прошедшем времени, причем частотность их в том или другом временном плане обусловлена нарративным/ненарративным характером текста.

Чрезвычайно употребительный в старорусскую эпоху новый глагол *учать*, столь же стремительно впоследствии теряющий популярность, по семантике не отличается от *начать/почать*, высокая его частотность в презенсе с референцией к будущему в значительной степени связана с формуляром московского делового языка, в местных деловых документах его доминирование не столь очевидно, а в нарративных текстах даже в рамках делового регистра преобладает употребление *учать* в прошедшем времени. Ни один из глаголов с корнем *-чьн-* не был грамматикализован в показатель будущего времени: отличия их употребления от современного *начать* связаны со спецификой семантики, которая развивается в собственно фазовую в диалектной системе Центра только в новое время.

Ключевые слова: семантика начинательности, фазовость, наступательность, история русского языка, *начну/почну/учну*, грамматикализация, будущее

1. Специфика семантики и иллюзия формализации

1. В процессе формирования сложного будущего в истории русского языка конкуренция шла между конструкциями с начинательным значением — с глаголами *начьну/почьну/учьну, иму* и позднее *стану* [Шевелева 2021a; ср. Andersen 2006]. Для глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* начинательность была основным прямым значением, для *иму* и *стану* — переносным (**тати - иму** ‘взять, схватить’ → ‘начать’ [Шевелева 2019: 46; 2021; 2021a: 73–74], **статти** ‘перейти в неподвижное или вертикальное состояние’ → ‘начать’ [Молдован 2010: 5; Стойнова 2019; Пенькова 2021]). Инфинитивные конструкции с глаголами с корнем *-ча-/-чьн-* были широко употребительными на протяжении всей истории русского языка и остаются употребительными поныне, при том что активность использования каждого из этих приставочных вариантов различна в зависимости от времени и степени книжности текста; в XVI — начале XVII в. резко возрастает частотность нового *-ча-* глагола *учну*, в котором предлагается видеть основного претендента на грамматикализацию в будущее [Пенькова 2019], но который, однако, уже в XVII в. столь же стремительно почти бесследно исчезает, уступая место *стану* и *буду* [Молдован 2010: 12–15; Пенькова 2019: 574–577; Пенькова, Крысько 2020: 28].

Грамматикализации в будущее ни одна из конструкций с глаголами на *-чьн-* не достигает (в отличие от *иму*, грамматикализовавшегося в украинском, части белорусских и русских говоров). Что же представляли собой глаголы на *-ча-/-чьн-* в истории русского языка, что составляло специфику семантики этих «первичных» начинательных глаголов, позволявшую исследователям видеть в них формализованные показатели будущего и отличающую от современных русских литературных сочетаний с глаголом *начать*, и какие изменения они пережили?

Специфика начинательной семантики современного русского глагола *начать* состоит в том, что он является фазовым в собственном смысле слова, т. е. обозначает начальную фазу процесса — в отличие от начинательных глаголов типа *наступит* или *перестать*, обозначающих наступление или прекращение ситуации как таковой, т. е. «переход ситуации от небытия к бытию и наоборот» [Падучева 2004: 180]. Соответственно, современный русский глагол *начать* в нормальном случае сочетается с инфинитивами, обозначающими процессы, т. е. членимые на фазы ситуации, — выделяется начальная фаза ситуации (*Он начал строить дом*) [Там же: 179–188]. Встречающиеся в современном русском языке окказиональные употребления *начать* с инфинитивами, обозначающими не-процессы, представляют уже не собственно фазовое значение, а значение «наступительности» (наступления ситуации в целом) — с синхронной точки зрения это значение трактуется как выветренное употребление, вторичное по отношению к основному фазовому значению *начать* [Там же: 188], ср. приводимый Е. В. Падучевой пример из повести Пушкина «Дубровский»: «...означенным спорным именем **начали владеть** помянутые гг. Дубровские назад сему

лет с 70» [Там же]. Обратим внимание, что этот единственный приведенный в [Падучева 2004] пример такого рода принадлежит началу XIX в., причем в действительности представляет собой даже не пушкинский художественный текст, а вставленный Пушкиным в повесть подлинный судебный документ своего времени, в котором заменены только имена [Томашевский 1962: 771], — следовательно, он отражает норму делового языка начала XIX в. Для современной литературной нормы такое употребление *начать* периферийно, хотя окказионально возможно, причем еще в XIX в. и даже в начале XX в. оно было представлено шире (ср. данные И. С. Юрьевой о сочетаемости *начать* по материалам НКРЯ [Юрьева 2010: 275–278]), встречается сейчас и в севернорусских говорах (см. об этом ниже).

И. С. Юрьева обратила внимание на то, что в древнерусских (далее — др.-рус.) источниках такая сочетаемость глагола *начати* (а также *почати*) с непроцессуальными глаголами вполне допустима [Юрьева 2010: 274–279; 2020: 299–314], на основании чего можно заключить, что глаголы *начать/почать* отличались по семантике от соответствующих современных — не были собственно фазовыми в узком смысле слова.

Эта важная особенность семантики глаголов с корнем *-ча-* явно исконна, восходит к праславянскому состоянию. С диахронической точки зрения фазовое значение глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* вторично по отношению к их исконному значению наступления ситуации в целом, причем превращение этих глаголов в собственно фазовые относится уже к новому времени и связано прежде всего с диалектной системой Центра, отразившейся в литературном языке.

Именно этой исконной спецификой семантики глаголов с корнем *-ча-* — фактически их «наступительностью», а не фазовостью — объясняются все особенности их сочетаемости и употребления, отличные от современных, именно за счет этой специфики создается иллюзия их формализации¹.

Сочетания *начати* со стативами, аналогичные встречающимся в др.-рус. памятниках, фиксируются и в старославянских текстах², ср. в ст.-сл. переводе евангелия:

¹ Подчеркнем, что здесь и далее под фазовой семантикой начинательных глаголов имеется в виду фазовость в узком смысле слова (в противопоставлении «наступительной» начинательности) в соответствии с изложенным выше пониманием. В работах по типологии начинательности фазовое значение трактуется более широко с выделением нескольких его типов: в терминологии В. П. Недрякова, собственно фазовое значение (выделяющее начальную фазу действия) определяется как «неконтактное начинательное значение», начинательность без выделения начальной фазы, т. е. наступительность — как «контактное начинательное значение» — оба значения рассматриваются как разновидности фазовой начинательности [Недряков 1987/2001: 185–186].

² В старославянских памятниках фиксируются глаголы *начати*, *зачати* и однокоренной им глагол с приставкой *въ-* с тем же значением — *въчати* [Вайан 1952: 377; SJS, I: 354–355].

- (1) **Отънели же въстанетъ гѣ домоу и затворитъ двѣри и начынетъ вынѣ стоѣти и тлѣшти въ двѣри глѣще гѣ гѣ отворѣи намъ** (Мар., Лк. 13: 25; Сав.: *въчънжтъ*);
- (2) **И тогда начынеши съ стоудомъ послѣднее мѣсто дръжати** (Мар., Лк. 14: 9);
- (3) **...ли единого дръжитъ сѧ а о дроуѣемъ не родити начынетъ** (Мар., Мт. 6: 24; Зогр., Асс., Сав.: *не врѣшти въчьнетъ*) и некоторые др. [Ягич 1883].

Именно такие сочетания «с *начати*, *въчати* и инфинитивом спрягаемого глагола: *не родити начынетъ* Матфей VI, 24, Мар., Остр. = *не врѣшти въчьнетъ* Зогр., Асс., Сав.кн.» — трактуют обычно как «описательное будущее время» [Вайан 1952: 377]. Правда, как отмечает А. Вайан, в ст.-сл. описательные обороты в значении будущего с этими глаголами встречаются нечасто — реже, чем описательное будущее с *имѣти* [Там же]. Однако семантика *-ча-*глаголов здесь представлена та же, что в вост.-слав. памятниках, где инфинитивные сочетания с *начати/почати*/(позднее) *оучати* очень употребительны и в прошедшем времени, и с референцией к будущему.

В др.-рус. текстах инфинитивные сочетания с *-ча-*глаголами существенно употребительнее, чем в старославянских, — представлены сочетания с *начати* и *почати*, при этом доминирует, особенно в не книжных текстах, глагол с характерной для вост.-слав. диалектов перфективирующей приставкой *по-* (см. [Юрьева 2010: 271] и др.). Ср. показательные примеры сочетаний со стативами, подобных приведенным старославянским, из ранних др.-рус. памятников (некоторые из этих и другие примеры приведены в [Юрьева 2010: 275–276; 2020: 299–315]):

- (4) *И по сихъ брати **держати** почаша родъ ихъ княженъе в полахъ* (ПВЛ, Введ., Лавр., л. 4 = РА; Ипат. — *почаша **дръжати***, л. 5 об.);
- (5) *И како^{жс} поклонихсѧ трижды **начахъ стоати и зрѣти** емѧ на лѣпотѧ* (ЖАЮ, Сол., л. 23 об., 1021);
- (6) *По ошестви же сотонинѧ стѣъ нача мочити слезами лице свое **нача молчати** на многы часы* (ЖАЮ, Сол., л. 169, 5935);
- (7) *И самъ **поча владѣти** Пльсковомъ с нѣмци* (НПЛст, л. 127 об., 1240 г.) и под. примеры в прошедшем времени;

ср. примеры в непрошедшем времени, трактуемые традиционно как «будущее сложное I»:

- (8) *даже котори князь по моѣмъ княженни **почынетъ хотѣти** бѣати оу стѣго Георгина. а Бѣ боуди за тѣмъ и стѣа бѣа и тѣ стѣи Геѡргиини* (Мстислав. грам. ок. 1130 г.);
- (9) *Аще оубью брата свое^ѡ **имѣти** тѧ **начну** въ оца мѣсто свое^ѡ* (ПВЛ, 980 г., Ипат., л. 30 = РА);
- (10) ***Не хотѣти** ли еи дѣти **начнутъ** ни на дворѣ, а она **начынетъ хотѣти** всако и **сдѣдѣти**, то творити еи всаку волю, а дѣтемъ не дати воле* (Рус. Пр., Син., 45) [Потебня 1888: 371].

А. А. Потебня, рассматривая др.-рус. инфинитивные конструкции с *начьну/почьну* как описательное будущее, подчеркивает отличие их семантики в ст.-сл. и др.-рус. от современного русского литературного употребления, где глагол *начну* «имеет только вещественное значение», в то время как в древнем языке он формализован [Потебня 1888: 371] — основанием для этого утверждения становятся те же сочетания с глаголами состояния типа *не родити начьнетъ* Остр. ев. Мат. 6: 24, *начьнетъ хотѣти и съдѣти* Рус. Пр. и под. [Там же]. Собственно фазовое значение современного русского *начну* воспринимается как лексическое значение начинательности, наступительность же древних глаголов с корнем *-ча-* оценивается как их формализация во вспомогательный глагол аналитического будущего; ср. сходные рассуждения Г. А. Хабургаева по поводу оборотов с *учну* в старорусских грамотах, апеллирующие к возможности их употребления с непроцессуальными глаголами типа *учнет жити (людей)* как к доказательству выражения значения собственно будущего ([Горшкова, Хабургаев 1981: 322] — см. подробнее ниже). То, что с позиции современного русского языка воспринимается как вторичный отход от фазового значения начинательности и превращение в десемантизированный вспомогательный глагол, в действительности было исходным значением глаголов с корнем *-ча/-чьн-*, развитие же их в глаголы собственно фазовые имело место уже в позднее время, а в разговорном языке и в диалектном так и не достигло завершения (см. об этом ниже).

2. Особенности употребления и сочетаемости: семантические причины

2. Это отличие исконной семантики глаголов с корнем *-ча/-чьн-* от их значения в современном русском литературном языке определяет и прочие отличия в их сочетаемости и употреблении.

2.1. Как справедливо отмечает И. С. Юрьева, в др.-рус. инфинитивных конструкциях с *начати/почати* нормальна постановка отрицания между компонентами конструкции (типа *начьну + не + инфинитив*), что для современного литературного языка невозможно; причину отсутствия такого запрета в языке древних текстов можно видеть в отсутствии запрета на сочетаемость со стативами, поскольку инфинитив с отрицанием (*не-Р*), как хорошо показано Е. В. Падучевой, «обозначает не процесс ⟨...⟩, а состояние его отсутствия» [Падучева 2004: 194; см. Юрьева 2010: 272, 280–283; 2020: 315–320] — в позиции инфинитива здесь в принципе невозможны членимые на фазы процессы, под отрицание попадает ситуация в целом.

Конструкции с *начати* (и другими *-ча-*глаголами) и отрицанием при инфинитиве встречаются и в ст.-сл. текстах, и в др.-рус. — ср. приведенный выше евангельский пример **не родити начьнетъ** Мт. 6: 24 Мар., Остр. — **не вѣрѣшти вѣчьнетъ** Зогр., Асс., Савв., цитируемый в [Потебня 1888: 371; Вайан 1952: 377], ср. также приведенный контекст из Русской Правды **не**

хотѣти ли... начьнѣти [Потебня 1888: 371]³. В этих случаях при отрицании стоят стательные глаголы. В примерах из др.-рус. текстов, собранных И. С. Юрьевой, в этих конструкциях с отрицанием встречаются и глаголы состояния, и глаголы действия, при этом нестательные глаголы в таком употреблении также получают непроцессуальную интерпретацию, т. е. ситуация предстает как нечленимая на фазы, гомогенная на всем протяжении своего существования (возможно, повторяющаяся или членимая на отдельные тождественные друг другу «кванты»). Ср. примеры И. С. Юрьевой из др.-рус. памятников:

- (11) *И отътолгъ начаша не съмѣти близъ пристоупати нъ съ страхъмъ покланнахоуа* (СкБГ, 19а, 13–22);
- (12) *Аже начнетъ не знати оу кого купилъ. то ити по немъ тѣмъ видокомъ на роту* (Рус. Пр. по Новг. Кормчей, л. 618 = Простр. ред., ст. 32) ‘если окажется, что он не знает, у кого купил’⁴;
- (13) *Ѹтолгъ нача не приходити къ Юсифану ни на чтоже духовноѹ. нъ нача ходити на блуды* (ЖАЮ, 3041/3042 — 303) ‘перестал приходить = начал не приходить’;
- (14) *И отселгъ нацаша не давати дани за моргъ и начаша сами в себѣ владѣти* (ПВЛ по сп. Летоп. Аврамки, 862 г., 35: 23–25) ‘перестали давать = начали не давать’ и др. [Юрьева 2010: 280–283; 2020: 316–318].

В последних двух примерах инфинитив при отрицании обозначает повторяющиеся непроцессуальные ситуации⁵. Показательно, что один из

³ Правда, в ст.-сл. памятниках такие конструкции с отрицанием засвидетельствованы только примерами с *не вѣрѣшти* и *не родити*, где соответствующий глагол без отрицания в ст.-сл. текстах отсутствует. Однако семантически это структуры той же природы, что и известные в др.-рус. текстах свободные сочетания с отрицанием при инфинитиве: при том что в ст.-сл. *невѣрѣшти* ‘оставлять без внимания’, ‘пренебрегать’, ‘не заботиться’ без отрицания не фиксируется [SJS, I: 147; II: 336], непосредственная связь со значением ‘беречь, заботиться’ здесь несомненна (ср. также *вѣрѣженик* ‘забота’ [SJS, I: 146]), ср. в др.-рус. памятниках *веречи*, *берегѹ*, чаще встречающиеся с отрицанием в том же значении ‘не обращать внимания, пренебрегать, не заботиться’, но известное и без отрицания в значении ‘беречь’ [Срезн., I: 69]; также и глагол *не родити* ‘пренебрегать, оставлять без внимания’ в ст.-сл. встречается только с отрицанием, но его вариант *не радити* с тем же значением известен и без отрицания в значении ‘заботиться, радеть’ (*они же мал(о) радивъше о томъ* Супр. 201, 28 и др.) [SJS, II: 398; III: 643] — в вост.-слав. памятниках без отрицания в значении ‘заботиться’ известны оба варианта *радити/родити* [Срезн., III: 12, 133].

⁴ И. С. Юрьева рассматривает такие контексты как представляющие значение ‘обнаружится, что не-Х’, соответствующие выделяемому ею у конструкций *начати* + инфинитив (без отрицания) значению обнаружившейся ситуации [Юрьева 2010: 278–283; 2020: 318–319].

⁵ Заметим, что начинательное значение повторяющегося действия (узального или итеративного) по своей природе не является фазовым — см. о противопостав-

этих примеров читается в позднем списке ПВЛ XV в. при отсутствии соответствующего чтения в Лавр. списке — можно предполагать, что и в XV в. конструкция была еще живой [Юрьева 2010: 282; 2020: 317].

Еще раз обратим внимание на то, что возможность употребления *начати/почати* с отрицательным инфинитивом обусловлена спецификой их начинательной семантики — наступательной («наступительной»), а не собственно фазовой.

2.2. Наступательность семантики глаголов с корнем *-ча-* лежит в основе их употребления в составе нарративной цепочки — для оформления последовательно сменяющихся друг друга событий в прошлом, — широко представленного в др.-рус. текстах, особенно в языке летописания, как и для обозначения единичных событий в прошлом, включенных в развернутый летописный нарративный контекст. Ср. примеры из Волынской летописи:

- (15) *И начаши ѡбѣдати и пити и веселити^с...и посемь Левъ приѣха к нему в манастирь.и поча молвити Воишелкови. Коуме. напи[е]мса. и начаши пити* (ВЛ, 1268 г., л. 289);
- (16) *И тако поиде Боурандаи ко Володимирю.а Василко князь с ними. и не дошедшоу емоу города и ста на Житани на ночь. Боурандаи же нача молвити про Володимерь. Василко розмечи городъ.князь же Василко нача думать в собѣ про городъ зане не мощно бы^с розметати вборзѣ его величествомъ. повелѣ зажечи и. и тако черес ночь изгорѣ всь. завѣтра же приѣха Боурандаи в Володимерь и видѣ своима очима городъ изгорѣвши всь. и нача ѡбѣдати оу Василка на дворѣ и пити. ѡбѣдав же и пивѣ и леже на ночь* (ВЛ, 1261 г., л. 283 об.);
- (17) *Володимѣрь^{жс} князь сотьсноувѣси немощью тѣла своего. и нача слати ко братоу своему Мьстиславоу. тако река. брате видиши мою немощь. ѡже не могу а ни оу мене дѣтии. а даю тобѣ братоу своему землю свою всю и города по своемъ животѣ* (ВЛ, 1287 г., л. 297 об.);
- (18) *Володимерь же нача вопрошати его ѡ Телебоузѣ како са дѣяло в Лахохъ и коуда [и] выходѣ его из Лаховѣ. ѡнъ же сказа емоу все по радоу бывшее* (ВЛ, 1287 г., л. 298 об.) и др.

Явно в этих контекстах *начати/почати* с инфинитивом обозначает не начальную фазу процесса, а наступление ситуации в целом: *нача думать* — не начальная фаза процесса обдумывания, а наступление этого состояния ≈ ‘стал думать’; *нача ѡбѣдати* — не начало процесса обеда, а наступление трапезы, что подтверждается последующим контекстом, сообщающим о следующих после этой трапезы событиях (*ѡбѣдав же и пивѣ и леже на ночь* ‘победав же... лег на ночь’); *поча/нача молвити, вопрошати, слати* и в дру-

лении фазового и серийного (обозначающего начало кратных ситуаций) начинательных значений [Недялков 1987/2001: 185–187].

гих сочетаниях с глаголами речи, довольно частотных в летописях (нередко после них следует прямая или косвенная речь), сообщается о наступлении речевого действия, а не о начальной его фазе.

Начати + инфинитив здесь фактически выступает в функции, близкой к функции СВ: как известно, семантика совершенного вида базируется на идее «наступительности», СВ обозначает наступление нового положения дел (ср. «X обрадовался = ‘наступило состояние: X радуется’» [Падучева 2004: 195; ср. Шатуновский 2009: 25–29 и др.]). Здесь это значение предстает «разложенным» на семантические компоненты. В современном русском литературном языке такому *начати* лучше всего соответствует глагол *стать*, также наступительный, в отличие от современного литературного *начать* (о специфике *стать* см. [Падучева 2004: 188; Зализняк Анна, Шмелев 2015: 292–295; Стойнова 2017; 2019]).

Такие нарративные контексты с *начати/почати* + инфинитив в прошедшем времени демонстрируют те же самые свойства глаголов с корнем *-ча-*, которые при употреблении этих конструкций в презентной форме склоняют исследователей к трактовке их как форм сложного будущего времени, поскольку собственное «лексическое» (т. е. собственно фазовое) значение глагола на *-ча-/-чьн-* представляется нам стертым — ср. выше аргументы исследователей по поводу того, что глаголы на *-чьн-* не имеют в ряде контекстов значения начала процесса, а значит, формализованы в компонент будущего времени.

Показательно, что применительно к рассмотренным употреблениям *начати/почати* в прошедшем времени в составе нарративной цепочки высказывались сходные предположения: высокая частотность таких контекстов в др.-рус. нарративных текстах, отсутствие фазового значения начинательности и функциональная близость к прошедшему СВ склоняют к предположению о том, что «*начати* с инфинитивом именно в претеритных формах играли особую роль», были «встроены в систему прошедших времен», т. е. фактически о превращении их в аналитическое нарративное прошедшее, «полноценную часть системы претеритов» [Юрьева 2016; 2017: 20–21].

Думается, что говорить о грамматикализации инфинитивных конструкций с глаголами с корнем *-ча-* в прошедшем времени все-таки нет оснований — так же, как в презентных формах при референции к будущему. В обоих случаях перед нами структуры одной и той же природы: с начинательным глаголом «наступительной» семантики, действительно очень употребительные в вост.-слав. диалектной зоне, но не достигшие грамматикализации ни в том ни в другом временном плане. В обоих случаях к трактовке глагола на *-ча-/-чьн-* как десемантизированного показателя аналитической формы склоняет способность *начать*-конструкции выражать наступление нового положения дел, употребляться в непроцессуальных контекстах (не обязательно с глаголами состояния, но и с глаголами действия, интерпретируемыми непроцессуально — как наступившее событие, см. выше примеры нарративных цепочек, в состав которых входят конст-

рукции с *начати/почати*). В действительности, однако, это собственное исконное значение глаголов с корнем *-ча-/-чьн-*, инфинитивные конструкции с которыми для выражения наступления новой ситуации в вост.-слав. диалектной зоне чрезвычайно употребительны с раннего времени и продолжают быть употребительными в старорусскую эпоху (см. об этом ниже), а в разговорном языке распространены и поныне (см. примеры в работах [Юрьева 2010; 2020]).

Показательно, что и в непрошедшем времени эти конструкции часто встречаются в непроцессуальных контекстах не только с глаголами состояния, так же, как и в прошедшем, обозначая наступление нового события, причем не всегда оно прочитывается как чисто футуральное значение, ср. пример из берестяной грамоты XIV в.:

- (19) *какъ / имешь продавать и ты / даи намъ ржи на полти / ну какъ людомъ поцнешь давать* (№ 364, втор. пол. XIV в.) — перевод А. А. Зализняка: «Когда будешь продавать, дай нам ржи на полтину — как людям станешь давать (т. е. на тех же условиях)» [Зализняк 2004: 606]⁶;

ср. аналогичный пример в непроцессуальном контексте наступления хабитуальной ситуации:

- (20) *ци ти поц[ь]/не князь купьць надъливати а ци ти присъле къ тьбѣ <...>* (№ 794, втор. пол. XII в.) «Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе...» [Там же: 320].

Семантика таких конструкций в непрошедшем времени и в прошедшем одна и та же.

Предлагая видеть в конструкциях с *начати/почати* в претеритных формах аналитическое нарративное прошедшее, И. С. Юрьева высказывает предположение, что эта аналитическая конструкция могла занять место «исчезнувшего в живом языке имперфекта» [Юрьева 2017: 20]. Замечу, что в таком случае надо говорить о консекутивном (событийном) значении имперфекта, использующегося для обозначения последовательно сменяющихся друг друга действий, каждое из которых предстает в процессе своего развертывания (см. подробнее [Петрухин 2001; Гашнева 2012; Новикова 2016: 14–16]). Сходство семантики здесь действительно есть, однако у кон-

⁶ Показателен комментарий А. А. Зализняка по поводу этой грамоты с инфинитивными сочетаниями с *имешь* и *поцнешь* в одном контексте: «Сочетание *поцнешь давать* 364 носит достаточно свободный характер; ср. аналогичные примеры в Смол. 12, № 227, 406, 129. Несколько большей степенью грамматикализации, по-видимому, обладает сочетание *имешь продавать <...>*» [Зализняк 2004: 607]. Замечу, что в названной здесь грамоте № 227 втор. пол. XII в. представлено скорее всего (если текст прочитан верно) сочетание с глаголом состояния: *тамо поцнешши тиро(вати...)* ‘ты там будешь жить(?)’ [Там же: 376].

секутивного имперфекта в фокусе находится процессуальность представления действия, событийность же и последовательность задается контекстом, в то время как *начати*-конструкции маркируют именно наступление следующей ситуации. Возможно, это тонкое семантическое различие не препятствует выдвинутому предположению о замещении *начати/почати*-конструкциями в древнерусском нарративе утраченного живым языком имперфекта, однако замечу также, что, как показало исследование М. В. Новиковой (Гашневой), такое событийное употребление имперфекта довольно долго сохраняется в вост.-слав. нарративных текстах и только в старорусскую эпоху постепенно вытесняется прошедшим на *-л-* НСВ в контексте сменяющих друг друга действий, до сих пор сохраняющимся в фольклорных текстах (прежде всего в былинах), и настоящим историческим событийным (типа *Выпрягал кобылку он солову, Клал соику на ноженку... Садился на кобылку он солову* Онежск., с. 109; *А натягивал тетивочки шелковые, А накладывал он стрелочку каленую, А стреляет тут в колечко золочёное, Попадает тут в колечко золочёное...* Онежск., с. 187) [Гашнева 2012; Новикова 2016: 14–17]. Как кажется, непосредственной корреляции между употреблением *начати/почати* + инфинитив в нарративной цепочке и настоящим историческим событийным или фольклорным прошедшим НСВ в сходном контексте не устанавливается — *начать*-конструкция в старорусскую эпоху продолжает быть столь же употребительна, как в ранних текстах, в то время как имперфект в нарративной цепочке в поздних летописях варьируется с прошедшим НСВ на *-л-* или настоящим историческим и постепенно замещается этими формами некнижного языка.

3. Как долго: старорусский период и последующая судьба

3. Обратим внимание на то, что рассмотренные свойства др.-рус. глаголов с корнем *-ча-/-чьн-* сохраняются очень долго — в старорусскую эпоху в употреблении этих глаголов не обнаруживается существенных изменений.

Использование *начать*-конструкций в летописях XV–XVI вв. в составе нарративной цепочки не менее частотно, чем в летописях ранних, сочетания их с глаголами состояния также остается возможным. Ср. примеры с непроцессуальными глаголами:

- (21) *И нача оу ни^x под Великым Новымгородом под стѣною стояниам (sic!) стояти со встѣми своими силами* (ПскЗлет, 1477 г., л. 187 об.);
- (22) *...и начат с полки своими крѣпко стояти противу безбожному Ахмату* (ВПЛ, 1480 г., л. 452 об.);
- (23) *И оттолгъ начаша рознь быти в Казани: царь почаль на князеи невгьрку дрѣжати «вы деи приводили въеводъ великого князя», и учаль ихъ убивати* (НикЛет, 1545 г., 147) и др. (см. [Шурхаленко 2022: 54–55]).

Ср. в нарративной цепочке с глаголами действия, в принципе допускающими процессуальную интерпретацию, но в данном случае явно обозначающими не начальную фазу процесса, а наступление последующей ситуации:

- (24) *И владыка Семион, не хотя кровопролития во крестьянех, оболкъся в ризы, и весь зборъ со кресты иде с владыкою на мость, и **нача благославляти** со крестомъ на всѣ стороны и **плакати**сѣ **нача**, и весь народъ **нача призыватьи**: «господи помилуй». И **начаста** и сами **плакати**сѣ, видя // святителево моление ко господу нашему Иусу Христу... (ВПЛ, 1418 г., л. 313–313 об.) —*

обратим внимание, что этот книжный контекст в интересующем нас отношении не отличается от некнижных, ср. примеры ниже:

- (25) *Владыка же Иона поиде к Мурому в судѣх и с тѣми речѣми княж Дмитреевыми приде в Муром и **начат говорити** рѣчи его бояром великого князя дѣтеи (ВПЛ, 1446 г., л. 346 об.);*
- (26) *По скончании же молебновъ призва государь къ собѣ князя Владимира Андрѣевича и боярь своихъ... и **учаль говоритъ** умильно... (НикЛет, 1552 г., 23);*
- (27) *И Азстороханскіе люди **учали бити челомъ** воеводамъ: приѣхалъ Кара-Икleshь-князь и **учаль** воеводамъ князю Юрью съ товарищи **бити челомъ** отъ князеи и отъ улановъ и отъ мурзъ и отъ всѣхъ людеи Азстороханскихъ, чтобы... (НикЛет, 1554 г., 243).*

Ср. также характерные для языка летописания употребления *начать*-конструкции вне цепочки, но включенные в широкий нарративный контекст и явно обозначающие наступление ситуации в целом, а не ее начальной фазы, часто с глаголами речи — аналогичные примеры мы видели в языке ранних летописей, ср. с приведенными выше примерами (15)–(18):

- (28) *И **учаль** государь **мыслити** з братомъ своимъ со княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и з бояры и съ всѣми воеводами, какъ иди х Казани и на которые мѣста (НикЛет, 1552 г., 191) ‘стал думать, обсуждать’;*
- (29) *...и **начат вопрошати** князь Иван: «гдѣ есть князь великий» (ВПЛ, 1446 г., л. 344);*
- (30) *...и **начат посылати** ко князю Ивану Можайскому с тѣм, что, рекши, царь на том отпустил великого князя, а он царю целовал, что царю сидѣти на Москвѣ и на всѣхъ градѣх Руских... (ВПЛ, 1446 г., л. 341 об.) и др.*

Как мы видим, в летописном нарративе старорусской эпохи *начать*-конструкция (с *начать/почать* и вновь появившимся *учать* — см. об этом ниже) сохраняет ту же способность вводить новую ситуацию, что и в древнерусскую эпоху, причем употребительность таких контекстов с *-ча*-глаголами

сравнительно с ранними летописями отнюдь не уменьшается (см. данные в работе [Шурхаленко 2022]). По всей видимости, исконная семантика этих глаголов в старорусскую эпоху остается прежней.

Вероятно, сохраняется она и позже — как мы говорили выше, еще в XIX в. сочетаемость *-ча-* глаголов с глаголами состояния была возможна в значительно большей степени, чем сейчас (см. материалы И. С. Юрьевой о сочетаниях *начать* с глаголами *быть*, *иметь*, *держать*, *любить*, *лежать*, *владеть* и др. по данным НКРЯ [Юрьева 2010; 2020]).

Исконные свойства *-ча-* глаголов, связанные со спецификой их древней семантики, хорошо сохраняют и современные северные говоры. В архангельских говорах *начать/почать* вполне употребительны в сочетаниях со стативами и другими непроцессуальными глаголами в контексте обозначения наступления новой ситуации, ср. примеры⁷:

*У нас на посёлке на Голубом сразу полсотни короф **начали держать**.*

А щяс не знаю, фсе бросили (арх.) ‘стали держать’ — речь идет о наступлении ситуации, впоследствии прекратившейся;

Почали жьит’ да жьит’**, да; **Так и почали доживаца (арх.) ‘стали доживать’;

*Там **начали фсё худо ухаживать*** (арх.) ‘стали плохо ухаживать’ — узуальная непроцессуальная ситуация;

***Почни держат’**, так хорошо!* (арх.) ‘держи’ — в повелительном наклонении;

ср. с показательным пояснением диалектолога (в скобках), свидетельствующим о неясности значения для носителя литературного языка:

*...как **начал жоницца** (= жен менять), так мы бросили йим помогать* (арх.) — непроцессуальная повторяющаяся ситуация;

ср. также в нарративном контексте единичного действия, вряд ли допускающим фазовое прочтение:

*А оцца у меня тожэ угонили, маму **почали гонять**. Войну-ту объявили, да их фьсех погонили* (арх.) — видимо, ‘стали гнать, забирать’ (КАОС).

Замечательно, что в архангельских говорах сохраняется и возможность употребления *-ча-* глаголов в конструкции с отрицанием при инфинитиве (типа *начать + не + инфинитив*), известной в др.-рус. текстах, ср. контекст из диалектных записей с пояснением (в скобках) диалектолога:

*Дом недостроен был, а две комнаты записаны на своих родителей, а две на невестку, дак невестка нашла продафца, а йево родители **начали не давать*** (препятствовать продаже дома) (арх., КАОС) —

⁷ Сердечно благодарю И. Б. Качинскую и весь коллектив Архангельского областного словаря (АОС) за предоставленную возможность познакомиться с материалами картотеки АОС.

ср. приведенный выше контекст из ПВЛ по списку XV в. и *отсель нацаша не давати дани за моръ* (Лет.Аврамки под 862 г., 35), пример (13). Замечу, кстати, что в нашем диалектном примере *начали не давать* не означает прекращения ранее существовавшей ситуации — свидетельство того, что *начать не* + инфинитив не обязательно имеет значение ‘перестать, прекратиться’ — это более широкое значение наступления ситуации отсутствия названного инфинитивом положения дел \approx ‘стали не давать’. Этот контекст подтверждает гипотезу о том, что причины невозможности сочетаний типа «начать не + инфинитив» в современном литературном языке при возможности таких сочетаний в древнерусском не в вытеснении их глаголом *перестать*, в др.-рус. эпоху мало употребительным в сочетаниях с инфинитивом⁸, а в семантических ограничениях, изначально у глаголов с корнем *-ча-* отсутствующих в силу выражения ими не фазисной, а наступительной начинательности (см. [Юрьева 2010: 272; 2020: 315], о вероятности объяснения запрета на такие сочетания в современном русском языке не «структурным вытеснением» сочетанием с *перестать*, а семантическими причинами см. [Падучева 2004: 194]).

Обратим внимание также на широкое употребление в архангельских говорах возвратного глагола *начаться* в сочетании с именами событий — АОС выделяет у него отдельное значение ‘наступить’ (КАОС) — явное свидетельство сохранения этим глаголом «наступительной» семантики, ср. в рассказе о дне 9 мая 1945 г.:

Когда Победа начялась, они пахали ужэ девятого мая. Кто в рёф ударился, кто и радуэца (арх.) ‘наступило это событие, пришло известие о победе’;

ср. также в значении ‘появиться, возникнуть’:

Раньшэ, когда эти атеисты начялись, то стали одбирать иконы; Как колхозы начялись, лошадей-то згонили (арх.) и под. (КАОС).

Все это, несомненно, свидетельства сохранения в севернорусских говорах древнего значения глаголов с корнем *-ча-*.

⁸ Ср. характерные употребления *престати/перестати* с событийными именами типа *да коли престанеть злоба си* (КЛ, 1175 г., л. 209а); *Преста моръ во Псковъ на Дмитриевъ день на осень* (ПскЗлет, 1441 г., л. 80 об.); *Того же лѣта преста моръ на зиму во Псковъ и по всеи волости* (ПскЗлет, 1421 г., л. 61 об.); и *до Ильина дни бысть дождево и потомъ преста* (ПскЗлет, 1406 г., л. 47) и под. Впрочем, известны и единичные ранние примеры сочетаний *престати* с инфинитивом, ср.: *Уже бо престану глаголати* Сл.Дан.Заточн. [Срезн., II: 1696]; *Аще и диаконъ в таковоу прегръшение впадетъ преже п(о)ставления. и по поставленіи исповѣдавъ да прѣстанеть хлѣбъ и чашию приносити и людїи да не оучитъ* КР 1284 г., 68а [СДРЯ XI–XIV вв., VIII: 289].

4. Загадки глагола *оучати*

4. Употребительность инфинитивных конструкций с *-ча-*глаголами для обозначения наступления новой ситуации как в прошлом, так и в будущем высока на протяжении всей истории русского языка, в старорусскую эпоху она не уменьшается сравнительно с древнерусской, семантика и особенности их употребления остаются прежними. При этом в старорусскую эпоху, наряду с *почать*, более книжным *начать* и относительно редким в специализированном значении *зачать*, появляется глагол *учать*, стремительно набирающий популярность во второй половине XV — XVI в. Этот глагол явно идет от живого языка — в летописях в прошедшем времени он употребляется в не книжной форме на *-л-*, см. выше примеры (23), (26)–(28). Важно отметить, что по семантике и особенностям употребления в составе инфинитивных конструкций этот новый *-ча-*глагол не отличается от *начати* и *почати*, сохраняя те же их рассмотренные выше свойства.

Именно в старорусскую эпоху идет активная конкуренция инфинитивных конструкций с начинательными глаголами за грамматикализацию в будущее. Обороты с *почнеть/учнет* оказываются включенными в устойчивые формулы делового языка и потому очень частотными (в особенности последний), что склоняет исследователей к трактовке их как близких к грамматикализации в будущее (см. [Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Пенькова 2019: 573–575] и др.). В качестве аргументов в пользу такой трактовки приводится, с одной стороны, не фазовая, а, как представлялось исследователям, чисто футуральная семантика подобных сочетаний в контекстах типа *И хто у них в тои деревне учнет жити людеи...* [Горшкова, Хабургаев 1981: 322] (см. об этом выше, раздел 1)⁹, с другой стороны — высокая частотность конструкции *учну* + инфинитив в презенсе, значительно превышающая частотность *начну* и *почну* и в разы превышающая употребительность того же *учати* + инфинитив в прошедшем времени [Пенькова 2019: 574–575].

Стоит, однако, дифференцированно рассматривать данные разных типов текстов. Как мы уже говорили выше, в летописном нарративе XV–XVI вв. конструкции с *-ча-*глаголами в прошедшем времени не теряют своей употребительности сравнительно с их употребительностью в др.-рус. летописях.

Обратим специально внимание на то, что в летописях XV–XVI вв. *учати*, как и другие глаголы с корнем *-ча-*, чаще встречается в прошедшем времени, чем в презенсе, что естественно связано с нарративным характером

⁹ Ср. аргументацию Г. А. Хабургаева: «В текстах XVI в. сочетание “*учну* + инфинитив” явно не имеет начинательного значения и указывает только на действие в будущем: *Уchnet* дияк судной список набело *писат(ь)* и ему *писчево десет(ь)* денег (оплате подлежит не начало переписывания, следовательно: ‘будет переписывать’) в Суд.XVI; *И хто у них... в починках учнет жити людеи, и наместници наши кормов своих у них не емлют* (сбор подати не может быть связан с началом переселения, следовательно: ‘будут жить’) в Гр.XVI» [Горшкова, Хабургаев 1981: 322].

текстов. Хотя в целом в летописном нарративе сочетания с *начати/почати* в прошедшем времени частотнее, чем с книжным *учати*, значительное преобладание претеритных форм над презентными представлено в таких текстах у всех этих глаголов. Так, по данным А. Д. Шурхаленко, в НикЛет за XV–XVI вв. соотношение примеров конструкции *почати* + инфинитив в презенсе и в прошедшем времени составляет 1 (презенс) : 23 (прош.), ср.:

учати + инфинитив — 4 (презенс) : 34 (прош.),
начати + инфинитив — 0 (презенс) : 89 (прош.) [Шурхаленко 2022: 55] —

для *почати* и *учати*, как мы видим, это соотношение вполне сопоставимо, решительным преобладанием претеритных форм отличается только более книжный и потому более частотный в летописном повествовании глагол *начати*.

Преобладание претеритных конструкций над презентными для глаголов с корнем *-ча-*, в том числе и *учати*, наблюдается и в других летописях XV–XVI вв., ср., например, в ПскЗлет:

почати + инфинитив — 1 (презенс) : 27 (прош.),
учати + инфинитив — 1 (презенс) : 11 (прош.),
начати + инфинитив — 6 (презенс) : 57 (прош.) [Там же].

Для *учати* этот перевес форм прошедшего времени относительно презентных действительно несколько меньше, чем для *начати* и *почати*, но связано это скорее с меньшей употребительностью книжного *учати* в летописном нарративе (напомним, что он встречается только в форме на *-л-*, а не в аористе) — в целом эти данные для всех трех глаголов вполне сопоставимы с данными по употребительности *-ча-* глаголов в раннедревнерусских летописях и других нарративных текстах, ср. соотношение суммарного количества претеритных конструкций со всеми глаголами с корнем *-ча-* и суммарного количества презентных конструкций с этими глаголами в поздних и ранних нарративных текстах:

НикЛет — 146 (претеритн. конструкции) : 5 (презентн. конструкции),
 ПскЗлет — 95 (претеритн. конструкции) : 8 (презентн. конструкции),

ср. в ранних текстах (по данным И. С. Юрьевой):

КЛ XII в. — 231 (претеритн.) : 6 (презентн.),
 СЛ XII–XIII вв. — 70 (претеритн.) : 2 (презентн.),
 ИИВ — 44 (претеритн.) : 9 (презентн.) и др. [Юрьева 2016: 545–546].

По своему употреблению в прошедшем времени в нарративе *учати* принципиально не отличается от других глаголов с корнем *-ча-* и в древнерусский, и в старорусский периоды, ср. выше примеры (23)–(30), ср. также:

(31) ...*да и иные многие неисправления король великому князю учаль дьлати, преступив крестное целование чрез докончальные грамоты* (ВПЛ, 1513 г., л. 502 об.) — *И с тѣх мѣсть почал Юмшан*

дань давати великому князю, а дотолева дани не даываль (ВПЛ, 1485 г., л. 457 об.);

ср. приведенный выше пример (23) из НикЛет с тремя *-ча-*глаголами в одном контексте: *И оттолъ начаша рознь быти в Казани: царь почаль на князеи невгьрку дръжати* «вы деи приводили въеводъ великого князя», и *учаль ихъ убивати* (НикЛет, 1545 г., 147).

Употребление *учать*-конструкции в нарративе встречается еще в севернорусских былинах, ср.: *Он учал по стрункам похаживать, да он учал голосом поваживать* (Гильфердинг, 757); *Она учала как по полати-то похаживать, она учала как голосом поваживать* (Там же, 752); *Учали жупить и говорити, как млад соловей щекотати* (Там же, 703); ср. в одном контексте с *почать* при усилительном повторе: *Учал почал во гусельшика выигрывать* (Там же, 582) [Шурхаленко 2020: 13–15]. При этом в презенсе употребления конструкции *учать* + инфинитив в былинах не зафиксировано [Там же].

В деловых документах XV–XVI вв. *учну-*конструкция в презенсе действительно в высшей степени употребительна и превосходит по частотности все прочие инфинитивные конструкции с референцией к будущему [Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Пенькова 2019: 574–575 и др.], причем особенно частотна она в устойчивых формулах, ср.:

- (32) *И хто у ни^x в то^m селиць и в деревнях учне^m жити людеи, и намгъстници мои крославецъскіе и и^x тиуни тг^x и^x людеи не суда^m ни в чо^m, опрочгъ душегубьства и розбоа с поли^uны^m* (Жалованная несудимая грам. вел. кн. Ивана Васильевича, 1487 г., АСЭИ, т. 3, № 75) —
- (33) *И хто у не² в тои дрвнѣгъ учне^m жити людеи, и намгъстници мои рузскіе и и^x тиуни тг^x его людеи не суда^m ни в че^m, опрочгъ бшегубьства и розбоа* (Жалованная несудимая грам. дмитр. кн. Юрия Ивановича, 1505 г., АСЭИ, т. 3, № 66) — та же формула повторяется и в других грамотах;
- (34) *А кто у ни^x учне^m пити силно, а учинитсѧ у ни^x в то^m пире или в бра^mчингъ какова гибель, и ка³ ту гибель велю на то^m взати бе³ суда и бе³ исправы* (Жалованная уставная грам. дмитр. и кашин. кн. Юрия Ивановича бобровникам, 1509 г., АСЭИ, т. 3, № 27) —
- (35) *А кто к ним на пир или на братчину придет незван, а не пойдет вон, а учнет у них пити силно и учинитсѧ у них тут какова гибель, и тому та гибель платити вдвое без суда и без исправы* (Жалованная уставная грам. вел. кн. Василия Ивановича переславским рыболовам, 1506 г., АСЭИ, т. 3, № 25);
- (36) *А оучну^m оу ни^x скоморихи по дрѣна^m играти си^lно и они и^x из волости вышлю^m воⁿ беспенно* (Жалованная уставная грам. дмитр. и кашин. кн. Юрия Ивановича бобровникам, 1509 г., АСЭИ, № 3, № 27) —

- (37) *А учнутъ у ни^x в те^x селе^x и в др̄^сна^x скомороси играти си^лно или попрашатаи гъздити, жита збирати, ингъ и^з се^л и^з др̄^снь вы^млю^м во^н безне^нно* (Жалованная уставная грам. дмитр. и кашинск. кн. Юрия Ивановича Саввина Сторожев. м-ря игумену Каллисту, 1505 г., АСЭИ, т. 3, № 61) и др.;
- (38) *А кто учнет мена обидѣти и тебѣ со мною стояти за ѿ^днь* (Договорная грамота рязанск. кн. Федора Васильевича со своим братом вел. кн. рязанским Иваном Васильевичем, 1496 г., Ряз., № 7) и др. —

обратим внимание на непроцессуальные глаголы в сочетании с *учнет*, склоняющие исследователей трактовать подобные сочетания как собственно будущее.

Надо заметить, что часто в тех же формулах фиксируются сочетания *иму* + инфинитив, доминирующие в XIV — первой половине XV в. и также выражающие «наступительную» начинательность (*име^м* ‘схватит, поймает’ → ‘начнет, станет (делать что-л.)’ — наступление новой ситуации [Шевелёва 2021; 2021а: 73–75]), — с конца XV в. в формуляре делового языка они начинают вытесняться *учне^м*-конструкциями, ср. с приведенными выше примерами:

- (39) *А хто оу ни^x име^м пити си^лно, а оучинитса какова гибель, и томоу то платити бе^з суда* (Жалованная уставная грам. вел. кн. Ивана Васильевича, 1488 г., АСЭИ, т. 3, № 22);
- (40) *А хто твои^x бояръ и дѣтеи боярски^x и слу^з име^м жити в нашей вотчингъ въ велико^м кнѣжнѣ, и на^м ихъ блюсти как и свои^x* (Докончанье вел. кн. Ивана Васильевича с кн. углицким Андреем Васильевичем, 1486 г., ДДГ, № 82) — формула докончальных грамот.

Связь всех этих конструкций с формуляром делового языка с присущими ему актуальными для своего времени устойчивыми клише несомненна, хотя встречаются они не только в формулах.

Интересно, что в документах из местных монастырских собраний доминирование во второй половине XV — XVI в. конструкций с *учну* не столь очевидно, как в Центре. Так, в **ярославских грамотах XV–XVI вв.**, опубликованных в [АСЭИ, т. 3], конструкция с *почну* встретилась 2 раза, конструкция с *иму* — 3 раза, конструкция с *учну* — 4 раза, два из которых в пришедших из Москвы жалованных грамотах великого князя Василия Ивановича в составе одной и той же формулы:

- (41) *А котор[ои т]гъ^x обои^x истце^с пере^д Павло^м или пере^д его тиуно^м не учне^м искати или ѿвѣчивати, и к^з кнѣзь велики велг^л того обвинити и грамоту правую на него дати* (Жалованная кормленая грам. вел. кн. Василия Ивановича Павлу Вас. Люткину, Яросл. у., 1502 — 1520-е гг., АСЭИ, т. 3, № 227) — та же формула в грамоте 1485–90 гг., АСЭИ, т. 3, № 226;

два других контекста с *учнет* — в составе формулы *кто у ни^x (в тг^x деревн^x) учне^m жити* в местных жалованных грамотах (АСЭИ, т. 3, № 201, 1463–78 гг. и № 219, 1509/10 г.).

Конструкции с *почну* и *иму* встретились в ярославских грамотах в составе той же формулы с глаголом *жити*:

- (42) *А кто в томъ сельъ почну^m жити люди великого Сп̄са, и мнѣ, князю Юрію, тг^x людеи не судити...* (Жалованная грам. кн. Юрия Константиновича [Шаховского] Спасо-Ярославскому м-рю, 1460–70 гг., АСЭИ, т. 3, № 205; то же в Жалованной грам. кн. Федора Романовича Ярославского Ярославскому Николаевскому на Глинницах м-рю, АСЭИ, т. 3, № 200) —

ср.:

- (43) *кто оу них име^m жити крестьяⁿ в тг^x деревн^x...* (Жалованная грам. вел. кнг. Марии Ярославны Спасо-Ярославскому м-рю, 1466 г., АСЭИ, т. 3, № 203; то же в Жалованной грам. ярослав. кн. Федора Федоровича Толгскому м-рю, ок. 1430–40 гг., АСЭИ, т. 3, № 220).

При этом глагол *иму* встретился в ярославских документах и вне сочетаний с инфинитивом, ср. в записи расспросных речей свидетелей:

- (44) *...а косили љ^c не ту пожню и по тг^m заросле^m по обѣма сторона^m того вра^{жс} ка проти^б тг^x двою наволоко^б монастырьские люди по старои лѣ^c по боло^m то, как и памл^m наша име^m и до стѣ^x мѣс^m, а пустоши, љ^c не, и дворища не запомни^m на тои пожнѣ* (Докладной судный список с доклада кн. Василию Ивановичу, данный ярославским тиуном Афанасием Дуровым, ок. 1495–97 гг., АСЭИ, т. 3, № 209) — букв.: ‘как память наша возьмет’ = ‘насколько мы помним’ —

свидетельство в пользу принадлежности глагола *иму-име^m* живому употреблению.

В документах из **Вологды, Устюга и других северных областей** инфинитивная конструкция с *иму* встретилась дважды (в той же устойчивой формуле жалованных грамот *Хто у них... име^m жити людеи* АСЭИ, т. 3, № 259, Жалованная грам. кн. Юрия Ивановича 1430–40 гг. и № 269, 1479 г., сохранившаяся только в списке XVIII в.), конструкция с *почну* — трижды, ср.:

- (45) *И хто почнет у них поборы брати в монастыре или в их деревнях...или хто почнет станы чинити или подводы имати силно...* (Жалованная грамота вел. кнг. Марии Ярославны Глушицкому м-рю, ок. 1462–70 гг., АСЭИ, т. 3, № 256 и др.);

конструкция же с *учну* — только в заключительной формуле Жалованной грамоты великого князя Ивана Васильевича 1482 г. Николо-Мокринскому монастырю, написанной в Москве:

- (46) *А хто **учнет** сю нашу грамоту **рушат(ь)**, а через сю мою грамоту хто что на них возмет или хто чем изобидит, и тому быти от меня царя и великого князя в казни* (АСЭИ, т. 3, № 278).

В **костромских документах** конструкции с *иму/учну* представлены в соотношении 1 : 3 (*почну*-конструкции здесь не отмечены), однако все случаи *учну* + инфинитив принадлежат жалованным грамотам великого князя Ивана Васильевича, написанным в московской княжеской канцелярии, причем все примеры в составе устойчивых формул:

- (47) *И хто у них в той деревне **учнет жити людей**, и наместници мои галицкие и их тиуны их людеи не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и татьбы с поличным* (Жалованная и несудимая грам. вел. кн. Ивана Васильевича, 1488 г. по списку 1576 г., АСЭИ, т. 3, № 243; то же № 241);
- (48) *А которой тѣ^х обой^х истце^е пере^о Александромъ или пере^о е² тиуно^м **не учне^м искати или бѣвѣчивати**, и ка³ князь велики велѣ¹ то² обвинити и грамоту правую на не² дати* (Жалованная кормленая грам. вел. кн. Ивана Васильевича Александру Васильевичу Карамышеву, г. Плес, ок. 1490-х гг., АСЭИ, т. 3, № 249) —

ср. выше та же формула в ярославских кормленых грамотах, полученных из Москвы (пример (41)).

Единственный пример *иму*-конструкции неформульный, хотя дана грамота тоже «на Москве», ср.:

- (49) *...и которьи поп **имет** у тое церкви **пети**, и не надобе ему мое сборное, ни петровское, ни к старосте поповскому с тяглым попы тянути, ни иная никоторая пошлина* (Жалованная грам. митр. Симона Дмитрию и Владимиру Аминевым об освобождении в селе их церкви св. Николая от дани и пошлин, 1496 г., АСЭИ, т. 3, № 246).

В документах из **Твери, Калязина и близких к ним западных областей** конструкция с *учну* употребительнее конструкции с *иму* (4 : 2), но во всех случаях это те же устойчивые формулы, ср.:

- (50) *...и кто у них в той слободке и в поповских дворах **учнет жити людии**, и наместници мои кашинские и их тиуни на тех их людеи приставов своих не дают и не судят их ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным* (Жалованная грам. дмитр. и кашин. кн. Юрия Ивановича Кашинскому Сретенскому м-рю, 1509 г., АСЭИ, т. 3, № 119) и др.

Обратим внимание, что здесь встречается редкий для грамот пример *учал* + инфинитив (в прош. времени) — явно неформульный, в правой грамоте, т. е. записи судебного разбирательства:

- (51) *А еще, ѿне, ѿць мои бы^л дворяской Жабѣ^нские волости, и учѣ^л, ѿне, на тѣ пустошы и на лѣсы радити люди за велико^к княз(а) ‘стал снаряжать (отправлять работать на великого князя)’ (Правая грам. с доклада дмитр. и кашин. кн. Юрию Ивановичу, данная судьей Троицкого Калязина м-ря, 1504 г., АСЭИ, т. 3, № 173).*

Возможно, в тверских и близлежащих говорах конструкция с *учати* была более употребительна, чем в собственно северо-восточных, но это не очевидно. Главное, о чем свидетельствуют все приведенные данные местных документов, — принадлежность конструкции *учну* + инфинитив московскому формуляру делового языка конца XV — XVI в., откуда она прежде всего и распространяется на места, при этом в местных документах (особенно северо-восточных областей) вполне употребительной остается конструкция с *иму*, встречается и *почну*.

Показательно, что в старорусских деловых текстах нарративного характера — **челобитных и расспросных речах** — *учать*-конструкция высоко частотна в прошедшем времени, а не в презенсе. Так, в южнорусских челобитных первой половины XVII в., опубликованных в [Челоб.], претеритная конструкция *учал* + инфинитив встречается в 25 примерах против 2 примеров презентной *учнете* + инфинитив. Как и в летописях, очень употребительным способом введения сообщения о наступлении нового события в таких нарративных рассказах о некоторых происшествиях (ограблениях и прочих обидах) являются конструкции с начинательными глаголами, из которых самым частотным оказывается *учать*, встречается также менее частотный *почать* (6 случаев). В челобитных складываются свои устойчивые формулы с *учал*-конструкцией, ср.:

- (52) *и учели меня холопа твоего би^м и мучи^м и на кропиву сожали (№ 1, 1619 г.)¹⁰;*
 (53) *и учали меня бгомолца твоего би^м и граби^м и скуѡью с меня збили и крстъ с ворота оборвали (№ 6, 1622 г.);*
 (54) *а то^м Оирсъ стргѣти^лся ту^м жа со многими лю^дми и учѣ^л меня и жени^мку мою би^м и граби^м (№ 64, 1635 г.) и др. с той же формулой;*

ср. также:

- (55) *и та Анна Тюпина жана с сыно^м своимъ са Якушо^м учела меня холопа твоего и жени^мку мою лае^м(так) всякою неподобною лаею мате^рно (№ 69, 1636 г.);*

ср. примеры с *учал* и *почал* в одном тексте:

¹⁰ В этих ю.-рус. документах широко отражается аканье-яканье, с чем связаны и встречающиеся написания *учел*, *учели* с отражением редукции корневого *a* в задударной позиции и *учела* — в предударной.

- (56) *и знаючи ево Саву жени^шка моя **учела говори^м** почему де ты Сава прѣе^зжае^ш в по^лно^ч и о^н Сава **поче^л** жени^шку маю **лая^м матеръна** (№ 7, 1622 г.);*
- (57) *и **учали** гсдрь мы холопи твои **стреля^м** изъ луко^б і ис пицалеи по шапке и в тѣ гсдрь поры Микита Ивано^б снѣ Уваро^б умысли надо мною холопо^м твои^м {...} и то^м Микита Уваро^б **саръха^л** проти^б меня с пица^лю и **поча^л** проти^б меня **скока^м** ко мнѣ встрѣчю (№ 59, 1633 г.);*

ср. в презенсе со значением будущего:

- (57) *и то^м гсдрь Василеи намѣ холопомѣ твоимѣ на посаде по стрелецкимѣ и по козацки^м слобода^м ходи^м и огне^б вымать не вели^м и хоче^м на^с холопеи твои^х досмрти поби^м буде^м де вы **учнете** впре^д в моемѣ приказе **огни выма^м** и вамѣ де о^м меня и живы^м не быть (№ 52, 1629 г.).*

Как мы видим, преобладание претеритных или презентных конструкций с *учати* зависит от жанра текста даже в рамках одного и того же делового регистра при общей очень высокой употребительности этого глагола в не книжном языке XVI — нач. XVII в. При этом семантически и по типам употребления конструкции с *учать/почать* различий не обнаруживают — в прошедшем времени, как и в презенсе.

В презенсе все конструкции с начинательными глаголами семантически фактически синонимичны: нет никаких различий между *учну* и *почну* в инфинитивных сочетаниях, сходное значение наступательной начинательности имеет *иму* — все они выражают наступление новой ситуации, а не её начальной фазы. Глаголы *почать/учать* могут выражать это значение и в плане будущего, и в плане прошлого — как это и было у глаголов на *-ча/-чън-* в предшествующей истории русского языка. Глагол *иму* (от *яти* ‘взять, схватить’) выражает это значение только в плане непрошедшего времени, в чем оказывается его существенное преимущество в конкуренции с глаголами с корнем *-ча-*. Это преимущество *иму*-конструкции, как и отрыв *иму* от собственного лексического значения, и обусловили возможность её грамматикализации в будущее в северо-восточных говорах (как и на юго-западе — в украинских и белорусских). Активизировавшийся со второй половины XVI в. глагол *стати* в инфинитивных конструкциях [Молдован 2010: 12–15; Пенькова 2019: 573–577; 2021; Пенькова, Крысько 2020: 28 и др.], также имеющий значение наступательной начинательности¹¹, с этой точки зрения тоже *иму*-конструкции уступает: *стати* с инфи-

¹¹ Замечу, что в рассмотренных тверских и кашинских грамотах XVI в. по спискам XVIII в. встретились и примеры со *стати*-конструкцией в тех же формулах, ср.: *кто у них в тех их дворах Шестака Шенишина **станет жить** людей, и тех людей наместници мои и их тиуны да не судят, а судит их игумен во всяких делах, oprичь душегубства и разбоя с поличным* (Жалов. грам. дмитр. кн. Юрия Ивановичи-

нитивом, как и *начать/почать/учать*, не специализирован на непрошедшем времени и в итоге, несмотря на высокую употребительность в XVII в. и даже в раннее новое время, все-таки грамматическим будущим не становится (см. [Стойнова 2019]).

Стремительный рост популярности в XVI — первой половине XVII в. неизвестного ранее в вост.-слав. источниках глагола *учать* и последующее столь же резкое её падение действительно обращают на себя внимание, однако это вряд ли можно считать свидетельством его грамматикализации. В значительной степени, как мы видели, эта высокая частотность связана со стандартным формуляром делового языка Центра, но, конечно, не только с этим — употребителен в указанный период *учать* в инфинитивных конструкциях становится и в летописях, и в других нарративных текстах, причем соотношение претеритных и футуральных форм здесь примерно соответствует таковому у *почати* (в меньшей степени у более книжного *начати*) в тех же текстах и в предшествующей истории русского языка. Обращает на себя внимание также отсутствие в памятниках употреблений *учать* вне сочетаний с инфинитивом (см. об этом также [Пенькова 2019: 575]) — свидетельство в пользу того, что новый *-ча-*глагол не развивает иных (вторичных) значений, кроме основного значения наступательной начинательности, реализуемого в инфинитивных сочетаниях (как мы уже говорили, названное значение и есть основное и исконное значение всех глаголов с корнем *-ча/-чьн-*, оно для них и есть полнознаменательное, вопреки [Там же]), и свидетельство в пользу достаточно позднего возникновения этого *-ча-*глагола с приставкой *у-* в вост.-слав. зоне, но доказательством в пользу его формализации это тоже быть не может.

Я. А. Пенькова предлагает говорить о дефектности парадигмы глагола *учати*, поскольку он не зафиксирован в инфинитиве и «не имеет имперфективного и возвратного дериватов»¹². Этот факт, конечно, важен для характеристики статуса глагола *учать*, однако отсутствие фиксации в памятниках, вошедших в исследованную базу данных, все-таки не может с пол-

ча на Введенский м-рь, 1510 г. по сп. XVIII в., АСЭИ, т. 3, № 176) — ср. выше в той же грамоте: *И кто учьнет в том Введенском монастыре жить игуменов и попов и чернцов и черниц, и аз, князь Юрьи Иванович, игумена Матфея пожаловал, их прикащиков судьи не судят, а судят их владыко тверской* (Там же). Встретились конструкции со *стати* в прош. времени в тех же типах употребления, что с *учати/почати*, и в ю.-рус. челобитных XVII в., ср. в одном контексте: *а то^м Ива^н у на^с деся^тни^к да ста^т но мене ноходи^т неподело^т и я тому Ивану уче^т говори^т за што Ива^н но мене ноходи^т* (№ 10, 1623 г.); *и я холо^н твои обьдо^т ста^т говори^т тому Василию даи денги да шубу да ки^т дя^к и то^м Василии поше^т на двор <...> а з мною холопомъ твои^т поча^т гоня^т з дубиною* (№ 46, 1628 г.).

¹² Я. А. Пенькова. Об инхоативном глаголе УЧАТИ в среднерусской письменности. Доклад на Международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии», ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 15 июня 2022 (тезисы доклада).

ной надежностью свидетельствовать об отсутствии соответствующих образований в системе языка — как мы уже говорили, чаще всего *учать* вообще встречается в устойчивых формулах. Кроме того, возвратный дериват у глагола *учать*, видимо, все-таки есть — ср. пример из текста XVII в., причем инфинитивные конструкции с *учать* и возвратным *учаться* употребляются здесь в одном контексте с одинаковым начинательным значением, ср.: *А что они тебе, отцу нашему и богомолцу, противу того **говорити учнут и учнеца** у них **делати**, о том к нам... писал* (Из акт. при «Созерц. кратком» С. Медведева) [Булаховский 1950: 300]¹³. Что касается инфинитива, то инфинитив от глаголов с корнем *-ча-* вообще нечасто встречается в текстах, поскольку синтаксические позиции для его употребления очень ограничены: это либо независимый инфинитив, и тогда он в нормальном случае употребляется в сочетании с именем, а не инфинитивом смыслового глагола, либо инфинитив при модальных глаголах (типа *хотѣти* и под.), которые в сочетании с начинательным инфинитивом тоже нечасты¹⁴. Не зафиксированный вне инфинитивных сочетаний *учать*, естественно, не будет встречаться и в этих инфинитивных конструкциях, тем более что и вторичные значения у него явно неразвиты (см. выше), однако исключать возможность такой фиксации все-таки нельзя. То же относится и к производному от *учать* глаголу НСВ: у всех *-ча-*глаголов производные имперфективы существенно менее употребительны, чем их производящие; для нового *учать* по названным выше причинам это может быть представлено еще в большей степени¹⁵.

¹³ Правда, для этого примера в принципе не исключена возможность отнесения *ся* к инфинитиву с дистантной препозицией энклитики в соответствии с древним правилом её постановки, однако для конца XVII в. это не слишком вероятно (см. [Зализняк 2008: 201, 219]).

¹⁴ Ср. примеры в текстах: *Наказателемъ подобаетъ перво испытати наказаемыхъ. кацѣ суть. да же будутъ стыдливи. **почати оучение*** Пч. н. XV (2), 48 об. [СДРЯ XI–XIV вв., VII: 394] — независимый инфинитив ‘следует начать учение’; *И пакы егда **хоще(т)** пѣвьць **поча(т)**. въскр(с)ни бѣ. **встаю(т)** и **стоа(т)*** УстСт к. XII, 35 об. [Там же] — *хотѣти* + инфинитив, причем здесь скорее всего в проспективном значении назревающей ситуации.

¹⁵ Обратим внимание на то, что производные имперфективы от глаголов с корнем *-ча-* в древних текстах встречаются нечасто. В ст.-сл. памятниках глагол *начинати* фиксируется 21 раз против более 200 случаев *начати* [СтСл: 357], причем в евангельском тексте (по Мар.) — только 4 раза, два из которых в совпадающих чтениях в императиве с отрицанием (**не начинанте глати** Мт. 3: 9 = Лк. 3: 8) и еще два в форме презентных причастий (**начинаѣштемъ же симъ бывати** Лк. 21: 28; **бѣ же исъ вѣко тремъ десатемъ лѣтъ начинаѣ** ‘начиная служение’ Лк. 3: 23) [Ягич 1883] — ни для одного из этих примеров нельзя с уверенностью предполагать актуально-длительную интерпретацию, указывающую на собственно фазовую семантику начинательного глагола, как и для прочих ст.-сл. примеров, собранных в [SJS, II: 326]; в финитных формах презенса в большинстве случаев это хабиту-

Еще раз подчеркнем, что по прочим параметрам — семантике и особенностям употребления в составе конструкций с инфинитивом как в прошедшем времени, так и в презенсе с референцией к будущему, — появившийся в старорусскую эпоху глагол *учати* не обнаруживает существенных отличий от старых *-ча-* глаголов *почати* и *начати* (исключая отличия, связанные с его не книжностью, см. выше). Все эти глаголы сохраняли свое собственное значение наступательной начинательности, и инфинитивные сочетания с ними всегда имели достаточно свободный характер, несмотря на их высокую частотность в составе устойчивых формул. Серьезные шансы на грамматикализацию в конкуренции с *иму*, *стану* и позднее *буду* у них вряд ли были. Столь популярный в XVI — начале XVII в. глагол *учать* впоследствии стремительно и почти бесследно исчезает. В современных говорах конструкции *учну* + инфинитив отмечены единичными примерами, ср. в диалектных записях первой половины XX в. «учну реть» (новгор. губ.) [Борковский 1949: 151]; в обширной КАОС зафиксировано всего 3 примера глагола *учать*, из них один в прошедшем времени

альное значение. Обращает на себя внимание случай употребления *начинати* в переносном значении ‘пробовать, пытаться’ с инфинитивом СВ: **они же начинаху үбити** А 9, 29 Hilf, Ochr и др. [Ibid.] — свидетельство в пользу нефазового значения *начинати*.

В вост.-слав. текстах имперфективы *начинати*, *починати* тоже значительно менее частотны, чем соответствующие перфективы: так, в ПВЛ по Лавр. *начинати* фиксируется 1 раз против 132 примеров *начати*, *починати* — также 1 пример против 51 примера *почати* [Лавр.: 652–653, 672–673]; в КЛ XII в. *начинати* — 1 пример против 150 примеров *начати*, *починати* — 3 примера против 95 примеров *почати* (см. [Юрьева 2017: 706, 742]). Важно отметить, что среди этих единичных примеров употребления *начинати/починати* в др.-рус. летописях есть сочетания со стативами, преобладают хабикулярные и вневременные контексты, ср.: *нача вѣра хъѡаньска плодитиса и расширати. и черноризьци почаша множитиса. и манастиреве починаху быти* (ПВЛ, Лавр., 1037 г., л. 51 об.); *и множество вѣрныхъ кыльнъ и населници ихъ болше потцание и любовь ко архистратигу гъню имѣти начинаютъ* (КЛ, 1200 г., л. 244 об.); *не велить ти братъ починати рати* (КЛ, 1159 г., л. 179) в сочетании с событийным именем, — тогда как примеров процессуального значения нет. Даже в поздних летописях имперфективы *начинати*, *починати* редки: так, в ПскЗлет встречается 1 пример *починати*, причем в значении хабикулярного прошедшего в не книжном контексте: *А рожь жсати починали в богородицкои постъ поздно* (ПскЗлет, 1562 г., л. 229).

Нефазовая семантика в большинстве употреблений и низкая частотность, особенно в ранний период, свидетельствуют в пользу того, что изначально имперфективы *начинати/починати*, видимо, тоже имели соотносимое со значением их производящих перфективов значение не собственно фазовой, а наступительной (контактной, точечной) начинательности, которое в сочетании с семантикой НСВ реализовалось нечасто. Позднейший рост их употребительности, вероятно, связан с развитием и актуализацией собственно фазового значения (выделения начальной фазы ситуации) у обоих членов видовой пары.

(*уц'ала говорить* после прямой речи), один в презенсе в паре с синонимичным глаголом *зачать* в двоянной конструкции, видимо, эмфатической, причем в рассказе о прошлом (*Она зач'нот да уч'нот требуют*'), — ср. аналогичное парное употребление *почать* и *учать* в прош. времени в севернорусских былинах (*Учал почал во гусельшика выигрывать*, см. выше), и один пример в презенсе без *-т*, семантика которого неясна, но более вероятно хабитуальная (*Рогамы уц'н'о п'ер'ев'ортыват'*) — крайне малая употребительность *учать*, особенно в сравнении с очень частотными *почать*, *начать* и даже *зачать* в тех же говорах, причем отличий в значении от других *-ча-*глаголов не обнаруживается, как не обнаруживается и связи с описательным будущим. По всей вероятности, перед нами остатки прежнего употребления этого уходящего глагола, ср. также выше об употреблении *учать* в севернорусских былинах.

Итак, то, что принимают за формализацию глаголов с корнем *-ча-/-чьн-*, в действительности является спецификой их исконной семантики, сохраняющейся в истории русского языка очень долго. Семантическая эволюция этих глаголов в собственно фазовые и тем самым отрыв по значению от наступательных глаголов *стать* — *стану* и диал. *иму* происходит, по видимому, уже в новое время, причем прежде всего в диалектной системе Центра, отраженной в литературном языке. Еще в XIX в., а в северных говорах и поныне эта эволюция *начать/(почать)* не достигла того уровня, какой представлен сейчас в системе литературного типа. Следствием этой эволюции становится ограничение на сочетаемость с «не-процессами», что окончательно лишает глаголы на *-ча-* шансов на формализацию в показатель будущего времени — в современном русском литературном языке складывается система собственно фазисных глаголов, базовым в которой становится начинательный глагол *начать*.

Источники, сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980—. Вып. 1—.
- АСЭИ, т. 1–3 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв. Т. 1–3. М., 1953–1966.
- ВЛ — Волынская летопись в составе Галицко-Волынской летописи (см. Ипат.).
- ВПЛ — Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. Т. XXVI. М., 2006.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ИИВ — История Иудейской войны Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова и др. Т. I–II. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. Т. 2. М., 1998.

- КАОС — Картотека Архангельского областного словаря. МГУ, филологический факультет.
- КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М., 1997.
- НикЛет — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Полное собрание русских летописей. Т. XIII (1506–1558 гг.). М., 2000.
- НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат.).
- ПскЗлет — Псковская 3 летопись // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.
- Ряз. — Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.
- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. М., 1988–.
- СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе по сп. Успенского сборника XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- СЛ — Суздальская летопись XII–XIII вв. (см. Лавр.).
- Срезн., I–III — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903.
- СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- Челоб. — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1993.
- SJS, I–IV — Slovník jazyka staroslověnského. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.

Л и т е р а т у р а

- Борковский 1949 — В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
- Булаховский 1950 — Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.
- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1950.
- Гашнева 2012 — М. В. Г а ш н е в а (Н о в и к о в а). Прошедшее несовершенное в севернорусских былинах и нарративная традиция древнерусских памятников // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 179–193.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Зализняк Анна, Шмелев 2015 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л е в. Семантика начала с аспектологической точки зрения // Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 285–296.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

Недялков 1987/2001 — В. П. Недялков. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / А. В. Бондарко (ред.). 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 180–195.

Новикова 2016 — М. В. Новикова. Особенности нарративных функций видо-временных форм в севернорусских былинах в сопоставлении с памятниками русской письменности XII–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // *Slavistična revija*. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569–586.

Пенькова 2021 — Я. А. Пенькова. К вопросу о грамматикализации глагола *стати* в истории русского языка // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 51–72.

Пенькова, Крысько 2020 — Я. А. Пенькова, В. Б. Крысько. Будущее время // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В. Б. Крысько. М.: ИЦ «Азбуковник», 2020. С. 21–30.

Петрухин 2001 — П. В. Петрухин. *Syntaxis verbi*. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 219–238.

Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.

Стойнова 2017 — Н. М. Стойнова. Аналитическая конструкция будущего времени // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. II: Синтаксические конструкции и грамматические категории / В. А. Плунгян и др. (ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 344–436.

Стойнова 2019 — Н. М. Стойнова. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 1 (37). С. 58–82.

Томашевский 1962 — Б. В. Томашевский. Примечания // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Художественная проза / Текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. 3-е изд. Л.: Наука, 1964.

Шатуновский 2009 — И. Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009.

Шевелева 2019 — М. Н. Шевелева. О древнерусском глаголе *имѣти*, посесивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.

Шевелева 2021 — М. Н. Шевелева. О глаголе *ѣти* и конструкциях *имѣ* + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 31–51.

Шевелева 2021a — М. Н. Шевелева. О конкурирующих конструкциях в истории формирования сложного будущего в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2021. № 6. С. 69–81.

Шурхаленко 2020 — А. Д. Шурхаленко. Сочетания с фазовыми глаголами в севернорусских былинах в сопоставлении с летописями XVI века. Магистерская диссертация (выпускная квалификационная работа). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020.

Шурхаленко 2022 — А. Д. Шурхаленко. Способы выражения начала действия в русских летописях XV–XVI вв. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 2. С. 52–60.

Юрьева 2010 — И. С. Юрьева. Особенности древнерусских сочетаний с глаголом *начати* // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–286.

Юрьева 2016 — И. С. Юрьева. Место инфинитивных конструкций с начинательными глаголами в системе прошедших времен древнерусских и церковнославянских текстов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 10. 2016. С. 544–553.

Юрьева 2017 — И. С. Юрьева. Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. Предисловие. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Юрьева 2020 — И. С. Юрьева. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А. А. Пичхадзе. СПб.; М.: Нестор-История, 2020. С. 296–344.

Ягич 1883 — И. В. Ягич. Мариинское Евангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Andersen 2006 — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation / Ed. by K. Eksell, T. Vinther. Bern, 2006. P. 9–45.

Maria N. Sheveleva

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian)
mnsheveleva@mail.ru

**SEMANTICS OF BEGINNING OF THE VERBS WITH THE ROOT *-ČA-/ČьN-*
IN THE HISTORY OF RUSSIAN
AND THE PROBLEM OF COMPLEX FUTURE TENSE GRAMMATICALIZATION**

The paper deals with specific semantics, in the diachronic perspective, of verbs with the root *-ča-/čьn-* (*načati/počati/učati*), which, when combined with an infinitive, have been considered as grammaticalized auxiliaries of the complex future tense. The original semantics of these verbs was different from the meaning of the modern Russian verb *načat'* because they denoted not the initial phase of a situation, but the onset of the situation as a whole. This semantic specificity, presented in Old Church Slavonic, Old Russian and Middle Russian texts up to the New Age, explains all peculiarities of the usage and compatibility of these verbs and accounts for the illusion that they function as grammaticalized forms. The verbs in question display these properties both in the present and in the past tense, their frequency in either of the tenses being determined by the narrative / non-narrative nature of the text.

The verb *učat'*, which first appeared in Middle Russian, was widely used throughout that period, and then lost popularity just as quickly, is no different in meaning than *načat' / počat'*. Its high frequency in the presence tense with reference to the future was

largely connected with its use in Moscow notarial formulae; in provincial official documents it is not so dominant, and in narrative texts, even within the official level of discourse, the use of *učat'* in the past tense prevails. None of these verbs were grammaticalized into future auxiliaries; their differences from modern Russian *načat'* are stipulated by the specifics of their semantics, which becomes phasal proper in the dialect system of the Center only in modern time.

Keywords: semantics of beginning, phaseness, onset of situation as a whole, *načnu/počnu/učnu*, history of the Russian language, grammaticalization, future tense

Статья получена 25.08.2022

References

- Andersen, H. (2006). Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. In K. Eksell, & T. Vinther (Eds.), *Change in verbal systems. Issues in explanation* (pp. 9–45). Bern: Peter Lang.
- Bulakhovskii, L. A. (1950). *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu iazyku*. Kiev: Radians'ka shkola.
- Gashneva (Novikova), M. V. (2012). Proshedshee nesovershennoe v severnorusskikh bylinakh i narrativnaia traditsiia drevnerusskikh pamiatnikov. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(23), 179–193.
- Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Vysshaja shkola.
- Iur'eva, I. S. (2010). Osobennosti drevnerusskikh sochetanii s glagolom *nachati*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 270–286.
- Iur'eva, I. S. (2016). Mesto infinitivnykh konstruksii s nachinatel'nymi glagolami v sisteme proshedshikh vremen drevnerusskikh i tserkovnoslavianskikh tekstov. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 10, 544–553.
- Iur'eva, I. S. (2020). Infinitivnye konstruksii s glagolom *nachati*. In A. A. Pichkhadze (Ed.), *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa* (pp. 296–344). St Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriia.
- Iur'eva, I. S. (Ed.). (2017). *Kievskaja letopis'*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK.
- Moldovan, A. M. (2010). K istorii fazovogo glagola *stat'* v russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(19), 5–17.
- Nedialkov, V. P. (2001). Nachinatel'nost' i sredstva ee vyrazheniia v iazykakh raznykh tipov. In A. V. Bondarko (Ed.), *Teoriia funkcional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis* (2nd ed., pp. 180–195). Moscow: Editorial URSS.
- Novikova, M. V. (2016). *Osobennosti narrativnykh funktsii vido-vremennykh form v severnorusskikh bylinakh v sopostavlenii s pamiatnikami russkoi pis'mennosti XII–XVII vv.* (Doctoral Dissertation Summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Pen'kova, Ya. A. (2019). *Imu, uch'nu, stanu, budu*: korpusnoe issledovanie perifraz budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti. *Slavistična revija*, 67(4), 569–586.
- Pen'kova, Ya. A. (2021). K voprosu o grammatikalizatsii glagola *stati* v istorii russkogo iazyka. In A. A. Pichkhadze, I. S. Iur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushinskaia,

& Yu. V. Kagarlitskii (Eds.), *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti. Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 51–72). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Pen'kova, Ya. A., & Krys'ko, V. B. (2020). Budushchee vremia. In V. B. Krys'ko (Ed.), *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka: Entsiklopedicheskii slovar'* (pp. 21–30). Moscow: Azbukovnik.

Petrukhin, P. V. (2001). Syntaxis verbi. Konsektivnyi imperfekt v rannikh vostochnoslavianskikh letopisiakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 219–238.

Shatunovskii, I. B. (2009). *Problemy russkogo vida*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Sheveleva, M. N. (2019). O drevnerusskom glagole *imeti*, possessivnykh konstruktiiakh i slozhnom budushchem s *imam' / imou* v rannikh vostochnoslavianskikh tekstakh. *Voprosy iazykoznanii*, 6, 32–50.

Sheveleva, M. N. (2021a). O glagole *enti* i konstruktiiakh *imu + infinitiv* po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. In A. A. Pichkhadze, I. S. Iur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushińskaia, & Yu. V. Kagarlitskii (Eds.), *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti. Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 31–51). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Sheveleva, M. N. (2021b). O konkuriruiushchikh konstruktiiakh v istorii formirovaniia slozhnogo budushchego v russkom iazyke. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 6, 69–81.

Shurkhalenko, A. D. (2022). Sposoby vyrazheniia nachala deistviia v russkikh letopisiakh XV–XVI vv. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2, 52–60.

Stoinova, N. M. (2017). Analiticheskaia konstruktii budushchego vremeni. In V. A. Plungian et al. (Eds.), *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka. Vyp. 2: Sintaksicheskie konstruktii i grammaticheskie kategorii* (pp. 344–436). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Stoinova, N. M. (2019). Budushchee NSV i infinitivnoe sochetanie s glagolom *stat'* kak konkuriruiushchie konstruktii v sovremennom russkom iazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(37), 58–82.

Tomashevskii, B. V. (1964). Primechaniia. In A. S. Pushkin, *Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 6: Khudozhestvennaia proza* (3rd ed.). Leningrad: Nauka.

Vaillant, A. (1952). *Rukovodstvo po staroslavianskomu iazyku*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.

Zalizniak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2015). Semantika nachala s aspektologicheskoi tochki zreniia. In Anna A. Zalizniak, I. L. Mikaelian, & A. D. Shmelev, *Russkaia aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* (pp. 285–296). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on August 25, 2022

Т. В. ПЕНТКОВСКАЯ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
tatiana.pentkovskaya@gmail.com

**ПЕРЕВОД БИБЛИИ ПИСКАТОРА 1643 Г.
И НОВЫЙ ПРОЕКТ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ПЕРЕВОДА БИБЛИИ XVII В. КНИЖНОГО КРУГА
ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО И ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО***

В статье исследуются лексические особенности церковнославянского перевода латинских подписей под гравюрами Библии Пискаatora 1643 г. в экземпляре, хранящемся в Государственной Третьяковской галерее. Лексика Библии Пискаatora рассматривается в сопоставлении с лексикой библейских переводов Чудовского книжного круга второй половины XVII в., прежде всего с Новым Заветом перевода Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Выявляются общие черты словоупотребления: наличие лексических гречизмов, а также наличие опосредованных полонизмов. При этом в переводе латинских подписей Библии Пискаatora отмечается значительное расхождение с церковнославянской традицией при выборе ряда лексем (в частности, *венрь* — *porcus*, а не *свинни*). Устанавливается, что для обоих переводов характерно обращение к составленным Епифанием Славинецким лексиконам и польским библиям. Перевод латинских подписей под гравюрами Библии Пискаatora в лингво-культурологическом аспекте может трактоваться как один из подготовительных этапов для перевода полной Библии, над которым работали чудовские книжники.

Ключевые слова: Библия Пискаatora, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Новый Завет, лексика, гречизмы, полонизмы, лексиконы.

Со второй четверти XVII в. в русской культуре происходил синтез престижных западных образцов и православной традиции [Живов 2001: 330], причем перенос концептов западных изданий в московскую книжность «не всегда носил манифестационный характер. “Чужие” тексты пытались использовать в своих, конфессиональных целях» [Беякова 2011: 104].

Образцом такого синтеза традиций служит Библия Пискаatora (*Theatrum biblicum hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti*), представляющая собой цельногравированный сборник-альбом, который включает в себя почти 500 гравюр. Этот альбом, подготовленный Николаем Иоанном Пис-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00224.

катором (Класом Янсзоном Висхером) в Амстердаме, с 1639 по 1674 г. выдержал несколько изданий [Библия Пискаatora 2020]. Начиная с 60-х гг. XVII в. по гравюрам Библии Пискаatora расписываются храмы и создаются комплексы икон не только в Москве, но и в Ростове, Костроме, Ярославле, Новгороде [Illustrated Religious Texts 2014: 185–188; Гамлицкий 2018: 197; 2019: 18–21].

В фонде редкой книги научной библиотеки Государственной Третьяковской галереи хранится экземпляр Библии Пискаatora 1643 г. (БП43), в котором латинский текст, относящийся к гравюрам, снабжен переводом на церковнославянский язык, — ГТГ. Инв. МК-56 (И-189)¹. Церковнославянский текст находится на верхнем поле, он написан мелким полууставом, переходящим в скоропись, последней четверти XVII в. И почерк, и сам перевод пословного типа предположительно атрибутируются Евфимию Чудовскому, который мог осуществить перевод до середины 70-х гг. XVII в. Помимо экземпляра 1643 г., хранящегося в ГТГ, этот же перевод находится в экземпляре 1643 г. Ярославского художественного музея (ЯХМ. Инв. 3624), а также в экземплярах 1650 г. (БАН. 17.2.6.) и 1674 г. (ВГМЗ. ВОКМ 2067; РНБ. Разнояз. F.I.19), причем подписи к гравюрам в более поздних изданиях восходят к циклу из экземпляра ГТГ [Буренкова 2019: 24; 2020: 40–45; Чинякова 2019: 59].

Евфимий Чудовский, ученик Епифания Славинецкого, занимал ведущее положение в коллективе книжников, готовившем в 70-е гг. XVII в. новый полный перевод Библии под руководством Епифания. Считается, что именно Евфимий возглавил эту работу после смерти своего учителя в 1675 г. Труды справщиков завершены не были, однако сохранился перевод Нового Завета (НЗЕ), представленный в трех рукописях: славяно-греческие диглотты ГИМ, Син. греч. 472 и 473 последней трети XVII в. и РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского) № 1291 первой трети XVIII в. [Исаченко 2015: 160–170].

По всей вероятности, подготовка к этому масштабному проекту велась задолго до официального начала работ. С ней связывается появление перевода книги Иова, выполненного с польского языка Моисеем Чудовским в 1671 г. [Исаченко 2002: 67–75]. Моисей Чудовский также принимал участие в переводе Нового Завета под руководством Епифания Славинецкого [Там же: 68]. Сам Епифаний Славинецкий в 60-е гг. XVII в. уже занимался редакцией Библии, результатом которой стало московское издание Библии 1663 г. (Б63). Это издание традиционно рассматривалось как незначительное поновление Острожской Библии, положенной в основу работ московскими справщиками. Последние исследования показывают, однако, что при создании Б63 производилась системная редакторская правка орфографии и морфологии, а также лексики, причем важнейшее место отводилось лексико-грамматическим глоссам, в которых содержались предлагаемые изменения

¹ Подробное описание этого экземпляра издания 1643 г. и его историю в России см. [Лицевые рукописи 2016: 276–282].

текста [Кузьминова 2017: 21–46; Махова 2019: 101–110; Пентковская 2022: 9–21]. Б63 явилась одним из важнейших источников перевода НЗЕ.

Гравированный фронтиспис Б63, включающий в себя библейские сюжеты, возводится композиционно к немецким протестантским источникам [Шустова 2017: 283]. Возможно предположить, что в готовящемся новом издании Библии под руководством Епифания Славинецкого планировалось существенно увеличить число гравюр. В таком случае интерес к переводу подписей под гравюрами БП43 со стороны главного сотрудника Епифания, Евфимия Чудовского, получает дополнительное обоснование. Не исключено, что гравюры БП43 с переведенными Евфимием (?) сопроводительными текстами должны были стать основой для гравюр нового издания полной Библии.

В лингвистическом отношении БП43 и НЗЕ объединяет общее словопотребление, характерное в то же время и для других переводов чудовского книжного круга. Сюда относится введение в перевод лексических грецизмов, в частности

пѣра — mantica

Не видимъ, пѣръ что на христвѣ есть — Non videmus mantice quod in tergo est (л. 274). Лат. *mantica* ‘перемётная сума, дорожный мешок’ в составе устойчивого выражения (ср. его евангельский эквивалент Мф. 7:3, Лк. 6:41) передается с помощью грецизма с тем же значением, известного в славянской традиции уже по памятникам старославянской письменности [Старобългарски речник 2009, 2: 207–208], однако в других контекстах (Мр. 6:8, Лк. 9:3, Лк. 22:35, Лк. 22:36). В этих же контекстах они употребляются в НЗЕ, в частности Мр. 6:8 Син. греч. 473 и **заповѣда ты^м, да ничтоже возмѣ^т на пѣтъ, токмоу жезлъ единъ, ни пиры, ни хлѣба, ни въ поясъ мѣди** — καὶ παρήγγειλεν αὐτοῖς ἵνα μηδὲν ἄρωσιν εἰς ὁδὸν εἰ μὴ ῥάβδον μόνον μὴ ἄρτον μὴ πήραν μὴ εἰς τὴν ζώνην χαλκόν (л. 53 об.). То же Б63 **ни пиры** (л. 451).

Актуализация этого и других древних грецизмов происходит, по всей вероятности, не в результате непосредственного обращения к древним славянским источникам, а под влиянием лексиконов, и прежде всего в результате использования составленных Епифанием Славинецким и Арсением Корецким-Сатановским в середине XVII в. «Лексикона латинского» (1642 г., Киев) и «Лексикона словено-латинского» (1650 г., Москва), восходящих к польской лексикографической традиции. В них мы находим: *mantica*... пила (вм. пира), тоболець; Пира... Pira. Saccus [Німчук 1973: 28, 263, 481]. В трехязычном «Лексиконе греко-славено-латинском» (ГСЛ) Епифания Славинецкого среди соответствий греч. *πήρα* также отмечаются **тобола** и **пира** (ГИМ, Син. греч. 383, л. 561 об.).

епархъ — praefectus

1 Мак. 2:14 **Маттѣаѣа іерей ревнитель закона Бжѣгѣ, Іѣдею Бгѣомъ газыческимъ пожрѣцѣмъ, и Антѣоха Епархѣ чрѣ³ ревность ѡбѣеннымъ, вставшѣса градѣ Мѣденъ, съ снами, и прочими Бга воцнимисѣ Іѣден,**

в пѣстынахъ себе скрываетъ. **Макав'**, **а:** г, **в:** дѣ. — Mathathias sacerdos aemulator legis divinae Iudaeo Dijs gentium imolatur et Antiochi praefecto per zelum caelis relicta vrbe Modin, cum filijs et reliquis Deum timentibus Iudaeis in defertis se abdidit. Machab.: 1. Cap.: 2.14 (л. 217).

Само заимствование **епархъ** активно употребляется в церковнославянских текстах различного происхождения уже в древнейший период развития славянской книжности [СДРЯ XI–XIV, III: 212]. В лексиконе латинском находим только praefectus, старѣшина, начальник [Німчук 1973: 325]. При этом однокоренной грецизм **епархиа** появляется у чудовских книжников не только при переводе с латыни, но и в переводе с польского языка, а именно в «Слове о милости»: z wielką *wolością* передается здесь как **ѣ великою Епархїею; в црѣвѣ сѣ^м**, и **егв Епархїихъ** как w tym krolestwie у *w tym powieście* [Пентковская 2017: 559]. Возможность такого соответствия задается синонимическим рядом «Лексикона славеноросского» Памвы Берынды (первое издание 1627 г.): **Епархїа: Кранна, земля, повѣтъ, староство, Также Урадъ, полиценаа обла^{ст}. Епархъ: староста, Ураднн на повѣтѣ^м, преложонн на краиною, Тѣ и воевода** [Німчук 1961: 204]. В ГСЛ лексеме *ἐπαρχία* даны следующие соответствия: Син. греч. 383 *ἐπαρχία, ας ἡ* **приначаліе начаство principatus: власть Епархїа Епаршество; ἐπαρχος, ου ὁ** **началникъ princeps властникъ Епархъ Eparchus** (л. 266–266 об.).

sabbata — sabbatum

Да не савватѣ нѣдатъ, вѣдержаются брани, и оутвержденїи Іаквѣтане. оунше мнаше въ простотѣ ѡмирати, нежели заповѣди Бга своего престѣпати. Макав', а: г, **в:** лн. — Ne sabbatum violent abstinent praelio et munitionibus Iacobitae: satius ducentes in simplicitate mori, quam praescripta Dei sui transgredi. Machab.: i. Cap. 2.38 (л. 218). Такое словоупотребление несвойственно Б63: 1 Мак. 2:32–34 и **текоша по нухъ мнвзи и гаша нухъ и шполчншася на нухъ, и поставнша противѣ брань въ день сѣвѣтннй... и рѣша: не изыдемъ ни сотворимъ по словѣ црѣвѣ да сквернимъ день сѣвѣты** (л. 379) — *ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῶν σαββάτων... τὴν ἡμέραν τῶν σαββάτων*.

В «Лексиконе латинском» отмечается традиционная для церковнославянского языка форма *sabbatum*, субота [Німчук 1973: 358]. В ГСЛ, однако, находим характерный для Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского грецизированный вариант: Син. греч. 383 *Σαββάτων ου τό* **Саввата sabbatum** (л. 617).

К характерному словоупотреблению чудовского книжного круга могут быть отнесены и некоторые опосредованные полонизмы, в частности

людъ — populus

Емшонса и съжегшонса твердини, Тимоѡей егоже братъ Хереа, и Аполлофанъ, вращеннїи в неи оубиваютса, мсташѣ Гдѣ людъ свой. Макав', в: г, **г:** лв. — Capto exustoque praesidio Timotheus eiusque frater Cherea et Apollophane reperti in eo caeduntur; vindicante Domino populum suum. Machab.: 2. Cap.: 10:32 (л. 223).

Сѣха да вѣдетъ земля, Гедевнѣ хошетъ рѣна водѣ Изпотствѣю,^Т
 Мадіамъ оубіенъ ѿ меча лежитъ Правдѣ тлитъ людѣ, егда царства
 держаше Іаіръ, тогда паде бл҃гоговѣніа честь — Sicca sit tellus Gedeon
 vult vellera limpham / Desudent, Madian caesus ab ense iacet // Justitiam violat
 populus dum regna tenebat / Jair, tunc cecidit relligionis honos (л. 93).

Частое появление данной лексемы в БП43 находит параллели в ее регулярном употреблении в других переводах Евфимия Чудовского, прежде всего в НЗЕ, и соотносится с польск. *lud* [Пентковская 2016: 200; 2019: 264–265]. Лексема **людѣ** собир. ‘народ, люди’ отмечается уже в переведенном с польского языка в XVI в. «Назирателе» [СлРЯз XI–XVII, вып. 8: 341]. Она фигурирует в словаре Памвы Берынды, которым пользовались и московские книжники: **людѣ тажекѣ: людѣ поважнѣ, честный, тажкѣи** [Німчук 1961: 81].

Примечательно при этом, что в «Лексиконе латинском» Епифания Славинецкого лат. *populus* передается формой мн. ч. *людис*, однако в обратной его части, словено-латинской, находим **Людѣ. Populus. Plebs** [Німчук 1973: 321, 465], что соответствует употреблению данной лексемы в рассматриваемых переводах. Эта пара составной частью входит в ГСЛ: Син. греч. 383 **ὄχλος народ^Д... людѣ populus** (л. 515 об.); **πλήθος οὐ τό множество multitudο... людѣ populus народ^Д plebs** (л. 566).

В одном случае лексема **людѣ** появляется в БП43 ошибочно вместо **лутѣ** (лат. *trux* ‘дикий, свирепый, страшный, злобный’): **Положшѣса здѣ древѣ, людѣ и народѣ сверѣпѣ, хѣвы расхищаютъ ризы, кости же нагым павлаютса** — *Deposito hic ligno trux et gens effera Christi / Diripiunt vestes, ovaque nuda patent* (л. 359). Это может быть ошибкой копирования.

В переводе БП43 встречается юго-западный лексический диалектизм **лотижный** (лат. *prodigus* ‘расточительный’): **Лотижный ѿ ѿчихъ ѿходитъ снѣ странѣ И ѿцѣ долгое² глѣтса се радѣйсѣ. Лѣка, ѣ: аї** — *Prodigus a patrijs discedit Filius oris, Et patri longum dicitur ecce vale. Luc. 15:11*. Ср. *лотыга* ‘бродяга, забулдыга’ и *лотыжный* (прил. к *лотыга*). Последняя лексема зафиксирована в «Книге глаголемой гречески алфавит» (БАН, Арх. д., № 446, XVII в.) с толкованием *лотыжное* — *шпынское* [СлРЯз XI–XVII, вып. 8: 287]. Существует также фонетический вариант *лотрыга* ‘гуляка, забулдыга’, который фонетически ближе к укр., блр. *лотр*, восходящему, в свою очередь, через польск. *łotr* ‘плут, злодей’ к ср.-в.-н. *loter* ‘легкомысленный, рыхлый’, нов.-в.-н. *Lotter(bube)* ‘лентяй’ [Фасмер 1996: 523]. В русских говорах отмечается лексема *лотр* ‘мот, бездельник’ (Смоленск), *лотра* ‘пьяница, забулдыга’ (Литва), а словообразовательные варианты *лотрыга*, *лотыга*, *лотрыжник*, *лотрюга*, *лотырь* ‘то же’ и глагол *лотрыжничать* ‘пьянствовать, мошенничать, бездельничать’ имеют близкий с ней ареал распространения — юго-западный [СРНГ, вып. 17, 1981: 159]. Важнейшим обстоятельством оказывается наличие однокоренных лексем

² Буквальный перевод наречия *longum*.

в латинском и словено-латинском лексиконах Епифания Славинецкого и Арсения Корецкого-Сатановского: *comedo, nis*, лотига, многоядца; *comessor, aris*, лотигую. *изнуряю на пирѣ, пирую*; Лотыги. марнотравцы. *Decoctores. Degulatores. Comedones* [Німчук 1973: 130, 464].

К перечню полонизмов и украинизмов, выявленных в БП43, относят также лексему *хранило* ‘темница’ [Буренкова 2019: 23]: **Заключается мрачнимъ егда Петръ храниломъ свѣтъ / Англь и звѣздъ вноситъ... Дѣла г, в: ѿ** — *Clauditur obscuro dum Petrus carcere, lumen / Angelus ex astris infert* (л. 385). Эта лексема активно используется и в других переводах чудовского книжного круга, причем в переводах с греческого языка, включая НЗЕ, она соответствует греч. *φυλακή* [Пентковская 2016: 206]. Ее широкое применение в переводах с греческого связано с выравниваем соотношения в словообразовательном гнезде по модели греческого языка: *φυλάσσω* — **хранити**, *φυλακή* — **хранило**. Использование этого слова в переводах с латыни и польского (где ее соответствием является *więzienie*) диктуется его наличием в лексиконах, в частности в Лексиконе Памвы Берынды **хранило: темница** [Німчук 1961: 144], а также в ГСЛ Син. греч. 383 *φυλακή ης ή хранило custodia храненияіе* (л. 730).

Характерным для чудовского книжного круга опосредованным полонизмом (с учетом принадлежности этого слова к древнейшему пласту старославянской лексики) является лексема

пѣназь — *nummus*

ни пѣназды вмѣщаетъ ковчегъ мой, ни гѣмна жита, рече... Лѣ в: вѣ. — *Non nummos capit arca meos, non horrea frugea Dixerat* (л. 272); **погубленъ ворѣтохъ пѣназь, радѣтесе съсѣди** — *Amissum reperi nummum gaudete vicinae* (л. 273). Ср. Лк. 15:8, где речь идет о потерянной драхме.

В переводах с греческого языка чудовского книжного круга лексема **пѣназь** регулярно соответствует греч. *χρήμα*, а в переводах с польского языка, в том числе в аргументах НЗЕ, **пѣназь** имеет прямое соответствие в виде польск. *pieniądz* [Пентковская 2016: 202–203]. Она используется и в Лексиконе Памвы Берынды: **лепта: дровный пѣна³** [Німчук 1961: 219]. В «Лексиконе латинском» находим: *numus, numulus, пѣня³, грошь, пѣнязикъ; numisma, златица, пѣнязь* [Німчук 1973: 283]. В ГСЛ отмечаются *νόμισμα ατος τό... пѣня³ nummus цата nomisma и χρήμα ατος τό... пѣнязь rescumia* (л. 480, 742).

Такие лексеммы не являются прямыми заимствованиями из диалектов, а отражают скорее влияние западнорусского книжного языка на московский его вариант, которое шло в значительной степени через лексикографические источники.

Вероятным обращением к этим лексикографическим источникам при переводе с латыни вызвано и бросающееся в глаза расхождение с церковнославянской традицией при выборе ряда лексем. Результаты такого расхождения, в свою очередь, обнаруживают совпадение с польской библейской традицией, в частности с Библией Якоба Вуйка, которая использова-

лась в качестве источника при переводе аргументов НЗЕ³. В БП43 сюда могут быть отнесены следующие случаи:

Мф. 8:28 и Лк. 15:15 *вепрь* — *porcus* (ср. БВ *wieprz*), но цсл. трад. *свиини* — χοῖρος.

Вепры погублати словныи Сатана волитъ⁴, нежели ничтоже всачески злаго назнаменати. Ма^т, и: кн. Марк: ε: β. — *Porcos perdere flagitiosus Satan mavult, quam nihil omnino mali designare. Matthe. 8.28. Marcus. 5.2* (л. 246).

Ср. Мф. 8:30–32 НЗЕ **стадо свиний** (л. 11–11 об.). Все предшествующие редакции Евангелия в Мф. 8:30–32 имеют исключительно чтение **свинии** и **стадо свинок** [Евангелие от Матфея 2005: 49]. То же Мр. 5:11–14 НЗЕ **стадо свиний... во свиниа... свиниа** (л. 51 об.). НЗВ *stádo wieprzow... w wieprze* (л. 141)⁵.

Еще один случай употребления лексемы **вепрь** в БП43 встречается в следующей надписи: **Всѣмъ погубившимся богатствомъ, нагъ же вставленъ Съ вепры чрево хоцетъ насыщати свое** **Λδ, ε: ε:ι.** — *Omnibus amissis oribus nudusque relictus, Cum porcis ventrem vult satiare suum. Luc. 15.15* (л. 287).

НЗЕ **и шедъ прилѣписа единомѹ жителей страны Фныа: и посла его на села своя пасти свинии. и желаше наполнити чрево свое Ѡ рожець** [на поле глосса: **стрѹцѣвъ**] **иже ядяхѹ свинии: и никтоже даше емѹ** — *καὶ πορευθεὶς ἐκολλήθη ἐνὶ τῶν πολιτῶν τῆς χώρας ἐκείνης καὶ ἐλεμψεν αὐτὸν εἰς τοὺς ἀγροὺς αὐτοῦ βόσκειν χοίρους. καὶ ἐλεθῆμει χορτασθῆναι ἐκ τῶν κερατίων ὧν ἤσθιον οἱ χοῖροι καὶ οὐδεὶς ἐδίδου αὐτῷ* (л. 100 об.).

НЗВ *У poślą go do folwárku swego pásc wieprze. У radby był nápełnił brzuch swoy mlotem ktore iadáli wieprze: ále mu nikt nie dawał* (л. 258).

В «Лексиконе латинском» находим *porcus*, -i, вѣпръ; *porca*, свиня; *porculus*, прося, веприкъ; в «Лексиконе словено-латинском» зафиксированы следующие соответствия: Вепрь. Арег. Вепрь домовый. *Porcus... Веприкъ. Porculus* [Німчук 1973: 322, 432]. Разные эквиваленты для *porcus* и *porca* в «Лексиконе латинском» обусловлены стремлением передать с помощью славянских лексических средств различие в грамматическом роде. В ГСЛ этот принцип также соблюдается при добавлении еще одного латинского синонима: Син. греч. 383 χοῖρος οὐ ὁ вепрь *porcus*. свина *sus* (л. 741). Ср.

³ Об известности Библии Вуйка в России см. [Белоброва 2014: 21–22; Пентковская 2016]. В составленном Евфимием Чудовским трактате «На оглаголюющия Священную библию» содержатся выписки из Библии Вуйка в издании 1599 г., а также из реформатских изданий Будного и Чеховича в переводе самого Евфимия [Горский, Невоструев 1862: 407–415; ср. Исаченко 2015: 79]. В этих выписках, как и в НЗЕ, содержится прямое указание на источник заимствования: «До здѣ Вуйко»; «Вуйко, лист 1105, ст. 23» и т. д.

⁴ Ср. *mauolo, mauis*, волю [Німчук 1973: 264].

⁵ При этом в аргументах НЗВ к Мф. 8 сказано *Czárci wychodzą w świnie* (л. 140).

sus, свиня [Там же: 390]. Таким образом, выбор лексемы м. р. в БП43 отражает м. р. соответствующего слова в латинском оригинале.

Одновременным обращением к лексиконам и польской новозаветной традиции диктуется, вероятно, и выбор формы *gotuyite* в следующем контексте:

Гласъ азъ есмь кличашъ чрезъ мѣста пѣстыннаа, готѣйте приидѣиѣ шествиѣ Гдѣи, теченіе же пѣтей. Іова, ^на, ^сѣ. **Лѣ, г, г** — Vox ego sum clamans loca per deserta parate venturo greßum domino cursumque viarum. Joha. 1.6. Luce 3.3 (л. 240). **Прежде готѣйте пѣть** — ANTE PARATE VIAM (л. 342).

В лексиконах находится словообразовательное гнездо с данным глаголом и его производными: *paro, as, parito, готую, уготовляю, paratus, a, um, готовый; paratus, us, готованіе, parate, готово, parabilis, готовий; Готую. Paro. Praeparo. Instruo. Arto; Готовый. Paratus. Expeditus. Готованіе. Paratio. Praeparatio* [Там же: 301; 440].

Ср. Лк. 3:3 НЗВ 1593 г. *Głos wołaiącego ná pußczy: **Gotuyicie** drogę Pańską czyńcie proste ścieżki iego* (л. 202). НЗЕ гла *клицяюцагѡ* [исправлено из *вопююцагѡ*] **ѣ пѣстыни, оуготовайте пѣть Гдѣи, правы творите стези егѡ** — φωνή βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐτοιμάσατε τὴν ὁδὸν κυρίου εὐθείας ποιείτε τὰς τρίβους αὐτοῦ (л. 77 об.). Исправление в НЗЕ и форма в БП43 продиктованы, вероятнее всего, обращением к ГСЛ: Син. греч. 383 **βοῶω κλητѣ, во-плю слапо** (л. 157). Ср. Б63 **гласъ вопіюцагѡ ѣ пѣстыни. оуготовайте пѣть гдѣи, правы творите стези егѡ** (л. 425 об.).

Еще один пример такого рода — это лексема *куколи* в соответствии с *zizania*: **Ѣгда спатъ члѣвци, врагъ кѣколы междосѣетъ пшеницѣ. Ма, г: кѣ.** — DVM DORMIUNT HOMINES INIMICVS ZIZANIA INTERSERIT TRITICO. Matt.: 13:25 (л. 302). В НЗЕ используемая в БП43 лексема является глоссой: **во еже же спати члѣкѡмъ, прїиде егѡ врагъ, и всѣа плевелы** [глосса *кѣколи*] **по средѣ пшеници, и ѡнде** — ἐν δὲ τῷ καθεύδειν τοὺς ἀνθρώπους, ἤλθεν αὐτοῦ ὁ ἐχθρὸς, καὶ ἐπέσπειρε ζιζάνια ἀνὰ μέσον τοῦ σίτου, καὶ ἀπῆλθεν (л. 19 об.). Именно эту лексему находим в НЗВ 1593 г.: *A gdy ludzie śpali / przybedł nieprzyiaciel iego/ u nasiał kałolu między pbenicą / u odbedł* (л. 54). В церковнославянской предшествующей практике в данной притче (Мф. 13:25–40) стабильно употребляется лексема **плѣвель** [Евангелие от Матфея 2005: 74], включая Б63 (л. 408).

Блгое сѣма сѣанное, ѡкѣдѣ оубо кѣколь. Ма, г: кѣ. BONVM SEMEN SEMINATVM, VNDE ERGO ZIZANIA. MAT. 13.27 (л. 303). НЗЕ **плевели** (л. 19 об.). НЗВ *kałol* (л. 54).

Времене жатвы пшеница да съхранаетса гѣмноу, кѣколи ѡгнемъ съжигаютса. Ма, г: лѣ. — TEMPORE MESSIS TRITICVM CONDATVR HORREO, ZIZANIA IGNE EXVRANTVR (л. 304). НЗЕ **плевелы** (л. 19 об.). НЗВ *kałol* (л. 55).

ГСЛ, как и НЗЕ, объединяет обе лексемы, первая из которых может быть расценена как церковнославянская, вторая — как ее простомовный эквивалент: *ζιζάνιον ου τό плевель кѣколь lolium* (л. 318). Источником ста-

тъи могли быть «Лексикон латинский» и «Лексикон словено-латинский»: lolium, плевели, куколь; zizania, плевель, куко^л, Плевель. Lolium. Zizania: ae. Zizanium [Німчук 1973: 257, 420, 482]. Само же соположение синонимичных славянских лексем с разным регистровым статусом (церковнославянская/простомовная) восходит, по всей вероятности, к Лексикону Памвы Берынды: **Плевельъ: Кѡкъль; Зизанїа, а плевѣ: кѡкъ^л** [Німчук 1961: 82, 207].

кадило — thus

Смирнѣ, кадило, злато, бл҃гополѣчныхъ дары дадъ вѣнѣшнїи народѣ, прѣсѣнненными валлетса ногами — Myrrham, thus, aurum Felicia munera dando, Extera turba sacros voluitur ante pedes (л. 234). Ср. Мф. 2:11 et apertis thesauris suis obtulerunt ei munera aurum tus et murram. Чтение **кадило** БП43 совпадает с чтением НЗВ: á otworzywŃy Ńkárby Ńwe / ofiárowáli mu dáry; / złoto / **kádźidlo** / y mirřę (л. 6). Это отличается от церковнославянской традиции, в которой с древнейших времен в данном контексте закрепился грецизм **ливанѣ** < λίβανος [Евангелие от Матфея 2005: 25]. Именно его находим в Б63 **ливанѣ** (л. 403) и НЗЕ **ливанѣ** λίβανον (л. 2 об.). В ГСЛ соответствием для λίβανος ου ό ‘ладан, благовоние’ является именно **кадило** thus (л. 432). Это повторяет статью «Лексикона словено-латинского» Кадило. Thus, в «Лексиконе латинском» находим также thus... кадило [Німчук 1973: 398, 456]. Лексикон Берынды фиксирует иное значение: **Кадило: лампа каганѣ оливиный** [Німчук 1961: 214].

Закономерно, что в переводах Нового Завета на простую мову, ориентированных на латино-западнославянскую традицию, в Мф. 2:11 используется именно лексема **кадило**. Она находится, в частности, в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг., где глоссируется грецизмом, заимствованным из церковнославянского текста: **а ѿворнѣши сокровища своа, принесли емоу дары. злато и кадило** [глосса: **лива**], и мирроу [Чепіга, Гнатенко 2001: 143]. В церковнославянско-простомовной диглотте Василия Тяпинского ок. 1580 г. обе лексемы употребляются параллельно: **и ѿвер’зше сокровища своа, принесоша емѣ дары, злато, и ливанѣ, и смирнѣ — и ѿворнѣши скарбы свои. принесли емѣ дары. золото. и каділо и мирѣ** [Tjapinski 2005: 13].

Употребление лексемы **кадило** в значении ‘благовония’, свойственное старшей церковнославянской традиции, отвергал в XVI в. Максим Грек, заменяя или глоссируя ее в Псалтыри, а также в переведенных совместно со старцем Силуаном Беседах на Евангелие в данном значении на грецизм **ѡнимнамѣ** (в соответствии с ѡνμίαμα) [Кравец 1991: 261–262; Пентковская, Гневшева 2019: 189]⁶. Таким образом, Евфимий Чудовский, который в целом ряде случаев вместе с книжниками чудовского круга обращается к пе-

⁶ Надо отметить, что решение Максима Грека было отвергнуто последующей авторитетной церковнославянской традицией: так, в Б63 в Пс. 140:2 читается **да исправитса мѣтва моа гакв кадило прѣд’ тобою** (л. 350) — ѡς ѡνμίαμα. Однако на новозаветный контекст с другим греческим соответствием чтение **кадило** по-прежнему не распространяется.

реводческому наследию Максима Грека и разделяет его принципы перевода [Живов 2017: 871–872; Вернер 2020: 19–23; 2021: 397–420], в данном случае согласует свой выбор с латинско-польской традицией.

вредъ — ulcus

Лазарь прѣдъ дверми богатогw лежитъ, вреда исполнь И вѣдномъ малю никтоже подаетъ помощь — *Lazarus ante fores Ditis iacet ulcere plenus Et misero parvam nemo ministrat opem* (л. 290). В «Лексиконе латинском» лексеме *ulcus, eris, ulcusculum* соответствует синонимический ряд струпъ, гной, рана, вредъ; *ulcerosus*, струпястый, вредный [Німчук 1973: 415]. Примечательно, что в НЗЕ выбран другой вариант из этого синонимического ряда: Лк. 16:20–21 **нищъ же нѣкто вѣ именѣ лазарь, иже повергашесѧ прѣдъ враты егw гноенъ** [гlossa: *встрѣплень*] и **желам насытитисѧ ѿ крѣпницъ падающихъ ѿ трапезы богатогw; но и пси приходяще ѡблизахѧ гнои** [гlossa: *стрѣпы*] егw (л. 102), ср. *ulcero, as* овреждаю, острупляю; *ulceratio*. острупление [Там же: 415].

Чтение **вредъ** БП43 не находит опоры в церковнославянской традиции: Б63 **гноенъ... гной** (л. 433). Однако оно, как и в вышеприведенных примерах, подкрепляется традицией польской: НЗВ Лк. 16:19 *Był też niektoży zebzak imieniem Łazarz / który leżał u wrot iego / wbytek **owrzedziály**: Chcąc być nasycon z odrobin / ktore pādāły z stołu bogaczowego: ále y psi przychodząc lizáli **wrzođy** iego* (л. 261).

Рассмотренный материал показывает, что БП43 и НЗЕ объединяет использование общих принципов перевода (сочетание пословного перевода с поморфемным), общий перевод определенных лексем (только из данных примеров это *хранило, куколь, пѣназь, саввата*), который, однако, распространяется на все творчество Евфимия Чудовского. Важнейшим общим фактором, определяющим специфику обоих переводных текстов, оказывается также обращение к латино-польской традиции (опосредованное — через лексиконы и непосредственное — к польским библиям). Однако между переводческими подходами НЗЕ и БП43 существует серьезная разница. Прежде всего НЗЕ представляет собой масштабный коллективный проект, над которым работал не один переводчик, а коллектив книжников. Текст его складывался в несколько этапов. Напротив, вероятнее всего, перевод подписей к гравюрам сделан одним переводчиком в более короткий промежуток времени. В отличие от переведенных с польского аргументов НЗЕ, в БП43 не ставится задача гармонизации словоупотребления с церковнославянским текстом Нового Завета. Это может объясняться спецификой оригинала подписей под гравюрами, которым является латинский текст, а не греческий. Кроме того, в большинстве случаев переводчик БП43 имел дело не с точным воспроизведением библейских и новозаветных чтений, а с парафразом, что могло повлиять на принятую стратегию перевода. Косвенно данное наблюдение может свидетельствовать в пользу более раннего появления перевода надписаний БП43 по отношению к НЗЕ, который имеет усложненную текстологическую структуру и в котором

сложным образом сочетаются разноконфессиональные источники на разных языках. Перевод латинских подписей под гравюрами БП43 в лингвокультурологическом аспекте может рассматриваться как один из подготовительных этапов для перевода всей Библии, над которым работали чудовские книжники. В целом перевод БП43 удаляется от церковнославянской традиции, опирающейся на греческую (эталонной которой в рассматриваемый период служит не столько НЗЕ, но в первую очередь Б63), и сближается с традицией латино-польской.

Источники и словари

- Библия Пискаatora — *Theatrum biblicum*. Библия Пискаatora 1643 года. М., 2020.
- Лицевые рукописи 2016 — Лицевые рукописи XI–XIX веков. Книга вторая. Лицевые рукописи XVIII–XIX веков / Авт. вступ. слова, авт.-сост. каталога Г. П. Чинякова; науч. ред. Ю. А. Грибов. М., 2016.
- Німчук 1961 — Лексикон словенороський Памви Беринди / Підг. тексту і вступ. ст. В. В. Німчука. Київ, 1961.
- Німчук 1973 — Лексикони Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підготував до видання В. Німчук. Київ, 1973.
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–XII. М., 1988–2019–.
- СлРяз XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–2019–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. Л./СПб., 1965–2019–.
- Старобългарски речник 2009 — Старобългарски речник Т. I. София, 1999. Т. II. София, 2009.
- Illustrated Religious Texts 2014* — E. Stronks, A. Morton, F. Dietz et al. *Illustrated Religious Texts in the North of Europe, 1500–1800*. 2014.

Литература

- Белоброва 2014 — О. А. Белоброва. Иллюстрированные Библии XVI–XVII веков в русских средневековых библиотеках // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LXII. СПб., 2014. С. 21–28.
- Белякова 2011 — Е. В. Белякова. Издание Кормчей книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.
- Буренкова 2019 — Е. В. Буренкова. Библия Пискаatora 1643 года из собрания Третьяковской галереи. К вопросу об истории создания русских подписей к гравюрам западноевропейского увража // Третьяковские чтения — 2019. Материалы отчетной научной конференции. М., 2019. С. 20–29.
- Буренкова 2020 — Е. В. Буренкова. Происхождение и редакция русских подписей к гравюрам Библии Пискаatora из собрания Третьяковской галереи // *Theatrum biblicum*. Библия Пискаatora 1643 года. М., 2020. С. 40–45.
- Вернер 2020 — И. В. Вернер. Филологическое наследие Максима Грека в библейской справе Евфимия Чудовского (80-е гг. XVII в.) // Десятые Римские

Кирилло- Мефодиевские чтения. Материалы конференции. Рим; Пиза 2–9 февраля 2020 г. М., 2020. С. 19–23.

Вернер 2021 — И. В. В е р н е р. Наследие Максима Грека в библейской справе Евфимия Чудовского (80-е гг. XVII в.) // Славянски текстове и традиции. Сборник в чест на Катрин Мери Макробърт. Кирило-Методиевски студии, книга 31. София, 2021. С. 397–420.

Гамлицкий 2018 — А. В. Г а м л и ц к и й. Храмы, замки, сады земные и образ Небесного Иерусалима в западноевропейской и русской апокалиптической иллюстрации // Г. П. Чинякова, епископ Николай (Погребняк), А. В. Гамлицкий. Русский лицевой Апокалипсис XVI–XVII веков. Миниатюра, гравюра, икона, стенопись. Альбом-каталог. М.: БуксМАрт, 2018.

Гамлицкий 2019 — А. В. Г а м л и ц к и й. Россия и Европа XVII в зеркале гравюры: лица, связи, влияния // Библия Пискатора — настольная книга русских иконописцев. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2019. С. 13–25.

Горский, Невоструев 1862 — А. В. Г о р с к и й, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. отд. II. Ч. III. М., 1862.

Евангелие от Матфея 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 2005.

Живов 2001 — В. М. Ж и в о в. Заметки о византийской культуре в России раннего нового времени. По поводу книги Olga B. Strakhov *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*, Köln; Weimar; Wien: Bohlaus 1998 // *Palaeoslavica*. IX. 2001. P. 335–344.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. Т. II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Исаченко 2002 — Т. А. И с а ч е н к о. Книга Иова в переводе монаха Чудова монастыря Моисея (1671 г.): особенности языка и историко-литературный контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 67–75.

Исаченко 2015 — Т. А. И с а ч е н к о. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М.: Азбуковник, 2015.

Кравец 1991 — Е. В. К р а в е ц. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // *Russian linguistics*. 15 (1991). P. 247–279.

Кузьминова 2017 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 21–46.

Махова 2019 — М. В. М а х о в а. О маргинальных глоссах в Новом Завете Московской Библии 1663 года и их источниках // *Stephanos*. 2019. № 2 (34). С. 101–110. URL: <http://stephanos.ru/index.php?cp=901&getNum=53>.

Пентковская 2016 — Т. В. П е н т к о в с к а я. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 1 (31). С. 182–226.

Пентковская 2017 — Т. В. П е н т к о в с к а я. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // *Slovène. International Journal of Slavic Studies*. 2017. № 2. С. 548–577.

Пентковская 2019 — Т. В. П е н т к о в с к а я. Рецепция афоно-тырновской книжной справки в поздней переводческой практике: московские справщики вто-

рой половины XVII в. между церковнославянской и польской традициями // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика-2 / Отв. ред. В. С. Ефимова. М., 2019. С. 260–290.

Пентковская 2022 — Т. В. Пентковская. От Острожской Библии к Московской Библии 1663 года: вопросы лексического редактирования // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2022. № 1. С. 9–21.

Пентковская, Гневшева 2019 — Т. В. Пентковская, И. М. Гневшева. Цитаты из Псалтыри в составе перевода Бесед на Евангелие книжного круга Максима Грека // *Studi Slavistici*. 2019. Т. 16, № 2. С. 177–198.

Чепіга, Гнатенко 2001 — Пересопницьке Євангеліє 1556–1561: Дослідження. Транслітерованій текст. Словопоказчик / НАН України, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, Інститут української мови, Український мовно-інформаційний фонд; підгот. І. П. Чепіга за участю Л. А. Гнатенко; наук. ред. В. В. Німчук. Київ, 2001.

Чинякова 2019 — Г. П. Чинякова. Библия Пискаatora // Библия Пискаatora — настольная книга русских иконописцев. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2019. С. 58–59.

Шустова 2017 — Ю. Э. Шустова. Западноевропейские источники фронтисписа московской Библии 1663 года // Румянцевские чтения — 2017: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания. М., 2017. С. 278–284.

Фасмер 1996 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–III. 3-е изд. СПб.: Азбука; М.: Изд. центр «Терра», 1996.

Tjapinski 2005 — *Evanhelijs in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und Kommentare (= Biblia Slavica III: Ostslavische Bibeln, Band: 5) / Hrsgb. H. Rothe, H. Halencanka, R. Olesch. Ferdinand Schöningh: Paderborn; München; Wien; Zürich, 2005.*

Статья получена 29.05.2022

Tatiana V. Pentkovskaya
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
tatiana.pentkovskaya@gmail.com

**PISCATOR'S BIBLE TRANSLATION OF 1643 AND A NEW PROJECT
OF THE CHURCH SLAVONIC BIBLE TRANSLATION OF THE 17TH CENTURY
BELONGING TO THE BOOK COTERIE
OF EPIPHANIUS SLAVINETSKY AND EUTHIMIUS CHUDOVSKY**

The article examines lexical features of the Church Slavonic translation of Latin inscriptions under the engravings of the Piscator Bible of 1643 in a copy kept in the State Tretyakov Gallery. The vocabulary of the Piscator Bible is considered in comparison with the vocabulary of the biblical translations of the Chudovsky book coterie of the second half of the 17th century, primarily with the New Testament translation of Epiphanius Slavinetzky and Euthimius Chudovsky. Common features of word usage are revealed: the presence of lexical Grecisms, as well as the presence of indirect Polish borrowings.

At the same time, in the translation of the Latin inscriptions of the Piscator Bible, there is significant discrepancy with the Church Slavonic tradition in choosing certain lexical equivalents (in particular, *vepr'* for *porcus* instead of *svinii*). We show that both translations resort to the lexicons and Polish bibles compiled by Epiphanius Slavivetsky. In the linguistic and cultural aspects the translation of Latin inscriptions under the engravings of the Piscator Bible can be regarded as one of the preparatory stages for the translation of the complete Bible, accomplished by the bookmen of the Chudov monastery.

Keywords: Piscator's Bible, Epiphanius Slavivetsky, Euthimius Chudovsky, New Testament, vocabulary, Grecisms, Polonisms, lexicons

References

- Alekseev, A. A., Pichkhadze, A. A., & Babitskaia, M. B. (Eds.). (2005). *Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii*. St Petersburg: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo.
- Beliakova, E. V. (2011). Izdanie Kormchei knigi i problema smeny kul'turnoi orientatsii. *Rossiiskaia istoriia*, 4, 103–113.
- Belobrova, O. A. (2014). Illiustrirovannye Biblii XVI–XVII vekov v russkikh srednevekovykh bibliotekakh. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 62, 21–28.
- Burenkova, E. V. (2019). Bibliia Piskatora 1643 goda iz sobraniia Tret'iakovskoi galerei. K voprosu ob istorii sozdaniia russkikh podpisei k graviuram zapadnoevropeiskogo uvrazha. In T. A. Iudkevich (Ed.), *Tret'iakovskie chteniia — 2019. Materialy otchetnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 20–29). Moscow: Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia.
- Burenkova, E. V. (2020). Proiskhozhdenie i redaktsiia russkikh podpisei k graviuram Biblii Piskatora iz sobraniia Tret'iakovskoi galerei. In T. L. Karpova (Ed.), *Theatrum biblicum. Bibliia Piskatora 1643 goda* (pp. 40–45). Moscow: Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia.
- Chepiga, I. P., & Gnatenko, L. A. (Eds.). (2001). *Peresopnits'ke Evangelie 1556–1561: Doslidzhennia. Transliterovaniia tekst. Slovpokazhchik*. Kyiv: NAN Ukraini.
- Chiniakova, G. P. (2019). Bibliia Piskatora. In T. L. Karpova (Ed.), *Bibliia Piskatora — nastol'naia kniga russkikh ikonopistsev* (pp. 58–59). Moscow: Gos. Tret'iakovskaia galereia.
- Gamlitskii, A. V. (2018). Khramy, zamki, sady zemnye i obraz Nebesnogo Ierusalima v zapadnoevropeiskoi i russkoi apokalipticheskoi illiustratsii. In G. P. Chiniakova, episkop Nikolai (Pogrebniak), A. V. Gamlitskii, *Russkii litsevoi Apokalipsis XVI–XVII vekov. Miniatiura, graviura, ikona, stenopis'. Al'bom-katalog* (pp. 298–305). Moscow: BuksMArt.
- Gamlitskii, A. V. (2019). Rossiia i Evropa XVII v zerkale graviury: litsa, sviazi, vlianiia. In T. L. Karpova (Ed.), *Bibliia Piskatora — nastol'naia kniga russkikh ikonopistsev* (pp. 13–25). Moscow: Gos. Tret'iakovskaia galereia.
- Isachenko, T. A. (2002). Kniga Iova v perevode monakha Chudova monastyria Moiseia (1671 g.): osobennosti iazyka i istoriko-literaturnyi kontekst. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4(10), 67–75.
- Isachenko, T. A. (2015). *Vera i protivlenie v otvetakh i oblicheniakh 80–90 kh gg. XVII v. Nove bibleiskie perevody v filologicheskikh shkolakh XVII v.* Moscow: Azbukovnik.

Kravets, E. V. (1991). Knizhnaia sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii tserkovnoslavianskogo iazyka XVI v. *Russian linguistics*, 15, 247–279.

Kuz'minova, E. A. (2017). Grammatika 1648 g. kak regulator bibleiskoi knizhnoi spravy vtoroi poloviny XVII v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 5, 21–46.

Makhova, M. V. (2019). O marginal'nykh glossakh v Novom Zavete Moskovskoi Biblii 1663 goda i ikh istochnikakh. *Stephanos*, 2(34), 101–110.

Pentkovskaia, T. V. (2016). Novyi Zavet v perevode knizhnogo kruga Epifaniiia Slavinskogo i pol'skaia perevodcheskaia traditsiia XVI v.: perevod argumentov k Apostolu. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(31), 182–226.

Pentkovskaia, T. V. (2017). «Slovo o milosti» v tserkovnoslavianskom perevode vtoroi poloviny XVII v. i ego pol'skii original: peredacha realii. *Slověne*, 2, 548–577.

Pentkovskaia, T. V. (2019). Retseptsiia afono-tyrnovskoi knizhnoi spravy v pozdnei perevodcheskoi praktike: moskovskie spravshchiki vtoroi poloviny XVII v. mezhdru tserkovnoslavianskoi i pol'skoi traditsiiami. In V. S. Efimova (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika-2* (pp. 260–290). Moscow: Indrik.

Pentkovskaia, T. V. (2022). Ot Ostrozhskoj Biblii k Moskovskoi Biblii 1663 goda: voprosy leksicheskogo redaktirovaniia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 1, 9–21.

Pentkovskaia, T. V., & Gnevshcheva, I. M. (2019). Tsitaty iz Psaltyri v sostave perevoda Besed na Evangelie knizhnogo kruga Maksima Greka. *Studi Slavistici*, 16(2), 177–198.

Rothe, H., Halencanka, H., & Olesch, R. (Eds.). (2005). *Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und Kommentare*. Padeborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh.

Shustova, Yu. E. (2017). Zapadnoevropeiskie istochniki frontispisa moskovskoi Biblii 1663 goda. In V. V. Fedorov et al. (Eds.), *Rumiantsevskie chteniia — 2017: 500-letie izdaniia pervoi slavianskoi Biblii Frantsiska Skoriny: stanovlenie i razvitie kul'tury knigopechataniia* (pp. 278–284). Moscow: Pashkov Dom.

Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* (3rd ed., Vols. 1–4). St Petersburg; Moscow: Azbuka; Terra.

Verner, I. V. (2020). Filologicheskoe nasledie Maksima Greka v bibleiskoi sprave Evfimiia Chudovskogo (80-e gg. XVII v.). In I. Verner, N. Zapol'skaia, & M. Obizhaeva (Eds.), *Desiatye Rimskie Kirillo-Mefodievskie chteniia. Materialy konferentsii (Rim, Piza 2–9 fevralia 2020 g.)* (pp. 19–23). Moscow: Indrik, 2020.

Verner, I. V. (2021). Nasledie Maksima Greka v bibleiskoi sprave Evfimiia Chudovskogo (80-e gg. XVII v.). In S. Nikolova (Ed.), *Slavianski tekstove i traditsii. Sbornik v chest na Katrin Meri Makrob"rt* (pp. 397–420). Sofia: Simolini-94.

Zhivov, V. M. (2001). Zаметки о византийской культуре в России раннего нового времени. По поводу книги Олга В. Стрехов *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705)*, Köln; Weimar; Wien: Bohlau 1998. *Palaeoslavica*, 9, 335–344.

Zhivov, V. M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti* (Vol. 2). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.

Received on May 29, 2022

Г. А. МОЛЬКОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
georgiyolkov@gmail.com

М. Г. ШАРИХИНА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
justmilya@yandex.ru

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ТРЕБНИКЕ НИКОНА (1658 Г.)
НА ФОНЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ
БОГОСЛУЖЕБНОЙ ТРАДИЦИИ XV–XVII ВВ.
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТДЕЛЬНЫХ ЧИНОВ)***

Исследование расширяет круг текстов, традиционно привлекавшихся для решения вопроса об источниках никоновской книжной справы, и, как следствие, круг языковых явлений, характеризующих Требник 1658 г. на фоне предшествующей богослужебной традиции. Грамматические особенности четырех богослужебных чинов в Требнике Никона 1658 г. рассмотрены в сравнении с теми же текстами в составе ранних редакций XIV в., юго-западных редакций (Гедеона Балабана и Петра Могилы) первой половины XVII в. и московских дониконовских печатных требников (1639 и 1651 гг.), с привлечением греческого оригинала чинов по венецианскому изданию 1602 г.

В ходе сопоставления был выявлен ряд последовательных языковых соответствий, которые могут рассматриваться в качестве характеризующих никоновскую редакцию требника на фоне предшествующей традиции. Круг этих языковых черт шире, чем указанный исследователями, опиравшимися на данные кавычных экземпляров Требника Никона. Проведенный анализ показал, что языковой вариант в этом издании ориентирован на требники, принадлежащие разным территориальным церковнославянским узусам, а не только на юго-западный извод или грамматику греческого оригинала: московский старопечатный второй трети XVII в. (флексии *-ы*, *-и* в род. п. ед. ч. жен. и муж. рода, им.-вин. п. мн. ч. жен. рода и в вин. п. мн. ч. муж. рода мягкой разновидности 1-го склонения; формант *-ите* в императиве), югозападнорусский в редакции Петра Могилы (*л*-форма со связкой во 2 л. ед. ч. для выражения прошедшего времени) и афонский XIV в. (возвратный глагол на месте аналитического пассива; местоимения *того/его* для выражения 3 л.; конструкция *да* + индикатив при передаче греческой конструкции *ἵνα* + conj.). Основным фактором, определяющим употребление рассматриваемых в статье грамматических форм и конструкций в Требнике 1658 г., является устранение вариативности в их оформлении.

Ключевые слова: историческая грамматика, церковнославянский язык, Требник, никоновская справа, нормализация языка.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00171.

Вводные замечания

В истории книжной справки, осуществлявшейся в середине XVII в. под руководством патриарха Никона, традиционно актуальной остается проблема источников правки, среди которых в качестве основных признают два: югозападнорусские печатные книги и венецианские издания греческих богослужебных текстов [Кузьминова 2014: 129–130]. В частности, для Требника (1658 г.; далее — ТН) было установлено (начиная с неопубликованного исследования В. Новицкого 1914 г.), что наибольшее влияние на него оказал Требник Петра Могилы (1646 г.; далее — ТПМ) [Новицкий 1914: 175]. Позднее были введены в научный оборот два кавычных экземпляра ТН (РГАДА. Ф. 1251. № 978/2 и Ф. 381. № 1760)¹, которые представляют собой печатное издание ТПМ [Сиромаха, Успенский 1987: 81–82; Агеева 2004: 183]. Кроме того, в рукописях Тип. № 1803 (РГАДА) и Син. № 308 (ГИМ) отразился второй этап правки, в ходе которой был внесен ряд дополнений и изменений с учетом сербского Требника Син. 307, привезенного с Афона. На этом этапе также проводилась языковая правка и параллельная сверка с греческим оригиналом [Агеева 2004: 186–188]. Известно, что в ходе исправления богослужебных книг, и в частности Требника, никоновские справщики обращались к греческим оригиналам [Сиромаха, Успенский 1987: 82; Кузьминова 2014: 130]. Среди них были как рукописные, так и печатные венецианские издания². Исследование В. Новицкого, основанное на сравнении состава Требника Никона и печатного венецианского евхология 1602 г., показало общий порядок статей. При этом содержание текстов имеет некоторые различия [Новицкий 1914: 30]. Важность печатного издания греческого евхология 1602 г. подтверждается тем, что он был обнаружен в библиотеке Московской Синодальной типографии. На его основе, по мнению А. А. Дмитриевского, проводилась правка Служебника [Дмитриевский 2004: 33–34].

Помимо греческого текста, справщики Печатного двора обращались к церковнославянским печатным и рукописным книгам [Новицкий 1914: 175; Сиромаха, Успенский 1987: 82–83], о чем свидетельствуют «многочисленные указания на используемые источники» на полях экземпляра ТПМ, послужившего кавычной книгой [Агеева 2004: 184].

Ряд грамматических черт, актуальных для никоновских справщиков, был выделен Б. А. Успенским³. В целом они, по мнению ученого, соответствуют их ориентации на югозападнорусские печатные издания и грече-

¹ Два других кавычных экземпляра Требника (РГАДА. Ф. 381. № 1803 и ГИМ. Син. № 308) основаны на экземпляре № 978/2 [Сиромаха 1980: 11; Сиромаха, Успенский 1987: 82].

² О роли последних в никоновской справе см. [Андреев 2017: 98–99].

³ Исследователями были также рассмотрены лексические особенности никоновской справки. Подробнее см. [Успенский 2002: 462–464; Агеева 2004: 185–186].

ские тексты [Успенский 2002: 433–471]. Языковые явления, вошедшие в норму ТН, рассматривались исследователями только для текстов, общих в ТПМ и ТН, и на материале кавычных экземпляров. В статье будут представлены результаты выявления основных морфологических параметров, характеризующих никоновскую редакцию требника на фоне предшествующих редакций, которые представляют разные территориальные традиции и отражают несколько этапов языковой правки: раннюю московскую и южнославянскую, югозападнорусские и московские редакции XVII в. Языковые явления были рассмотрены на материале четырех чинов: 1. Чина крещения (лл. 1–14 в ТН); 2. Чина богоявленского освящения воды (лл. 203–222 в ТН); 3. Чина на одеяние рясы и камилавки (лл. 221–221 об. в ТН); 4. Чина освящения церкви (лл. 848–889). Региональные языковые особенности выявлялись на основе анализа следующих редакций:

— ранние редакции: 1. Московские: особая московская редакция конца XIV в. (Службник. ГИМ, Син. 601⁴) (далее — МР); московская редакция митр. Киприана (Евхологий. ГИМ, Син. 900, конец XIV–нач. XV в.) (далее — МР(К)); 2. Афонская редакция XIV в. по рукописи Син. 307 (1423 г.), привезенной Арсением Сухановым с Афона (далее — АР);

— югозападнорусские редакции: 1. Требник Гедона Балабана, изданный в Стрягине в 1606 г. (далее — ТГБ); 2. Требник Петра Могилы 1646 г.;

— московские дониконовские печатные требники: 1. Мирской и иноческий требники 1639 г. (далее — Т1639); 2. Требник 1651 г. (далее — Т1651).

Греческий оригинал проверялся нами по венецианскому изданию 1602 г., а также по критическому изданию константинопольского евхология XI в., подготовленному М. Арранцем [2003] (для Чина освящения церкви, который отсутствует в венецианском издании).

Тексты были выбраны по следующему параметру: два чина — крещения и богоявленского освящения воды — присутствуют во всех рассматриваемых редакциях требника, а также в греческом венецианском евхологии. Чин на одеяние рясы и камилавки в ТН отличается по составу от других редакций, однако совпадает с греческим изданием. Особо рассматривается Чин освящения церкви, в языке которого отражена преемственность никоновской редакции по отношению к афонской. Этот чин отсутствует в греческом венецианском издании и в ТПМ (в последнем отличается содержательно), однако присутствует в других редакциях.

В ходе сравнительно-сопоставительного исследования языка указанных чинов были выявлены ряды последовательных языковых соответствий, которые могут рассматриваться в качестве характеризующих никоновскую редакцию требника на фоне предшествующей традиции.

⁴ Т. И. Афанасьева относит эту рукопись к «периферийным сборникам», поскольку в нее входят тексты как киприановской, так и докиприановских редакций [Афанасьева 2022: 274].

1. Грамматические явления, характеризующие Требник Никона

Наиболее последовательно выдерживаются во всех рассмотренных чинах ТН следующие явления, отличающие эту редакцию.

1.1. Устранение исконных флексий *-а*, *-я* мягкой разновидности 1-го склонения в род. п. ед. ч. жен. и муж. рода, им.-вин. п. мн. ч. жен. рода и в вин. п. мн. ч. муж. рода и замена их на флексии *-ы*, *-и*:

ТН	ТПМ	МР	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>ѡ мѣри</i> (л. 9)	<i>ѡ Мѣриа</i> (ч. 1, л. 28)	<i>ѡ мѣриа</i> (л. 230 об.)	<i>ѡ Мѣрие</i> (л. 4 об.)	<i>ѡ маѣриа</i> (л. 9)	<i>ѡ мѣриа</i> (л. 105 об.)	<i>ѡ мѣри</i> (л. 94 об.)
<i>возвращаетъ струи</i> (л. 203)	<i>возвращаетъ струа</i> (ч. 2, л. 34)	<i>възвращаетъ струа</i> (л. 343 об.)	<i>възвращаетъ струе</i> (л. 127)	<i>возвращаетъ струа</i> (л. 380 об.)	<i>возвращаетъ струа</i> (л. 61)	<i>возвращаетъ струи</i> (л. 55)
<i>молитвами ... бѣци</i> (л. 1, 4)	<i>Молитвами ... Бѣа</i> (ч. 1, л. 21, 23)	<i>мѣтвами ... Бѣа</i> (л. 229)	<i>мѣтвами ... бѣе</i> (л. 22)	<i>мѣтвами ... Бѣа</i> (л. 290 об.)	<i>мѣтвами ... бѣца</i> (л. 104 об.)	<i>мѣтвами ... бѣцы</i> (л. 93 об.)

Систематически эти окончания употребляются в частотной формуле: *Мѣтвами Прѣтыа Влѣца нашела Бѣа, и прѣнѡ Дѣбы Маѣриа*. Данный тип замен соответствует изменениям, внесенным в московское издание грамматики М. Смотрицкого⁵ [Кузьмина 2012: 200–204]. Но следует обратить внимание, что в этом никоновская редакция совпадает с московским требником иосифовской редакции 1651 г. Таким образом, появление флексий *-ы*, *-и* может рассматриваться не только как непосредственная ориентация на рекомендации грамматики, но и как следование за нормой, уже принятой в предшествующем издании требника.

1.2. Замена *-ѣте (-ете)* на *-ите* в императиве глаголов 1-го спряжения. В этом никоновская редакция также совпадает с московским требником 1651 г., а также с большинством форм в Требнике 1639 г. (см. таблицу).

ТН	ТПМ	МР	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>приидите</i> (л. 203)	<i>приидѣте</i> (ч. 2, л. 34)	<i>приидѣте</i> (л. 343 об.)	<i>приидѣте</i> (л. 127)	<i>приидѣте</i> (л. 380)	<i>приидѣте</i> (л. 61)	<i>приидите</i> (л. 55)
<i>призовите</i> (л. 206)	<i>призовѣте</i> (ч. 2, л. 36)	<i>призовите</i> (л. 345 об.)	<i>призовете</i> (л. 128 об.)	<i>призовѣте</i> (л. 383)	<i>призовите</i> (л. 62 об.)	<i>призовите</i> (л. 56 об.)

⁵ Для понимания особой роли в работе никоновских справщиков первого и второго (московского) изданий Грамматики М. Смотрицкого требует изучения вопроса, в каком отношении и насколько последовательно проводилась книжная справа с опорой на этот грамматический трактат во всем объеме морфологических категорий, актуальных для языковой справки.

ТН	ТПМ	МР	АР	ТБ	Т1639	Т1651
<i>изыдите</i> (л. 206)	—	<i>изыдѣте</i> (л. 346)	<i>изыдете</i> (л. 128 об.)	<i>изыдете</i> (л. 383 об.)	<i>изыдѣте</i> (л. 63)	<i>изыдѣте</i> (л. 57)
<i>Почерните</i> (л. 207)	<i>Почернѣте</i> (ч. 2, л. 37)	<i>почернѣте</i> (л. 346 об.)	<i>почрнѣте</i> (л. 129)	<i>Почрнѣте</i> (л. 384)	<i>почерните</i> (л. 63)	<i>почерните</i> (л. 57)

Такая замена рекомендована в московском издании грамматики для форм 2 лица атематических глаголов: *ядите*, *дадите*. Однако для 1-го спряжения Грамматика дает суффикс *-е*: *чтете/чтетѣ*, *чтетеса/чтетѣса* (Г1648, л. 193в, 204)⁶. Это исключает влияние грамматики на повсеместное употребление форм с суффиксом *-и* в ТН и демонстрирует влияние Т1651 и, вероятно, Т1639, где почти все формы императива во 2 л. мн. ч. унифицированы.

1.3. Употребление *л*-формы со связкой во 2 л. ед. ч. (перфектной по происхождению) для выражения прошедшего времени.

ТН	Εὐχολόγιον 1602	ТПМ	МР	АР	ТБ	Т1639	Т1651
перфект (14 ⁷)	аорист (14)	перфект (14)	перфект (8) / аорист (6)	аорист (11) / перфект (2) / императив	перфект (8) / аорист (5) / императив	перфект (7) / аорист (5)	перфект (7) / аорист (5)

Как показывают данные представленной таблицы, употребление формы перфекта в ТН в основном совпадает с редакцией Петра Могилы, где в редких случаях в этой функции употребляется форма аориста (в других чинах, не рассматриваемых в настоящей статье). В остальных редакциях встречается разное соотношение форм перфекта и аориста, но обычно в пользу первого (за исключением афонской редакции). Выбор одной формы и, как следствие, исключение вариантности выражения одних и тех же грамматических категорий являются характерными тенденциями, отличающими редакции Никона и Петра Могилы от предшествующих. Последовательное употребление формы перфекта со связкой во 2 л. ед. ч. прошедшего времени характеризует также редакцию митрополита Киприана, от-

⁶ Показатель императива глаголов 1-го спряжения в 1 и 2 л. мн. ч. исправлялся при переиздании грамматики: исконный *-ѣ* заменялся на *-е* [Кузьминова 2012: 222], что создавало омонимию императива с формами настоящего и будущего времени в этом спряжении и, по мнению Е. А. Кузьминовой, было выстроено симметрично парадигме 2-го спряжения, имеющего омонимичные формы (с *-и*) в императиве и презенсе [Там же: 223].

⁷ Здесь и далее в скобках указано количество употреблений в рассматриваемых чинах.

раженную в «Евхологии Великой Церкви» (конец XIV в.) [Афанасьева, Шарихина 2017]. Однако каких-либо фактов, которые могли бы подтвердить непосредственное влияние этого памятника на никоновскую языковую справу, пока обнаружено не было.

Рассматриваемое явление не соответствует требованиям грамматики, так как в ней для 2 л. ед. ч. дается форма перфекта без связки: *цель, чла, чло* (Г1648, л. 190 об.–192). В связи с этим можно утверждать, что употребление формы перфекта во 2 л. ед. ч. в прошедшем времени могло быть связано с влиянием узуса ТПМ.

1.4. Употребление в ТН местоимения *тебѣ* на месте клитики *ти*. В целом в тексте ТН используются оба варианта местоимений, что не противоречит рекомендациям грамматики (Г1619, 99–99 об.; Г1648, 161 об.–162). При этом формы *тебѣ*, вероятно, являются приоритетными. Сравнение языка ТН и ТПМ по данному параметру [Мольков, Шарихина 2022: 35] показало, что во многих случаях полные формы местоимения в ТН стоят на месте энклитик в параллельных чтениях ТПМ, например: *запрѣщает ти* (ТПМ, I, 39) > *тебѣ* (ТН, 23); *молимъ ти сѧ* (ТПМ, I, 55) > *молимсѧ тебѣ* (ТН, 42); *подобаетъ ти* (ТПМ, I, 412) > *тебѣ* (ТН, 92). Обратных соответствий не отмечено. Употребление местоимения *тебѣ* ярко отличает редакцию Никона от редакции Петра Могилы, где клитика *ти* является весьма частотной⁸. В других редакциях рассматриваемых чинов встречаются оба варианта, при этом доминируют энклитики. Выбор той или иной формы ничем не обусловлен.

ТН	ТПМ	МР, МР(К) (Чин освящения церкви)	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>тебѣ</i> (10)	<i>ти</i> (3 ⁹)	<i>ти</i> (3) / <i>тебѣ</i> (1)	<i>ти</i> (6) / <i>тебѣ</i> (2)	<i>тебѣ</i> (1)	<i>ти</i> (9) / <i>тебѣ</i> (1)	<i>ти</i> (9) / <i>тебѣ</i> (1)

1.5. Употребление тв. п. на месте греческой конструкции $\delta\acute{\iota}\alpha + \text{Gen.}$ в значении средства (орудия). В других редакциях используется несколько способов перевода греческой конструкции, среди которых достаточно распространена является конструкция *ради* + род. п., которая особенно часто встречается в ТПМ, например: *Избавленіе съгрѣшеній ради стѣго Крещенія рабу твоему даровавый* (ТПМ, I, 70) — *Избавленіе грѣхвъ, стѣмъ крещеніемъ рабу твоему даровавый* (ТН, 53); *Помяни Ги ... ради блѣгословны(х) винъ w(t) ше(д)ши(х)* (ТПМ, II, 17) — *помяни з(с)ди ... блѣгословною виною w(t)шедшихъ* (ТН, 197).

⁸ В диапазоне 300 л. отмечено 31 разночтение по данному параметру.

⁹ Здесь и далее в таблицах общее число употреблений в каждой редакции может значительно различаться, так как в пределах рассматриваемых редакций чины часто не совпадают по составу и объему.

ТН	Εὐχολόγιον 1602	ТПМ	МР	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
тв. п. (7)	διὰ + Gen.	тв. п. (3) / ради + род. п. (3) / сквозь + вин. п.	тв. п. (5) / ради + род. п.	тв. п. (4) / ради + род. п. (2)	тв. п. (5) / ради + род. п.	тв. п. (2) / ради + род. п. / сквозь + вин. п.	тв. п. (2) / ради + род. п.

Как показывают данные таблицы, способ передачи греческой конструкции в редакции Никона ориентирован на разные локальные традиции, однако является оригинальным и, скорее всего, преследует цель избежать вариантов. Характерно, что при этом справщики выбрали не структурно близкий греческому соответствию вариант *ради* + род. п., а беспредложный тв. п. В данном случае нельзя исключать влияния предшествующей традиции, где такой способ был доминирующим.

1.6. Употребление на месте местоимения *свой* во 2 л. ед. ч. местоимения *твой*, например: *Вл(д)ко г(с)ди бжѣ нашъ, иже образомъ твоимъ почтивый чловѣка* (ТН, 56); *положилъ еси дѣю твою в люде(х) твои(х)* (ТН, 134). Случаи употребления в ТН в этой функции местоимения *свой* единичны, например: *И ты невѣсто возвеличися веселящися в своемъ мужь* (ТН, 107). Как показывают данные таблицы, в других редакциях использовались обе формы:

ТН	ТПМ	МР, МР(К) (Чин освящения церкви)	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>твои</i> (20)	<i>твои</i> (8)	<i>свои</i> (5) / <i>твои</i> (3)	<i>твои</i> (8) / <i>свои</i> (8) / <i>си</i> (2)	<i>твои</i> (7) / <i>свои</i> (4)	<i>свои</i> (10) / <i>твои</i> (6) / <i>си</i>	<i>свои</i> (11) / <i>твои</i> (5) / <i>си</i>

В ТПМ в исследуемых четырех чинах местоимение *свой* зафиксировано не было, однако в других чинах оно используется. При этом в параллельных чтениях в ТН ему соответствует местоимение *твой*. Так, нами зафиксировано 28 разночтений между двумя требниками в диапазоне 300 л., например: *Влѣкѣ Гдѣ Бжѣ нашъ, иже вобразомъ своимъ почель еси члѣка* (ТПМ, I, 73) > *образомъ твоимъ* (ТН, 56); *бѣзакннѣ прости своихъ рабѣвъ* (ТПМ, I, 434) > *твоихъ рабѣвъ* (ТН, 113); *за люди своа* (ТПМ, I, 463) > *в люде твои* (ТН, 134).

Возможно, этот тип замен был нацелен на устранение в ТН вариативности в одном из основных морфологических средств выражения категории притяжательности. Как справедливо отмечает Б. А. Успенский, выбор формы был продиктован влиянием греческого языка [Успенский 2002: 459–461].

2. Языковые особенности Чина освящения церкви

В отношении некоторых грамматических явлений особая ситуация наблюдается в Чине освящения церкви (далее — ЧОЦ). Он отсутствует в греческом венецианском евхологии, а также в ТПМ. Состав и композиция чина в Евхологии Киприана и в московских дониконовских требниках имеют ряд существенных отличий. Вероятно, никоновские справщики, редактируя этот чин, использовали в качестве источника афонскую рукопись, привезенную Арсением Сухановым. На это, в частности, указывает приписка на полях кавычного экземпляра ТН Син. 308: «спросить у сербского митрополита»¹⁰.

В целом для ЧОЦ характерно следующее распределение языковых явлений: тождество редакций Никона и афонской, с одной стороны, и московских редакций 1639, 1651 гг. и редакции Киприана — с другой. Рассмотрим черты, в которых их сближение проявляется наиболее ярко.

2.1. Возвратный глагол в никоновской и афонской редакциях на месте аналитического пассива в московских дониконовских и киприановской редакциях¹¹.

	ТН	[Арранц 2003]	МР(К)	АР	Т1639	Т1651
ЧОЦ	возвратный глагол (6)	пассивная или медиальная форма глагола (6)	аналитический пассив (6)	возвратный глагол (6)	аналитический пассив / глагол в действительном залоге (3)	аналитический пассив / глагол в действительном залоге (3)
Другие чины	возвратный глагол (6) / аналитический пассив (3)	пассивная или медиальная форма глагола (11)	возвратный глагол (2) / аналитический пассив / глагол в действительном залоге	возвратный глагол (5) / аналитический пассив / глагол в действительном залоге	возвратный глагол (3) / аналитический пассив (3) / глагол в действительном залоге	возвратный глагол (3) / аналитический пассив (3) / глагол в действительном залоге

Ср. наиболее показательные контексты: *зачахнмса* (ТН, 1) — *зачати есмы* (ТПМ, I, 21), *зачаты есмы* (Т1639, 104; Т1651, 93 об.); *приноситса* (ТН, 7) — *приводимъ бывае(т)* (МР, 228 об.); *изгонитса* (ТН, 866) — *изгоним же бывае(т)* (МР, 33 об., Т1639, 5 об., Т1651, 5), *глаголетса шаломъ* (ТН, 875) — *глемъ ест шало(м)* (МР, 45), *глють шлом'* (Т1639, 33, Т1651, 30 об.); *во еже приноситиса тебѣ... жертвамъ* (ТН, 870) — *въ еже приносити тебѣ... жертвы* (МР, 38 об., Т1639, 29 об., Т1651, 27) и др.

¹⁰ На это обратила внимание Е. А. Агеева [2004: 186].

¹¹ В статистику не вошли случаи совпадения форм во всех исследуемых редакциях, поэтому вариантность выражения пассива в ТН не исключается.

Грамматика М. Смотрицкого допускает употребление обеих форм, поэтому не может рассматриваться в качестве источника выбора одного варианта (Г1619: 252; Г1648: 202).

2.2. Вариативность личных местоимений 3 л. В ЧОЦ реализуется вариативность местоимений *того/его*, при этом контекстуальная дистрибуция двух местоимений совпадает в ТН и афонской редакции (см. таблицу).

ТН	[Арранц 2003]	МР(К)	АР	Т1639	Т1651
<i>ей</i> (2)	αὐτόν, αὐτήν	<i>тои, еи</i>	<i>еи, сие</i>	<i>той</i>	<i>той, –</i>
<i>ему</i> (3)	αὐτῷ (3)	<i>тому</i> (3)	<i>ему</i> (3)	<i>тому</i> (3)	<i>тому</i> (3)
<i>ихъ</i>	αὐτούς	<i>тѣхъ</i>	<i>ихъ</i>	<i>тѣхъ</i>	<i>тѣхъ</i>
<i>его</i> (5)	αὐτόν (5)	<i>того</i> (5)	<i>его</i> (5)	<i>того</i> (5)	<i>того</i> (5)
<i>в той, в томъ</i>	ἐν αὐτῷ (2)	<i>во нь, в немъ</i>	<i>въ того, въ томъ</i>	<i>во нь, –</i>	<i>во нь, –</i>
<i>его</i>	αὐτόν	<i>того</i>	<i>его</i>	<i>того</i>	<i>того</i>
<i>тѣхъ</i>	αὐτῶν	<i>тѣхъ</i>	<i>тѣхъ</i>	<i>тѣхъ</i>	<i>тѣхъ</i>

В других чинах местоимения в 3 л. в косвенных падежах в ТН чаще всего следуют за формами в ТПМ (см. таблицу).

ТН	ТПМ	МР	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>ю</i> (5) / <i>сiю</i> (3)	<i>ю</i> (6) / <i>сiю</i>	<i>еа</i> (2) / <i>тоую</i>	<i>ю / сiю</i>	<i>ю</i> (2) / <i>еа</i>	<i>ю</i> (4)	<i>ю</i> (4)
<i>неа</i> (2)	<i>неа</i> (2)	<i>неа</i>	<i>нiе</i>	<i>неа</i>	<i>ею</i>	<i>неа</i>
<i>егw</i> (8)	<i>егw</i> (7) / <i>тогw</i>	<i>его</i> (2)	<i>его</i> (5) / <i>томоу / того</i>	<i>его</i> (4) / <i>томоу / тогw / и</i>	<i>его</i> (6) / <i>е</i>	<i>его</i> (6) / <i>е</i>
<i>ей</i>	<i>ей</i>	–	<i>сеи</i>	<i>сей</i>	–	–
<i>е</i>	<i>тогw</i>	<i>то</i>	<i>се</i>	<i>того</i>	–	–
<i>еа</i>	<i>еа</i>	<i>тоа</i>	<i>сiе</i>	<i>еа</i>	–	–

2.3. Перевод в ТН греческой конструкции ἵνα + conj. с помощью конструкции *да* + индикатив, которая повторяет конструкцию в афонской редакции. В других редакциях используется конструкция *яко да* + индикатив.

ТН	[Арранц 2003]	МР(К)	АР	Т1639	Т1651
<i>да</i> + индикатив (3)	ἵνα + conj	<i>яко да</i> + индикатив (3)	да + индикатив (3)	<i>яко да</i> + индикатив (2)	<i>яко да</i> + индикатив (2)

В других чинах такое соответствие между редакциями Никона и афонской сохраняется, при этом в югозападнорусских редакциях наблюдается

вариативность двух конструкций. В московских редакциях преимущественно используется конструкция *яко да* + индикатив. Примеры приведены в следующей таблице:

ТН	ТПМ	МР	АР	ТГБ	Т1639	Т1651
<i>да по заповѣдемъ твоимъ жителствовавъ ... получить^т бѣженство</i> (л. 5)	<i>да по заповѣдѣ твоихъ жителствовавъ ... получить^т бѣженство</i> (кн. 1, л. 24)	<i>іако да по заповѣдѣ^м твои^м поживъ ... получи^т бѣженства</i> (л. 212 об.)	<i>да по заповѣдѣ твои^х жителствовавъ ... полу-чить^т бѣженства</i> (л. 3 об.)	<i>да по заповѣдѣ твоихъ жителствова^ѣ ... получи^т бѣженство</i> (л. 1 об.–2)	<i>іакв да по заповѣдемъ твоимъ поживъ ... да получи^т бѣженства</i> (л. 98 об.–99)	<i>іакв да по заповѣдемъ твоимъ поживъ ... да получи^т бѣженства</i> (л. 88)
<i>да и оумнагв сподобитса свѣта</i> (л. 8)	<i>іакв да и разумному сподобитса свѣту</i> (кн. 1, л. 27)	<i>іако да и ра^зумнаго сподобитса свѣта</i> (л. 229 об.)	<i>да и оумнаго сподобитса свѣта</i> (л. 4)	<i>іако да и разоумнаго свѣта сподобитса</i> (л. 7 об.)	–	–
<i>да водное естество встїивъ ... путе-твориши намъ</i> (л. 212)	<i>іакв да водное естество встїи^ѣ ... путь сътвориши намъ</i> (кн. 2, л. 42)	<i>іакв да в^ѣдное е^ѣство встїиши ... п^ж сътвориши намъ</i> (л. 348 об.)	<i>да водное іе^ѣство встїивъ ... наставиши ны на поуть</i> (л. 130 об.)	<i>да водное естество встїивъ ... наставиши ны на поуть</i> (л. 388)	<i>іакв да водное естество встїивъ ... путь сотвориши намъ</i> (л. 66)	<i>іакв да водное естество встїивъ ... поуть сотвориши намъ</i> (л. 59 об.)

Выводы

Проведенное исследование позволяет расширить репертуар языковых черт, характеризующих Требник 1658 г. на фоне предшествующей богослужебной традиции. Используемые в нем грамматические формы и конструкции могли быть выбраны под влиянием требников, принадлежащих разным территориальным церковнославянским узусам: московскому старопечатному второй трети XVII в. (флексии *-ы*, *-и* в род. п. ед. ч. жен. и муж. рода, им.-вин. п. мн. ч. жен. рода и в вин. п. мн. ч. муж. рода мягкой разновидности 1-го склонения; формант *-ите* в императиве), югозападно-русскому в редакции Петра Могилы (*л*-форма со связкой во 2 л. ед. ч. для выражения прошедшего времени) и афонскому XIV в. (возвратный глагол на месте аналитического пассива; местоимения *того/его* для выражения 3 л.; конструкция *да* + индикатив при передаче греческой конструкции *ἵνα* + conj.). Это показывает, что ориентация на греческий текст и на юго-

западные редакции в ТН не является основной тенденцией. Кроме того, фиксация разных способов выражения грамматических категорий и значений в пределах разных чинов в составе требника свидетельствует о его языковой неоднородности. В связи с этим исследование других чинов может дать новые результаты.

В то же время основным фактором, определяющим употребление рассматриваемых в статье грамматических форм и конструкций в Требнике 1658 г., является устранение вариативности, которое могло действовать в качестве тенденции (употребление местоимений *тебѣ* и *ти* при доминирующем положении первого), а также последовательной установки (тв. п. на месте греческой конструкции $\delta\acute{\iota}\delta + \text{Gen.}$ в значении средства (орудия); местоимение *твой* во 2 л. ед. ч.). В этом проявляется оригинальность никоновской редакции в сравнении с предшествующими требниками, в которых варианты широко использовались при выражении разных грамматических категорий и значений. Важно отметить, что употребление более чем одной формы допускалось и в изданиях Грамматики М. Смотрицкого, что не позволяло справщикам последовательно ориентироваться на грамматику при выборе той или иной конструкции или формы.

Источники

АР — Требник, Правила святых апостол и др. ГИМ, Син. 307.

Арранц 2003 — М. А р р а н ц. Избранные сочинения по литургике. Т. III. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана. Рим; М., 2003.

Г1619 — «Граматики Славенския правильное Синтаγμα» М. Смотрицкого. Евью, 1619.

Г1648 — Грамматика славенская Мелетия Смотрицкого, изданная (умноженная) в Москве, 1648.

МР — Служебник. ГИМ, Син. 601.

МР(К) — Евхологий. ГИМ, Син. 900.

Т1639 — Требник мирской. М., 1639; Требник иноческий. М., 1639.

Т1651 — Требник. М., 1651.

ТГБ — Молитвенник или требник. Стратин, 1605–1606.

ТН — Евхологий, сиесть молитвослов, или требник. М., 1658.

ТПМ — Еухологион, албо Молитвослов, или Требник. Киев, 1646.

Εὐχολόγιον 1602 — Εὐχολόγιον ἐκ πολλῶν ὧν πρότερον εἶχε σφαλμάτων ὅτι μάλιστα ἀνακαθαρθέν. [Ven.], 1602.

Литература

Агеева 2004 — Е. А. А г е е в а. Требник 1658 г.: история издания // Патриарх Никон и его время: Сборник научных трудов (Труды ГИМ. Вып. 139) / Отв. ред.

и сост. Е. М. Юхименко. М.: Государственный исторический музей, 2004. С. 174–188.

Андреев 2017 — А. А. Андреев. Венецианские печатные ирмологии XVI–XVII вв. и книжная справа в Москве // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 98–109.

Афанасьева 2022 — Т. И. Афанасьева. Типология славянских евхологий XI–XIV вв.: предварительные наблюдения // Fons sapientiae verbum dei: сборник научных статей в честь 80-летия профессора Анатолия Алексеевича Алексеева / Отв. ред. А. В. Сизиков. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 270–285.

Афанасьева, Шарихина 2017 — Т. И. Афанасьева, М. Г. Шарихина. Употребление перфекта 2-го лица ед. числа вместо аориста: к вопросу о времени становления грамматической нормы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 102–109.

Дмитриевский 2004 — А. А. Дмитриевский. Исправление книг при Патриархе Никоне и последующих патриархах / Подгот. текста и публ. А. Г. Кравецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кузьминова 2012 — Е. А. Кузьминова. Грамматики церковнославянского языка в культурно-языковом пространстве России XVI–XVIII вв. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2012.

Кузьминова 2014 — Е. А. Кузьминова. Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. 36 / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2014. С. 122–134.

Мольков, Шарихина 2022 — Г. А. Мольков, М. Г. Шарихина. Грамматические особенности московской редакции требника сер. XVII в. (на материале сопоставительного исследования «Требника» Никона 1658 г. и «Требника» Петра Могилы 1646 г.) // Slavistica Vilnensis. 2022. Vol. 67 (1). С. 23–40.

Новицкий 1914 — В. Новицкий. Исправление Требника в Москве во второй половине XVII века. Курсовая работа. СПб., 1914 (рукопись РНБ, собр. СПбДА (ф. 573) оп. 2, ч. 2, № 281).

Сиромаха 1980 — В. Г. Сиромаха. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в. (на материале склонения существительных). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Сиромаха, Успенский 1987 — В. Г. Сиромаха, Б. А. Успенский. Кавычные книги 50-х годов XVII в // Археографический ежегодник за 1986 год / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Наука, 1987. С. 75–84.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.

Статья получена 02.11.2022

Georgiy A. Molkov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
georgiymolkov@gmail.com

Milyausha G. Sharikhina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
justmilya@yandex.ru

**GRAMMATICAL FEATURES OF THE TREBNIK BY NIKON (1658)
AGAINST THE BACKGROUND OF THE PREVIOUS CHURCH SLAVONIC
LITURGICAL TRADITION OF THE 15TH–17TH CENTURIES
(ON THE MATERIAL OF SOME LITIES)**

The study expands the range of sources compared to those traditionally used to resolve the issue of the sources of Nikon's book correction. The grammatical features of the four lities in Nikon's Trebnik of 1658 are considered in comparison with the same texts in the early revisions of the 14th century, the southwestern revisions (by Hedeon Balaban and Peter Mohyla) of the first half of the 17th century and Moscow pre-Nikon printed Trebniks (1639 and 1651), with consideration to the Greek original of the lities according to the Venetian edition of 1602.

In the course of the comparison, a number of consistent linguistic correspondences were revealed, which can be considered as characterizing the Nikonian revision of the Trebnik against the background of the previous tradition. The range of these phenomena is wider than that revealed by previous researchers who relied on the data of "corrected" copies of Nikon's Trebnik. At the same time, the choice of the language variant in this edition was influenced by the revisions belonging to different territorial Church Slavonic usages, by no means limited to the southwestern version or the grammar of the Greek original: the Moscow old printed revision of the second third of the 17th century (endings *-y*, *-i* in gen. sg. of feminine and masculine nouns found in nom.-acc. pl. feminine and acc. pl. masculine nouns of the soft inflexion pattern of the 1st declension; the formant *-ite* in the imperative), southwestern Russian revision as edited by Peter Mohyla (*l*-form with a copula in 2 sg. to express the past tense) and Athos revision of the 14th century (a reflexive verb in place of the analytic passive; pronouns *togo* / *jego* 'him' for expressing the 3rd person; construction *da* + indicative rendering the Greek construction *ἵνα* + conjunctive). The main factor determining the use of the grammatical forms and constructions in the Trebnik of 1658 which are considered in the article is the elimination of variability.

Keywords: historical grammar, Church Slavic, Trebnik, Nikonian revision, language normalization

References

Afanas'eva, T. I. (2022). Tipologiya slavianskikh evkhologiev XI–XIV vv.: predvaritel'nye nabludeniia. In A. V. Sizikov (Ed.), *Fons sapientiae verbum dei: sbornik*

nauchnykh statei v chest' 80-letii professora Anatolii Alekseevicha Alekseeva (pp. 270–285). St Petersburg: ILI RAN.

Afanas'eva, T. I., & Sharikhina, M. G. (2017). Upotreblenie perfekta 2-go litsa ed. chisla vmesto aorista: k voprosu o vremeni stanovleniia grammaticheskoi normy. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1, 102–109.

Ageeva, E. A. (2004). Trebnik 1658 g.: istoriia izdaniia. In E. M. Iukhimenko (Ed.), *Patriarkh Nikon i ego vremia: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 174–188). Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei.

Andreev, A. A. (2017). Venetsianskie pechatnye irmologii XVI–XVII vv. i knizhnaia sprava v Moskve. *Khristianskoe chtenie*, 5, 98–109.

Dmitrievskii, A. A. (2004). *Ispravlenie knig pri Patriarkhe Nikone i posleduiushchikh patriarkhakh*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Kuz'minova, E. A. (2012). *Grammatiki tsekovnoslavianskogo iazyka v kul'turno-iazыkovom prostranstve Rossii XVI–XVIII vv.* (DrHab Dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Kuz'minova, E. A. (2014). Knizhnaia sprava. In Patriarch of Moscow and All Russia Alexiy II (Ed.), *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 36, pp. 122–134). Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia.

Mol'kov, G. A., & Sharikhina, M. G. (2022). Grammaticheskie osobennosti moskovskoi redaktsii trebnika ser. XVII v. (na materiale sopostavitel'nogo issledovaniia «Trebnika» Nikona 1658 g. i «Trebnika» Petra Mogily 1646 g.). *Slavistica Vilnensis*, 67(1), 23–40.

Siromakha, V. G. (1980). «Knizhnaia sprava» i voprosy normalizatsii knizhno-literaturnogo iazyka Moskovskoi Rusi vo vtoroi polovine XVII v. (na materiale skloneniia sushchestvitel'nykh) (Doctoral Dissertation Summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Siromakha, V. G., & Uspenskii, B. A. (1987). Kavychnye knigi 50-kh godov XVII v. In S. O. Shmidt (Ed.), *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 god* (pp. 75–84). Moscow: Nauka.

Uspenskii, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*. Moscow: Aspekt Press.

Received on November 2, 2022

Д. С. КУЛМАМАТОВ

Узбекский государственный университет мировых языков
(Ташкент, Узбекистан)
kulmamatov1956@mail.ru

ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДЕЛАХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА XVII В.

В статье рассматривается функционирование восточных реалий в текстах русской скорописной деловой письменности из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. — старинных русских переводах челобитных хивинских и бухарских послов, росписях ханских и посольских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам, статейных списках русских посланников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов, Посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой, хранящихся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» Центрального государственного архива древних актов в Москве. Показана лингвистическая содержательность указанных источников: на большом фактическом материале проанализирована адаптация восточных реалий в текстах старинных русских переводов челобитных хивинских и бухарских послов, ханских и посольских подарков, написанных на официальных среднеазиатских языках — тюрки и фарси XVII в., а также пути их проникновения в словарный состав русского языка. Самое главное, каждая из этих восточных реалий исследована в сопоставлении с соответствующим ей восточным эквивалентом. Отмечено, что они предоставляют в распоряжение лингвистов ценный материал для решения ряда актуальных теоретических вопросов русской исторической лексикологии: 1) толкование восточных реалий в скорописных русских текстах среднеазиатских дел Посольского приказа; 2) выявление восточных реалий, не засвидетельствованных в «Словаре русского языка XVI–XVII вв.»; 3) более ранняя фиксация восточных реалий, чем в исторических словарях русского языка; 4) установление и уточнение нового значения некоторых восточных реалий.

Ключевые слова: перевод, челобитная, словарь, восточная реалия, русский язык, Посольский приказ.

Введение

Введение в научный оборот памятников русской деловой письменности и изучение их словарного состава являются одной из важных задач русской исторической лексикологии, не получившей до сих пор своего окончательного разрешения. Особую значимость в этом отношении представляют «реалии — слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития)

одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1986: 68]. Реалии, игравшие немаловажную роль в формировании и развитии словарного состава русского литературного языка, особенно XVII в., по своему происхождению разнообразны. Обращают на себя большое внимание среди них и по объему, и по значению восточные реалии, встречающиеся в текстах русских скорописных деловых памятников из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. — старинных русских переводах ярлыков хивинских и бухарских ханов, челобитных их послов, росписях ханских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам, грамотах российских царей, статейных списках русских посланников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов, челобитных переводчиков и толмачей Посольского приказа, Посольских книгах по связям России с Хивой и Бухарой, хранящихся в фондах 109 «Сношения России с Бухарой», 134 «Сношения России с Хивой» Центрального государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве.

Наблюдение над словарным составом вышеперечисленных русских дипломатических документов показало, что в них использовалось немалое количество восточных реалий, характерных для среднеазиатских языков (тюрки и фарси) XVII в. Это наименования лиц — *диванбеги*, *язычей*, *мулла*, *мехтерь*, *топчабаши*, *кюнелдеи* (*кюнулдеи*), *парваначей*, *аталык*, *дарага*; дипломатическая лексика — *рундук*; названия животных — *бабр*, *барс*, *йулбарс* (*елбарс*); названия тканей — *дороги*, *киндяк*, *кумач*, *зарбаф*; названия денежных единиц — *деньга*, *тамга*, *акча*; название растения — *югари*; название племени — *едисанцы*.

Многие из перечисленных выше слов были объектом исследования ряда лингвистов. Но следует помнить, что иной раз, несмотря на большое количество работ, некоторые вопросы, касающиеся истории русских слов, из-за отсутствия конкретного лингвистического материала все ещё остаются до конца не изученными. Ответить на подобные вопросы можно только путем пересмотра прежних исследований при привлечении новых достоверных источников. Чтобы удостовериться в этом, остановимся на отдельных восточных реалиях, представляющих значимость для выяснения истории заимствованных слов в русском языке и функционирования их в среднеазиатских делах Посольского приказа XVII в. При этом важно учитывать, что в большинстве случаев восточные реалии, заимствованные русским языком в то время, можно проверить на основе их соответствий, содержащихся в виде оригинала на восточных языках — тюрки и фарси, являвшихся официальными государственными языками ханств, расположенных на территории Средней Азии в XVI–XVII вв. — Хивы и Бухары (см. об этом подробнее [Кулмамагов 1994: 19–20]).

ближне^н бояринъ дива^нбѣги Ма^гметъмази^рбе^н а по ^арѣгю рѣкѣ ве^а бояринъ и с^авѣ бѣх^аско^н Дата^тхавѣкъ а привели к царю с правѣю сторонѣ к ца^рскому мѣстѣ на пристѣ^н и ѹ Бориса приня^а велико^г г^рд^я его црского величѣства грамотѣ ^абдаазиз^з ца^р самъ чесно при- по^ня^еся о^т мѣста» (РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, лл. 45 об. — 46, 47 об. — 48).

Интересно, что в статейном списке Бориса и Семена Пазухиных хивинский диванбеги назван дьяком³: «Да ^ближни^н людя^н ... дьякѣ ^абдѣлѣкеримеря пара соболе^н» (РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, лл. 30–31), а в тексте статейного списка Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару (1641–1643 г.) рядом с восточной реалией *диванбеги* как эквивалент употреблено слово греческого происхождения *дьяк*: «Да бѣх^аского ж Недѣ^рмагаметя царя чл^бкѣ Шах^у аманѣ которой бы^а ѹ ни^х Онисима Грибова в приста^ве^х да царевы^н ближни^н люде^н и и^х люде^н по^атачѣмѣ да ^абса^н хозинѣ чл^бкѣ да царевѣ дѣакѣ дива^нбекнѣ да Гентѣ данѣ по Д [4] а^ршина сѣкна краснѣ чл^бкѣ цена по^а В [2] рѣ^н а^рши^н» (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1641 г., д. 2, л. 157). Самое главное, автором (подьячим) посольского отчета Пазухиных — Афанасием Прошлецовым восточная реалия *диванбеги* (*диванбекии*) истолкована в самом контексте: «Да Борисѣ ж говори^а бли^жне^н бояри^н Магамет^тмазе^р бѣи диванбеги которой ѹ цѣя под аталыкомъ⁴ пе^рво^н члѣвкѣ по ѹказѣ^а цѣя ихѣ Абдаазиза и по чинѣ бѣх^аско^н принима^ет онѣ дива^нбѣги ѹ ^бсяки^х при^бѣ^жни^х пословѣ і по^сланнико^в присылачныѣ г^рд^рские грамоты на се^н мѣсте (ответной палате. — Д. К.) і относитѣ царю ^абдаазизѣ» (РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, л. 45).

Как свидетельствуют приведенные примеры, *диванбеги* по рангу равнялся *думному дьяку* ‘начальнику канцелярии по дипломатической части’ Посольского приказа и руководил ханской канцелярией. Поэтому толкование, имеющееся в [СлРЯ XI–XVII вв.] по поводу восточной реалии *диванбеги* ‘титул старейшины совета, правительственного учреждения’, на наш взгляд, нуждается в уточнении. К тому же цитированный нами выше контекст из подлинника с её объяснением в нем дается в сокращенном варианте по опубликованному тексту «Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г.» [НБСП] под 1673 г.: «Ближней бояринъ Магаметь-Мазеръ-бий диванъ-беги, которой у царя подь аталыкомъ первой человекъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 4: 243]. Наверное, неточное цитирование и привело составителей к неправильному толкованию, это, во-первых. Во-вторых, хронологическую характеристику восточной

³ Дьяк — должностное лицо — письмоводитель (см. [Кулмаматов 2008: 268]).

⁴ Аталык — «занимающий место отца, воспитатель, попечитель (<...>). В Бухаре титул *اتالیق* [ātālīq] тоже означал *дядька*, а впоследствии обратился в самый высший чин при дворе, так что нередко аталыкам подчинялись и самые ханы» [Будагов, I: 8–9].

реалии *диванбеги* можно было определить более ранним временем — 1621 г. на основе приведенного нами выше контекста, взятого из статейного списка Ивана Хохлова.

ЯЗЫЧЕЙ. Среди восточных реалий особый интерес представляет также *язычей*, содержащийся в неопубликованных русских скорописных документах Посольского приказа, связанных с пребыванием в 1671–1675 гг. бухарского посла Муллофора в Москве: «В нѣшнемъ во РѢѢ [1671] годѣ генваря въ КЗ [27] ^{АѢ} прише^А к великомѣ г^Сдрю і великомѣ кѣзю Алѣѣю Михайловичю всеа Великиа и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцѣ к Москве вѣха^Рского Абду^Аазис хана посланецъ Муллофоръ а с нимъ сынъ ево да *язычей* да людей ево і кошевара^Б СІ [16] члѣвкъ» (РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1671 г., д. 1, л. 16). В общей сложности в указанных источниках восточная реалья *язычей* употреблена 26 раз. Первым делом на нее обратили внимание историки-источниковеды — издатели «Сборника князя Хилкова», поясняя ее сначала словом *толмач* [СКХ: 514], а потом — *переводчик* [Там же: 457]. С. В. Жуковский, пользуясь материалом данного сборника, также пришел к заключению, что восточная реалья *язычей* соответствует русскому слову *переводчик* [Жуковский 1915: 215]. В любом случае оба объяснения представляются сомнительными. При детальном изучении посольских дел Муллофора нам удалось найти документы, где вместо восточной реалии *язычей* употреблены слова *подьячий*⁵ и *писарь*⁶ (РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1671 г., д. 1, лл. 6–7, 100). На это обратил внимание в свое время — 1744 г. Н. Н. Бантыш-Каменский, поясняя восточную реалью *язычей* при помощи термина «подьячий»: «7179 (1671) года генв. 27 приехалъ в Москву бухарской посланецъ Муллофоръ а с нимъ сынъ его да *язычей* (то ез подьячей) да людей и кашевровъ его 16 человекъ» (Там же: 11).

Порою невнимательное изучение содержания текстов памятников русской деловой письменности приводит к ошибочному суждению. Например, в «Словаре малопонятных слов» (составитель А. С. Булгаков), приложенном к «Материалам по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», *язычей* отождествлен со словом *язык*: «язычей — то же, что язык», а последнему термину в другой словарной статье этого же словаря дано следующее толкование: «пленник, от которого расспросами выведывают сведения о неприятеле: обвинитель, обличитель перед судом» [МУТТ ССР: 461].

⁵ Слово *подьячий* образовано от др.-рус. *подьякъ*, *иподьякъ* и восходит к греч. ὑποδίακος «помощник дьяка». «Приставка *под-* здесь народноэтимологического происхождения» [Фасмер 1987, III: 301–302].

⁶ А. Н. Качалкин по поводу слова *писарь* отмечает следующее: «Небезинтересна история слова *писарь*, свойственного иноземной канцелярии, а затем полноправно вошедшего в русский канцелярский обиход. В XV–XVI вв. слово *писарь* употребляется в русском деловом языке лишь по отношению к людям польского государства» [Качалкин 1988: 56].

И. Г. Добродомов, не соглашаясь с данным объяснением, на материале лексикографических источников и при помощи этимологических соображений на базе тюркских соответствий (в частности, тур. ЙАЗЫДЖЫ, татар. ЙАЗУЧЫ ‘писец’) установил правильную семантику тюркской реалии *язычей* — «писец» [Добродомов 1984: 60–65]. В «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова объяснено, что слово «يازичи» [yāzījī], يازوچى [yāzūjī] «писец» образовано от «тур. *tat.* يازماق [yāzmaq] ... кир. جازماق [jāzmaq] ... писать, يازو [yāzū] ... письмоводство, письмо, надпись, почерк, рука» [Будагов, II: 328].

Вышеизложенный материал свидетельствует о том, что тюркская реалья *язычей*, не фиксированная лексикографическими источниками русского языка со значением ‘должностное лицо, занимающееся в восточных канцеляриях письменными делами’ и соответствующее по рангу русскому *подьячему*, ‘помощнику дьяка, занимавшемуся письменными делами в царской канцелярии’, было известно большому кругу лиц Посольского приказа (см. об этом подробнее [Кулмамагов 2018]).

МУЛЛА. Восточная реалья *мулла* арабского происхождения, содержащаяся в словарном составе русского языка, употреблялась в тюркских языках первоначально в двух значениях: 1) ‘учитель закона и других предметов; ученый, священнослужитель’, 2) ‘должность священника, т. е. право служить в мечети и толковать Алкуруан’ [Будагов, II: 251]. В памятниках русско-среднеазиатской деловой письменности термин «мулла» встречается довольно часто с новой семантикой, возникшей на тюркской почве. В русском деловом языке он, наряду с восточной реальей *язычей*, обозначал человека, занимающегося письменными посольскими делами. Например, в деле, касающемся приезда в 1699 г. хивинского посла Достакбагадыра, читаем: «Роспись имяна^м инозе^мцовъ которые приехали с хивински^м послв^м к великому г^дрю к Москвѣ с Достакбагатыре^м мо^ла Мүкү^м Шихъ Хожаалакъ Досвакъ мо^ла Уга мо^ла Ле^ггерн мо^ла Юсү^м мо^ла Хүда^гб^грди Ха^па Када^гб^грди Жавакъ мо^ла Абдула Ниясъ Сади^к м^ллла Решн^т...» (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 145).

Необходимо отметить следующее: если восточная реалья *мулла* писалась перед собственными именами, то указывала просто на грамотного человека, умеющего писать и читать восточные тексты, если она писалась после них, то — на священнослужителя.

[СлРЯ XI–XVII вв.] восточную реалью *мулла* впервые фиксирует в «Хождении на Восток» Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. под 1624 г.: «Из мечети вышли ... их мульлы» [Там же, 9: 307]. Этот же словарь отмечает её и в Летописном сборнике, именуемом Патриаршею, или Никоновской, летописью, под 1557 г., но в другой форме — *молла*: «Астороханские люди, Чалым-уланъ въ головахъ, и мольлы и ходжыи и шихи и шихзады» [Там же: 247]. Однако отмеченный нами случай — употребление восточной реалии *мулла* с собственными именами — в нем не отражен.

Наряду с указанным явлением следует отметить и то, что на обороте листов, на которых написаны русской скорописью тексты челобитных хивинского посла, оформленные, скорее всего, русскими подьячими при помощи переводчиков или толмачей Посольского приказа, имеются записи, произведенные муллами арабской графикой по-тюркски, в правильности его слов: ايلچی تریدن عبدالله قول باستی (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 145 об.) — [ɪljɪ tarabdan ʻābdāle qūl bāstī] — дословно: ‘со стороны посла Абдулла руку приложил’; بو چلهفتنکه من ملا مقیم ایلچی نیک بویر و غنجه قول قویدیم (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1699 г., д. I, л. 146 об.) — [bū čelefitnake man mulā muqīm ɪlčīnk būyrūginje qūl qūydīm] — дословно: ‘к этой челобитной я, мулла Муким, по велению посла руку приложил’.

МЕХТЕРЬ. [СлРЯ XI–XVII вв.] восточную реалию *мехтерь* впервые фиксирует в значении ‘придворный сановник в ханствах Средней Азии, ведавший приемом иностранных посольств’ в [НБСП, 9: 132] под 1673 г.: «И того жь числа прислалъ царя Абда-Азиза дворецкой мехтерь Метипъ Борису съ товарищи корму».

Мехтерь нами отмечен более ранним временем — в статейном списке посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в значении ‘конюх’ под 1643 г.: «А после посолства г^рдрвѣ (Федора Михайловича. — Д. К.) посланникъ Анисимъ Грибо^в говори^а о то^м р^ускомъ полонѣ вли^жнимъ ц^рв^ымъ людемъ Асанъ хо^е да Касимъ хо^е да Фла^ттеше вню да Тарне^ддѣю ме^хтерю и приставѣ Ама^н яса^н что^б Нады^ммаметь ц^рь для ц^рского ве^чества др^уж^бы и лю^бви р^уски^х полоняниковъ ... о^тп^усти^а» (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1641 г., д. 2, л. 129).

В словаре И. Д. Ягелло «مهتر [mehter] — более великий; старший; принц, господин, вождь, губернатор; тот, кто метет или чистит; конюх, стремянной» [Ягелло 1910: 1625]. Согласно данным словаря М. А. Гаффарова, «مهتر [mehter] 1) большой; высший; старший; глава; 2) конюх» [Гаффаров, II: 839].

Судя по месту в списке «ближних царевых людей», мехтерь занимал в среднеазиатской иерархии не столь уж высокое место, хотя имеющиеся данные не позволяют сделать уточнения.

БАБР-БАРС. Восточная реалия *бабр* в скорописных русских текстах среднеазиатских дел Посольского приказа встречается часто. В частности, она нами зафиксирована в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Девлетмамета царю Алексею Михайловичу от 1657 г.: «У него посла дары что посланы были к ва^м великому г^рдрю о^т царя (хивинского Абдул-Газы. — Д. К.) ... о таму роспи^с ... два а^ргамака серые три инохо^тца гнеды два се^ала два бавра» (в тюркском оригинале, написанном арабской графикой, русскому слову *бабр* соответствует يولبارس [yūlbārs] — дословно ‘полосатый барс’) (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1657 г., д. 1, л. 83 — русский перевод; л. 82 — тюркский текст).

В русских письменных памятниках *бабр* впервые, по материалам [СлРЯ XI–XVII вв.], отмечается в первой половине XVII в. в «Хождении на Восток» Ф. А. Котова под 1624 г.: «А что въ Казбинѣ звѣрь бабръ величествомъ болши лва, а шерстью глиннасть, а шерсть ниска, а по немъ полосы черны поперегъ, а губа что у кота и прыскъ котовой, а самъ черевистъ, ноги коротки, а длиною дологъ, а голосомъ великъ и страшень, ногти что у льва!» [Там же, 1: 62].

Эта реалия, по свидетельству М. Фасмера, заимствована русским языком из персидского *babar* через тюркский язык в виде *bäbr* ‘тигр’ [Фасмер, I: 100]. Вслед за ним один из составителей первого тома второго издания [ССРЛЯ] — Г. Н. Складневская — возводит её тоже к тюркскому *bäbr*, что, на наш взгляд, нуждается в уточнении, поскольку заимствованной русским языком восточной реалии *бабр* в иноязычных оригиналах (тюрки и фарси) среднеазиатских деловых документов XVII в. соответствует *بولبارس* [yūlbārs]. Л. З. Будагов и В. В. Радлов персид. *бабр* переводили словом ‘леопард’ [Будагов, I: 241; Радлов, IV (2): 1565]. Однако оба перевода представляются неудачными, так как *бабр* (‘крупное хищное млекопитающее сем. кошачьих оранжево-желтой с черными полосами окраски’ [ССРЛЯ, I: 236]) и *леопард* (‘крупное хищное животное из семейства кошачьих с рыжеватожелтой пятнистой шерстью’ [Там же, VI: 160]) — разные виды семейства кошачьих. Поэтому единственным вероятным остается предположение, что восточная реалия *бабр* русским языком заимствована из персидского примерно во второй половине XVI в. — с времени интенсивных торговых и дипломатических отношений Московского государства с Персией.

Нередко в старинных русских переводах хивинских и бухарских грамот, а также челобитных XVII в. вместо персидской реалии *бабр* употреблялась тюркская реалия *елбарс*. Она зафиксирована нами, в частности, в старинном русском переводе грамоты хивинского хана Исфендияра царю Михаилу Федоровичу от 1633 г.: «Да по^сла^а (Исфендияр хан. — Д. К.) есми к вашему^у (Михаилу Федоровичу. — Д. К.) величеству^у скоры^и дѣломъ жеревецъ а^бгамаче^и ... да е^лбарсова кожа» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1633 г., д. 1, лл. 69–60). Притом следует отметить, что [СлРЯ XI–XVII вв.] восточную реалию *елбарс* свидетельствует с более поздней хронологической характеристикой — в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера под 1640 г.: «И тѣ, государь, наручи и барс и 2 елбарса и бобры и кошколки посланы к тебе ко государю к Москве» [Там же, 5: 44].

Таким образом, проникшие в русский язык в XVII в. восточные реалии — персидская *бабр* и тюркская *елбарс* употреблялись как синонимы.

ДЕНЬГА, ТАМГА, АКЧА. Восточная реалия *деньга* в памятниках старорусской письменности впервые упоминается в договорной грамоте великого князя рязанского Олега Ивановича с великим князем московским Дмитрием Ивановичем и братом его Владимиром Андреевичем под 1382 г. «а пошрины съ семьи шесть денегъ съ пешоходовъ два алтына; а съ одинокого не имати а мыта съ воза дензе, а съ пешохода мыта нетъ» [СГГД, I: 46].

Данная реалия, появившаяся в старорусском языке на смену традиционным *куна* (*куница*), *векиша* (*белка*), *резана* (*отрезок, лоскут*), *ногата* (*ножка, лапка*), *мордва* (*рыльца*), неоднократно привлекалась к исследованию со стороны и историков, и лингвистов, но она рассматривалась в основном на материале лексикографических источников или старых русских актов без привлечения иноязычных соответствий.

В начале XVIII в. Х. Д. Френ высказал предположение о том, что название *деньга* происходит от тюркского слова *тамга* [Fraehn 1815]. Позднее его этимология была подвергнута критике И. Н. Березиным [1849: 16] и Ф. И. Эрдманом [1855: 5], но все-таки поддержана Фр. Миклошичем [Miklosich 1886: 39–40].

Точка зрения Х. Д. Френа была поддержана еще раньше Д. М. Зубаревым в его статье «Исторические справки», опубликованной в журнале «Вестник Европы»: «деньги ... от татарского слова *тамга* — знакъ, печать. Сии знаки употреблялись на монетах, также на печатяхъ, кои давались Ханами правителямъ или вельможамъ» [Зубарев 1825: 214]. Позднее эти предположения исследователей нашли своего сторонника в лице В. Д. Араина [1974: 115].

Н. К. Дмитриев слово *деньга* относит к числу тюркизмов, подтвержденных фактами. По его мнению, *деньга* происходит от татарского *tenka* [Дмитриев 1962: 533]. Но И. Г. Добродомов указывает, что оно восходит к тюркскому *tenge* и «в основе этого названия лежит тюркское название белки *тейин*, *тин*, *тийин*, *тыйын*» [Добродомов 1967: 369].

Согласно Э. В. Севортяну, «форма с открытым гласным (**тейин**, **тейин**) старше формы с закрытым гласным **-и-** (**тийин**), который мог развиваться из **-е-** под влиянием **-й-**» [Севортян, III: 180]. А. Е. Аникин вслед за А. В. Дыбо отмечает, что «тюрк. назв. белки реконструируется как **degiŋ*, кот. лучше отделять от **tejiŋ* ‘мелкая монета’. Гипотеза о заимств. из обско-угор. маловероятна» [Дыбо 1996: 7–8; Аникин, 13: 208].

Теперь, чтобы проверить надежность приведенных версий по поводу происхождения восточных реалий *тамга* и *деньга*, обратимся к тюркским оригиналам челобитных хивинских послов и их русским переводам XVII в.

Тамга зафиксирована, например, в челобитной хивинского Исфендеяра царевы посла Авеза Бакея царю Михаилу Федоровичу от 1 марта 1641 г., написанной в арабской графике на среднеазиатском тюрки:

اوز یرمه بارغنده غرتلو و شوکتلی اسفندیار خان حضرتلری منکا ایترلرکم سن بر اوزکه کناه
[ūz yerime bārgānde ġaratlū va šavkatlī āsfandiyār xān hazratlarī mankā āytarlarkim san bir ūzke kunāh
ītibankim sande ūrūs vilāyatānde tamġe ṭalab ītibdirilar] (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 255). Данный контекст переводчиками Посольского приказа XVII в. переведен следующим образом:

«И какъ въѣдѣ въ Юргѣча^х и г^дрь мо^и Исѣѣ^идеярво царевъ вѣ-
личество ѣчнѣ^т говорить, что нѣкоторою винѣ ты сдѣла^л для того на
Рѣси ꙗ тебя тамги спрашивали» (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 258).

Как видим, в тюркском оригинале, написанном арабской графикой, данного контекста восточной реалии *тамга* соответствует *تمغه* [tamge]. Как отмечено в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова, «дж. ... *تمغه* [tamge] ... пошлина, взимаемая с купцов, проезжих» [Будагов, I: 729–730]. Этот материал не дает согласиться нам с мнением Х. Д. Френа и его сторонников.

Восточная реалия *деньга* как ‘общее название денежной единицы’ употреблялась в письменных памятниках русского языка XVII в. весьма активно. Она отмечена нами, в частности, в старинном русском переводе челобитной хивинских (юргенских) послов Авеза Бакея и Кошута Богатыря царю Михаилу Федоровичу от 26 апреля 1640 г.:

«Прок^ое^н намъ сказа^н вашего г^дрского жалованья и вина и меду и хлебовъ и вашего милостивого государева жалова^ня сто^н и вина и ме^н и хлебовъ и вашего мл^тивого г^дрва жалова^ня даю^т на^н в стола м^бсто ко^мму де^нгами а мы холопи ваші і всегда ваше жалова^не емле^н де^нгами» (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 274).

Этот текст был переведен со следующего текста, написанного в арабской графике на среднеазиатском тюрки:

پركوفى بزكه كلب سوزلدلركيم رحملى پادشاهميره اوستل عمقى بال اتمك يارلقادار دب ايدب ايدى
[pirakūfi bizke kelib sūzladilarkīm rahimlī pādīšāhimīze ūstal ‘āqī bōl ātmak yārliqādilar
dīb āyḍib āyḍī rahimlī pādīšāhim bize āqje beredūrlar bizā rahimlī pādīšāhimnīk
yārliqāšinde kunde āqje ālarmiz] (РГАДА, ф. 134, оп. I, 1639 г., д. 2, л. 273).

Приведенный пример показывает, что название одной из русских денежных единиц *деньга*, активно войдя в словарный состав старорусского языка, в XVII в. употреблялось как соответствие тюркскому названию мелкой серебряной монеты *اقچه* [āqjə] (произведено от *اق* [āq] ‘белый, серебряный’ с помощью суффикса *چه* [jə]) — дословно ‘беленький’. Первоначально слово могло означать ‘белую или серебряную монету’ [Юматова 2007: 11]. Как указывает Х. Дадабаев, тюркское слово *акча* в значении ‘монета, деньги’ впервые наблюдается в древнетюркском енисейском памятнике из долины реки Барык; в значении ‘деньги’ *акча* зафиксирована в кыпчакском словаре «Codex sumanicus» [Дадабаев 1991: 226–227]. Реалия *деньга* в форме *акча* в настоящее время употребляется в некоторых пограничных с тюркскими языками русских говорах в значении ‘название денежной единицы’ — *деньги*: «К сыночку бы съездить, да акчей в кармане нет» [СРНГ, I: 228]. В «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина отмечено, что форма *акчи* возникла, возможно, под влиянием рус. *деньги* [Аникин, I: 136].

Существует мнение, что тюрк. **a:q-ča* является калькой названия византийской монеты *аспра* [СИГТЯ 2001: 342] — рус. ‘аспра’. В русских письменных памятниках слово *аспра* впервые, по материалам [СлРЯ XI–XVII вв.], упоминается в «Истории о великом князе Московском» — «Сочинении князя Курбского» (XVI в., сп. XVII в.) в значении ‘мелкая сереб-

ряная монета»: «Краву куповано за десять денегъ Московскихъ, а вола великого за десять аспрь» [Там же, 1: 56].

Вместе с тем следует заметить, что *деньга*, получившая в дальнейшем в русском языке собирательное значение — ‘деньги’, будучи тюркизмом, на тюркской почве представлена хуже. Об этом свидетельствует то, что уже в XVII в. в Средней Азии вместо старого тюркского *tenge* (*tenka*) употребляется другой термин — «акча». Материалы русских письменных памятников показывают, что морфологическое обособление названия денежной единицы *деньга* в форме множественного числа — *деньги* складывалось к концу XV в. и с тех пор она как собственно русское образование активно употребляется в русском языке (см. [Аракин 1974: 115]).

ДОРОГИ. Восточная реалия *дороги*, заимствованная старорусским языком, нами отмечена в челобитной хивинского посла Надира Бехадур царю Федору Алексеевичу от 11 июня 1679 г.: «...а товарищъ ево (астраханского воеводы князя Константина Осиповича. — Д. К.) бо^ашой дьякъ взя^а ъ меня * пя^т дороговъ кашански^х а цена одиннатцать р⁸левъ ме^ншен дьякъ четверы дороги взя^а каша^нские цена і^а восемь р⁸левъ два^тцать шесть алтын» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 86). В персидском оригинале *дороги* имеет соответствие درای [dōrōi] (Там же, л. 84).

[СлРЯ XI–XVII вв.] слово *дороги* впервые фиксирует в значении ‘восточная шелковая ткань’ в «Хождении на Восток» купца Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. под 1624 г.: «Тутъ дѣлають дороги кашанские и бархаты в кизылбашские камочки» [Там же, 4: 323].

Исследователи расходятся во мнении о происхождении восточной реалии *дороги* в русском языке. По объяснению К. Иностранцева, лексема *дороги* произошла от названия персидской ткани دارایی [dōrōyi] и переводилась в XVII в. на русский язык как ‘дороги’ [Иностранцев 1900: 82]. Представляется менее вероятным мнение И. Н. Березина о том, что *дороги* происходит из слова دراجه [dorōje] — ‘верхний кафтан, накидка’ [Березин 1852: 191].

Как свидетельствуют наши источники, наиболее удачное объяснение персидского слова درای [dorōi] *дороги* дано В. К. Клейном: «эта восточная шелковая ткань ‘совершенно тождественна с тафтой, т. е. гроденаплевового переплетения, но в нее введены нити пестрой, так называемой ‘узловой’ окраски, — желтые и зеленые, отчего ткань имеет полосатый вид» [Клейн 1925: 60]. По месту производства она носила разные названия: кашанская, гиланская, кизилбашская, турецкая и т. д. Согласно М. Фасмеру, восточная реалия *дороги* (рус. ‘дараги’) была заимствована русским языком в значении ‘азиатская шелковая ткань’ «из чагат., тар., кирг. darai» [Фасмер, I: 484].

КИНДЯК. Восточная реалия *киндяк* — ‘название разновидности хлопчатобумажной ткани’ также встречается в старинном русском переводе челобитной хивинского посла Надира Бехадур царю Федору Алексеевичу от

21 января 1679 г.: «...да по^Аячей Никита взялъ 8^Б меня * три дороги кашанские цена и^А шесть р^Блевъ дватцать а^Атнъ ... да киндякъ цена два^Тцать три а^Атна двѣ дѣги...» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, лл. 86–87). Слово в персидском оригинале имеет соответствие کندک [kändāk] (Там же, л. 84).

Согласно [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 125], в русских письменных памятниках восточная реалия *киндяк* впервые, по материалам, упоминается во второй половине XV в. в «Хожении за три моря Афанасия Никитина» под 1472 г.: «Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди, да киндяки [по вар.] да чинят краску нил». В этом же словаре отмечается еще одна ее форма — *кандак*: «А Камбаят же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ в немъ все дѣлають алачи, да пестреди, да канѣдаки, да чинять краску ниль» [Там же: 53].

Важно, что уже в XV в. *киндяк* у Афанасия имел типично казанско-татарскую огласовку *к — а* на месте более старой огласовки *а — а*.

Эта хлопчатобумажная ткань всегда была одноцветной и без узоров. Она не выработывалась из цветных нитей, а окрашивалась уже после снятия со станка. Киндяк имел различную окраску, причем окрашенный в красный цвет он назывался кумачом (см. об этом [Клейн 1925: 63]). Определения В. И. Даля [II: 108] и П. И. Савваитова [1896: 56], которые указывают, что *киндяк* означает «выбойку» или «набойку», неточны.

КУМАЧ. В старинном русском переводе челобитной хивинского посла Надира Бехадуря царю Федору Алексеевичу от 11 июня 1679 г. засвидетельствована ещё одна восточная реалия — *кумач*: «...да по^Аячей Никита взялъ 8^Б меня * ... да кѣшакъ цена €^М дватцать а^Атнъ да кѣмачъ цена €^М сорокъ а^Атнъ...» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1677 г., д. 1, л. 86). В персидском оригинале *кумач* имеет соответствие قماچ [qūmādj] (Там же, л. 84). В тюркских языках данное слово употреблялось в виде قماچ [gūmāč]. Л. З. Будагов считает, что татарская (тюркская. — Д. К.) форма «قماچ [gūmāč] *кумач*, материя бумажная; ... общее название всех бумажный материй, лавочный товар» [Будагов, II: 64] была образована на основе арабского слова «قماش [gūmāš], материя, ткань разного рода; товар, имущество» [Там же].

[СлРЯ XI–XVII вв., 8: 117] впервые отмечает слово *кумач* в значении «хлопчатобумажная ткань, чаще красного цвета» в Актах Астраханской воеводской избы XVII в. под 1648 г.: «Чернова кумачю на подпушку цена 2 ал(тына)». В этой же словарной статье дается ещё одно его значение: «Определенного размера кусок ткани, штука кумача, принятая за единицу при счете товара». Оно представлено в тексте указанного памятника под 1626 г.: «Взято у нижегородца у Микиты Григор(ь)ева Серебренникова шесть кумачей темьносиних, цѣна под двенатцати алтнъ кумачъ» [Там же]. В памятниках русской «письменности XVII века, в частности в таможенных книгах, отмечаются, правда, гораздо реже, кумачи и других цветов: вишневые, синие, лазоревые, зеленые, черные» [Коткова 1975: 118].

В старорусском языке восточная реалья *кумач* «первоначально обозначала вообще хлопчатобумажные ткани, привозимые в основном из тюркоязычных стран» [Там же]. Наверное, лексема была заимствована русским языком из тюркского именно в это время, т. е. в первой половине XVII в.

ЗАРБАФ. Восточная реалья *зарбаф* встречается в старом русском переводе челобитной хивинского посла Пехлеванкулибека царю Алексею Михайловичу от 9 апреля 1673 г.: «*Росписъ хановымъ* (хивинского Анавши. — Д. К.) *поминкамъ: Ѡ [9] инохотцо^б до^брыхъ Д [4] шправны^х сабель с каменьемъ, зверь вабрь, Ѽ [5] да^увазо^б шправныхъ с каменьемъ Ѡ [9] за^рвафовъ золотныхъ...*» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1670 г., д. 1, л. 93). Слово в персидском оригинале имеет соответствие زرِبافت [zārbāft] (Там же, л. 99).

[СлРЯ XI–XVII вв.] восточную реалью *зарбаф* впервые свидетельствует в значении ‘род парчи’ в документе «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» под 1672 г.: «Зарбавъ полосатой съ золотомъ да съ серебромъ» [5: 286].

Эта шелковая ткань с золотыми и серебряными нитями вырабатывалась только на Востоке. В Россию зарбаф привозился в довольно большом количестве и употреблялся на верхние одежды. Её название происходит от персидского زر [zer] ‘золото’ и بافت [baft] ‘ткань’ (от بافتن [bāftan] ‘ткать; вязать; плести’) [Савваитов 1896: 38; ПРС, I: 172]. Восточная реалья в виде *зарбаф* русским языком была заимствована из тюркского [Фасмер, II: 80].

2. Толкование восточных реалий в текстах русских письменных памятников

Особую значимость имеют восточные реалии, получившие в памятниках русской деловой письменности среднеазиатского происхождения внутриконтекстовые объяснения. В этом можно убедиться, обращаясь, например, к статейным спискам российских посольств в Хиву и Бухару:

Ивана Хохлова (1620–1622 гг.): «*Посыла^а о^и Ива^и о полоненика^х говори^т црѣвѣ даде что^б имъ по црѣвѣ прика^{зѣ} велѣлъ дати я^рлыкъ которые во^ины полоненники похотят^т и^тти на Рѣ^с и и^и бы и^тти былъ вѣ^зпеннѣ црѣвѣ де дадя Неди^р дѣва^и беги велѣлъ емѣ Иванѣ выти ѣ сева...*» (РГАДА, ф. 109, оп. I, 1622 г., д. 1, л. 31);

Бориса и Семена Пазухиных (1669–1672 гг.):

ДАРАГА — «*Бориса въстреча^а карако^аско^и дарага которой сѣди^т то^рговы^х людей и пошлны и всякую пода^т верѣ^т»* (РГАДА, ф. 109, оп. 2, 1669 г., д. 2, л. 34).

РУНДУК — «*Бори^с овъявлялъ о^з доро^ве великого г^сдря црѣ и великого князя Алексеѣя Миха^иловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодѣ^ржца его црского величѣ^ства и говорилъ проти^в великого г^сдря нака^{зѣ} а^б то время вы^а дѣ^вдази^з ца^р на мѣсте пере^а полатою*

на рундүке которое называю^т кърнышомъ⁷ где послы бываю^т а мѣсто здѣлано вышнюю о^т рѣ^ндүка S [6] ступене^н а в длину і^в ширинѣ мѣсто по^а Д [4] а^ошина» (Там же, л. 47).

ТОПЧЕБАШИ — «і велѣ^а А^вдази^з царь Бориса с товарищи и^з Бѣха^р приводи^т до перво^г ста^ну то^ччебаши малая⁸ і ины^м свои^м дворовы^м людемъ а то^т малан ү пѣшекъ и ү^все^н бѣха^рско^н пехоты нач^ано^н члвкъ а стои^т ү цеса^рско^г двора в воротях на карабле ве^сперемѣнно» (Там же, лл. 94–94 об.).

3. Восточные реалии, не зафиксированные в Словаре русского языка XI–XVII вв.

Наблюдения над словарным составом среднеазиатских дел Посольского приказа показали, что они содержат восточные реалии, не зафиксированные в [СлРЯ XI–XVII вв.]:

КЮНЕЛДЕШ (КЮНУЛДЕШ) — ‘молочный брат’: «...послала (царица Сахибжамал. — Д. К.) к вам (Авганмухаммеду и Алтын. — Д. К.) дя^тки своего с сѣомъ Мискине^м кюню^адешем поминковъ...» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1639 г., д. 2, л. 203).

ПАРВАНАЧЕЙ — ‘главный секретарь царский’ [Будагов, I: 315]: «Борис с товарищи аталыкѣ и диванъбеги и паръваначею и многимъ чиновнымъ людемъ которые достѣпны царю Абдаазизѣ с великою докѣкою и с человитьемъ говорилъ» (РГАДА, ф. 109, оп. 1, 1669 г., д. 2, л. 64).

ЮГАРИ — ‘один из видов растения сорго’: «Да ка^к приеѣха^а Ониси^м Грибо^в въ Юргенчъ горо^а и присла^а на по^авор^е юргенско^н Сеитъ царь ... с приставо^м ... лошадей^м РН [150] батмано^в югаре^н» (РГАДА, ф. 134, оп. 1, 1641 г., д. 2, л. 106).

В словаре Л. З. Будагова данное слово объяснено так: «хив. جوغاری, جوغان [jūgārī, jūgān] (y) или جوغاری, جوکاری [jūkārī, jūgār], растение похоже на кукурузу, растет толстыми, колосьями и дает зерно круглое, белого цвета, поменьше горошины; семена употребляются в корм лошадей, а иногда и в пищу бедных людей; ствол имеет более сажены высоты, толщины около дюйма; вообще служит питательным кормом для скота» [Будагов, I: 445].

ЕДИСАНЦЫ — ‘название одного из племен ногайцев’: «Третей полоняникъ Корюшка Костянтинов казался ниже гороцкимъ посацкимъ члвкомъ і в прошлы^х годѣ^х томү три^тца^т одинъ го^а нанимался онѣ

⁷ В словаре Л. З. Будагова «کورنش, کورنیش, کورنیش, کورنش [kūrnīsh, kūrnīsh, kurnīsh, kūrnūsh] ар. мн. کورشان [kūrshān] (собств. вид, наружность) свидание, навещение, осмотр, аудиенция, представление перед царем и ханом» [Будагов, II: 151].

⁸ Согласно Л. З. Будагову, «тат. مالای [mālāy] малай, работник, мальчик (слуга)» [Будагов, II: 199].

Кирюшка Спаскова мн^стря что в Остарахани ү ста^рцовъ на Үчюгъ ихъ на взморье в косные караульшинки і на томъ ^{АЕ} карауле взяли ево едиса^нцы в полонъ да с нимъ же взяли товарищен ево восемь члвквъ і тѣ де едиса^нцы взявъ ево о^твѣзли в Хиву» (РГАДА, ф. 134, оп. 3, 1682 г., л. 22 об.).

Весьма своеобразные сведения об истории восточной реалии *едисанцы*, встречающейся в приведенном скорописном русском тексте Посольской книги по связям России с Хивой 1682–1684 гг., изложены в «Истории Ногайской орды» В. В. Трепавлова «Едисан. Этимология этого понятия проста и сложна одновременно. *Еди* — несомненно, ‘семь’; стало быть, ‘семь санов’. А вот что такое *сан*, понимается по-разному: ‘счет’, ‘тысяча’, ‘десять тысяч’, ‘миллион’ (т. е. соответственно ‘семисчетная орда’...)» [Трепавлов 2002: 429]. Несколько иное объяснение, на наш взгляд, наиболее приемлемое, по поводу рассматриваемой восточной реалии имеется у М. А. Савинова: «Едисане (едисанцы, едисанские ногайцы, название, вероятно, происходит от ‘еди сан’ — ‘семь родов’ (т. е. ‘седьмой род ногайцев’ — Д. К.)) — одно из ногайских территориальных объединений» [Савинов 2016: 118].

Заключение

Памятники деловой письменности по русско-среднеазиатским дипломатическим отношениям XVII в. обладают значительной историко-лингвистической информативностью относительно восточных реалий, употребленных в текстах старинных русских переводов челобитных хивинских и бухарских послов, росписях ханских и посольских подарков, предназначенных российским правителям и другим российским должностным лицам, статейных списках русских посланников в Среднюю Азию, отписках воевод русских городов. Они предоставляют весьма ценный лексический материал для исторических словарей русского языка, в частности «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Весьма существенно, что фонетическую, семантическую и грамматическую адаптацию восточных реалий в текстах памятников русской скорописной деловой письменности из среднеазиатских дел Посольского приказа XVII в. или пути их проникновения в словарный состав русского языка удалось проверить в сопоставлении с соответствующими им восточными эквивалентами, содержащимися в деловых документах хивинского и бухарского происхождения, написанных на официальных среднеазиатских языках — тюрки и фарси XVII в. Такой метод анализа, без сомнения, во многом поможет установить правомерность функционирования восточных реалий в словарном составе русского языка.

Рассмотренные скорописные русские деловые письменные памятники содержат восточные реалии, получившие толкование в самих контекстах,

не зафиксированные в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», а также более раннюю фиксацию, чем в указанном лексикографическом источнике.

Источники и словари

- Аникин 1 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. I (*a — аяюшка*).
- Аникин 13 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. М., 2019. Вып. 13 (*два — дигло*).
- Будагов I — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I.
- Будагов II — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1871. Т. II.
- Гаффаров I–II — М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь. Т. I–II. М., 1976.
- Даль II — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. II.
- МУТТ ССР — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения...). Л., 1932. Вып. 3. Ч. I.
- НБСП — Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч. 1669. СПб., 1894.
- ПРС I — Персидско-русский словарь. 2-е изд., стереотип., с приложением новых слов. М., 1983. Т. I.
- Радлов IV (2) — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. IV. Ч. 2.
- СГГД I — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I.
- Севортян III — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980.
- СКХ — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
- СлРЯ XI–XVII вв. I — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. I.
- СлРЯ XI–XVII вв. 4 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4.
- СлРЯ XI–XVII вв. 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5.
- СлРЯ XI–XVII вв. 7 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7.
- СлРЯ XI–XVII вв. 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8.
- СлРЯ XI–XVII вв. 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9.
- СРНГ I — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. I.
- ССРЛЯ I — Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. М., 1950.
- Фасмер I–IV — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М., 1987.
- Ягелло 1910 — И. Д. Ягелло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910.
- Miklosich 1886 — F. Miklosich. Etimologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Литература

- Аракин 1974 — В. Д. Аракин. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. С. 112–148.
- Березин 1849 — И. Н. Березин. Шейбанида. Казань, 1849.
- Березин 1852 — И. Н. Березин. Замечания о восточных словах в областном великорусском языке // Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. I. С. 186–191.
- Влахов, Флорин 1986 — С. И. Влахов, С. П. Флорин. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
- Дадабаев 1991 — Х. А. Дадабаев. Общественно-политическая и социально-экономическая терминология в тюркоязычных памятниках XI–XIV вв. Дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1991.
- Дмитриев 1962 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Строй тюркских языков. М.: Восточная литература, 1962. С. 503–569.
- Добродомов 1967 — И. Г. Добродомов. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. № 264. Вопросы лексики и грамматики русского языка. М.: МГПИ, 1967. С. 364–374.
- Добродомов 1984 — И. Г. Добродомов. Этимологические маргиналы тюрколога по русской лексикографии // Этимологические исследования. Сборник научных трудов. Свердловск: Изд. УрГУ, 1984. С. 55–56.
- Дыбо 1996 — А. В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры, 1996.
- Жуковский 1915 — С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград, 1915.
- Зубарев 1825 — Д. М. Зубарев. Исторические справки // Вестник Европы. М., 1825. Июнь, № 11. С. 187–217.
- Иностранцев 1900 — К. Иностранцев. Из истории старинных тканей: алтабас, дороги, зендень, миткаль, мухойр // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. Вып. I. СПб., 1900. С. 080–085.
- Качалкин 1988 — А. Н. Качалкин. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. I. Источники изучения и вопросы авторства документа. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Клейн 1925 — В. К. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология. М., 1925.
- Коткова 1975 — Н. С. Коткова. Кумач // Русская речь. 1975. № 5. С. 117–121.
- Кулмаматов 1994 — Д. С. Кулмаматов. Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М.: МГПИ, 1994.
- Кулмаматов 2008 — Д. С. Кулмаматов. Дьяки, подьячие Посольского приказа и развитие российско-среднеазиатской дипломатической переписки в XVII в. // Материалы Международной научной конференции «Роль Национального университета в развитии системы высшего образования и науки в Узбекистане», посвященной 90-летию Национального университета Узбекистана. 22–23 августа 2008 г. Ташкент, 2008. С. 268–274.
- Кулмаматов 2018 — Д. С. Кулмаматов. Язычей // Русская речь. 2018. № 5. С. 105–109.
- Савваитов 1896 — П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

Савинов 2016 — М. А. Савинов. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его Хронограф: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001.

Трепавлов 2002 — В. В. Трепавлов. История Ногайской орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

Эрдман 1855 — Ф. И. Эрдман. Деньги, кабак, набат. Новгород, 1855.

Юматова 2007 — М. К. Юматова. Экономическая терминология в татарском литературном языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.

Fraehn 1815 — С. М. Fraehn. De origine vocabuli rossici *деньги*. Casani, 1815.

Статья получена 01.09.2022

Dusmamat S. Kulmamatov

Uzbekistan State World Languages University
(Tashkent, Uzbekistan)
kulmamatov1956@mail.ru

EASTERN REALIA IN THE SEVENTEENTH-CENTURY CENTRAL ASIAN ACTS OF THE AMBASSADORIAL ORDER

The article discusses the functioning of eastern realia in the texts of Russian cursive official business records from seventeenth-century Central Asian acts of the Ambassadorial Order — ancient Russian translations of petitions of Khiva and Bukhara ambassadors, inscriptions on khan and ambassadorial gifts intended for Russian rulers and other Russian officials, article lists of Russian envoys to Central Asia, formal replies from the voevods (governors) of Russian cities, Ambassadorial books on the relations of Russia with Khiva and Bukhara stored in funds No. 109 “Relations of Russia with Bukhara” and No. 134 “Relations of Russia with Khiva” of the Central State Archive of Ancient Acts in Moscow. Linguistic content of the indicated sources is described: based on this large factual material, we show how eastern realia were adapted in ancient Russian translations of petitions of Khiva and Bukhara ambassadors and inscriptions on khan and ambassadors’ gifts, written in the official Central Asian languages — seventeenth-century Turkic and Persian, as well as ways of their penetration into the Russian lexis. A number of lexemes described in the paper either are not recorded in historical dictionaries of the Russian language or have later first dates of their occurrence; for some of the discussed realia, we were able to establish new meanings or redefine existing ones more precisely.

Keywords: translation, petition, dictionary, eastern realia, Russian language, Ambassadorial order

References

Arakin, V. D. (1974). Tiurkskie leksicheskie elementy v pamiatnikakh russkogo iazyka mongol'skogo perioda. In N. A. Baskakov (Ed.), *Tiurkizmy v vostochnoslavianskikh iazykakh* (pp. 112–148). Moscow: Nauka.

- Dadabaev, Kh. A. (1991). Obshchestvenno-politicheskaia i sotsial'no-ekonomicheskaia terminologija v tiurkoiazыchnykh pamiatnikakh XI–XIV vv. (DrHab Dissertation). Tashkent State University, Tashkent.
- Dmitriev, N. K. (1962). O tiurkskikh elementakh russkogo slovaria. In E. V. Sevortian (Ed.), *Stroi tiurkskikh iazykov* (pp. 503–569). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Dobrodomov, I. G. (1967). Nekotorye voprosy izucheniia tiurkizmov v russkom iazyke. *Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina*, 264: *Voprosy leksiki i grammatiki russkogo iazyka*, 364–374.
- Dobrodomov, I. G. (1984). Etimologicheskie marginali tiurkologa po russkoi leksikografii. In A. K. Matveev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* (pp. 55–56). Sverdlovsk: Izd. UrGU.
- Dybo, A. V. (1996). Semanticheskaia rekonstruktsiia v altaiskoi etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoi poias). Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Iumatova, M. K. (2007). *Ekonomicheskaia terminologija v tatarskom literaturnom iazyke* (Doctoral Dissertation summary). Kazan State University, Kazan.
- Kachalkin, A. N. (1988). Zhanry russkogo dokumenta dopetrovskoi epokhi. Ch. I. Istochniki izucheniia i voprosy avtorstva dokumenta. Moscow: Izd-vo MGU.
- Kotkova, N. S. (1975). Kumach. *Russkaia rech'*, 5, 117–121.
- Kulmamatov, D. S. (1994). Sredneaziatskie diplomaticheskie dokumenty i ikh russkie perevody XVII v. (Gramoty. Chelobitnye). Moscow: MGPI.
- Kulmamatov, D. S. (2008). D'iaki, pod'iachie Posol'skogo prikaza i razvitie rossiisko-sredneaziatskoi diplomaticheskoi perepiski v XVII v. In *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rol' Natsional'nogo universiteta v razvitii sistemy vysshego obrazovaniia i nauki v Uzbekistane», posviashchennoi 90-letiiu Natsional'nogo universiteta Uzbekistana (22–23 avgusta 2008 g.)* (pp. 268–274). Tashkent: [s.n.], 2008.
- Kulmamatov, D. S. (2018). Iazychei. *Russkaia rech'*, 5, 105–109.
- Savinov, M. A. (2016). Arkhiiepiskop Astrakhanskii i Terskii Pakhomii i ego Khronograf (Doctoral Dissertation). St Petersburg State University, St Petersburg.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (2001). Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika (2nd ed.). Moscow: Nauka.
- Trepavlov, V. V. (2002). *Istoriia Nogaiskoi ordy*. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Vlakhov, S. I., & Florin, S. P. (1986). *Neperevodimoe v perevode*. Moscow: Vysshaia shkola.

Received on September 1, 2022

Д. С. КРЫЛОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
krydmi@mail.ru

ПОПРАВКИ К ЧТЕНИЮ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 307*

В настоящей статье предлагается новая интерпретация для нескольких тёмных участков текста берестяной грамоты № 307. Важнейшая из предложенных поправок к чтению состоит в том, что из пяти букв предпоследней строки, изображенных на прориси как зачёркнутые, четыре попали на трещину бересты и должны быть включены в текст грамоты. Единственная действительно зачёркнутая буква позволяет довольно уверенно реконструировать замысел последней фразы, которая содержит аномально много графических ошибок и вдобавок представляет собой результат неудачной синтаксической правки. Кроме того, в статье даётся фонетический комментарий к топониму *Горотъ-неи*, содержащему ошибку в обозначении глухости-звонкости согласного. В статье также выдвигается гипотеза о возможной просопографической связи упомянутого в грамоте Парфея с фигурирующим в рядной Василия Федоровича (пергаменной грамоте № 130) Нефедеей Парфеевым. В итоге последняя фраза грамоты и, следовательно, вся грамота получает более надёжное истолкование, чем имела до сих пор: крестьяне жалуются своим господам на их подчиненных, Парфея и Нетребуя, обвиняя их в фальсификации завещаний и судебных повесток, а те утверждают, что лишь прикладывали печать к этим документам, не имея оснований усомниться в их подлинности.

Ключевые слова: древненовгородский диалект, севернорусское наречие, берестяные грамоты, не книжная письменность, древнерусская просопография.

Новгородская берестяная грамота № 307 принадлежит к комплексу из нескольких десятков крестьянских берестяных челобитных новгородским

* Автор выражает глубокую благодарность Е. А. Галинской, А. А. Гишпиусу, С. В. Князеву, Д. В. Сичинаве и М. Н. Шевелевой, консультации и замечания которых позволили улучшить текст этой статьи. Также автор благодарен всем тем, кто устно критиковал реконструкцию бытовой ситуации, стоящей за «очищенным» текстом грамоты. Эта критика остаётся в настоящей статье без ответа, но автор осознает, что последовательно изложить все возможные варианты описанной в документе правовой коллизии ему не вполне удалось.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, предоставленного через Институт славяноведения РАН (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»). <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>

феодалам XIV–XV вв. Её адресаты Ондреян, Микита и Настасья — дети и вдова Михаила Юрьевича из боярского рода Мишиничей (Онцифоровичей). Грамота найдена на усадьбе И Неревского раскопа, где были обнаружены также грамоты, адресованные самому Михаилу Юрьевичу.

С момента её находки в 1957 г. и вплоть до появления в 2016 г. грамоты № 1088 эта челобитная являлась рекордсменом по абсолютному количеству допущенных автором графических ошибок среди всех древнерусских грамот¹. Неудивительно, что первоначальная интерпретация отдельных слов в ней, принадлежащая А. В. Арциховскому и В. И. Борковскому [НГБ-V: 137–140], подвергалась серьёзному переосмыслению: в томах VIII, IX и X «Новгородских грамот на бересте» В. Л. Янин и А. А. Зализняк внесли значительные корректировки в её чтение [НГБ-VIII: 201–202, 244–245; НГБ-IX: 152–153; НГБ-X: 97], учтя также поправки, предложенные Л. В. Черепниным [Черепнин 1969: 194–197]. В итоге текст и перевод грамоты приняли следующий вид [ДНД-2: 677–678]:

ОСПОДѢНУ ОНД(РѢА)НУ МИХАИЛОВИЦЮ ОСПО(Д)(Ъ)НУ МИКЪТИ МИХАИЛОЦЮ ОСПОЖ(Ъ)НШЕИ НАСТАСЪИ МИХАИЛОВѢ ЖЕНѢ ЧОЛОМЪ БѢЮ ХРѢСТЪАНѢ ИЗБОИЩАНѢ · ЗДѢСЕ ОСПОДО ОУ ВАШЕИ ВЪЛОСТИ АВЛАЮТСА ПОЗОВНИЦѢ ОУ ГОРОТ[Ъ]НЕИ ЗДѢ АВЛАТСА {п}ПОЗОВНИЦИ Л°ЖИВЪИ и ЗДѢСЕ ОСПОДО А(ВЛАЮТСА РУ)КУПИСАНИЕ ЛЖИВЪИА · А · ПЕРЕПѢ{СЫ}СЪИ СЪВАОУТЬ ВАШЕ НЕТРЕБУИ ДѢАКЪ ПОЗОВНИЦИ И РУКОПѢСАНИЕ ЛЖИВЪИА · А · ТВОРАТЬСА ПЕЧАТАЛ° "ВА ПАРФѢ РУКУСА" {уе}А А ХРѢСТЪАНУ ВАШЕ ВАМЪ СВОЕИ ОСПОДИ ЧОЛОМЪ БѢЮ

‘Господину Ондреяну Михайловичу, господину Миките Михайловичу, госпоже нашей Настасье, Михайловой жене, бьют челом крестьяне избоищане. Здесь, господа, в вашей волости Горотной (?) предьявляются повестки, здесь предьявляются фальшивые повестки, здесь, господа, предьявляются фальшивые завещания. А переписывают фальшивые повестки и завещания ваш Нетребуи [и (?)] дяк. А утверждают, что запечатывал Иван (?) Парфеев (?) [эти] завещания. А крестьяне ваши вам, своим господам, челом бьют’.

В этом переводе А. А. Зализняк отметил три сомнительных места (если считать одним и тем же местом недостоверно членимую последовательность *ивапарфѣ*). На наш взгляд, следует отметить ещё одно. Глагол *творитися*, по данным исторического подкорпуса НКРЯ, в отличие от *творити*, никогда не переводится ‘утверждать про кого-то’, но чаще всего имеет значение ‘притворяться, утверждая нечто о самом себе’. В данном случае

¹ Если считать ошибки, указанные в [ДНД-2: 677–678] и в [ВЯ-2017: 20–21], то в грамоте № 307 их 13, а в № 1088 — целых 15, при том что № 1088 в два с лишним раза короче. Приближалась к предыдущему рекорду грамота № 531 с 12 ошибками, но это самая длинная грамота, почти в три раза длиннее, чем № 307, так что концентрация ошибок в ней сильно меньше.

некая группа лиц должна утверждать нечто про саму себя, а не про предполагаемого Ивана Парфеева.

В настоящей работе мы попробуем прояснить эти сомнительные места. А в заключении постараемся развить замечательную просопографическую гипотезу Д. В. Сичинавы, которая, как мы покажем, может прояснить первопричину появления этой челобитной.

1. Волость Горотная (?)

Первое из сомнительных мест в переводе — название волости, где предьявляются фальшивые документы. Вообще говоря, его было бы правильнее передавать в тексте как *горо[ть]неи*, поскольку на месте *t* теоретически может быть и *n*, пусть и несколько широковатое. В обоих случаях приходится вычленять в слове суффикс **-ьн-*, а вид корня (**горот-* или **горон-*) сперва повергает в недоумение. Хотя в Интернете и находится единственный случай пользователя социальной сети «ВКонтакте» с фамилией *Гороння* неясной этимологии, всё же гораздо более правильным следует признать направление мыслей А. В. Арциховского и В. И. Борковского: волость названа по населённому пункту *Городня*.

Сами издатели считали, что последняя буква в последовательности *горо[ть]неи* является сочинительным союзом *и*, однако А. А. Зализняк реинтерпретировал её как часть окончания *Loc. sg. f.* полного прилагательного, относящегося к *волости* [НГБ-VIII: 202]. В свою очередь, *e* в этой грамоте не смешивается с *ь*, поэтому вид окончания *-ei* следует рассматривать как мягкий вариант окончания *-oi* местоименного склонения, которое в позднерусскую эпоху вытеснило адъективное в большей части форм ед. ч. полных прилагательных [ДНД-2: 117–118].

Появление *t* на месте *d* следует связывать с другими случаями мены парных по глухости-звонкости согласных, встречающихся в памятниках северновеликорусского происхождения. В берестяных грамотах наиболее бесспорные случаи этой мены таковы: *воѣми* 59, *вѣало* 445, *нинешнеко* 482, *доброкоствечихо* 614, *своподь* 614, *селокове* 614, *тѣшадь* 905, *посдави* 908. Аналогичные примеры из книжных памятников можно найти в работе В. В. Колесова [1963: 103–104], хотя к ним нужно относиться с большой осторожностью, так как примерно четверть из них непоказательны либо в силу ошибочного прочтения текста, либо в силу графического соседства с другими согласными. К ним также можно добавить примеры из холмогорских и шенкурских рукописей XVII в., собранные А. А. Лопухиной [2011: 109–111, 197–199]². Кроме того, см. примеры из северо-западных памятни-

² Однако примеры из дневника посещавшего Холмогоры Ричарда Джемса, приводимые А. А. Лопухиной, — *saietz, tamoshna, snait, zich* («сыч»), *ozen, zuxhari, glhobuke* («клобук») и т. д. [Ларин 1959: 48], — не следует считать столь же пока-

ков в работе [Крысько 1998: 88] и не учтённые В. В. Колесовым примеры из Ипатьевской летописи [Гиппиус, Сичинава 2021: 183]

Видеть в этих примерах полное неразличение звонких и глухих обрусевшим носителем прибалтийско-финского идиома можно только для тех памятников, где подобное озвончение и оглушение шумных встречается настолько часто, что правильные написания появляются либо случайно, либо за счёт знакомства автора со стандартным графическим обликом русского слова. Такова грамота № 614 (где, как считает А. А. Гиппиус, также [кл]оу[покеи] исправлено на [гл]оу[бокеи] [НГБ XII: 252–253] и где А. А. Зализняк как раз предполагает карельское или вожанское происхождение автора [ДНД-2: 499–500]). Менее вероятно, что сюда можно отнести граффито о дьяке Путиле из лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря, где из пяти звонких согласных в сильной по глухости-звонкости позиции целых два записаны как глухие³:

*ть ти **т**иво е*
Поу(т)ила д[ъаке]
Кри(въ⁴)це о томоу оу
*мети **к**рамот[ж]*
а кривоу боуд(о)уци
 [Гиппиус, Михеев 2022: 105–107].

Однако, как показывают примеры из книжных рукописей, подобная ошибка может встретиться у одного автора всего один раз в большой рукописи, причём по соседству с правильными записями той же словоформы⁵. Обычно подобные примеры трактуют как отражение противопоставления шумных согласных в севернорусских говорах не по глухости-звонкости, а по напряжённости-ненапряжённости, которое, в свою очередь, объясняют влиянием финно-угорского субстрата (см., например, [Бобрик 2014: 197–198]), либо же постулируют существование в древних севернорусских диалектах промежуточной стадии «полузвонких» согласных, возникших после падения редуцированных [Колесов 1963: 110]. Л. Л. Касаткин связывает это севернорусское явление со славянским западом и предполагает его праславянское или даже праиндоевропейское происхождение [Касаткин 1999: 244–245]. Но каково бы ни было происхождение этого противопо-

зательными, так как сам носитель английского языка, имеющего противопоставление по напряжённости-ненапряжённости, мог неверно передавать слова, услышанные им и от носителей «нормальных» русских говоров, т. е. имеющих противопоставление по глухости-звонкости.

³ Возможно, автор позволял себе несколько большую фонетическую свободу, чем предполагает русская графика, составляя текст несомненно поэтического характера (подробнее см. статью [Гиппиус, Михеев 2022]).

⁴ Вопреки существующей традиции, будем использовать угловые скобки для передачи пропущенных, по мнению интерпретатора, букв.

⁵ Например, *оувасли* и *оувазли* в Новгородском Прологе 1431 г., л. 177.

ставления (оно, во всяком случае, вряд ли финно-угорское [Князев 1991: 134–137]) в части севернорусских идиомов, это ещё не объясняет самого механизма ошибочного отражения звонких на письме. Ведь в подавляющем большинстве случаев напряжённый в этих идиомах соответствует глухому в остальных восточнославянских идиомах (включая стандартный наддиалектный древнерусский), а ненапряжённый — звонкому.

Попробуем реконструировать психолингвистическую проблему, перед которой стоит носитель древнесевернорусского идиома при записи парных по напряжённости-ненапряжённости согласных. По данным архангельских говоров, дифференциальный признак «напряжённость-ненапряжённость» характеризуется несколькими основными акустическими параметрами, важнейшие из которых можно обобщённо назвать длительностью согласного. Напряжённый — более длительный, ненапряжённый — менее длительный. Наличие или отсутствие колебания голосовых связок в этих говорах — параметр гораздо менее значимый для дифференциации фонем. Поэтому зачастую звонкость или глухость того или иного согласного объясняется соображениями артикуляционного удобства: в интервокале проще поддерживать колебания связок, а в остальных позициях проще произносить глухой. В случае взрывных согласных длительность напряжённого реализуется либо как геминатность (типологически это стратегия прибалтийско-финских языков), либо как придыхательность (стратегия германских языков). Притом в таких говорах **в сочетании двух согласных первый всегда напряжённее второго** [Князев 1991: 123–124; Касаткин 1999: 236].

Следовательно, на письме в сочетании из двух согласных естественно ожидать спорадические записи первого как напряжённого (а напряжённые в остальных позициях на письме неотличимы от наддиалектных глухих), а второго как ненапряжённого (которые вне биконсонантного сочетания на письме неотличимы от наддиалектных звонких).

Приведённое объяснение работает для рассматриваемого *Горо[тѣ]неи* 307, для *[к]оу[покеи]* (614), *воѣми* (59), *кратом[ж]* (надпись про Путилу), а также для второго члена биконсонантного сочетания в *посѣави* (908), где позиционная ненапряжённость исконного **t* отражается на письме так же, как обычно отражается ненапряжённый зубной взрывной, т. е. как *d*.

Орфографическая стратегия автора в этих случаях может быть описана примерно так: «где я произношу напряжённый (длинный) согласный, я напишу *n, t, k, s, ш*⁶, а где ненапряжённый (короткий) — *b, d, z, ж*».

Попробуем рассмотреть другие объяснения появления этого *t* на месте стандартного *d*.

Может быть, первый согласный конкретного кластера вида «взрывной + гоморганный носовой» особенно подвержен нейтрализации по глухости-звонкости, так как произносится без взрыва и послевзрывной фазы (яв-

⁶ Рассмотрением вопроса о напряжённых и ненапряжённых парных аффрикатах в этой статье мы специально заниматься не будем.

ляющихся важным элементом идентификации шумного как звонкого или глухого). Однако других примеров такого кластера в названных нами источниках чрезвычайно мало в силу его специфичности. И в любом случае данное предположение не объясняет выбор автором именно *m*, а не *δ* в позиции нейтрализации по глухости-звонкости. С той же проблемой сталкиваются любые чисто позиционные объяснения: например, в интервокальной⁷ позиции заметно чаще происходит «озвончение глухого» (на письме), чем «оглушение звонкого», представленное в *Горотънеи*.

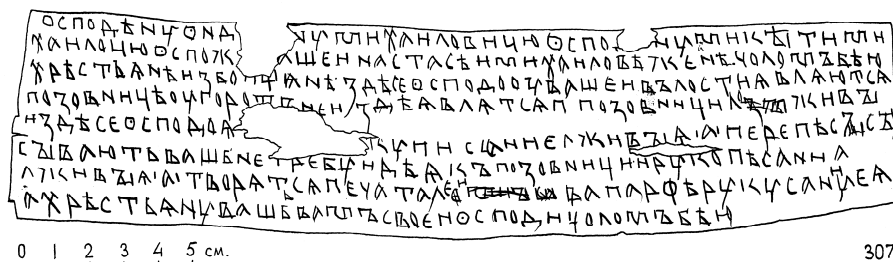
В принципе эти объяснения возможны, но у них есть и ещё один серьёзный недостаток: они предполагают психолингвистическую реальность параметра «глухость-звонкость» для носителя говора, где указанный параметр не является дифференциальным признаком фонем. Этот же недостаток мешает видеть в орфографической стратегии автора гиперкоррекцию, которую можно представить примерно так: «Я знаю, что в интервокальной позиции я часто произношу звонкий, тогда как стандартно он записывается как глухой. Значит, и здесь надо написать глухой». Но такое объяснение работает приблизительно для такого же числа примеров из берестяных грамот, что и «первая» орфографическая стратегия: по меньшей мере для *восми* (59), *нинешнеко* (482), *доброкоствечихо*, *своподь*, *селокове* (614).

Какая из этих интерпретаций написания *m* на месте *δ* в *Горотънеи* лучше, покажут будущие исследования уже достаточно обширного корпуса примеров такого явления.

Итак, перед нами слово, начальная форма которого в стандартном позднерусском должна была выглядеть как *Городнаа*.

2. Утверждают, что запечатывал (?)

И в издании грамоты, и в последующих поправках были полностью проигнорированы пять букв в середине предпоследней строки. М. Н. Киров, автор прориси грамоты, добросовестно их изобразил, однако счёл зачёркнутыми. Вот эта прорись:

⁷ Здесь и в следующем абзаце в понятие интервокальной позиции включается положение между гласным и сонорным.

Между тем на новых фотографиях видно, что первые четыре из этих букв, *с*, *м*, *и* и *ы*, не зачёркнуты писцом, а попали на трещину в бересте. В действительности зачёркнута только последняя буква, *ш*:

Затруднения, которые ранее вызывали две фразы, предшествующие пока неясному *ванарфъ*, отчасти снимаются при вставке в текст этих букв. Что же касается надстрочного *и*, изображённого на прориси, то не исключено, что это вообще случайные штрихи на бересте: они заметно тоньше, чем штрихи, заведомо принадлежащие буквам грамоты, в том числе вписанным над строкой. Но во всяком случае гипотеза В. Л. Янина [НГБ-VIII: 245] о том, что это «надстрочное *и*» относится к последующему *ва*, совсем маловероятна: пространства перед *ва* вполне хватило бы для вставки *и* на место пропуска.

Получается отрезок *печаталесмы*, в котором легко увидеть фразу *печатали есмы* («мы запечатывали») с отсутствующим конечным *и* в слове *печатали*. Вероятнее всего, это простой пропуск буквы, хотя пропуск двух гласных подряд⁸ и не имеет аналогов в корпусе берестяных грамот. Но можно увидеть в этом месте и контракцию 1-причастия и глагола связки, как в польском языке (например, от глагола *stać* форма 1 pl. выглядит как *staliśmy*), западно-укр. диал. *ходилисмо*, *робилисме* [АУМ-2: карта 245], серб. *ходили смо* (при *јесмо* в начале вопросительной фразы). В современном севернорусском наречии эта контракция не отражена, а в истории русского языка имеется лишь единичный пример в грамоте Ст. Р. 39: *посласмъ* [НГБ-XII: 169], где интерпретационной альтернативой контракции глагола-связки с «безэлевым перфектом» является простой пропуск буквы *е*. Но если следовать принципу А. А. Зализняка и не усматривать в тексте ошибок, пока не исчерпаны возможности увидеть лингвистические явления, то предпочесть стоит именно «контракционную» интерпретацию.

В таком случае текст в этом месте следует передавать (с учётом зачёркнутых букв) следующим образом:

⟨...⟩ а · пере҃гѣ {сѣ}сѣи
сѣвѣють вашѣ не҃требѣи дѣ҃акѣ по҃зовници и руко҃пѣсаниа
лживѣа · а · твора҃тѣса печѣ҃талѣсм {и}ѣи ш—⟨...⟩

Теперь снимается сложность перевода глагола *творитися*, о которой говорилось в начале статьи. Если представить, что *печатали есмы* — это прямая речь тех, кто *творятѣса* и ⟨*переписываютъ*⟩, то перевод становится

⁸ *е* в *есмы* изначально тоже была пропущена и вставлена позже, что видно на фотографии и на прориси невооруженным глазом.

ся уже яснее: ‘А переписывают Ваш Нетребуй [и (?)] дьяк повестки и за-вещения. А утверждают: «Мы запечатывали [но не переписывали]»’.

Обилие в древнерусском подкорпусе НКРЯ конструкций вида «творитиса + Асс.» и «творити + Accusativus duplex» может навести на мысль, что прямой речи после *творитиса* быть не может (ср. типичный пример такого словоупотребления: ...*то са не (вино)[ва]т[о] твори...* 482). Однако есть важнейший пример из Жития Андрея Юродивого, который опровергает эту закономерность:

лѣкавыи бл҃гднѣе. цр҃квныи порѣгателю. не ты ли. твораса. ѡко въ цр҃квь идѣ на заутреню. безаконѣе.

Здесь прямая речь маркирована словом **ѡко**. Разумеется, в берестяных грамотах такого маркирующего прямую речь элемента, как правило, нет [Гиппиус 2004: 189–192], поэтому приведённое решение представляется полностью оправданным.

Следует реконструировать процесс записи комментируемого фрагмента так.

1) В изначально запланированном отрезке *печаталесми* была пропущена *e* в *есми*. Обнаружив недостающую *e*, автор втиснул её между *л* и *с*.

2) Вариант *есми* для глагола-связки 1-го л. мн. ч. автор счёл менее удовлетворительным, чем *есмы* (о вариативности этих форм см. [ДНД-2: 139; Молдован 2020]), и написал *ы* справа от *и*. Такой же тип исправления (написание правильной буквы справа от неправильной без зачёркивания неправильной) дважды представлен в последовательности *руксан^ууеа* в конце этой же строки, где сначала *e* «исправляет» написанное слева от него *у*, перенесённое по инерции из первых двух слогов, а затем *л* таким же образом исправляет *e*. По-видимому, промежуточное исправление на *e* отражает фонетическое неразличение /je/ и /ja/ в заударном слоге (ср. *(ру)куписание лживыа* в 5-й строке), однако автор, знакомый с орфографической традицией оформления окончания В. мн. ср., предпочёл ей всё же последовать.

Предпочтение варианта с конечным *-ы* варианту с *-и* следует связывать с тем, что последний грамматически амбивалентен: он может обозначать как 1-е л. мн. ч., так и 1-е л. ед. ч.

3. Иван Парфеев (?)

Трактовка отрезка *ванарфѣ* как написанного с четырьмя пропусками складов⁹, ⟨И⟩ва⟨нъ⟩ Парфѣ⟨e⟩⟨въ⟩, допустима в столь изобилующем ошиб-

⁹ Здесь мы называем **складами** как переданные на письме слоги, так и сочетания согласных с конечными редуцированными. По-видимому, такие сочетания психолингвистически были единицей того же порядка, что и настоящие слоги: во

ками тексте, но более экономна гипотеза, что пропущены всего 2 склада: *ва⟨шь⟩ Парфъ⟨и⟩*.

При таком предположении становится понятно, откуда взялась зачёркнутая буква *ш*: изначально был пропущен слог *ва*, но эту ошибку автор заметил и написанное *ш* зачеркнул, а затем уже, написав *ва*, пропустил склад *шь*.

В другой интерпретации, предложенной издателями, *ва Парфъ* переводится как ‘в Парфе’ (в населённом пункте под названием Парфа). Эта версия (подразумевается, видимо, что *а* в предлоге — предвосхищение *а* в имени) аргументируется существованием в писцовой книге Шелонской пятины 1539 г. селений Избоища, Городня и Парфино. Однако именно Парфой населённый пункт назван быть никак не мог: *Парфино* — притяжательное прилагательное, производное от личного имени Парфа, гипокористического варианта имени Парфений, которое само по себе не могло выступать как топоним. Улучшить эту гипотезу может предположение о пропуске двух букв вида «гласный + согласный» в *Парф⟨ин⟩ъ*. Надо сказать, что это весьма редкий тип ошибки. Во всём корпусе берестяных грамот надёжных примеров на него всего 4:

- *{пдо} поклоно* 99 (пропуск *ок*, замеченный автором, с последующим полным исправлением словоформы припиской справа правильного варианта);
- *[а]настѣа* 508а (пропуск *ас*);
- *ѡ [л]юдъслав ъ хотъноу* 912 (пропуск *а к*);
- *оу дѣда* — *оу давыда* 1077 (пропуск *ав*).

Какая из этих двух интерпретаций лучше, зависит уже от реконструкции общего смысла сообщения (см. ниже).

4. Нетребуй [и (?)] дьяк

Прежде чем приступить к итоговой реконструкции авторского замысла, разберём второе проблемное место в грамоте: действительно, за последовательностью *перепѣ{сысы}-сывають нетребуи дѣакъ* может стоять как ‘переписывает группа лиц под руководством Нетребуя-дьяка’, так и ‘переписывают Нетребуй [и] дьяк’ [НГБ-IX: 152–153]. В первом случае А. А. Зализняк предполагает согласование подлежащего и сказуемого в числе «по смыслу, а не по форме», однако теперь есть возможность сказать, кто вхо-

всяком случае, их пропуски примерно так же частотны, как и пропуски настоящих слогов. То есть при проговаривании текста автором самому себе последовательность [vaʃ parfěj] делилась на склады так: *ва-шь-Пар-фъ-и*. Это, вероятно, следует объяснять сохранением раннедревнерусской традиции обучения чтению по складам, где слоги со слабым редуцированным были столь же «полноправны», как и с гласным полного образования.

дил в «группу под руководством Нетребуя»: на эту кандидатуру отлично подходит *вашь Парфей*.

На первый взгляд, серьёзный недостаток этой гипотезы состоит в том, что *вашь Парфей* и *вашь Нетребуи-дьяк* оказываются слишком удалены друг от друга во фразе. Попробуем объяснить, как такое могло случиться.

По-видимому, автор плохо держал в уме не только написанные буквы, но и написанные слова. Рассмотрим, например, первые три фразы, следующие за адресной формулой:

- (1) ЗДѢСЕ ОСПОДО ОУ ВАШЕИ ВЪЛОСТИ АВЛЯЮТСА ПОЗОВНИЦѢ ОУ ГОРОТ[Ъ]НЕИ
- (2) ЗДѢ АВЛА<Ю>ТСА {п}ПОЗОВНИЦИ Л°ЖИВЪИИ
- (3) ЗДѢСЕ ОСПОДО А(ВЛЯЮТСА РУ)КУПИСАНИЕ ЛЖИВЪА

Их можно было бы записать как одну, что гораздо лаконичнее:

- * (1—3) *здесь осподо въ вашей волости въ городнеи авляются позовници и рукописаниа лживыа*

Из сравнения (1) с реконструируемым «эталоном» видно, что автору не удаётся употребить в длинной фразе однородные члены предложения (в данном случае — подлежащие *позовници и рукописаниа). Если эта трудность представлена и в интересующем нас фрагменте, то его замысел можно реконструировать так:

а · перепѣ{сы}сьисывають вашь нетребуи дѣакъ позовници и
рукопѣсаниа
 лживыа · а · творатьса печаталѣсм{и}гы ш ва парфѣ руксануеа

- * *а переписывают позовници и рукописаниа вашь Нетребуи дѣакъ и вашь Парфей, а творятся: «Печатали есмь позовници и рукописаниа».*

В этой реконструкции слово *лживыа* не участвует, поскольку сам глагол *переписывати* означает ‘фальсифицировать’, и «лживость» повесток и завещаний указывать уже нет необходимости. Вероятно, и сам автор по инерции перенёс это определение из фраз (2) и (3).

Это не единственная грамота, которая требует такого поиска «синтаксического эталона», скрытого в перепутанном автором порядке слов (см. примеч. к статье [Сичинава 2020: 302–303]).

Вероятное объяснение бытовой ситуации, стоящей за реконструированным нами текстом, принадлежит А. А. Гиппиусу, которому мы в личной переписке прислали эту реконструкцию. Перевод с учётом данного объяснения получается следующий: «А переписывают повестки и завещания ваш Нетребуи-дьяк и ваш Парфей, а притворяются, мол, “мы [только] ставили печати [но не переписывали]”».

Также А. А. Гиппиус подсказал нам следующую параллель со смоленской грамотой 1284 г.: «Моисѣи, княжь | печатникъ Федоровъ, печаталь... А Федорко, писецъ княжь, псалъ» [Смол. гр.: 62–65]. Отсюда видно, что

обычно функции писца и печатника разделены между как минимум двумя разными лицами, которые могут независимо подтвердить, что он был составлен в их присутствии. С Нетребуем и Парфеем ситуация, на наш взгляд, такова: избоищане обвиняют их в подделке завещаний (в которых, надо полагать, фальсифицировались имена наследников) и в фабрикациях повесток в суд. А Нетребуй и Парфей утверждают, что лишь прикладывали печати к этим завещаниям, не имея оснований усомниться в их подлинности, и к судебным повесткам, не имея оснований усомниться в их законности.

Если же принимать модифицированную версию издателей, то реконструкция авторского замысла выглядит так:

** а переписывают позовници и рукописаниа вашь Нетребуи и дьякъ, а творяться: «Печатали есми въ Парфинъ рукописаниа».*

Перевод: «А фальсифицируют повестки и завещания ваш Нетребуй и дьяк, а притворяются: “Мы ставили печати на завещаниях в Парфине”». В этом случае никак не объясняется появление зачёркнутого *ш*, что является серьёзным недостатком данного прочтения. Бытовая ситуация же рисуется несколько иначе. Нетребуй действует не с Парфеем, а с неким дьяком. А оправдываются они тем, что занимаются запечатыванием судебных документов на совершенно другой территории — не в Городней волости (откуда происходят фальсификаты), а в Парфине.

Кажется, по смыслу эта вторая версия тоже хуже первой: скорее всего, если означенные населённые пункты действительно находились рядом и принадлежали к владениям одной семьи (Городняя — *ваша* волость, а в Парфине работают *вашь* Нетребуй и дьяк), то, вероятно, и территориальная судебная инстанция у них была общая.

Итак, мы склоняемся к первой версии. Напомним итоговый текст и перевод в нашей интерпретации (с передачей, помимо принятых в ДНД-2, зачёркнутых и пропущенных по ошибке букв):

Осподѣну Онд(рѣа)[н]у миѡиловицю Оспод(ѣ)ну микѣги миѡилоцю Оспож(ѣ н)ашей настасѣи миѡиловѣ женѣ чоломъ бѣю хрѣстьянѣ избоищанѣ · здѣсе Осподо оу вашей вѣлости авлаютса позовницѣ оу горо[тѣ]неи здѣ авла<ю>тса {п;позовници л'эзживъы и здѣсе Осподо а(вляютса ру)кописание лживъа · а · перепѣ{сы}сы съвають вашь нетребуи дѣакъ позовници и рукопѣсаниа лживъа · а · твора<т>са печатал<см{и}>ы ш-ва<шь> парфѣ<и> руку<пи>сан<и{уе}>а

а хрѣстьяну вашь вамъ своеи Осподи чоломъ бѣю

‘Господину Ондреяну Михайловичу, господину Миките Михайловичу, госпоже нашей Настасье, Михайловой жене, бьют челом крестьяне избоищане. Здесь, господа, в вашей волости Городней предъявляются повестки, здесь предъявляются фальшивые повестки, здесь, господа, предъявляются фальшивые завещания. А переписывают повестки и завещания ваш Нетребуй-дьяк и ваш Парфей. А притворяются, мол, «мы

[только] запечатывали завешания [но не переписывали]». А крестьяне ваши вам, своим господам, челом бьют⁷.

Вместо заключения. О возможной идентификации печатника Парфея

Имя *Парфеи* нельзя назвать частотным среди новгородцев. Его носит также автор грамоты № 948 (происходящей из слоев 2-й пол. XIV в. с Никитинского раскопа и явно не имеющей отношения к доселе не известному герою избоищанской челобитной). Имя *Парфении* (полный вариант того же имени) носит автор грамоты № 359 (крестьянин, работающий на игумена, также не имеющий отношения к печатникам). Наиболее же интересен факт, на который нам указал Д. В. Сичинава в личной переписке: одного из «рядцев»¹⁰, т. е. свидетелей договора в пергаменной грамоте № 130 (рядной Василия Федоровича) [ГВНП: 186–187], зовут *Нефедья Парфьева*. Ещё один «рядец» — тысяцкий Александр Игнатьевич, троюродный брат Юрия Онцифоровича, отца Михаила и деда Ондreja и Микиты. Эта рядная датируется 1416–1421 гг. [Янин 1981: 183–186]. Юрий Онцифорович умер незадолго до Михаила — в 1417 г. Михаил Юрьевич умер между 1421 и 1423 гг. [Там же: 20]. Грамота № 307, как видно из её содержания, написана после смерти Михаила, но не позже 1440-х гг. (такова её стратиграфическая датировка). Итак, Ондreja и Микита, печатником которых был Парфей из грамоты, вполне могли быть младшими современниками отца Нефедьи. Особенно соблазнительна параллель с этой рядной тем, что после списка «рядцев» в ней говорится о «стоянии у печати». Но, в сущности, функция «рядцев» и тех, кто скрепляет печатью документ, одинакова: это свидетельство того, что документ составлен в присутствии «рядца» или «печатника». Можно (разумеется, с величайшей осторожностью) предположить, что среди «рядцев» бывали не только знатные новгородские бояре, но и боярские тиуны-печатники, которые также могли допускаться сторонами договора в качестве гарантов крупных имущественных сделок. Таким образом, печатник Парфей в берестяной грамоте № 307 мог быть отцом Нефедьи Парфеева; вместе со своим сыном они могли составлять целую «династию наследственных печатников».

Слабые стороны этой гипотезы, конечно, очевидны: получается, что «ваш Парфей» из грамоты № 307 — великовозрастный боярский тиун в семье вдовы Михаила Юрьевича и её сыновей, обвиняемый крестьянами в подделке документов, а его сын за некоторое время до получения Ондreja и Микитой этой крестьянской челобитной числится в списке гарантов

¹⁰ Или «рядец». В Волынской летописи за 6795–6797 гг. это слово *a*-склонения, по употреблению в [ГВНП] тип склонения достоверно установить нельзя, хотя речь идёт о мужчинах.

довольно масштабной имущественной сделки между представителями новгородской знати.

С другой стороны, Михаил, видимо, умер относительно молодым (через 4–6 лет после своего отца, и имущество его детей, вероятно, хотя бы частично управлялось их матерью). Нефедья мог быть взрослым печатником ещё у Юрия Онцифоровича (ничто не мешает предположить, например, что Нефедье было 35–40 лет в 1417 г.). Парфей же, по-прежнему исполнявший в доме Онцифоровичей некоторые обязанности печатника (менее важные и касающиеся имущества зависимых от Онцифоровичей крестьян), был в 1420–1430-е гг. уже очень стар и делал какие-то ошибки при работе с документами, что и вызвало появление разобранной нами челобитной.

Источники

- АУМ-2 — Атлас украинської мови: В 3 т. Київ, 1988. Т. 2.
 ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печ. В. Г. Гейман и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
 НГБ-V — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.
 НГБ-VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
 НГБ-IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
 НГБ-X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
 НГБ-XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
 НГБ-XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.
 Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.

Литература

- Бобрик 2014 — М. А. Бобрик. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.
 ВЯ-2017 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 7–24.
 Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ-XI.

Гиппиус, Михеев 2022 — А. А. Г и п п и у с, С. М. М и х е е в. Из надписей-граффити в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурная археология / Гл. ред. Вл. В. Седов. М.: Ин-т археологии РАН, 2022. № 4. С. 98–111.

Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Г и п п и у с, Д. В. С и ч и н а в а. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 178–259.

ДНД-2 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia philologica).

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.

Князев 1991 — С. В. К н я з е в. Фонетическая реализация дифференциального признака. Глухость/звонкость и напряжённость/ненапряжённость согласных в севернорусских говорах. М.: ИРЯ РАН, 1991 [рукопись].

Колесов 1963 — В. В. К о л е с о в. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1963. Вып. 1, № 2. С. 103–112.

Крысько 1998 — В. Б. К р ы с ь к о. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 74–93.

Ларин 1959 — Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

Лопухина 2011 — А. А. Л о п у х и н а. Фонетика Холмогорского и Шенкурского диалектов XVII в. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2011 [рукопись].

Молдован 2020 — А. М. М о л д о в а н. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 23, № 1: Грамматические процессы в синхронии и диахронии. М.: ИРЯ РАН, 2020. С. 182–197.

Сичинава 2020 — Д. В. С и ч и н а в а. К интерпретации некоторых берестяных грамот // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 23. 2020. [Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка]. С. 297–313.

Черепнин 1969 — Л. В. Ч е р е п н и н. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.

Янин 1981 — В. Л. Я н и н. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.

Статья получена 28.11.2022

Dmitry S. Krylov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
krydmi@mail.ru

INTERPRETATION AMENDMENTS TO NOVGOROD BIRCHBARK LETTER NO. 307

In this article, a new interpretation is proposed for several cruxes of the birchbark letter no. 307. The most important of the proposed amendments to the reading is that of the five letters of the penultimate line depicted on the drawing as crossed out, four are actually located in a crack in the bark and therefore should be included in the edited text of the manuscript. The only character that the author really crossed out gives a clue for a relatively confident reconstruction of the intended meaning of the last sentence. The phrase contains an unusually big lot of graphic mistakes and, in addition, is the result of an unsuccessful syntactic correction. Furthermore, a detailed phonetic commentary is given to the toponym *Gorotъney*, which contains an error in the designation of a voiced consonant. The article also develops the hypothesis about a possible prosopographic connection of Parfey mentioned in the manuscript with Nefedya Parfeyev, who appears in Vasily Fedorovich's bargain (parchment letter no. 130). As a result, the last phrase of the manuscript and, consequently, the manuscript itself receives a more reliable interpretation than it has had so far. Izboischa peasants complain to their masters about Parfey and Netrebuy, accusing them of falsifying last wills and court summonses, while Parfey and Netrebuy claim that they only stamped these documents, having no reason to doubt their authenticity.

Keywords: Old Novgorod dialect, Northern Russian dialect, birchbark letters, non-book writing, Old Russian prosopography

References

- Bobrik, M. A. (2014). Marginalii k berestianym gramotam i pamiatnikam drevnerusskoi epigrafiki. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(28), 191–201.
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik*. Moscow: Nauka.
- Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianyx gramot. In V. L. Ianin, A. A. Zalizniak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg.* (pp. 183–232). Moscow: Russkie slovari.
- Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2022). Iz nadpisei-graffiti v lestnichnoi bashne Georgievskogo sobora Iur'eva monastyrja. *Arkhitekturnaia arkheologiya*, 4, 98–111.
- Gippius, A. A., & Sichinava, D. V. (2021). Popravki i zamechaniia k chteniiu ranee opublikovannykh berestianyx gramot. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 178–259.
- Gippius, A. A., & Zalizniak, A. A. (2018). Berestiane gramoty iz raskopok 2017 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. *Voprosy iazykoznanii*, 4, 7–24.
- Ianin, V. L. (1981). *Novgorodskaia feodal'naia votchina (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)*. Moscow: Nauka.

Kasatkin, L. L. (1999). *Sovremennaia russkaia dialektnaia i literaturnaia fonetika kak istochnik dlia istorii russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.

Kniazev, S. V. (1991). *Foneticheskaia realizatsiia differentsial'nogo priznaka. Glukhost'/zvonkost' i napriazhennost'/nenapriazhennost' soglasnykh v severnorusskikh govorakh*. Moscow: IRIa RAN.

Kolesov, V. V. (1963). Severnorusskie cheredovaniia soglasnykh, parnykh po glukhosti-zvonkosti. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, iazyka i literatury*, 1(2), 103–112.

Krys'ko, V. B. (1998). Drevnii novgorodsko-pskovskii dialekt na obshcheslavianskom fone. *Voprosy iazykoznanii*, 3, 74–93.

Larin, B. A. (1959). *Russko-angliiskii slovar'-dnevnik Richarda Dzhemsa (1618–1619 gg.)*. Leningrad: Izd-vo LGU.

Lopukhina, A. A. (2011). *Fonetika Kholmogorskogo i Shenskurskogo dialektov XVII v.* (Doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Moldovan, A. M. (2020). Variativnost' sviazki 1 l. mn. ch. v drevnerusskoi pis'mennosti. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23(1): *Grammaticheskie protsessy v sinkhronii i diakhronii*, 182–197.

Sichinava, D. V. (2020). K interpretatsii nekotorykh berestianykh gramot. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23(1): *Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii*, 297–313.

Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on November 28, 2022

М. Н. САЕНКО

Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)
veraetatis@yandex.ru

ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАЗВАНИЕ СЕЛЕЗЁНКИ: ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ

Статья посвящена вопросам реконструкции праславянского названия селезёнки, которое фигурирует в научной литературе в целом ряде вариантов (*selzena, *solzena, *slezena, *selzenъ и т. д.). Рассматриваются причины, приведшие к появлению множества вторичных форм. Обсуждаются особенности взаимоотношений слов *селезёнка* и *селезень*, а также решается вопрос о том, какое из них этимологически первично. Предлагается новое объяснение утраты *-p-* в обсуждаемом праславянском слове (*selzena вместо ожидаемого *spelzena).

Ключевые слова: праславянский язык, соматическая лексика, этимология.

1. В большинстве славянских языков названия селезёнки восходят к одному праславянскому этимону, ср. болг. *слѣзка*; мак. *слезина*, *слезена*; схр. *slezèna*, *slezina*; слвн. устар. *slezèna*; чеш., слвц. *slezina*; в.-луж., н.-луж. *słozyna*; пол. *śledziona*; бел. *селязёнка*; укр. *селезі́нка*; рус. *селезёнка*.

Морфологическое и фонетическое варьирование этих, а также диалектных форм привело к разнобою в реконструкциях в лингвистической литературе. Можно встретить следующие варианты (расположены по возрастанию количества реконструкций):

- *selzena [Brückner 1985: 530–531; Machek 1968: 554; SP 1: 128; Schuster-Šewc 17: 1308; Boryś 2005: 615; Snoj 2016: 855; Ligorio 2022];
- *spelzena [Torbiörnsson 1901: 27; Dejna 1973: 89], *(p)elzen- [Holub, Kopečný 1952: 337];
- *solzena [Lehr-Splawinski 1957: 227];
- *slezena [Вайан 1960: 66; Аникин 1983: 137];
- *spHloig^hen-ā > *slaiǵ^hen-ā¹ [Hamp 2002: 147];
- *selezenъ, *selzenъ [Фасмер 3: 594–595];
- *selzenъ, *selzen'a [Німчук 1992: 311];
- *selzena, *selzina [Rejzek 2001: 581];

¹ В отличие от прочих, реконструкция Э. Хэмпа сделана для раннепраславянского состояния. Она предполагает дальнейшее развитие *slaiǵhenā > *slēzena.

- *selzenà, *selzèнь [ERHJ 2: 355];
- *selzena", *sǫlzena, *sǫlzenь, *selzenò, *selzä (М. Фурлан в [Bezljaj 3: 260]).

Некоторые авторы вообще отказываются от реконструирования точной формы, ограничиваясь лишь корнем: *selz- [Skok 3: 284; БЕР 6: 863; Králik 2015: 538].

Из этого разнообразия надёжнее всего для праславянского состояния восстанавливается форма *selzena, наиболее широко представленная в славянских языках. Возможность верифицировать обоснованность остальных реконструкций появилась благодаря богатому диалектному материалу, представленному на соответствующей карте в недавно вышедшем выпуске «Общеславянского лингвистического атласа» (2019).

2. *-en-/-in-

В некоторых идиомах мы находим формы на *-in-*. В первую очередь это *слезина* наряду со *слезена* в литературном македонском [ОДРМЛ]. В говорах, преимущественно на западе и северо-западе страны, обнаруживаются также следующие варианты на *-ин-*: *слизиня*, *слезинка*, *слез'инка* [ОЛА СФГ 9/67; Дрвошанов 2005: 99, 255].

В сербохорватском также представлена дублетность *slezèna/slezina*. Формы на *-in-* имеются в нескольких ареалах, главным образом в Воеводине, Славонии и Среме²: *sk'lezina* (26), *slizina* (39), *slézina* (40), *slizi'na* (42), *slizi'na* (44), *slezina* (48, 53–55), *sklizina* (51), *slezina* (52), *slézina*, *sjézina* (56), *slézina* (62), *slezi'na* (63–64), *slézina* (68), *sle'zina* (69), *šlézi'na*, *š'lezina* (71), *š'lezina* (74) [ОЛА СФГ 9/67].

Форма *slezina* характерна для современных литературных чешского и словацкого, а также для большинства диалектов этих языков [Там же], однако в древнечешском представлены и формы *slezena*, *slezeno*, причём в памятниках они отмечаются раньше, чем *slezina*.

В обоих лужицких селезёнка обозначается словом *slozyna*, то же и в диалектах: *suč'zina*, *sučzyna*, *sl'č'zyna* [Там же].

Формы на *-ina* / *-yna* известны и в польских говорах: *šlezyna* (299), *šliziina* (322).

Напротив, в украинском *селезінка* звук *-i-* продолжает «новый ять», т. е. *-e-*, удлинившийся после падения редуцированного: *selzenъka > *селезінка*. Однако есть и говор с *-ynka*, а не *-inka*: *sele'zynka* (416).

Вероятно, в части славянских языков форма *selzena пережила замену редкого форманта *-ena* на значительно более продуктивный *-ina*. Формант **-ena* надёжно реконструируется только для двух праславянских слов — *selzena и *pelena, кроме того, в чешском, словацком и русском *-ena* обра-

² Здесь и далее в круглых скобках указываются номера пунктов ОЛА.

зует преимущественно экспрессивные обозначения людей и, реже, животных [SP 1: 128]³. Таким образом, попытка спроецировать дублетность *-en/-in-* на праславянский уровень [Meillet 1: 169; Rejzek 2001: 581] вряд ли обоснована.

Следует подчеркнуть, что есть и другие подобные случаи у континуантов **selzena* — чеш. диал. *slezana* (179, Чичов), пол. диал. *ślężura* (240, Гвяздово, Славенский повят, переселенческий говор), рус. диал. *s'al'a z'oxə* (710, Козодой, Псковская область) [ОЛА СФГ 9/67], каш. диал. *sl'ozžzna* [SEK 4: 316], луж. диал. *szožana* (Каминау) [Schuster-Šewc 17: 1308]⁴.

Подобные преобразования наблюдаются и у некоторых других слов. Например, ауслат континуантов **mozgь* 'мозг' был преобразован по аналогии с формантом **-ькъ* в целом ряде идиомов: бел. диал. *мóзак, мóзык*, укр. *мóзок, мíзок*, чеш. *tozek*, болг. *мóзък*, мак. *мозок*, схр. *мòзак* (gen.sg. *мòзга*). То же в случае слвн. **woskь* > *vòsək* 'воск' или **mēsęсь* > *mēsęc* (gen.sg. *mēsęca* или *mēsęca*) 'месяц' и **zajęсь* > *zājęc* (gen.sg. *zājęca*) 'заяц' по аналогии с **-ьсь*⁵. Так же в украинском: *заяць* (gen.sg. *зайця*)⁶. В некоторых русских говорах как беглое было переосмыслено *-о-* в слове *мозоль*, что дало такие формы множественного числа, как *мозлі́, мозлы́* и *мозля́* [СРНГ 18: 205].

3. *-en/-ø-*

В ряде болгарских, македонских и сербских говоров представлены формы без *-en-*: *sles* (119, 120, 126, 168), *slez* (169), *s'leska* (92, 98, 122, 125, 132), *s'leska* (144) [ОЛА СФГ 9/67], *слес, слеска, слес'ка, слескя́* [Дрвошанов 2005: 99, 255]. Единично также в кашубском говоре деревни Еленьска-Хута: *słozą* [SEK 4: 316]. Сюда же примыкает чешское *slez* 'сычуг' (у Я. А. Коменского *sléz* [Komenský 1633: 21]).

По всей вероятности, механизм их появления схож с описанным выше: *-ena* было распознано как формант, после чего путём отбрасывания этого форманта были образованы обратные дериваты. Аналогичный процесс можно наблюдать в случае рус. диал. *голá* 'голень, голяшка' [СРНГ 6: 282], являющегося обратным дериватом от *гóлень*. Ещё один характерный пример — русское просторечное *снаря́га*, образованное от слова *снаряже́ние*,

³ В современном чешском известны дериваты с этим формантом, обозначающие абстрактные понятия — *štěstěna* 'удача, фортуна', *květena* 'флора', *zvířena* 'фауна', однако они, вероятно, придуманы в XIX в. будителями.

⁴ Приводимые в словаре В. Ластовского белорусские формы *салозіца* и *салозаўка* [Ластоўскі 1924: 654] не находят никакого подтверждения в иных источниках, поэтому мы не можем быть полностью уверены в их реальности.

⁵ Графически звук *э* в словенском записывается как *e*: *vosek, mesec, zajec*.

⁶ Тот же процесс произошёл и в случае рус. *заяц, зайца*, но он несколько затемнён редукцией гласных и орфографией.

с «неправомерным» с исторической точки зрения -z- (поскольку *снаряжение* образовано от слова *снарядить*, то -жс- в нём из *dj, а не *g)⁷.

В связи с территориальной ограниченностью таких форм мы полагаем, что реконструкции *selzā [Bezlej 3: 260] или тем более *spHl(ó)ig^h-ā [Namp 2002: 148] для праславянского уровня необоснованны.

Напротив, в ряде славянских идиомов мы находим суффиксированные формы. В первую очередь это восточнославянский ареал, где повсеместно старая форма была вытеснена диминутивом на -ка⁸. В ряде словенских и сербохорватских говоров (3, 37, 70, 83, 149) представлены формы на -ica.

4. -dz- и -dź-

В качестве континуанта праславянского *selzena в польском ожидалась бы форма *śleziona*, которую мы действительно находим в ограниченном количестве говоров: *śleżona* (316), *śleżona* (317) [ОЛА СФГ 9/67], *śleziona* [Kobylińska 2001: 180], кроме того, зафиксировано древнепольское прилагательное *śleziony* [SStp 9: 11–12]. В некоторых говорах обнаруживаются иные формы с -z- или -ź-: *śleżyna* (240), *ślezyna* (299), *ślezona* (310), *śliżina* (322), однако доминируют в польском ареале варианты с аффрикатами -ź- или, реже, -z- [ОЛА СФГ 9/67], в том числе в литературном польском, в котором селезёнка обозначается словом *śledziona*. Отметим, что в древнепольском засвидетельствован главным образом вариант *ślodzona* (графически *ślodzona*, *szłodzona*) [SStp 9: 11].

Следует сказать, что в польском известно явление перехода фрикативных в аффрикаты в соседстве с сонантами: *człapać* ‘тащиться, шлёпать’, *czmychać* ‘удирать’, *ćwierkać* ‘чирикать, стрекотать’, *ćwikła* ‘красная свёкла с тёртым хреном и уксусом’, *dźwięk* ‘звук’, *dzwon* ‘колокол’, *dzwono* ‘кусочек рыбы, порезанной поперёк’, *bardzo* ‘очень’, *smardz* ‘сморчок’ [Sławski 1: 210], *frędzel/frędzla* ‘бахрома’, *peźdel* ‘кисть (для рисования)’, однако вряд ли это возможно в случае *śledziona*, поскольку для этого было бы необходимо, чтобы переходы *d’ > ź и Rż > Rź хронологически предшествовали метатезе плавных, что сомнительно. Зато, по-видимому, начальный согласный польского диалектного *śłodzona* (246) вызван именно этим явлением.

В связи с этим -ź- в польском объясняли влиянием *śledź* ‘сельдь’ [Вайан 1960: 66] или *ślodki* ‘сладкий’, *ślodzić* ‘сладить’ [Schuster-Šewc 17: 1308; Boryś 2005: 615].

В украинских говорах известны формы с -жс-: *s’il’i’žonka* (ОЛА 401), *syty’ž’inika* (406, 421), *s’il’i’žinka* (412), *s’l’ž’inika* (413), *šyty’ž’inika* (429), *s’l’ž’inika* (451), *šl’ž’inika* (471) [ОЛА СФГ 9/67], *selež’inika*, *sl’yžyn* [AGB 3/160], *selež’in*, *selež’in*, *selèž’inika*, *selež’inika*, *selež’inika*, *sil’iž’un* [AUGN 1: 38].

⁷ Подробнее о феномене «антипалатализации» согласных при обратном словообразовании см. [Иткин 2007: 144–145].

⁸ Среди схожих примеров можно назвать слова *верёвка*, *золотка*, *лавка*, *палка*, *целка*.

В. В. Нимчук объяснял украинское диалектное *селедянка* влиянием диалектного *селедець* ‘селёдка’ или как пересчёт польского *śledziona* при заимствовании [Нимчук 1992: 320].

Важно, что формы с заменой *z* на *ž*, *ź* и *z* известны и за пределами польского ареала, в том числе в словенских и сербохорватских говорах, где влияние заимствованного **seldь* исключено, а влияние континуантов **soldькь* вряд ли возможно в силу вокализма этих форм: *sk'le:žanca* (149, словенский говор, Горни-Сеник, Венгрия), *šlžina* (156, словацкий говор, Охута/Стара-Гута, Венгрия), *sležunka* (207, Горни-Ломна, Чехия), *slžána* (50, Шпионица, Босния и Герцеговина), *slžina* (Горна-Жданя, Словакия) [ОЛА СФГ 9/67].

Таким образом, можно осторожно предположить, что формы с *ž*, *ź*, *ž* и *z* могут быть результатом дистантной диссимилиации однородных фрикативных *s-z* или *ś-ź*. В качестве частичной параллели можно привести праслав. **srstь* > рус. *шерсть* с диссимилиацией *s-s* > *š-s*. Исключением является вышеупомянутая словацкая диалектная форма *šlžina*, где сначала произошла регрессивная контактная ассимиляция *sl* > *šl* (ср. *š'lezina*, 71 и 74), а затем дистантная ассимиляция *š-z* > *š-ž*.

Есть и формы с дистантной ассимиляцией *s-z* > *s-s*: *s'l'i's'inka* (430), *s'el'e's'enko* (602), *s'el'e's'onka* (646), *s'il'i's'onka* (795); дистантной диссимилиацией в обратном направлении *s-z* > *z-z*: *zly'z'inka* (486), *z'el'e'žonka* (533), *zyl'i'z'onka* (наряду с *syl'i'z'onka*, 446) [ОЛА СФГ 9/67], *zelez'inka* [AGB 3/160], а также сербско-церковнославянское *злъзена* (Пролог Вука Караджича, XIV в.) [Miklosich 1977: 857]⁹.

Для польского *sn'ežona* (305) и украинского *s'in'i'zonka* (433) можно подозревать дистантную ассимиляцию *l-n* > *ń-n*.

5. Прочие вторичные изменения согласных

В двух случаях мы находим фонетически необъяснимые формы. Польское *svęzona*, *svę^hžona* (250), вероятно, объясняется влиянием глагола *swędzić* ‘чесаться, зудеть’, что, возможно, связано с тем, что при долгом беге в селезёнке начинает покалывать.

Русское *žel'e'z'onka* (673), по-видимому, сближено со словом *железá*.

6. Корневой вокализм

Определённые вопросы вызывает реконструкция корневого вокализма интересующего нас слова. Наряду с **selzena* в литературе встречаются варианты **solzena* и **szelzena*.

⁹ Ср. также *зльзами* вместо *сльзами* в Супрасльской рукописи [SJS 4: 126].

Т. Лер-Сплавинский, указывая, что *-lo-* мы находим не только в польских диалектах (*ślodzona*) и кашубском (*ślodzëna*), но и в верхнелужицком (*ślozyna*), выводил польские параллельные формы *śledziona* // *ślodzona* из ещё праславянских аблаутных вариантов, подобно **delto* // **dolto* ‘долото’ [Lehr-Splawinski 1957: 227–228]. Однако реконструкция **del(b)to* для праславянского состояния сомнительна — формы с таким вокализмом представлены почти исключительно в южнославянском ареале и, предположительно, объясняются воздействием глагольного вокализма [ЭССЯ 4: 205].

Мы полагаем, что реконструкция варианта **solzena* необоснованна. Формы, восходящие к нему, неизвестны ни в восточно-, ни в южнославянских языках¹⁰. Встречаются они только в лужицких языках, части польских (241–243, 246, 251, 254–256, 259, 261–263, 269, 270, 272, 285, 296, 297) и словацких (213, 214) говорах. При этом в польских говорах существует серьёзная корреляция между *-o*-вокализмом и *-dz*-консонантизмом, в 16 из 18 перечисленных польских пунктов представлены формы типа *ślodzona*, совпадающие с причастием от глагола *ślodzić*. То есть такие формы действительно, как кажется, лучше всего объяснять вторичным сближением с континуантами **soldъкъ* ‘сладкий’.

В ряде говоров известны также формы с нулевым вокализмом в корне: болг. диал. *sl'zinka* (114), словц. диал. *slzina* (155, 216, 218, 220, 222), *slzina* (219)¹¹. Все они имеют в своём составе *-in-* вместо *-en-*, так что в данном случае можно предположить, что они появились в результате народной этимологии к континуантам **slъzinъka* ‘слезинка’.

В говорах вокруг стыка границ Словакии, Польши и Украины представлены формы с *-i*-вокализмом корня (словацкие пункты ОЛЖА 156, 227, 228, 231, 232, польские 276, 315, 322, 324, украинские 420, 427, 430, 448, 486, 489). То же наблюдается и в трёх боснийских говорах (50, 51, 60)¹². Возможно, в данном случае сработала народная этимология к континуантам **slizъ* ‘слизь’¹³. В тех украинских говорах, где мы находим *сли-*, а не *сли-*, это может объясняться заимствованием из польского.

Перейдём к другим реконструкциям корня интересующего нас слова. Так, Т. Торнбьёрнссон реконструировал для праславянского следующую схему: **spelzena* > **spjezena* > **sjezena* [Torbiörnsson 1901: 27]. Однако это типичное решение *ad hoc*, которое ничем не подкреплено.

¹⁰ *-la-* в словенском каринтийском *slaza'no* (147) объясняется как результат вторичного изменения краткого *-ě-*, ср. **ogěxъ* > *wo'rax* ‘орех’, **žerъbъsъ* > *žra'bъsъ* ‘жеребец’ [FO 1981: 197].

¹¹ Нулевой вокализм в словенских диалектных *sl'zię:na* (18) и *slzi:əno* (146) является результатом редукции гласного в безударном слого.

¹² В пунктах 37, 39, 42, 44, 45, 47 и 57 *-i-* является икавским рефлексом **ě*.

¹³ М. Фурлан считает, что в данном случае сработала аналогия к *слиз* ‘*Malva silvestris*’, поскольку это растение в народной медицине используется для лечения сибирской язвы [Bezlaј 3: 260].

А. Вайан писал, что о реконструкции начала слова как *selz- говорят преимущественно сербско-церковнославянская форма (слѣзѣна), а также некоторые сербохорватские и словенские диалектные формы, которые он счёл вторичными. Восточнославянские формы на *селез-*, по его мнению, не могут восходить к *selz- в силу того, что группа *CeIC в древнерусском обычно давала CoIoC. В качестве альтернативы французский учёный предложил реконструкцию *sylezena, которая позволяла объяснить все формы, включая восточнославянские (подобно *sьrebro > *серебро*).

На самом деле праславянское *TelT имело двойную рефлексацию в древнерусском: ToloT и TeleT. Т. Лер-Сплавинский полагал, что ToloT возникло в положении перед мягким губным или после губного и перед мягким согласным, в прочих позициях рефлексом было TeleT [Lehr-Splawinski 1957: 222]. Ф. Р. Минлос даёт несколько иное объяснение: *T₁eIT₂ > T₁oloT₂, если T₂ — губной или заднеязычный согласный; *T₁eIT₂ > T₁eleT₂, если T₂ — зубной согласный, ср. рус. *железá*, *селѣдка*, *пеленá*, *беленá* и другие формы [Минлос 2002]¹⁴. Согласно обеим гипотезам, *селезѣнка* — вполне закономерный рефлекс *selzenьka. Кроме того, в *sьrebro > *серебро* «редуцированный» -ь- не выпал потому, что это создало бы группу sr-, невозможную в позднем праславянском, в то время как группа sl- в праславянском была возможна. В подобных случаях в отдельных славянских языках «редуцированный» мог сохраняться даже в «слабой» позиции, ср., например, *sьsati > рус. *сосать* — пол. *ssać*, *stьklo > рус. *стекло* — пол. *szkło*, *dьxnoti > рус. *дохнуть* — пол. *tchnąć*, *rьstrь(jь) > рус. *пѣстрый* — пол. *pstry*. Отметим, что избегание группы sr- было не последовательным (здесь мы не рассматриваем случаи, когда она появилась на стыке приставки и корня). Так, в русском *sьrebro > *серебро*, но *sьrati > *срать*. Однако непоследовательность наблюдается и в других славянских языках. Например, в чешском новое sr- часто, но не всегда разбивалось при помощи вставного -t-: *stříbro* ‘серебро’, *středa* ‘среда’, *straka* ‘сорока’, но *srát* ‘срать’. В болгарском *сврака* ‘сорока’, но *сребро* ‘серебро’, *среда* ‘среда’.

7. Формы на -по и -пь

В некоторых говорах обнаруживаются формы среднего рода на -по. Это словенские (19, 146, 147), сербохорватские (150, 153), чешские (188, 195, 196, 201), польские (302, 312) идиомы, а также один русский (602) [ОЛА СФГ 9/67]. Какого-либо чёткого ареала они не образуют. Хорошо такие формы представлены в древнечешском, например: *Když bolejí člověka plíce*

¹⁴ Были и другие, менее удачные, попытки объяснить это распределение. Так, Т. Торбьёрнссон полагал, что переход *TelT > TeleT осуществлялся, если T₂ = z' и, возможно, также s', š [Torbiörnsson 1901: 49]. Р. Якобсоном была выдвинута идея о переходе *TelT > TeleT перед гласными переднего ряда [Jakobson 1971: 640].

neb slezeno, ten púštěti má na levé ruce podlé malého prstka — «Если у человека болят лёгкие или селезёнка, следует пускать кровь на левой руке вдоль мизинца» (Lékařství neznámého františkána, рукопись NK XVII B 18, середина XV в., л. 38r) [SČTB].

Несколько шире представлены формы *-i-склонения, иногда возводимые в литературе к *selzenъ. Они присутствуют в словенском (11), болгарском (143), словацком (225), украинских (171, 466–468, 483, 484, 495) и русских (529, 537, 543, 544, 548, 549, 567, 568, 572, 591, 593, 597, 600, 624, 626, 658, 784) говорах [ОЛА СФГ 9/67]. Сюда следует также добавить македонское диалектное *slezen* [Дрвошанов 2005: 99]. Отметим наибольшую концентрацию этих форм в двух периферийных восточнославянских ареалах — севернорусском и закарпатском украинском. Вероятно, сюда же относится старорусская форма *селезенья* [СлРЯ XI–XVII 24: 41], которую можно рассматривать как вторично перешедшую из *-i-склонения в *-ja-склонение (подобно *земь* > *земля*).

Наконец, в одном русском говоре отмечена форма мужского рода *s'el'e z'onok* (617) [ОЛА СФГ 9/67], которая подтверждается и историческими источниками [СлРЯ XI–XVII 24: 41].

Вряд ли стоит проецировать всё это многообразие на праславянский уровень, как делают некоторые авторы. Феномен смены рода и/или типа склонения хорошо известен в славянских языках. Назовём некоторые случаи из сферы соматической лексики:

- а) праслав. *bedra > болг., мак., рус., укр. *бедро*, бел. *бядро*, луж. *bjedro*, пол. *biodro*, слвн., слвц., схр. *bedro*, чеш. *bedra* (n.pl.t.), см. подробнее в [Саенко, Szeptyński 2022];
- б) праслав. *ръrsi 'грудь' (f.pl.t.) > слвн. диал. *prsa* (n.pl.) [SLA 1/125], хорв. диал. (Куклица) *prsi* (m.pl.), хорв. диал. (Осиек) *prsa* (n.pl.), чеш. *prsa* (n.pl.) [Саенко 2019: 333];
- в) праслав. *golwa 'голова' > бел. диал. *góлаў* (m.) [Сцяшковіч 1972: 124];
- г) праслав. *udъ 'часть тела' > старопольское *ud* 'бедро; часть тела' [SStr 9: 323] > совр. лит. пол. *udo* 'бедро';
- д) праслав. *tylъ 'затылок' > чеш. диал. *týlo*, *tylo*, *tejla* (f.), *teje* (f.), *tile* (n.) [ČJA 1: 144];
- е) праслав. *къlkъ 'тазобедренный сустав' > болг. *кълк/кълка* 'бедро';
- ж) праслав. *gleznъ 'щиколотка' > др.-чеш. *hleznо*, схр. диал. *glěžno* (n.) и *glěžnja* (f.) [РСКНЖ 3: 342], пол. диал. *glozna/głoźna/głoźnia* 'щиколотка', *glozno/głoźno* 'щиколотка; голень', *głoźnie* (n.) 'щиколотка' [SGP 26: 395];
- з) праслав. *tělo > рус. диал. *тель* (f.) 'тело человека' [СРНГ 44: 15];
- и) праслав. *br'uxo 'брюхо' > пол. *brzuch* 'живот';
- к) праслав. *koryto перешло в мужской род почти во всех белорусских говорах, значительной части украинских, некоторых русских и польских. Встречается также в части словенских говоров. Есть и случаи феминизации — преимущественно в сербохорватских говорах, но

имеются также в словенских, болгарских, польских и русских [ОЛА СФГ 5/44];

- л) праслав. *kolěno > в.-луж. устар. *kolen* [Schuster-Šewc 8: 601], хорв. (XVII–XVIII вв.) *koljen* [RHiSJ 5: 223];
- м) праслав. *plesno ‘подъём, верх стопы’ > болг. диал. *плѣсна* ‘стопа, planta pedis’ [БЕР 5: 340], схр. диал. *plesna* ‘ подошва’ [RHiSJ 10: 54], *plosna* ‘ подошва’ [Ibid.: 83], пол. диал. *płośna* ‘стопа человека’, *plosnia* ‘верх стопы человека’, *plosna* ‘нога человека; верх стопы человека’, *płośnica* ‘стопа; подъём ноги’ [Ostrowski 1991: 239], бел., рус. *плюсна́*;
- н) праслав. *pl’ut’a (n.pl.) ‘лёгкие’ > чеш. *plíce* (f.).

По всей вероятности, обозначения селезёнки на *-eno* и *-enъ* также носят поздний характер. Возможно, свою роль здесь снова сыграла редкость форманта **-ena* при большей распространённости **-eno* (**prędeno*, **рьšeno*, **wertenno*, **zweno* [SP 1: 127]) и **-enъ* (**esenъ*, **ресень*, **studenъ* [SP 1: 128]). Не исключено, что в восточнославянском ареале могла сработать вторичная ассоциация со словом *сѣлезень*.

Учитывая всё вышесказанное, мы полагаем, что для праславянского можно с полным основанием реконструировать только форму **selzena*, все остальные реконструкции материалом не подтверждаются.

8. Этимология

8.1. Согласно традиционной этимологии, праславянское **selzena* восходит к праиндоевропейскому названию этого органа, которое реконструируется в разных работах по-разному:

- **splēi* [Hirt 1900: 37];
- **bselinġho* [Pedersen 1905: 402];
- **splēiġh* [Reichelt 1906: 13];
- **spleġh-/*splenġh-/*splēiġh-* [Petersson 1908/1909: 159];
- **bhġġhen-* [Преображенский 2: 272];
- **sp(h)elġh(en, -ā)*, **splenġh-*, **splēiġh-* [Pokorny 1959: 987];
- **spġhg^hen-* [Вайан 1960: 67];
- **sp-el/ġlī-ġh-en-* [Machek 1968: 554];
- **sp(h)elġh/*sp(h)elġh-en/*sp(h)elġh-en-ā* [SP 1: 128];
- **(s)plġh/*(s)pli(h)ġh* [Klingenschmitt 1982: 166–167];
- **spġġhen-* [Аникин 1983: 137]¹⁵;
- **sp^[h]elġ^[h]-* [Гамкрелидзе, Иванов 2: 815];
- **spelġh-* [Watkins 1985: 63];
- **spġġh(e)n-* [Mažiulis 1: 150];
- **spēġ^hōn/*spelġ^h-ā* (М. Фурлан в [Bezljaj 3: 260]);

¹⁵ А. Аникин считает начальное *s-* в этой форме *s-mobile* и связывает с глаголом **pġh(ē)-* [Аникин 1983: 137–140].

- *spelġh- [Adams, Mallory 1997: 538];
- *sploiġH₂-én [Hamp 2002: 149; Adams, Mallory 2006: 185];
- *spelHġhōn [Matasović 2004: 106];
- *(s)pġ^h-ni- [Smoczyński 2007: 67];
- *splġ^h-ēn [de Vaan 2008: 340];
- *spl(ē)ġ^h-n- [Beekes, van Beek 2: 1384];
- *spleg^h-n- [Pronk 2015: 341];
- *spleg^h-eh₂ [Ligorio 2022];
- *spġg^h-ē- [Itkin 2023].

Основанием для этого служат санскр. *plīhān-* (m.) ‘селезёнка’, авест. *spərəzan-* ‘id’, греч. ὁ σπλήν (gen.sg. σπληνός) ‘id’, σπλάγγων ‘внутренность; материнская утроба; чрево, сердце, душа’, лат. *liēn* (m.) ‘селезёнка’, ср.-ирл. *selg* (f.) ‘id’, ср.-брет. *felc'h* (f.) ‘id’, арм. *p'aycaln* ‘id’, лит. *blužnis* (f.) ‘id’, прусск. *blusne* ‘id’ [Meillet 1: 170–171; Walde 1909: 160], лтш. *bluzne, blužna* ‘id’ [Топоров 1: 236]¹⁶. Принадлежность балтийских форм к этому гнезду справедливо оспаривалась [Trautmann 1923: 256; Būga 2: 553]. Иногда сюда же добавляют лтш. *liesa* ‘селезёнка’ [de Vaan 2008: 340], что также вряд ли возможно. Недавно были обнаружены тохарские потомки праиндоевропейского названия селезёнки — тох. А *spālcāk* ~ тох. В *spalce* [Itkin 2023].

Расхождения в приведённых выше реконструкциях вызваны несводимостью форм отдельных индоевропейских языков к единому архетипу при учёте лишь стандартных фонетических изменений. Очевидно, работали также какие-то дополнительные факторы. В качестве такового фактора в литературе часто фигурирует табуизация, однако не вполне ясно, почему название именно селезёнки должно было подвергаться табуизации, если у названий других внутренних органов мы этого не наблюдаем.

8.2. Существует мнение, что *селезёнка* родственна *селезню* в связи со сходством цвета [Matzenauer 1892: 249]¹⁷, что вполне возможно, но требует решения вопроса о направлении переноса: со внутреннего органа на птицу или наоборот.

Известны случаи, когда на селезёнку переносились названия птиц¹⁸: слвн. *vrana* ‘ворона’ > *vranica* ‘селезёнка’ (ср. диалектное *v'ra.nēca* ‘селезёнка; маленькая ворона’ [Gregorič 2014: 492]), исп. *pájara* ‘птица’ >

¹⁶ Отметим, что большинство форм указывает на мужской род праиндоевропейского слова, в то время как праславянское *selzena было женского рода.

¹⁷ [БЕР] ошибочно приписывает мнение о родстве *селезня* и *селезёнки* Р. Якобсону [БЕР 6: 863], хотя на самом деле в работе Р. Якобсона этого нет (см. [Jakobson 1971: 640]).

¹⁸ В. Кипарский приводил в качестве аналогии русское *гусак* ‘потроха из грудной части убойных животных’, возникшее, вероятно, на основании сходства лёгких вскрытого животного с крыльями птицы [Kiparsky 3: 172], однако всё же сложно себе представить, чтобы селезёнка при подобном сравнении играла определяющую роль.

pajarilla ‘свиная селезёнка’. Вероятно, это действительно связано с окраской селезёнки, см. обозначения как селезёнки по цвету, так и цвета по селезёнке: шотл. *dubhliath* ‘селезёнка’ (дословно ‘чёрно-серый’), валл. *dueg* ‘селезёнка’ от *du* ‘чёрный’, лат. *badius* ‘каштановый, гнедой’ > исп. *bazo* ‘коричневый; селезёнка’, араб. *ṭiḥāl* ‘селезёнка’ > *ʾaṭhal* ‘серо-зелёный, серо-голубой’¹⁹ [Schuchardt 1917: 166–170]. Казахское название селезёнки, *көкбауыр*, дословно означает ‘синяя печень’.

А. Вайан полагал, что связь между *селезёнкой* и *селезнем* обусловлена тем, что «[в] окраске головы дикой утки имеется яркий зелёный цвет, который скорее может напоминать цвет желчного пузыря, чем цвет синевато-красной селезёнки» [Вайан 1960: 67]. Однако ещё В. И. Далем было записано выражение *селезёнка сохнет* — о человеке с оливковым цветом кожи [Даль 4: 156], перекидывающее мостик между названием этого внутреннего органа и зелёным цветом. Впрочем, есть и другая возможность. Рус. диал. *селезнёвый* ‘сиреневый с фиолетовым отливом (о цвете)’ [СРНГ 37: 131], -зи- которого указывает на образование от селезня, а не от селезёнки, говорит о том, что селезень мог ассоциироваться не только с зелёным цветом (окрас головы), но и с сиреневым (окрас шеи и части тела)²⁰. Кроме того, мы не можем быть уверены, как именно был окрашен прототипический для славян селезень тысячу-полторы лет назад.

Таким образом, перенос обозначения с селезёнки на селезня или наоборот был вполне возможен на основании сходства цвета. Приведённые выше типологические параллели говорят в пользу того, что отправной точкой следует скорее считать селезня. Однако есть и аргументы против этого.

Во-первых, когнаты русского слова *селезень* не слишком широко распространены в славянских языках. Сюда относятся рус. диал. *селезняк*, *селезь*, *селезяк*, бел. диал. *селезень*, *зелезень*, *сэлег*, *сэлёх* и другие фонетические варианты, укр. лит. *селезень*, диал. *селезень*, *зэлезень*, *селезнік*, *селезняк*, *сэлег*, *сэлек*, *сэлик* и другие фонетические варианты [СРНГ 37: 131; ЛАБНГ 1: 59; АУМ 1: 68, 2: 74, 3: 25, 52; ОЛА СЛС 2/13]²¹, схр. диал. *slezen*, *slezenjak*, *sljez* [RHiSJ 15: 495]. В западнославянских языках родственников данного слова, кажется, не представлено. В связи с этим у нас

¹⁹ Сам Г. Шухардт глоссировал это слово так: ‘trüb, schwarzgrau, schwarzgrün, schmutzfarbig, milzfarben’ [Schuchardt 1917: 169]. Мы приводим семантику в соответствии с переводом С. Прохазки — ‘greenish/bluish gray’ [Procházka 2011].

²⁰ При этом, конечно, есть вероятность, что семантика самого прилагательного могла успеть претерпеть некоторые изменения, ср. историю пары *голубь* — *голубой* [Кульпина 2007: 169] или польского *granat* ‘гранат’ — *granatowy* ‘темно-синий’ [Sławski 1: 339].

²¹ Попытку этимологически разделить формы типа *селег* и *селезень* см. в [Антропов 2021]. Для нашей статьи эта проблема не имеет большого значения, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно, однако, по нашему мнению, большинство форм с -г- и -х- допустимо объяснять как вторичные аугментативы от *селезень*.

нет уверенности, что *selzeńь или *selzъńь ‘селезень’ вообще стоит реконструировать для праславянского состояния.

Во-вторых, у *selzeńь нет убедительной этимологии. А. Маценауэр связывал его с лтш. *zilgans* ‘синеватый, голубоватый’ [Matzenauer 1892: 249], однако латышское слово является столь же прозрачным дериватом от *zils* ‘синий, голубой’, как *zalgans* ‘зеленоватый’ от *zals* ‘зелёный’.

Интересна этимология А. А. Потебни, сближающая *selzeńь с санскр. *syjati* ‘освобождает, отпускает; позволяет; идёт; летит; течёт; мечет; испускает; проливает’ [Потебня 1876: 167]. Ослабляет эту версию то, что *selzeńь/*selzъńь ‘селезень’ вряд ли восстанавливается для праславянского состояния, а никаких континуантов глагола *selǵ- славянским языкам неизвестно, т. е., вероятно, утрачен он был довольно рано. Кроме того, идея А. А. Потебни предполагает, что селезень был так назван как самец, т. е. «испускающий (семенную) жидкость», но у нас нет уверенности, что это значение можно восстанавливать для глагола *selǵ- (ср. реконструкцию семантики ‘loslassen, entsenden (отпускать, посылать)’ в [LIV 2001: 528–529]), а словом *селезень* в русских говорах называют и самку утки [СРНГ 37: 130], что может, но не обязано быть вторичным явлением.

М. Фасмер для *селезня* предполагал звукоподражательное происхождение [Фасмер 3: 595], однако сходства с кряканьем утки у формы *selzeńь/*selzъńь не слишком много (ср. действительно звукоподражательные рус. *кряква*, пол. *kaczka* ‘утка’, чеш. *kachna* ‘утка’). Белорусское диалектное *silazién* якобы ‘звук в животе некоторых коней во время бега’ вряд ли следует рассматривать как аргумент в пользу этой версии вопреки [ЭСБМ 12: 52]. Мы полагаем, что в данном случае слово *silazién* было неверно глоссировано автором диалектного словаря и означает просто селезёнку, ср. приводимый им контекст «U Jurčakovaha žarabka silazién kochkaja pry biahu [Vartyha 1970: 119] с «Селезёнка квокчэ ў коня», «Ляцеў конь, аж селезёнка грала» [ТС 5: 26] и «селезёнка играет» (об отрывистых звуках, напоминающих звуки при икоте) [СРНГ 37: 130].

Наконец, на вторичность обозначения селезня по отношению к селезёнке указывает беглый гласный в восточнославянских названиях селезня, как будто бы восходящих к праформе *selzъńь, в то время как сербохорватские говорят о *selzeńь. Если *selzъńь ‘селезень’ вторичен по отношению к *selzena ‘селезёнка’, то мена непродуктивного -en- на более распространённый формант -ъńь в восточнославянских языках, где они стали фонетически очень близки, вполне объяснима. Показательно, что в сербохорватских формах *slezen* и *slezenjak* мы этого не наблюдаем. Напротив, объяснить наличие непродуктивного -en- в *selzena ‘селезёнка’, не выводя это слово из праиндоевропейского обозначения селезёнки и учитывая восточнославянские формы на -ъńь, не так уж просто.

Сомнительность реконструкции формы *selzeńь/*selzъńь для праславянского, а также отсутствие у неё хорошей этимологии заставляет думать, что предпочтительнее принять сценарий, согласно которому восточносла-

вянское *selezень* и сербохорватское *slezen* были образованы от обозначений селезёнки, причём, вероятно, независимо друг от друга. Основанием для этого служило сходство цвета.

8.3. Исходя из вышесказанного, кажется разумным в качестве основной рассматривать версию связи праславянского и праиндоевропейского названий селезёнки. Но в таком случае объяснения требуют фонетические расхождения. Для праславянского, если мы отталкиваемся от праформы *selzena, основную проблему представляет отсутствие *-p-*. Можно заметить, что нет его и в латинской форме *liēn*, а также в кельтских языках, но в кельтских *sp-* закономерно перешло в *sφ-*, а затем в *s-* в гойдельских и *f-* в бриттских, ср. др.-ирл. *seir* ‘пятка’, вал. *ffêr* ‘щиколотка’ при родственном нем. *Spur* ‘след’.

Как показывает славянский материал, изолированное и немотивированное обозначение селезёнки, не имеющее других древних родственников, с огромной лёгкостью подвергалось действию народной этимологии. Как было описано выше, для разных славянских говоров можно подозревать влияние слов со значениями ‘селёдка’, ‘сладкий’, ‘чесаться’, ‘железа’, ‘слезинка’, ‘слизь’, ‘мальва’, причём далеко не во всех из этих случаев можно найти какую-то реальную связь между селезёнкой и влияющим словом. Скорее большую роль играло созвучие. В целом это довольно характерное для народной этимологии явление. Так, корневой вокализм верхнелужицкого диалектного *stoupa/stouþja* ‘стопа’ [SSA 6/42], вероятно, объясняется влиянием слова *stolp* ‘столб’, хотя общего у стопы и столба мало. Целый ряд показательных примеров приводит Ж. Ж. Варбот: *комель* > *кобэль* ‘пень, обрубок дерева’, *крушина* > *кручина* ‘ягода крушины’, *близна* > *белізна* ‘огрех при пахоте’, *рюха* > *брюха* ‘чурочка для детской игры’ и т. д. [Варбот 2011: 175–176].

Вряд ли *-p-* в праславянской форме исчезло из-за одного из слов, влиявших на формы отдельных славянских языков (*soldъкъ ‘сладкий’, *slěзь ‘мальва’, *slizь ‘слизь’, *slъza ‘слеза’). В большинстве случаев влиянию поспособствовала метатеза плавных, благодаря которой в южно- и западнославянских названиях селезёнки *s-* и *-l-* оказались рядом, что сблизило их с перечисленными словами фонетически и стало своеобразным «пусковым крючком» для действия народной этимологии.

Отсутствие *-p-* в лат. *liēn* (< *lixēn < *slig^hēn [de Vaan 2008: 340]) позволяет предположить, что исчезновение этого звука под влиянием народной этимологии в праславянском названии селезёнки может быть довольно старым явлением. Однако под вопросом остаётся, какое слово могло послужить «донором».

Фонетически лучшим кандидатом на эту роль является вышеупомянутое *selġ- ‘отпускать, посылать’, однако его континуантов не сохранилось ни в латыни, ни в праславянском, а от ‘отпускать, посылать’ довольно сложно перекинуть семантический мостик к селезёнке. Тем не менее, если

предположить, что этот глагол мог означать также ‘испускать (жидкость)’ (выше мы рассматривали такое допущение как ослабляющее гипотезу А. А. Потёбни, но, возможно, для этого есть некоторые основания, см. [ЭСИЯ 3: 373–376]) и допустить, что селезёнка мыслилась как орган, испускающий некоторую жидкость (ср. древнегреческое представление о селезёнке как об органе, производящем «чёрную жёлчь»), то можно себе представить, что на довольно раннем этапе своей истории название селезёнки в праславянском и праиталийском утратило *-p-* под влиянием народноэтимологического связывания с глаголом *selĝ-.

В качестве альтернативной гипотезы можно предположить влияние глагола *sel- ‘ускоряться, прыгать’ [LIV 2001: 527–528], если принимать во внимание свойство селезёнки напоминать о себе во время физических нагрузок.

9. Заключение

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

а) В научной литературе праславянское название селезёнки восстанавливается с широкой фонетической и морфологической вариативностью. Однако внимательное изучение фактов показывает, что большинство этих реконструкций не имеет под собой серьёзных оснований и не учитывает действия ряда вторичных факторов. По нашему мнению, единственная достоверно праславянская форма — *selzena.

б) Пара слов *селезёнка* — *селезень* этимологически связана, причём, скорее всего, селезень получил своё название из-за сиреневого цвета тела, напоминающего цвет селезёнки.

в) Праславянское название селезёнки продолжает праиндоевропейское, относительно точного фонетического облика которого в науке нет консенсуса. Объяснения требует утрата *-p-* в праславянском (т. е. *selzena вместо ожидаемого *spelzena). Латинское *liēn* позволяет думать, что такая утрата может быть довольно древним явлением. Наиболее вероятная причина исчезновения *-p-* — действие народной этимологии. Мы полагаем, что в качестве потенциальных кандидатов на роль слова, повлиявшего на *selzena, стоит рассмотреть *selĝ- ‘отпускать, посылать’ и *sel- ‘ускоряться, прыгать’.

С л о в а р и

АУМ 1–3 — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8. София, 1971–2017.

Даль 1–4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1863–1866.

ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.

- Ластоўскі 1924 — В. Л а с т о ў с к і. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
- ОДРМЈ — Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–9; Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1–12. Београд; М.; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Минск; Praha; Bratislava; СПб., 1988–2020.
- Преображенский 1–3 — А. П р е о б р а ж е н с к и й. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М., 1910–1949.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–21. Београд, 1959–2019.
- СлРЯ XI–XVII 1–31 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб., 1975–2019.
- СРНГ 1–52 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М.; СПб., 1965–2021.
- Топоров 1–5 — В. Н. Т о п о р о в. Прусский словарь. Т. 1–5. М., 1975–1990.
- ТС 1–5 — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Минск, 1982–1987.
- Фасмер 1–4 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- ЭСБМ 1–14 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Минск, 1978–2017.
- ЭСИЯ 1–6 — Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- ЭССЯ 1–42 — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–42. М., 1974–2022.
- AGB 1–7 — Atlas gwar bojkowskich. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980–1991.
- AUGN 1–2 — Atlas ukraińskich gwar nadszańskich. Т. 1–2. Warszawa, 2017.
- Beekes, van Beek 1–2 — R. B e e k e s, L. v a n B e e k. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden; Boston, 2010.
- Bezljaj 1–5 — F. B e z l a j. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knjige 1–5. Ljubljana, 1977–2005.
- Boryś 2005 — W. B o r y ś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner 1985 — A. B r ü c k n e r. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- ČJA 1–5 — Český jazykový atlas. Díly 1–5. Praha, 1992–2005.
- ERHJ 1–2 — R. M a t a s o v i ć, T. P r o n k, D. I v š i ć, D. B r o z o v i ć R o n - č e v i ć. Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Svesci 1–2. Zagreb, 2016–2021.
- Kobylińska 2001 — J. K o b y l i ŋ s k a. Słownik gwary gorczańskiej (zagórzańskiej). Kraków, 2001.
- LIV 2001 — Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.
- Machek 1968 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Miklosich 1977 — F. M i k l o s i c h. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Aalen, 1977.
- Pokorny 1959 — J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Rejzek 2001 — J. R e j z e k. Český etymologický slovník. Brno, 2001.
- RHiSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjige 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- SČTB — Staročeská textová banka. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>.

- SEK 1–6 — Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–6. Warszawa, 1994–2010.
- SGP 1–33 — Słownik gwar polskich. Zeszyty 1–33. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979–2019.
- SJS 1–4 — Slovník jazyka staroslověnského. Díly 1–4. Praha, 1958–1983.
- Skok 1–3 — P. S k o k. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjige 1–3. Zagreb, 1971–1973.
- SLA 1–2 — Slovenski lingvistični atlas. Dela 1–2. Ljubljana, 2011–2016.
- Sławski 1–5 — F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków, 1952–1982.
- Smoczyński 2007 — W. S m o c z y ń s k i. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Snoj 2016 — M. S n o j. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.
- SP 1–8 — Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001.
- SSA 1–15 — Sorbischer Sprachatlas. Bände 1–15. Bautzen, 1965–1996.
- SStp 1–11 — Słownik staropolski. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002.
- Trautmann 1923 — R. T r a u t m a n n. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Watkins 1985 — C. W a t k i n s. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985.
- de Vaan 2008 — M. d e V a a n. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008.
- Varłyha 1970 — A. V a r ł y h a. Krajovy slovník Łahojščyny. New York, 1970.

Л и т е р а т у р а

- Аникин 1983 — А. Е. А н и к и н. Об и.-е. *p_lg'h(ē)- // Этимология 1981 / О. Н. Трубачёв (отв. ред.). М.: Наука, 1983. С. 131–140.
- Антропов 2021 — Н. П. А н т р о п о в. «Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели *telt // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 413–431.
- Вайан 1960 — А. В а й а н. Славянское название селезенки // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 66–67.
- Варбот 2011 — Ж. Ж. В а р б о т. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 174–184.
- Гамкрелидзе, Иванов 1–2 — Т. В. Г а м к р е л и д з е, Вяч. Вс. И в а н о в. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984.
- Дрвошанов 2005 — В. Д р в о ш а н о в. Анатомска лексика за човекот во македонските говори. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005.
- Иткин 2007 — И. Б. И т к и н. Русская морфология. М.: Гнозис, 2007.
- Кульпина 2007 — В. Г. К у л ь п и н а. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 126–184.

- Минлос 2002 — Ф. Р. Минлос. Рефлексы слав. *CeIc в восточнославянских языках // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 198–203.
- Німчук 1992 — В. В. Німчук. Давньоруська спадщина в лексиці української мови. Київ: Наукова думка, 1992.
- Потебня 1876 — А. А. Потебня. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.
- Саенко 2019 — М. Н. Саенко. Праславянские лексемы *ръгси и *grōdy: семантика и этимология // Вопросы языкового родства. 2019. № 17/3–4. С. 319–340.
- Саенко, Szeptyński 2022 — М. Н. Саенко, R. Szeptyński. Как бедра бедром стала. Реконструкция праславянского названия бедра (на материале памятников XI–XIV вв.) // Slavia. 2022. Č. 91/2. S. 129–149.
- Сцяшкови́ч 1972 — Т. Ф. Сцяшкови́ч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1972.
- Adams, Mallory 1997 — D. Q. Adams, J. P. Mallory. Encyclopedia of Indo-European Culture. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.
- Adams, Mallory 2006 — D. Q. Adams, J. P. Mallory. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Būga 1–4 — K. Būga. Rinkiniai raštai. T. 1–4. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1958–1962.
- Dejna 1973 — K. Dejna. Dialekty polskie. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973.
- FO 1981 — Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1981.
- Gregorič 2014 — J. Gregorič. Kostelski slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2014.
- Hamp 2002 — E. Hamp. IE ‘spleen’ // Journal of Indo-European Studies. 2002. Vol. 30. P. 145–150.
- Hirt 1900 — H. Hirt. Der indogermanische Ablaut, vornehmlich in seinem Verhältnis zur Betonung. Strassburg, 1900.
- Holub, Kopečný 1952 — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Státní nakladatelství učebnic, 1952.
- Itkin 2023 — I. Itkin. On Tocharian A cognates of the Tocharian B words meaning ‘spleen’ and ‘liver’. In print.
- Jakobson 1971 — R. Jakobson. While Reading Vasmer’s Dictionary // Selected Writings. Vol. 2. Word and Language. The Hague; Paris: Mouton, 1971. P. 620–649.
- Klingenschmitt 1982 — G. Klingenschmitt. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden: Reichert, 1982.
- Komenský 1633 — J. A. Komenský. Dvěře jazyků odevřené. Lešno, 1633.
- Králík 2015 — Ľ. Králík. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015.
- Kiparsky 1–3 — V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. Bände 1–3. Heidelberg: Carl Winter, 1963–1975.
- Lehr-Splawiński 1957 — T. Lehr-Splawiński. O mieszanii prasłowiańskich połączeń *telt* z *tolt* w językach północno-słowiańskich // T. Lehr-Splawiński. Studia i szkice wybrane. Część 1. Warszawa: PWN, 1957. S. 219–230.
- Ligorio 2022 — O. Ligorio. Body Parts // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. 2022. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035813.

- Matasović 2004 — R. Matasović. Gender in Indo-European. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2004.
- Matzenauer 1892 — A. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické. 1892. Č. 19/4. S. 241–256.
- Mažiulis 1–4 — V. Mažiulis. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–4. Vilnius: Mokslas, 1988–1997.
- Meillet 1–2 — A. Meillet. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave: 1e et 2e parties. Paris, 1902; 1905.
- Ostrowski 1991 — B. Ostrowski. Plošna 'stopa' — gwarowy archaizm leksykalny? // Język Polski. 1991. LXXI/3–5. S. 239–242.
- Pedersen 1905 — H. Pedersen. Die nasalpräsentia und der Slavische akzent // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1905. Band 38, Heft 3. S. 297–421.
- Petersson 1908/1909 — H. Petersson. Die indogermanischen Wörter für Milz // Indogermanische Forschungen. 1908/1909. Band 23. S. 158–160.
- Procházka 2011 — S. Procházka. Color terms // Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. URL: https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/*-EALL_SIM_000001.
- Pronk 2015 — T. Pronk. Singulative *n*-stems in Indo-European // Transactions of the Philological Society. 2015. Vol.113/3. P. 327–348.
- Reichert 1906 — H. Reichert. Der sekundäre ablaut // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1906. Band 39, Heft 1. S. 1–80.
- Schuchardt 1917 — H. Schuchardt. Zu den romanischen Benennungen der Milz // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Heft 8. S. 156–170.
- Schuster-Šewc 1–24 — H. Schuster-Šewc. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Hefte 1–24. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.
- Torbiörnsson 1901 — T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese. Upsala: Akademische Buchdruckerei Edv. Berling, 1901.
- Walde 1909 — A. Walde. Zu den indogerm. Wörtern für 'Milz' // Indogermanische Forschungen. 1909. Band 25. S. 160–166.

Статья получена 07.09.2022

Mikhail N. Saenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

veraetatis@yandex.ru

PROTO-SLAVIC NAME FOR THE SPLEEN: PROBLEMS OF ETYMOLOGY

The article focuses on the problems connected with the reconstruction of the Proto-Slavic word for spleen, numerous variants of which have been proposed by other scholars (such as **selzena*, **solzena*, **sblezena*, **selzenь*, etc.) We look at the reasons why a wide variety of secondary forms has appeared. As our research has shown, the only

proven Proto-Slavic form is **selzena*. The analysis of relations between the words for “spleen” and “drake” in other languages helps determine which of them was primary in terms of etymology, which (among other things) is important for the Indo-European etymology of the word **selzena*. We draw typological parallels with cases when the name of the bird was transferred to the spleen, whereby the spleen was designated by its colour, or vice versa — when the colour got its name from the spleen. The provided arguments seem to indicate that the drake was given such name because of the lilac colour of its body reminding the colour of the spleen. We also put forward a new explanation of how *-p-* was lost in the Proto-Slavic word in question (**selzena* instead of expected **spelzena*) — the folk-etymological influence of **selǵ-* ‘to release, send’ or **sel-* ‘to speed up, jump’.

Keywords: Proto-Slavic language, somatic vocabulary, etymology

References

- Adams, D. Q., & Mallory, J. P. (1997). *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers.
- Adams, D. Q., & Mallory, J. P. (2006). *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford: Oxford University Press.
- Anikin, A. E. (1983). Ob i.-e. **pǵ'h(ē)-*. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologija. 1981* (pp. 131–140). Moscow: Nauka.
- Antropov, N. P. (2021). «Guska sologaja» v svete polnoglasnykh sochetanii modeli **telt*. In A. A. Pichkhadze, I. S. Iur'eva, E. A. Mishina, M. S. Mushinskaia, & Yu. V. Kagarlitski (Eds.), *Slova, konstruktii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 413–431). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Būga, K. (1958–1962). *Rinkiniai raštai* (Vols. 1–4). Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- Dejna, K. (1973). *Dialekty polskie*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Drvoshanov, V. (2005). *Anatomska leksika za chovekot vo makedonskite govori*. Skopje: Krste Misirkov.
- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, Viach. Vs. (1984). *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy* (Vols. 1–2). Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta.
- Gregorič, J. (2014). *Kostelski slovar*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Hamp, E. (2002). IE ‘spleen’. *Journal of Indo-European Studies*, 30, 145–150.
- Holub, J., & Kopečný, F. (1952). *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství učebnic.
- Itkin, I. B. (2007). *Russkaia morfonologija*. Moscow: Gnozis.
- Ivić, P., & Filipović, N. (Eds.). (1981). *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatsko-srpskih, slovenačkih i makedonskih govora v obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine.
- Jakobson, R. (1971). *Selected Writings. Vol. 2: Word and Language*. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
- Kiparsky, V. (1963–1975). *Russische historische Grammatik* (Vols. 1–3). Heidelberg: Carl Winter.

- Klingenschmitt, G. (1982). *Das altarmenische Verbum*. Wiesbaden: Reichert.
- Králik, Ľ. (2015). *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.
- Kul'pina, V. G. (2007). Sistema tsvetooboznachenii russkogo iazyka v istoricheskom osveshchenii. In A. P. Vasilevich (Ed.), *Naimenovaniia tsveta v indoevropeskikh iazykakh. Sistemy i istoricheskii analiz* (pp. 126–184). Moscow: KomKniga.
- Lehr-Splawiński, T. (1957). *Studia i szkice wybrane*. P. 1. Warsaw: PWN.
- Ligorio, O. (2022). *Body Parts*. Retrieved from http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035813
- Matasović, R. (2004). *Gender in Indo-European*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Mažiulis, V. (1988–1997). *Prūsų kalbos etimologijos žodynas* (Vols. 1–4). Vilnius: Mokslas.
- Minlos, F. R. (2002). Refleksy slav. **CelC* v vostochnoslavianskikh iazykakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(3), 198–203.
- Nimchuk, V. V. (1992). *Davn'orus'ka spadshchina v leksitsi ukrains'koi movi*. Kyiv: Naukova dumka.
- Ostrowski, B. (1991). *Płośna* 'stopa' — gwarowy archaizm leksykalny? *Język Polski*, 71(3–5), 239–242.
- Procházka, S. (2011). *Color terms*. Retrieved from https://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/*-EALL_SIM_000001
- Pronk, T. (2015). Singulative *n*-stems in Indo-European. *Transactions of the Philological Society*, 113(3), 327–348.
- Saenko, M. N. (2019). Praslavianskie leksemy **p'rsi* i **grōd'*: semantika i etimologija. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 17(3–4), 319–340.
- Saenko, M. N., & Szeptyński, R. (2022). Kak *bedra bedrom* stala. Rekonstruktsiia praslavianskogo nazvaniia bedra (na materiale pamiatnikov XI–XIV vv.). *Slavia*, 91/2, 129–149.
- Schuster-Šewc, H. (1978–1989). *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* (Vols. 1–24). Bautzen: Domowina-Verlag.
- Stsiashkovich, T. F. (1972). *Materiyaly da slounika Grodzenskai voblastsi*. Minsk: Navuka i tekhnika.
- Vaillant, A. (1960). Slavianskoe nazvanie selezenki. *Voprosy iazykoznanii*, 6, 66–67.
- Varbot, Zh. Zh. (2011). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Received on September 7, 2022

Е. А. ЗАЛИВИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
zalivina01@mail.ru

**ВАРИАТИВНОСТЬ ОКОНЧАНИЙ ГЛАГОЛОВ
В ФОРМЕ 3-ГО ЛИЦА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ
В ГОВОРЕ ВОКРУГ ГОРОДА ОПОЧКИ
(ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОПОЧЕЦКИЙ РАЙОН)**

Статья посвящена вариативности окончаний глаголов в форме 3-го лица настоящего времени в зависимости от социолингвистических факторов в говоре вокруг Опочки. В работе рассматриваются такие параметры, как возраст информантов, уровень образования, род занятий и место проживания. Чтобы обнаружить зависимость употребления диалектных окончаний у глагольных форм от социолингвистических факторов, в данной статье применяется статистический критерий χ^2 . По итогам данной работы предлагается теория о большей устойчивости некоторых диалектных окончаний.

Ключевые слова: диалекты русского языка, псковские говоры, опочецкие говоры, глаголы в форме 3-го лица настоящего времени.

Введение

Предметом данной работы является рассмотрение вариативности окончаний глаголов настоящего времени в 3-м лице в говоре вокруг города Опочки. В статье представлен анализ факторов, влияющих на устойчивость диалектных вариантов, таких как отсутствие конечного *-m* у глаголов I и II спряжения в единственном числе и вариант окончания *-m'* у некоторых глаголов II спряжения, наличие *-m'* в словоформах множественного числа. Ранее уже были сделаны похожие социолингвистические исследования на диалектном материале, например, в работе [Daniel et al. 2019] рассматривается динамика, с которой утрачиваются диалектные черты в говорах бассейна реки Устья на основе корпусных данных.

Социолингвистические исследования в диалектологии получили свое развитие после работы У. Лабова о фонетических изменениях в диалекте острова Martha's Vineyard [Labov 1963]. В статье исследовалась реализация дифтонгов как централизованных ([aw] как [əw] в *mouse*). Частотность реализованных централизаций дифтонгов сопоставлялась с фонетическим контекстом, местом жительства говорящего, этнической группой, родом

занятий и возрастом. Также в работе, посвященной отражению социальных процессов в языковых структурах [Labov 1968], У. Лабов рассмотрел концепт языка как форму социального поведения, благодаря чему произошло развитие количественного подхода в изучении влияния социальных факторов на выбор языковых вариантов. Его исследование [Labov 1971] о влиянии стратификации общества при выборе вариантов получило свое распространение в американской школе социолингвистики и не только.

Вариативность окончаний глаголов 3-го лица наблюдается как в славянских литературных языках, так и в говорах русского языка. В старославянском языке окончанием было *-тъ*, но в некоторых памятниках XI в. встречаются формы 3-го лица без конечного *-тъ* [Хабургаев 1974: 263]. В исходной морфологической системе древнерусского языка отмечается флексия *-тъ* для форм единственного и множественного числа, однако в памятниках письменности XIII–XIV вв. на территории Ростово-Суздальской земли начинают фиксироваться формы 3-го лица с *-т(ь)* [Горшкова, Хабургаев 1981: 289]. В древненовгородских берестяных грамотах отмечены формы без конечного *-т*, тогда как с середины XIV в. встречаются формы с *-тъ* [Зализняк 2004: 137].

В современных литературных славянских языках также наблюдаются различные варианты флексий. Во всех западнославянских языках [Дуличенко 2005а: 400; Ермакова, Недолужко 2005: 341; Скорвид 2005: 265; Смирнов 2005: 299–300; Супрун 2005: 413; Тихомирова 2005: 372] в 3-м лице единственного числа отсутствует конечный *-t*. Так, например, в польском языке: *niesie* (рус. *несет*), *pisze* (рус. *пишет*), *czyta* (рус. *читает*), *niosą* (рус. *несут*), *piszą* (рус. *пишут*), *czytają* (рус. *читают*). Часть южнославянских языков (сербохорватский [Кречмер, Невекловский 2005: 180], словенский [Дуличенко 2005б: 225]) не имеет конечного *-t* в обоих числах. Так, в словенском языке: *dela* (рус. *делает, работает*), *delajo* (рус. *делают, работают*). В болгарском [Маслов 1981: 211] и македонском [Усикова 2003: 186–187] характерно наличие конечного *-t* во множественном числе, но в единственном это окончание не фиксируется. Например, в болгарском языке: *чете* (рус. *читает*), *работи* (рус. *работает*), *четат* (рус. *читают*), *работят* (рус. *работают*). Существуют другие системы окончаний в восточнославянских языках. В украинском [Жовтобрюх, Молдован 2005: 534] нет окончания *-т* в единственном числе в I спряжении *пише* (рус. *пишет*), но во множественном числе есть мягкое окончание *пишуть* (рус. *пишут*). Во II спряжении и у атематических глаголов фиксируется мягкий вариант окончания в единственном и множественном числе: *просить* (рус. *просят*), *просять* (рус. *просят*). В белорусском языке [Бирилло и др. 2005: 579–580] у глаголов I спряжения в единственном числе отсутствует конечный согласный, во множественном же числе формы оканчиваются на *-ць*. Во II спряжении обе формы имеют окончание *-ць*: *кажу* (рус. *говорит*), *кажуць* (рус. *говорят*), *вучыць* (рус. *учит*), *вучаць* (рус. *учат*). В русском [Лопатин, Улукханов 2005: 491], в отличие от других восточнославянских

языков, конечный *-t* во всех формах глаголов 3-го лица вне зависимости от спряжения и числа.

Таким образом, в литературных славянских языках существует несколько систем окончаний глаголов в 3-м лице настоящего времени. Их обобщение представлено в Таблице 1:

Таблица 1

**Системы окончаний глаголов в 3-м лице в форме настоящего времени
в литературных славянских языках**

Языки	Единственное число	Множественное число
Древнерусский язык (наддиалектный)	-Vть	-Vть
Древненовгородский диалект	-Vть -V ¹ -Vть (с середины XIV в.)	-Vть -V -Vть (с середины XIV в.)
Западославянские языки, часть южнославянских (словенский, сербохорватский)	-V	-V
Болгарский, македонский	-V	-Vт
Украинский/белорусский	I спряжение: -V II спряжение: -Vть/-Vць	-Vть/-Vць
Русский	-Vт	-Vт

Данная работа посвящена описанию факторов, в результате которых образуется вариативность окончаний, рассмотрена также тенденция к утрате вариативности среди носителей молодого поколения.

Опочецкие говоры относятся к Псковской группе говоров [ДАРЯ I–III]. Эта группа находится на границе с белорусскими говорами [Сачанка, Мічневіч 1994: 55]. Псковская группа, по классификации К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой [2004: 149], относится к Западным среднерусским говорам.

Опочецкие говоры уже давно привлекают внимание исследователей, отметим и прокомментируем лишь некоторые из работ, которые посвящены им. Экспедиция под руководством В. Н. Чекмонаса посетила деревни Опочецкого района, расположенные на берегах рек Исса и Великая, где проживали старообрядцы [Вайерманн и др. 2002]. После данной экспедиции была опубликована статья В. Н. Чекмонаса [2002], посвященная описанию заударного оканья в открытых конечных слогах, не зафиксированного ранее. Более подробный грамматический очерк опочецких говоров содержится в статье [Дьяченко и др. 2018], в которой кратко описываются

¹ Форма оканчивается на гласный.

фонетические, морфологические и синтаксические системы говора, приводятся расшифровки текстов, собранных в ходе экспедиции 2017 г., а также описываются окончания презенса тематических глаголов. Отмечается, что у информантов старшего поколения из разных деревень система окончаний одинакова. В работе рассматриваются окончания 3-го лица на материале информантов до 1957 года рождения, приводятся уточнения по реализации фонемы /e/ в рассматриваемых окончаниях. Фиксируется, что в заударном конечном открытом слоге в глагольных окончаниях под ударением находится звук [e], в безударных слогах — [a] или [e]. Материалы экспедиции 2019 г. были опубликованы в статье [Ронько 2020], в ней содержатся также расшифровки двух интервью и описание диалектных черт, встретившихся в речи информантов.

Настоящая статья организована следующим образом: в разделе «Результаты» рассмотрено распределение окончаний глаголов 3-го лица у информантов, в речи которых наблюдается вариативность. Далее в работе проанализирована зависимость употребления диалектных вариантов окончаний от социолингвистических факторов: возраст информантов, уровень образования, род занятий и место проживания.

Материалы и методы

Материал для исследования был взят из корпуса Опочечких говоров [Ронько и др. 2019], в котором содержатся расшифровки записей речи местных жителей, родившихся в период с 1930 по 2010 г. Записи были сделаны в ходе экспедиций 2018–2019 гг. Объем корпуса — 68 741 токен.

В данном корпусе расшифровки не отражают фонетических и морфологических особенностей, поэтому для работы брались полные тексты, откуда были извлечены формы глаголов настоящего времени в 3-м лице. Расшифровки прослушивались, а при необходимости просматривались в программе Praat. Такая необходимость могла быть вызвана темпом речи респондента, неоднозначным произношением или была использована как один из этапов перепроверки транскрипции. Всего были рассмотрены расшифровки речи 14 информантов, словоформы с их транскрипцией были выписаны в таблицу. В ходе работы найдены и затранскрибированы 517 словоформ.

Результаты

Только у 4 из 14 информантов наблюдается вариативность окончаний: ЕНМ1930 (всего в корпусе 6194 токена расшифровки для данного информанта), ЗИИ1932 (11 875 токенов), АВВ1933 (6104 токена) и ИВЕ1949 (1808 токенов). Для каждого из перечисленных информантов составлены

таблицы, в которых представлены все встретившиеся формы 3-го лица настоящего времени в транскрипции. В Таблице 2 перечислены словоформы с ударением на основе, которые встретились в текстах ЕНМ1930. В Таблице 3 указаны словоформы с ударением на окончании. Звездочкой здесь и далее обозначены разноспрягаемые глаголы. В таблицах формы представлены в фонетической транскрипции.

Таблица 2

Распределение словоформ в текстах ЕНМ1930 с ударением на основе

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.
б'ёр'е	эзд'а			*бэгайт'	плот'ут'	эдут	
зна́йа	ко́рм'а			браса́йт'	право́д'ут'	пр'иежа́йт	
игра́йа	ко́рм'а			взыва́йт'	право́д'ут'	пр'иежа́йт	
мо́же	право́д'а			ган'а́йт'	право́д'ут'		
нын'има́йа	про́с'а			игра́йт'	та́ш'ут'		
пы́луча́йа	уво́д'а			абгрыза́йт'	та́ш'ут'		
пы́луча́йа				атдыха́йт'	хо́д'ут'		
пр'и́жажа́йа				пл'а́шт'	хо́д'ут'		
пр'и́жажа́йа				пр'иежа́йт'	хо́д'ут'		
сме́та́йа				руга́йт'	хо́д'ут'		
стука́ь				сжыга́йт'	харо́н'ут'		
стука́ь					харо́н'ут'		
*хо́ч'а					*хо́т'ут'		
					*хо́т'ут'		

Стоит отметить, что в статье не рассматриваются окончания, которые могли быть обусловлены фонетическим контекстом, как, например, в (1). Исключались также случаи, в которых нельзя однозначно определить окончания из-за шума, который мог присутствовать в записи.

(1) У них их коровы, коровы — и *навязывает, тут навязывал, всё*.

В приведенном примере отсутствует пауза между словоформами *навязывает* и *тут*. Можно предположить, что в конце первой словоформы есть импловивный звук, однако проверить по спектрограмме утверждение сложно из-за наличия постороннего шума. На ней (рис. 1) виден только один взрыв между этими словоформами, но перед взрывом наблюдается долгий период смычки, что может говорить о наличии импловивного согласного в окончании глагольной формы. В связи с неоднозначностью такие формы исключены из выборки.

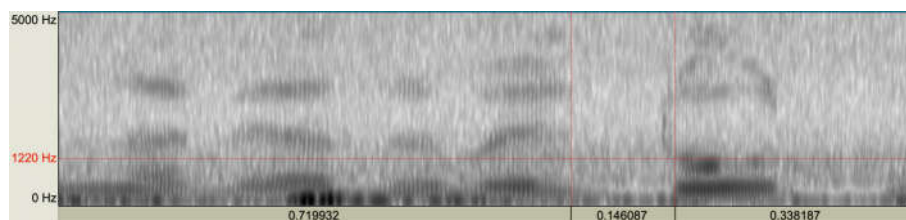

Рис. 1. Спектрограмма двух словоформ (навязывает тут), вертикальными чертами обозначены границы звука -т

Таблица 3

Распределение словоформ в текстах ЕНМ1930 с ударением на окончании

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.
гн'иэ	стайт'		гъвар'йт	въдајут'	гъвар'ат'		јадут (едят)
жив'э	стайт'		с'ид'йт	жывут'	стајат'		
жив'э	стайт'			л'еж'ат'	стајат'		
жив'э	стайт'			пајут'			
ид'э	стайт'			пајут'			
паэ				пајут'			
сдаэ				пръдајут'			
сдаэ				пръдајут'			
сдаэ				пръдајут'			

Всего у информанта ЕНМ1930 рассматривается 76 словоформ, из них только 6 с литературным вариантом окончания. Контексты, в которых встретились такие формы: форма множественного числа глагола I спряжения с ударением на основе (2) и (3), форма единственного числа глагола II спряжения с ударением на окончании (4) и (5), форма множественного числа глагола II спряжения с ударением на окончании (6).

- (2) *А никто не спрашивал, едут (эдут)² или не;*
- (3) *Дачники приезжают (пр'иеж'айут), но народу там нету, если деревня стоит.*

Форма *приезжают* встречается трижды, две из них — формы с твердым вариантом окончания.

² Здесь и далее примеры представлены в корпусной расшифровке, в скобках даны транскрипции для рассматриваемых глагольных форм.

- (4) *Мы с ним идём по городу, а мужчина **говорит** (гъвар'ит): «Сынок, что ты сделал, что тебя с границы отпустили?»;*
 (5) *Жонка **сидит** (с'ид'ит) с этим ребёнком в этой Испании;*
 (6) *А, попробуй сходить — комары **едят** (жад'ут) — набрать.*

Система окончаний (Таблица 4), представленных в Таблицах 2 и 3, согласуется с системой, которая была описана в работе [Дьяченко и др. 2018].

Таблица 4

Система окончаний форм 3-го лица настоящего времени

Ударение на основе				Ударение на окончании			
I спряжение		II спряжение		I спряжение		II спряжение	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
[a] / [e] ~ /e/	/yt' /	[a] ~ /e/	/yt' /	/e/	/yt' /	/ит' /	/ат' /

Еще одним информантом, в речи которого обнаружены диалектные варианты окончаний, была АВВ1933. Для данного информанта в Таблице 5 перечислены словоформы с ударением на основе, которые встретились в текстах. В Таблице 6 указаны словоформы с ударением на окончании. Всего рассматривается 37 форм.

Таблица 5

Распределение словоформ в текстах АВВ1933 с ударением на основе

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.
вьп'ива́йа	в'ид'ит'			зав'иду́йт'	ло́в'ат'		
р'е́же	кало́т'a			зъставл'а́йт'	пла́т'ут'		
р'е́жь	кало́т'a			зна́йт'	пр'ихо́д'ут'		
р'е́жь				нъл'ива́йт'	*хо́т'ут'		
т'е́ч'e				пълуч'а́йт'	ста́в'ут'		
т'е́ч'e				пъм'ира́йт'			
				разво́д'ут'			
				сажа́йт'			
				ту́кайт'			
				ум'ира́йт'			
				хахо́ч'ут'			

У данного информанта, в отличие от ЕНМ1930, встречается глагольная форма II спряжения в единственном лице с окончанием *-um'*: *v'úd'um'*. У ЕНМ1930 же такие окончания характерны только для форм, где ударение на окончании. У глаголов II спряжения во множественном числе наблюдается единичное отклонение от общего спряжения: *л'ов'am'*.

Таблица 6

**Распределение словоформ в текстах АВВ1933
с ударением на окончании**

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.	І спр.	ІІ спр.
пр'истаé п'јé	стайт' с'ид'йт'			б'ерут' идут' идут' идут' п'јут'	г'вар'ат' јадут' стајат'		

У АВВ1933 в целом не встречается литературных вариантов окончаний, система окончаний согласуется с ЕНМ1930, за исключением одной формы (*v'úd'um'*), описанной выше. У ЕНМ1930 зафиксирована только одна лексема, которая относится ко II спряжению и имеет ударение на окончании в форме единственного числа и при этом имеет окончание *-um'* (*стайт'*), у АВВ1933 таких лексем две: *стайт'* и *с'ид'йт'*.

Намного реже диалектные варианты встречаются в речи информантов ЗИИ1932 и ИВЕ1949. Стоит уточнить, что у последнего в целом меньше рассматриваемых глагольных форм — обнаружено всего 16, так как в корпусе представлена только 17-минутная запись. В Таблице 7 перечислены словоформы с ударением на основе в текстах ЗИИ1932, в Таблице 8 — словоформы с ударением на окончании. В скобках отмечено количество повторений.

Среди форм с ударением на основе диалектные варианты окончаний встречаются только в форме единственного числа у глаголов I спряжения: *с'охн'е*, *р'ызбавл'ійа*.

У глаголов с ударением на окончании встретилось две формы (I и II спряжений) с диалектным вариантом: *живé* и *ход'а*. Форм II спряжения с окончанием *-um'* ни у глаголов с ударными, ни у глаголов с безударными окончаниями обнаружено не было. Стоит отметить, что, вероятно, появление диалектных вариантов может быть обусловлено сменой регистра. Диалектные варианты обнаружены, когда информант рассказывает о домашних, бытовых реалиях (примеры (7)–(9)).

Таблица 7

**Распределение словоформ в текстах ЗИИ1932
с ударением на основе**

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
И спр.	II спр.	И спр.	II спр.	И спр.	II спр.	И спр.	II спр.
со́хн'е рѣзбавл'а́йа	хо́д'а	д'е́лььт зѣгътавл'а́йит па́хн'ит (x2) пр'иежа́ит (x3) рабо́таит (x3) сщ'ита́ит ч'ита́ит	во́з'ит (x2) выво́з'ит гатов'ит д'е́ржит е́зд'иит л'у́б'ит пр'иво́з'ит слу́жит то́п'ит хо́д'ит (x3)			вл'и́яйут и́щ'ут атпуска́йут заеда́йут пр'иежа́йут (x5) рѣзр'еша́йут сажа́йут со́хнут сщ'ита́йут талка́йут	во́з'ут (x10) д'е́ржут дру́жѣт е́зд'ат ко́с'ь'от л'у́б'ѣт плот'ут плат'ут пѣдн'има́йут пр'иво́з'ѣт пр'иво́з'ут стро́йут су́шьт хо́д'ут (x4) ч'и́ст'ут (x2)

Таблица 8

**Распределение словоформ в текстах ЗИИ1932
с ударением на окончании**

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
И спр.	II спр.	И спр.	II спр.	И спр.	II спр.	И спр.	II спр.
живе́		бе́р'от жив'от (x6)	гла́д'ит ли́ж'ѣт сп'ѣт ста́ит			да́ют (x2) живу́т (x4)	гѣвар'а́т *хаг'а́т

- (7) Я уже и водой заливала, Игорь правнук: «Бабушка, давай я буду всё лить и лить, лить и лить, мы его зальём». Вот он расковырял хо-рошенько эту дырку туда, куда он **ходит** (хо́д'а), и всё лил воды (о правнук);
- (8) Игорь-то наш пѣт тоже еле-еле тѣленький, ему всё кипятком **разбавляет** (рѣзбавл'а́йа);
- (9) Ну, ищут кто давно **живѣт** (живе́) в деревне.

Однако примеров для того, чтобы подтвердить эту гипотезу, недостаточно. В речи встречаются схожие контексты (10) и (11), но форма имеет конечный *-т*.

(10) *Игорь такой не любит (л'уб'ит);*

(11) *Живёт (жыв'от) с отцом, вот, с бабушкой, с бабушкой.*

У информанта ИВЕ1949 в целом встречается намного меньше глагольных форм, и среди них редки диалектные варианты окончаний (Таблицы 9 и 10).

Таблица 9

**Распределение словоформ в текстах ИВЕ1949
с ударением на основе**

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.
зна́йа			звон'ит хва́т'ит			атм'ич'а́йут атм'ич'а́йут атм'ич'а́йут пр'иежа́йут	звон'ут ста́в'ат ста́в'ат

Диалектный вариант окончания встречается только у глаголов I спряжения. Реализация окончаний сопоставима с системами предыдущих информантов.

Таблица 10

**Распределение словоформ в текстах ИВЕ1949
с ударением на окончании**

Единственное число				Множественное число			
диалектный вариант		литературный вариант		диалектный вариант		литературный вариант	
I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.	I спр.	II спр.
жыв'о́			грі́т грі́т грі́т ста́йт				

Единственная форма с диалектным вариантом окончания — *жыв'о́*. У предыдущих информантов подобное окончание не встречалось.

В целом у ИВЕ1949 формы без конечного согласного были замечены только у глаголов I спряжения в единственном числе (3 словоформы из 4 встретившихся в данной форме): *рабо́тайа*, *зна́йа*, *жыв'о́*. Во всех остальных случаях употреблялись литературные варианты.

По данным рассматриваемых информантов, фонема /e/ в окончании форм 3-го лица единственного числа представлена аллофонами [a] и [e] для обоих спряжений, когда ударение было на основе. Аллофон [a] представлен 22 примерами, такими как *вън'ивáйа* (АВВ1933), *знáйа* (ИВЕ1949), *кóрм'а* (ЕНМ1930), *рѣзбавл'áйа* (ЗИИ1932). Аллофон [e] — 6 примерами: *б'ёр'е* (ЕНМ1930), *р'ѣже* (АВВ1933), *сóхн'е* (ЗИИ1932).

Фонема /e/ для этих же категорий представлена аллофоном [e] в ударных окончаниях. Аллофон репрезентируют 12 словоформ, например, *гн'иé* (ЕНМ1930), *жывѣ* (ЗИИ1932), *пр'истаé* (АВВ1933). Неожиданным был аллофон [o], он встретился один раз: *жыв'ó* (ИВЕ1949). В работе [Дьяченко и др. 2018] такой вариант зафиксирован не был, так что говорить о регулярности данного аллофона нельзя. В остальных случаях ситуация, описанная в статье, подтверждается на рассматриваемом материале.

У информантов, которые не были упомянуты ранее, в речи не зафиксированы диалектные варианты, либо это были единичные случаи, которые объяснялись рядом причин. У некоторых информантов был достаточно быстрый темп речи, в результате чего редуцировались формы, иногда к глаголу присоединялась следующая словоформа, при этом окончание утрачивалось. Такие формы не вошли в выборку и, соответственно, не учитывались в подсчетах далее.

Подробная таблица с распределением словоформ по всем информантам представлена в Таблице 11.

На основе полученного распределения можно предположить, что окончания множественного числа в 3-м лице быстрее вытесняются литературными вариантами. Из четырех информантов, у которых наблюдались диалектные варианты окончаний, у двоих (ЗИИ1932 и ИВЕ1949) в целом глагольные формы вне зависимости от спряжения и типа ударения (на основе или на окончании) во множественном числе употреблялись только с литературными вариантами окончаний. У ЕНМ1930 преобладают диалектные варианты и у форм в единственном числе, и у форм во множественном, однако в единственном числе у глаголов II спряжения с ударением на окончании, а также во множественном числе встречаются литературные варианты окончаний в формах глаголов I (с ударением на основе) и II (с ударением на окончании) спряжений. У ЗИИ1932 и ИВЕ1949 сохранились варианты без конечного *-т* в форме единственного числа в основном для глаголов I спряжения, у ЗИИ1932 сохранилась только одна форма глагола II спряжения: *хóд'а*. Таким образом, этапы вытеснения диалектных форм литературными, основываясь на данных четырех информантов, можно представить следующим образом:

окончания в форме множественного числа (-Vт') вне зависимости от спряжения → *окончания глаголов II спряжения в форме единственного числа (-V или -Vт')* → *окончания глаголов I спряжения (-Vт)*.

Чем левее располагается вариант окончания, тем быстрее он вытесняется литературным *-т*.

Таблица 11

**Количественное распределение диалектных
и литературных вариантов окончаний в речи информантов**

	Ударение на основе								Ударение на окончании							
	I спряжение				II спряжение				I спряжение				II спряжение			
	ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.		ед. ч.		мн. ч.	
	\bar{V}	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}'$	$\bar{V} \bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}'$	\bar{V}	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}'$	$\bar{V} \bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}$	$\bar{V}\bar{T}'$
ЕНМ1930	13	0	3	11	6	0	0	14	9	0	0	11	5	2	1	1
ЗИИ1932	2	12	14	0	1	13	28	0	1	7	6	0	0	4	2	0
АВВ1933	6	0	0	11	3	0	0	5	2	0	0	5	2	0	0	3
ИВЕ1949	2	0	4	0	0	2	3	0	1	0	0	0	0	4	0	0
ВАВ1949	0	3	6	0	0	1	6	0	0	3	6	0	0	2	0	0
ТАИ1955	0	5	2	0	0	3	3	0	0	2	0	0	0	0	1	0
ТВЕ1955	0	12	12	0	0	0	6	0	0	2	6	0	0	1	3	0
ВИИ1956	0	7	0	0	0	4	1	0	0	3	0	0	0	0	1	0
НАЕ1958	0	7	4	0	0	8	9	0	0	7	4	0	0	4	2	0
ОНВ1972	0	16	35	0	0	6	9	0	0	5	6	0	0	8	1	0
САФ1973	0	16	7	0	0	9	0	0	0	5	2	0	0	0	3	0
СВИ1980	0	7	3	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	1	0
ИСИ2010	0	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
РЕ_19XX	0	2	1	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0

Зависимость от социолингвистических факторов

(1) Возраст информантов

В Таблице 11 указано количество диалектных и литературных вариантов окончаний в речи информантов. Для того чтобы установить наличие или отсутствие зависимости между употреблением диалектных вариантов окончаний и возрастом информантов, преимущественно был использован критерий χ^2 , для некоторых таблиц использовался критерий Фишера, когда минимальное ожидаемое значение было меньше 5. Таблица 11 разделена на восемь таблиц сопряженности, данные по информантам объединены в две группы: 1) до 1950 года рождения и 2) после 1950 года. В каждой таблице рассматривалась определенная грамматическая категория (в данном случае — число) для каждого спряжения: I спряжение и единственное число (Таблицы 12 и 13), II спряжение и единственное число (Таблицы 14 и 15), I спряжение и множественное число (Таблицы 16 и 17), II спряжение

и множественное число (Таблицы 18 и 19). Для использования критерия были составлены таблицы с ожидаемыми значениями (значениями, которые были бы получены при справедливости нулевой гипотезы). Все таблицы имели размер 2×2 , поэтому для всех таблиц число степеней свободы было равно 1. Для распределений форм в единственном числе глаголов I спряжения выдвинута нулевая гипотеза (H_0): возраст не влияет на употребление диалектных вариантов окончаний (без конечного *-m*).

Таблица 12

Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний у глаголов I спряжения с ударением на основе в форме единственного числа

Информант	I спряжение, ударение на основе		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	23	15	38
после 1950 г. р.	0	70	70
Всего	23	85	108

Для данной таблицы значение $\chi^2 = 53.833$, что сильно превышает критическое значение (6.6). Если бы возраст не влиял на употребление форм без конечного согласного *-m*, то шанс получить именно такое количество словоформ диалектного варианта был бы меньше 1 %.

Таблица 13

Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний у глаголов I спряжения с ударением на окончании в форме единственного числа

Информант	I спряжение, ударение на окончании		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	13	10	23
после 1950 г. р.	0	26	26
Всего	13	36	49

В результате получено значение критерия $\chi^2 = 20.002$, что является статистически значимым, в связи с этим нулевая гипотеза не подтверждается полученным распределением.

Для распределений глаголов II спряжения в форме единственного числа выдвигается аналогичная нулевая гипотеза: возраст не влияет на употребление диалектных вариантов окончаний (в данном случае *-m* или *-m'*).

Таблица 14

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов II спряжения с ударением на основе
в форме единственного числа**

Информант	II спряжение, ударение на основе		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	10	16	26
после 1950 г. р.	0	30	30
Всего	10	46	56

В Таблицах 14 и 15 в колонке с диалектными вариантами учитывалось количество словоформ без конечного *-m* и с конечным мягким вариантом *-m'*. Для распределений в этих таблицах использовался критерий Фишера, так как минимальное ожидаемое значение меньше 5. Для распределения, представленного в Таблице 14, значение критерия равно 0.00015, что является значимым при $p\text{-value} < 0.01$.

Таблица 15

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов II спряжения с ударением на окончании
в форме единственного числа**

Информант	II спряжение, ударение на окончании		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	7	12	19
после 1950 г. р.	0	14	14
Всего	7	26	33

В данной таблице под диалектными вариантами также подразумевается объединение двух вариантов: отсутствие конечного *-m* и вариант с конечным *-m'*. Значение критерия Фишера составляет 0.01260, что значимо при $p\text{-value} < 0.05$.

Для форм множественного числа выдвигается нулевая гипотеза: возраст не влияет на употребление диалектных вариантов окончаний (*-m'*).

Таблица 16

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов I спряжения с ударением на основе
в форме множественного числа**

Информант	I спряжение, ударение на основе		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	22	27	49
после 1950 г. р.	0	65	65
Всего	22	92	114

Для распределения в Таблице 16 критерий $\chi^2 = 36.162$, что является статистически значимым.

Таблица 17

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов I спряжения с ударением на окончании
в форме множественного числа**

Информант	I спряжение, ударение на окончании		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	16	12	28
после 1950 г. р.	0	18	18
Всего	16	30	46

В данном случае критерий $\chi^2 = 15.771$, что также является статистически значимым.

Таблица 18

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов II спряжения с ударением на основе
в форме множественного числа**

Информант	II спряжение, ударение на основе		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	19	37	56
после 1950 г. р.	0	28	28
Всего	19	65	84

Значение критерия χ^2 для Таблицы 18 составляет 12.227, в связи с этим нулевая гипотеза также отвергается.

Таблица 19

**Количественное распределение словоформ по вариантам окончаний
у глаголов II спряжения с ударением на окончании
в форме множественного числа**

Информант	II спряжение, ударение на окончании		Всего
	единственное число		
	диалектный вариант	литературный вариант	
до 1950 г. р.	4	3	7
после 1950 г. р.	0	12	12
Всего	4	15	19

Так как минимальное ожидаемое значение для Таблицы 19 меньше 5, применялся критерий Фишера. Значение критерия равно 0.00903, что является значимым при $p\text{-value} < 0.01$.

Стоит отметить, что полученные результаты в случаях, где применялся критерий χ^2 , сильно превышали критическое значение, поэтому гипотеза H_0 отвергалась даже с учетом поправки Йетса. Поправка Йетса использовалась для Таблиц 12, 13, 16, 17 и 18, так как минимальные ожидаемые значения для данных таблиц были меньше 10.

В результате проведенных подсчетов было установлено, что для каждой таблицы критерии имели статистически значимые значения, что говорит о необходимости отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии связи для каждого из рассмотренных случаев. На основании этого делается вывод: зависимость между возрастом информанта и употреблением диалектных форм существует.

(2) Уровень образования

Устойчивость диалектных вариантов наблюдается у двух информантов: ЕНМ1930 и АВВ1933. Большая часть произнесенных ими словоформ имела диалектные окончания как в единственном, так и во множественном числе. Зависимость от возраста была рассмотрена ранее; исходя из полученных данных, значимость возраста не может быть опровергнута, однако некоторые из информантов до 1950 года рождения употребляют литературные варианты гораздо чаще других. В данном случае необходимо учитывать также уровень образования: самый низкий фиксируется именно у двух информантов, в речи которых преобладают диалектные окончания (так, у ЕНМ1930 только 3 класса образования, у АВВ1930 — 1). Информанты, у которых диалектные окончания наблюдались реже, имели уровень образования немного выше (например, у ЗИИ1932 6 классов образования).

(3) Род занятий информантов и место проживания

Стоит отметить, что 4 из рассматриваемых 14 информантов трудились в колхозе. Один из них, ТВЕ1955, работала бригадиром, однако в её речи не встретилось окончаний, свойственных рассматриваемому говору. Важным является факт, что данный информант родился после 1950 г., что, скорее всего, повлияло на отсутствие диалектных вариантов. ЗИИ1932, ЕНМ1930, АВВ1933 работали в поле, ухаживали за домашним скотом.

Еще одним социолингвистическим фактором, влияющим на сохранение в речи диалектных вариантов, является место проживания информанта. Ожидается, что у тех, кто не проживал в городах, диалектные варианты более устойчивы. ЗИИ1932 родилась и проживает в д. Кадниково, ЕНМ1930 и АВВ1933 жили в деревнях, которые находятся недалеко друг от друга, ИВЕ1949 родился и проживает в д. Пуршево. Единственный информант до 1950 года рождения, у которого не были обнаружены в речи диалектные окончания, — ВАВ1949. Сведений об уровне образования зафиксировано не было, однако это может быть объяснено именно тем, что данный информант проживал в Санкт-Петербурге, поэтому в речи употребляются только литературные варианты.

Заключение

В статье была рассмотрена вариативность окончаний глаголов в форме настоящего времени в 3-м лице в говорах вокруг города Опочки. Несмотря на то, что существует множество систем глагольных окончаний 3-го лица в славянских языках, система данного говора имела собственный путь развития. Основываясь на рассматриваемом материале, можно описать данную систему так, как представлено в Таблице 20. Картина ДАРЯ [II: карты 80, 81] совпадает с полученными результатами.

Таблица 20

**Возможные реализации окончаний глаголов 3-го лица
в единственном и множественном числе**

Ударение на основе				Ударение на окончании			
I спряжение		II спряжение		I спряжение		II спряжение	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
- V -V _T	- V _T ' -V _T	- V -V _T ' -V _T	- V _T ' -V _T	- V -V _T	- V _T ' -V _T	- V -V _T ' -V _T	- V _T ' -V _T

Стоит обратить внимание, что эта система наиболее близка к системе современного белорусского языка, что также согласуется с картой Основного массива белорусских говоров [Сачанка, Мічневіч 1994: 55]. На карте отмечены границы белорусских говоров, определенные различными исследователями в своих работах. На картах Е. Ф. Карского [1904: 24], Мос-

ковской диалектологической комиссии [Дурново и др. 1915] граница проходит в непосредственной близости к Опочке.

В настоящей работе представлено количественное распределение диалектных и литературных вариантов окончаний глагольных форм. В речи некоторых информантов наблюдалось преобладание диалектных вариантов над литературными, большинство информантов употребляли только литературное окончание *-т* для всех словоформ 3-го лица. Коротко рассматривалось влияние смены регистра на выбор информантов варианта окончания, однако выдвинутая гипотеза не была подтверждена на материале корпуса. Отдельной важной частью стало распределение глагольных форм по конечному гласному, в случаях, где отсутствовал конечный *-т*. Такое распределение рассматривалось для других информантов в статье [Дьяченко и др. 2018], поэтому было необходимо проверить описание на материале корпусных данных, использовавшихся в рамках настоящей статьи.

В ходе исследования проанализирован процесс утраты диалектных вариантов окончаний на материале четырех информантов, у которых была обнаружена вариативность. Для более дробной иерархии необходим больший объем данных, так как у двух из информантов (ЕНМ1930 и АВВ1933) диалектные варианты окончаний всё ещё доминируют вне зависимости от спряжения глагола, типа ударения и числа. Результаты могут быть представлены в виде иерархии от более быстро исчезающих из говора (они заменяются литературными вариантами) к более устойчивым:

окончания в форме множественного числа (-Vт') вне зависимости от спряжения → окончания глаголов II спряжения в форме единственного числа (-V или -Vт') → окончания глаголов I спряжения (-V).

При рассмотрении социолингвистических факторов была доказана зависимость употребления диалектных вариантов от возраста. Также была установлена корреляция между употреблением окончаний, свойственных данному говору, и уровнем образования. У информантов с низким уровнем образования (до 3-го класса) наиболее часто в речи встречались диалектные окончания. Связь также наблюдается между родом занятий и местом проживания. Таким образом, информанты, которые чаще употребляли глагольные формы без конечного *-т* в единственном числе или *-т'* во множественном числе, родились до 1950 г., имели низкий уровень образования, работали раньше в колхозе и не проживали за пределами рассматриваемых в статье деревень. Рожденные после 1950 г. не употребляют диалектные окончания, что говорит об утрате говором данной черты.

Источники и словари

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II: Морфология / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1989.

Ронько и др. 2019 — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охапкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова. Корпус опочецких говоров 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/opochka>.

Литература

Бирилло и др. 2005 — Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич, Н. В. Рогова. Белорусский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 548-595.

Вайерманн и др. 2002 — Р. Вайерманн, Я.-П. Лохер, Н. Морозова, О. Ровнова, М. Родунер, Т. Привитэлли, В. Чекмонас. Диалектологическая экспедиция по изучению старообрядческих говоров Псковщины // Slavistica Vilnensis. Вильнюс, 2002. №51(2). С. 206–209.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Дуличенко 2005а — А. Д. Дуличенко. Кашубский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 383–404.

Дуличенко 2005б — А. Д. Дуличенко. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 198–234.

Дурново и др. 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Дьяченко и др. 2018 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Малышева, Р. В. Ронько, А. В. Тер-Аванесова. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 257–312.

Ермакова, Недолужко 2005 — М. И. Ермакова, А. Н. Недолужко. Серболужицкий язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 309–347.

Жовтобрюх, Молдован 2005 — М. А. Жовтобрюх, А. М. Молдован. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 513–548.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Захарова, Орлова 2004 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Карский 1904 — Е. Ф. Карский. Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Вильна, 1904.

Кречмер, Невекловский 2005 — А. Г. Кречмер, Г. Невекловский. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 139-198.

Лопатин, Улуханов 2005 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Русский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 656.

Маслов 1981 — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Ронько 2020 — Р. В. Р о н ь к о. Материалы экспедиции 2019 г. в Опочечский район Псковской области: Тексты с комментарием // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 234–258.

Сачанка, Мічневіч 1994 — Б. І. С а ч а н к а, А. Я. М і ч н е в і ч (ред.). Беларуская мова: энцыклапедыя. Мн.: БелЭн, 1994.

Скорвид 2005 — С. С. С к о р в и д. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 234-274.

Смирнов 2005 — Л. Н. С м и р н о в. Словацкий язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 274-309.

Супрун 2005 — А. Е. С у п р у н. Полабский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 404-418.

Тихомирова 2005 — Т. С. Т и х о м и р о в а. Польский язык // Языки мира. Славянские языки / А. М. Молдован и др. (ред.). М.: Academia, 2005. С. 347-383.

Усикова 2003 — Р. П. У с и к о в а. Грамматика македонского литературного языка. М: Муравей, 2003.

Хабургаев 1974 — Г. А. Х а б у р г а е в. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974.

Чекмонас 2002 — В. Н. Ч е к м о н а с. О формах типа *гуляле, пошлѣ* ‘(мы, они) гуляли, пошли’ и под. в псковских говорах под Опочкой // Slavistica Vilnensis. 2002. №51(2). С. 13–37.

Daniel et al. 2019 — M. Daniel, R. Von Waldenfels, A. Ter-Avanesova, P. Kazakova, I. Schurov, E. Gerasimenko, D. Ignatenko, E. Makhlina, M. Tsfasman, S. Verhees, A. Vinyar, V. Zhigulaskaja, M. Ovsjannikova, S. Say, N. Dobrushina. Dialect loss in the Russian North: Modeling change across variables // Language Variation and Change. 2019. 31 (3). P. 353–376.

Labov 1963 — W. L a b o v. The Social Motivation of a Sound Change // WORD. 1963. №19(3). P. 273–309.

Labov 1968 — W. L a b o v. The reflection of social processes in linguistic structures // Readings in the Sociology of Language / J. A. Fishman (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1968. P. 240-251.

Labov 1971 — W. L a b o v. The Social Stratification of (r) in New York City Department Stores // Sociolinguistics. Modern Linguistics Series / N. Coupland, A. Jaworski (eds.). London: Palgrave, 1971. P. 168–178.

Статья получена 22.09.2021

Ekaterina A. Zalivina

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
zalivina01@mail.ru

THIRD PERSON VERBAL AFFIXES IN OPOCHKA DIALECTS

The article is devoted to the variability of third person verbal affixes in the present tense in the dialect around Opochka. This work considers spoken texts of speakers whose speech includes verb forms with dialectal affixes. For each informant the quantitative

distribution of word forms based on the conjugation, number, and stress is provided. Attention was also paid to how various sociolinguistic factors affect the use of dialectal affixes. These factors include the speakers' age, level of education, occupation, and place of living. In order to determine how the use of dialect forms of the verb depends on these sociolinguistic factors, the article employs the chi-squared test. Additionally, the process of the loss of dialect variants of affixes was analyzed based on the material of four speakers in whose speech variability was observed. The paper explores the implications of the results obtained from this analysis, which suggest that certain dialect affixes may be more stable than others.

Keywords: dialects of the Russian language, Pskov dialects, Opočka dialects, third person verb forms in the present tense

References

- Avanesov, R. I., & Bromlei, S. V. (Eds.). (1989). *Dialektologicheskii atlas russkogo iazyka. Tsentral'noi Evropeiskoi chasti SSSR. Vyp. 2: Morfoloĭiia*. Moscow: Nauka.
- Birillo, N. V., Matskevich, Yu. F., Mikhnevich, A. E., & Rogova, N. V. (2005). Belorusskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 548–595.
- Chekmonas, V. N. (2002). O formakh tipa *guliále, pashlé* '(my, oni) guliali, poshli' i pod. v pskovskikh govorakh pod Opochkoi. *Slavistica Vilnensis*, 51(2), 13–37.
- Daniel, M., Von Waldenfels, R., Ter-Avanesova, A., Kazakova, P., Schurov, I., Gerasimenko, E., Ignatenko, D., Makhlina, E., Tsfasman, M., Verhees, S., Vinyar, A., Zhigul'skaja, V., Ovsjannikova, M., Say, S., & Dobrushina, N. (2019). Dialect loss in the Russian North: Modeling change across variables. *Language Variation and Change*, 31(3), 353–376.
- D'iachenko, S. V., Zhidkova, E. G., Malysheva, A. V., Ron'ko, R. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Ekspeditsiia v Opochetskii raion Pskovskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(36), 257–312.
- Dulichenko, A. D. (2005a). Kashubskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 383–404.
- Dulichenko, A. D. (2005b). Slovenskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 198–234.
- Ermakova, M. I., & Nedoluzhko, A. N. (2005). Serboluzhitskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 309–347.
- Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: Vysshiaia shkola.
- Khaburgaev, G. A. (1974). *Staroslavianskii iazyk*. Moscow: Prosveshchenie.
- Krechmer, A. G., & Neveklovskii, G. (2005). Serbohorvatskii iazyk (serbskii, horvatskii, bosniiskii iazyki). In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 139–198.
- Labov, W. (1963). The Social Motivation of a Sound Change. *WORD*, 19(3), 273–309.
- Labov, W. (1968). The reflection of social processes in linguistic structures. In J. A. Fishman (Ed.), *Readings in the Sociology of Language* (pp. 240–251). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Labov, W. (1971). The Social Stratification of (r) in New York City Department Stores. In N. Coupland, & A. Jaworski (Eds.), *Sociolinguistics. Modern Linguistics Series* (pp. 168–178). London: Palgrave.

- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (2005). Russkii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 444-513.
- Maslov, Yu. S. (1981). *Grammatika bolgarskogo iazyka*. Moscow: Vysshaia shkola.
- Ron'ko, R. V. (2020). Materialy ekspeditsii 2019 g. v Opochetskii raion Pskovskoi oblasti: Teksty s kommentariem. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(39), 234–258.
- Ron'ko, R. V., Volf, E. A., Grebenkina, M. Yu., Ershova, M. Yu., Okhapkina, A. V., Khadasevich, A. S., & Morozova, V. A. (2019). *Korpus opochetskikh govorov 2019*. Moscow: Mezhdunarodnaia laboratoriiia iazykovo konvergentsii, NIU VShE; Institut ruskogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Retrieved from <https://lingconlab.ru/opochka>
- Sachanka, B. I., & Michnevich, A. Ya. (Eds.). (1994). *Belaruskaja mova: entsyklopedyia*. Minsk: BelEn.
- Skorvid, S. S. (2005). Cheshskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 234-274.
- Smirnov, L. N. (2005). Slovatskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 274-309.
- Suprun, A. E. (2005). Polabskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 404-418.
- Tikhomirova, T. S. (2005). Pol'skii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 347-383.
- Usikova, R. P. (2003). *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*. Moscow: Muravei.
- Vaiermann, R., Lokher, Ya.-P., Morozova, N., Rovnova, O., Roduner, M., Privitelli, T., & Chekmonas, V. (2002). Dialektologicheskaja ekspeditsiia po izucheniiu staroobriadcheskikh govorov Pskovshchiny. *Slavistica Vilnensis*, 51(2), 206–209.
- Zakharova, K. F., & Orlova, V. G. (2004). *Dialektnoe chlenenie ruskogo iazyka*. Moscow: Editorial URSS.
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* (2nd ed.). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Zhovtobriukh, M. A., & Moldovan, A. M. (2005). Ukrainskii iazyk. In A. M. Moldovan et al. (Eds.), *Iazyki mira. Slavianskie iazyki*. Moscow: Academia, 513-548.

Received on September 22, 2021

ПОЛЕМИКА

doi.org/10.31912/rjano-2023.1.9

Н. Б. ПИМЕНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
n_pimenova@yahoo.com

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Дискуссия о принципах построения «Словаря словообразовательных аффиксов русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова привлекла всеобщее внимание к критическим и нерешенным проблемам русской лексикографии. Однако, как представляется, наряду с обсуждением и критикой частных решений, важно ясное понимание того, на каких теоретических принципах основываются резко противоположные и противоречивые интерпретации мотивированности, словообразовательных единиц и их семантики. В статье вскрывается, как дискуссионные непоследовательности и слабые стороны лексикографического представления непосредственно связаны с базовой концепцией (следование «принципу множеств» либо «принципу парности») и с предпочтением тех или иных критериев. При этом многие сложные переходные случаи (двойная мотивация, перенос морфемных границ) не могут быть в достаточной мере учтены при любом применяемом в настоящее время подходе. При несовместимости подходов снятие строгих дихотомий и необходимая транспарентность, по-видимому, могут быть обеспечены в перспективе только с помощью компьютерной лексикографии.

Ключевые слова: словообразование, лексикография, мотивированность, членимость.

Введение

Фундаментальный труд выдающихся российских исследователей-дери-ватологов «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова [Лопатин, Улуханов 2016] относительно недавно снова вызвал интереснейшую дискуссию, касающуюся среди прочего основополагающих принципов морфемного членения, мотивированности и объединения в словообразовательные типы производных слов.

Журнал «Русский язык в научном освещении» во втором номере за 2019 г. опубликовал критическую рецензию И. Б. Иткина [2019]. В своей рецензии И. Б. Иткин подверг острой критике принципы составления «Словаря» и обращения с материалом русского языка, в частности упрек-

нуж авторов в непрозрачности и алогичности объединения в морфемы и, соответственно, в словарные статьи различных формантов.

В настоящей статье мы попытаемся более детально проанализировать, какие глубинные теоретические проблемы скрываются за некоторыми частными противоречиями, отмеченными критиками словаря. Как можно обнаружить, ключевые моменты этой критики затрагивают основные положения теории словообразования, а также и спорные аспекты, а порой и неустранимые лексикографические трудности, связанные с особенностями словообразования русского языка. Решение многих трудностей, как представляется, лежит в плоскости компьютерной лексикографии, которая при ее дальнейшем развитии могла бы снять некоторые жесткие дихотомии и предложить пользователю «сквозные» срезы материала.

Критерии выделения морфем: функциональный, формальный и семантический

В центре возникшей дискуссии вокруг «Словаря», кроме фоморфологических вопросов, которых мы касаться не будем, оказались следующие критичные проблемы:

- а) проблема главных единиц словаря, трактовка семантического принципа объединения морфов в морфему, баланс семантического и формального принципа;
- б) разделение основных и сопутствующих значений морфем и словообразовательных типов;
- в) интерпретация переразложения словоформ и формантов.

Базовая проблема — объединение морфов в морфемы. Словарные статьи «Словаря» нередко объединяют «под одной крышей», т. е. под одной морфемой, цепочки морфов, сильно отличающихся друг от друга в фонетическом отношении, ср., например, *-ок/-ёк*; *-ик-*; *-к-*; *-овк(а)*; *-ышк-* ('предмет, сходный с другим предметом'). Так как многие из объединяемых морфов не являются алломорфами друг друга, т. е. чередуются не в зависимости от строгих позиций, возникает вопрос, почему одни морфы с одной и той же функцией объединяются, а другие, как, например, *-щик* и *-льщик*, — нет. Вопреки критике И. Б. Иткина [2019: 200], такое объединение небезосновательно, оно строится на определенных, хотя не всегда эксплицитных, и иногда сложных критериях.

В соответствии с разъясненными авторами в «Предисловии» принципами организации «Словаря» [Лопатин, Улукханов 2016: 5–43] в морфемы объединяются морфы, если «они имеют одно и то же значение и обладают формальной близостью» [Там же: 15]. При этом «формальная (фонетическая. — Н. П.) близость» морфов оказывается далеко не очевидной субстанцией. В морфемы и, соответственно, в общие словарные статьи авто-

рами объединяются не только морфы, чередующиеся как алломорфы, т. е. в зависимости от морфонологических позиций [Там же: 10], но также и морфы, выступающие с идентичным значением в иных условиях.

В соответствии со вторым критерием к одной морфеме относятся, например, суффиксы прилагательных *-н-* и *-ичн-*, так как только *ичн-* может присоединяться к суффиксу *-ист-* со значением лица, ср., например, *оптимист — оптимистичный*¹. При этом необходимым условием принадлежности морфов к одной морфеме является принцип «частичной тождественности состава фонем и их порядка» [Там же: 15]. Соответственно, морфы прилагательных *-н-* и *-ичн-* объединяются в морфему потому, что а) они имеют одно значение, б) морф *-ичн-* включает в себя морф *-н-*, в) морф *-ичн-* заменяет *-н-* в особых морфонологических позициях (этот принцип снимает упрек в формальной нелогичности объединения морфов, см. [Иткин 2019: 199–200]). Отметим также, что для русских суффиксов весьма существенным является линейный принцип «левого расширения» суффиксального морфа, т. е. наращение кластеров, находящихся слева от основного морфа.

Благодаря такому «позиционно-семантическому» решению в единую морфему интегрируются не только ее морфонологические варианты, но и распространенные в русском языке присуффиксальные интерфиксы, как, например, *-й-* морфа *-ейн-* в *кофейный* (заметим, что как особый вид формантов авторами рассматриваются только «соединительные» интерфиксы сложных слов, которые выделены в особый раздел «Словаря»). Кроме того, к морфам причисляются суффиксы вместе с редкими индивидуальными наращениями, ср. *-л-* в *Веста — вест-алк-а* («жрица богини Весты»).

Таким образом, формальный и семантический критерии по существу оказываются подчиненными критерию *функциональному*: читатель словаря получает возможность увидеть в словарной статье весь набор морфов, интегрировавших исходный формант и образующих слова с одним и тем же значением. Для русского языка с обилием суффиксальных «наращений» этот лексикографический подход имеет несомненные прагматические преимущества.

Вместе с тем функциональный принцип ведет и к некоторым неизбежным потерям. В частности, очевидно, что, например, трактовка упомянутых *-н-* и *ичн-* как морфов одной морфемы сильно затушевывает проблему линейной комбинаторики морфем и эффектов блокирования. Читатель «Словаря» не может вычленив в форманте *-ичн-* элемент *-ик-*, выступающий не только в роли прокладки между несочетаемыми морфемами, но и в роли самостоятельного суффикса. Пользователь «Словаря» не может и

¹ Объединение блока линейно связанных морфем в одну морфему, если в акте словообразования какого-либо слова участвует весь блок целиком (как в случае *оптимист — оптимист-ичн-ый*), — подход, разработанный еще М. В. Пановым [1999: 108–110].

проследить появление *-ик-* в составе других «комбинированных» морфем, ср., например, с морфемой *-истика*: *шагать* — *шаг-истика* (неодобрит.) ‘о военном обучении, где основное внимание уделяется маршировке’.

Каким может быть лексикографическое решение этой проблемы и может ли оно быть найдено, пока представляется не совсем ясным.

Другие трудные лексикографические моменты организации материала русского языка связаны со взаимодействием формального и семантического принципов объединения морфем. Дело в том, что совмещение формального и семантического принципов объединения морфем в морфему при анализе русского языка порождает немало парадоксов.

Так, хотя «различие согласных фонем, соотносительных по твердости — мягкости, не учитывается при определении формальной близости морфем» [Лопатин, Улукханов 2016: 15], в разные морфемы попадают *-АР* и *-АРЬ*, дающие синонимичные по словообразовательному значению пары вроде *овчар* — *свинарь* (‘лицо, характеризующееся отношением к предмету (объекту) действия’, по лексическому значению — ‘работник, ухаживающий за овцами/свиньями’). (Ср. критику И. Б. Иткиным видимой парадоксальности этого решения [Иткин 2019: 200–201].)

Однако можно отметить, что именно строгое применение семантического критерия разделяет морфемы *-АР* и *-АРЬ*, поскольку эти морфемы обладают разным словообразовательным потенциалом. Здесь важно, во-первых, то, что *-АР* непродуктивно при производстве имен деятеля от глаголов (слово *дояр* остается исключением), но также и то, что этот формант не используется для словообразования от прилагательных. Для *-АРЬ*, напротив, оба варианта словопроизводства исключительно продуктивны (ср. от прилагательных *дикарь*, *сухарь* и др.), т. е. суффикс образует имена не только со значением ‘лицо — производитель действия’, но и со значением ‘предмет (лицо) — носитель признака’.

Отметим также тесную системную связь отадъективных слов со значением ‘предмет (лицо) — носитель признака’ на *-АРЬ* типа *дикарь* с образованиями от существительных вроде *носарь* (от *нос*) ‘рыба с удлиненной головой’ (у В. В. Лопатина, И. С. Улукханова они отнесены к отдельному подтипу ‘животное, характеризующееся отношением к предмету, названному мотивирующим существительным’) или *очкарь* ‘человек, носящий очки’.

Производитель действия и *носитель признака* — это и есть значения словообразовательных типов, поскольку по классическому определению, принятому в русской теории словообразования, частеречная принадлежность баз включается в конституирующие признаки типа, наряду с формантом и общим словообразовательным значением [Земская 2016: 190]. Таким образом, очевидно, что при применении семантического критерия выделения морфем «Словарь» в основе ориентирован именно на классические «словообразовательные типы».

Принцип парности и принцип множества

Этот аспект подводит нас к интересному теоретическому вопросу о том, какими способами может быть описана словообразовательная система языка. Здесь допустимо выделить два принципа: условно говоря, *принцип парности* и *принцип множеств*. В соответствии с принципом парности весь лексикон языка может быть поделен на пары *производящее* — *производное*. При этом доступными для непосредственного наблюдения окажутся пары с одним и тем же формантом и однотипным значением.

В соответствии с принципом множеств пары *производящее* — *производное* должны быть объединены в иерархически устроенные множества. Множества организуются вокруг одного форманта (или его инварианта) и общего (или инвариантного) значения, которое абстрагирует частные словообразовательные значения.

Не вдаваясь в рассуждения о том, как строятся научные парадигмы при каждом подходе, отметим, что восточноевропейская и российская исследовательская традиция со времен М. Докулила [Dokulil 1962] в основном следовала в теории принципу множеств (изучение словообразовательных типов), в то время как традиция, которую можно условно назвать западноевропейской, больше тяготела к принципу парности.

При следовании принципу парности существование регулярных пар *овца* — *овчар*, *свинья* — *свинарь* дает достаточно аргументов в пользу объединения -АР и -АРЬ в один формант со значением 'лицо, характеризующееся отношением к предмету или явлению'².

Принцип объединения производных в множества, напротив, предполагает размышления о том, какие иные пары с -АР и -АРЬ существуют в языке рядом с *овца* — *овчар*, *свинья* — *свинарь*, на каких основаниях все пары должны быть объединены одним значением или, наоборот, разделены и, наконец, насколько похожими друг на друга окажутся множества пар с -АР и -АРЬ. Те, кто знаком с теорией и практикой описания словообразования, представляют себе, какие сложные и порой казуистические решения (см. далее) приходится при этом принимать.

Надо сказать, что при организации «Словаря» используется не только понятие «значение типа», но и понятие «значение морфемы». Значение морфемы (ЗМ) дается в начале каждой словарной статьи. Если морфема используется только одним типом, то ее значение совпадает со значением типа (ЗТ), которое иерархически следует в словарной статье за «значением морфемы». Если же морфема является формантом нескольких типов, тесно семантически связанных, то ее «значение» представляет собой абстракцию, выведенную из значения типов.

² Как можно заключить из протеста И. Б. Иткина против разделения столь сходных формантов как -ЛЬЩИК/-ЩИК (см. далее) и др., регулярно выступающих в производных с одинаковым словообразовательным значением, он является вольным или невольным сторонником принципа парности.

Нетрудно понять, что при таком подходе приходится выводить абстрактный «общий знаменатель» из значения разных типов, находя общее в том числе между отглагольными, отсубстантивными и отадективными типами; в итоговом определении нередко остается только самое общее категориальное значение. Так, для -АР и -АРЬ значением морфемы является ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’ (‘предмет’ — категориальное значение существительного как части речи). Можно иронизировать по поводу малосодержательности подобных определений [Иткин 2019: 200], но именно таковы последствия строгого следования принципу множества и выбора словообразовательного типа как основной единицы описания системы.

Семантический критерий в интерпретации вариантных и омонимичных морфем

Остановимся на других аспектах семантического критерия объединения морфем.

Семантический принцип в ряде случаев разделяет близкие по значению «л-овые» и «без-л-овые» отглагольные суффиксы (-*льщик* — *-щик*, *-льник* — *-ник* и др.), которые с чисто формальной стороны могут находиться в дополнительном распределении (как алломорфы): «л-овые» после основ на гласный, «без-л-овые» — после основ на согласный; ср. *носить* — *носильщик*, *бунтовать* — *бунтовщик*. В реальности дистрибуция по исходу основы определяет лишь преобладающую тенденцию, в то время как множество частных примеров демонстрирует усечение основ, т. е. усечение как раз того финального гласного, который должен диктовать выбор «л-ового» суффикса. Это не может не отражаться в строении любого словаря; в рассматриваемом «Словаре» в примечаниях к статьям приводится, как правило, для «л-овых» суффиксов указание на отступления от него: «при отсутствии усечения инфинитивных основ» (см., например, [Лопатин, Улуханов 2016: 498] для *-льщик*).

Итак, если исход основы не позволяет непротиворечиво объединить «л-овые» и «без-л-овые» варианты в один суффикс, то лексикограф, в сущности, стоит перед выбором: либо объединять эти варианты вместе, если они сходны по основному словообразовательному значению, либо разносить по разным статьям, отслеживая дифференциации в значениях отдельных подтипов. Второй принцип — принцип дифференциации, принятый В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым, — дает неочевидные для пользователя решения.

Так, только в результате внимательного анализа словарных статей можно «вычитать», почему -Н(Я), -ЛН(Я) представляют один суффикс, а -ЛЕЦ, -ЕЦ — разные. -ЛЕЦ дает лишь семантику производителя действия или субъекта состояния, ср. *кормилец*, *владелец* [Там же: 482], а -ЕЦ при образовании от глаголов может обозначать еще и объект действия, как

одушевленный, так и неодушевленный, ср. *рубец* ‘след от удара чем-л. рубящим, режущим’ от *рубить*, *говец* от *гнать* [Там же: 321]³. В то же время -ЛБН(Я) стабильно отмечается в тех же значениях отдельных подтипов, которые характерны для -Н(Я): *говорильня* ‘пустые, бессмысленные разговоры, болтовня вместо дела’ (действие), *спальня* (помещение), *светильня* ‘светильник’ (орудие), — и поэтому составляет с -Н(Я) единую морфему и словарную статью.

Критика таких, на первый взгляд, «немотивированных» разделений морфем имеет долгую историю (ср. в отношении словообразовательных разделов академической Грамматики-70 [Земская 1975: 80]), она была вновь оживлена в упомянутой свежей дискуссии вокруг «Словаря» [Иткин 2019: 200, 209]. Между тем можно утверждать, что семантический принцип разделения и объединения морфем по более дробным значениям словообразовательных подтипов (а не собственно типов) проводится в «Словаре» достаточно последовательно и имеет свои резоны.

Так, -ЛБНИК, как и -НИК, обозначает ‘предмет — производитель действия’ или ‘лицо — субъект действия’, но только у -НИК фиксируется значение объекта действия, ср. *призывник* ‘тот, кто призывается на военную службу’. В обозначении одушевленного производителя действия совпадают -ЛБЩИК и -ЩИК, но -ЩИК продуктивен еще в значении ‘механизма’. С другой стороны, -ИЦА и -ЛИЦА, -ИЩЕ и -ЛИЩЕ, объединенные в единые морфемы, совпадают во всех частных значениях⁴.

Возможный аргумент против такого теоретического решения и лексикографической практики заключается в том, что фиксируемые частные различия могут быть просто единичными девиациями. Иными словами, речь может идти не о свойствах самих суффиксов (явлении на уровне системы), а о частных лексикализациях (явлении на уровне лексикона). Однако, если говорить о «л-овых» и «без-л-овых» суффиксах, то отдельные признаки разделяют их с некоторой регулярностью, что говорит скорее в пользу системности дифференциаций. Так, очевидно, что у агентивных суффиксов лица значение «л-овых» морфем -ЛЕЦ, -ЛБНИК, -ЛБЩИК сдвинуто в одну сторону — в сторону ‘субъектности’ (нет значений ‘объекта действия’) и, дополнительно, ‘одушевленности’ (у -ЛБЩИК).

Подобные наблюдения, очень важные для исследовательской работы, становятся возможными именно благодаря вынесению обособившихся «л-овых» суффиксов (и словообразовательных типов с этими суффиксами)

³ Эти семантические различия говорят о том, что распределение вариантных морфем в любом случае не может быть описано исключительно морфонологическими правилами, на недостаточное внимание к которым в «Словаре» указывает И. Б. Иткин [2019: 207].

⁴ Для -ИЩЕ и -ЛИЩЕ «Словарь» выделяет несколько омонимичных морфем с разными значениями: ‘место, пространство’, ‘часть предмета’, ‘действие, состояние’ и др.

в отдельную статью и детальному описанию их семантики — т. е. как раз той стратегии, которая принята авторами «Словаря».

Обоснованность этой стратегии не означает, что она может дать одинаково непротиворечивые результаты на любом языковом материале. Так, кажется парадоксальным, что *мурка*, *киска*, *хрюшка* отнесены не к морфеме $-K(A)_3$ ‘существо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом’ (вместе с такими словами, как *голубка*), а к омонимичной морфеме $-K(A)_2$ (‘одушевленный или неодушевленный предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’). Однако *мурка*, *киска* подпадают в подтип ‘животное, характеризующееся часто издаваемым звуком’ и — в соответствии с принципом множества — находят себе место по соседству с морфемой $-K(A)_2$ вместе с такими сходными по мотивации словами, как *почемучка* ‘лицо, характеризующееся часто произносимым словом’ (отметим, что *почемучка* относится уже не к женскому роду, как слова под морфемой $-K(A)_3$, а к общему).

К более системным проблемам можно отнести трактовку конкретно-предметных значений у слов с морфемами, которые образуют отглагольные имена действия/состояния. Если формант образует и имена действия, и конкретно-предметные имена, то он делится на разные омонимичные морфемы [Лопатин, Улуханов 2016: 32]. В то же время *торжище* ‘место, где торгуют’ и *судилище* ‘место, где судят’ (‘место действия’) отнесены к статье под морфемой $-ИЩЕ$, $-ЛИЩЕ_3$ со значением ‘действие или состояние (преимущественно многосубъектное)’, а *стрельбище*, *стойбище* ‘становище кочевников’ — к морфеме $-ИЩЕ$, $-ЛИЩЕ_1$ со значением ‘место, где осуществляется или осуществлялось действие, названное мотивирующим глаголом’. Очевидно, что, если конкретное значение фиксируется у слова, которое имеет одновременно и процессное значение, то конкретное значение трактуется как частная лексическая девиация внутри отвлеченного типа⁵; если же слово со значением места действия не имеет отвлеченного значения (как *стрельбище*), то оно вместе с тем же значением попадает в статью морфемы $-ИЩЕ$ с локативным значением. По всей видимости, такое решение не может быть достаточно прозрачным для пользователей. (Ср. аналогичные проблемы для $-КА$ и других омонимичных морфем с «двойным» значением.)

Переходные и сложные случаи членимости

Но, пожалуй, наиболее масштабные проблемы возникают при лексикографической обработке групп производных слов, переходных с точки зре-

⁵ *Торжище* и *судилище* могут выступать как процессные имена, поскольку могут сочетаться с предикатом *продолжаться*, например: *Судилище продолжалось целый день*.

ния членимости. Сюда относится в первую очередь многочисленная группа наречий, возникших из падежных форм существительного. В результате переразложения из форманта, совпадающего с падежной флексией, возникли новые форманты с левыми наращениями, ср., например, *шаг-ом*, *бег-ом* из творительного падежа *шаг*, *бег*, но *сил-ком* от *сила*, *бос-иком* от *босой*.

По мнению И. Б. Иткина, «любому носителю русского языка интуитивно очевидно», что все наречия с подобными финалями морфологически (видимо, имеется в виду «структурно-морфологически») представляют собой формы творительного падежа существительных, реальных или «иногда фиктивных (**босик*)»⁶ [Иткин 2019: 202]. Такой подход, по существу, отрицает базовые положения теории словообразования: принцип членимости и тезис о переразложении формантов. В соответствии с принципом членимости постулирование фиктивных производящих баз допускается только в том случае, когда иное деление на составные части невозможно (так называемая неполная членимость в случаях вроде *смород-ина*), между тем как для *босиком*, *силком* есть простое членение с реальной основой *босой* — *бос-иком*, *сила* — *сил-ком*.

В аргументации И. Б. Иткина тезис о производстве наречий из падежных форм фиктивных существительных (**босик* > *босиком*) необходим: он нужен для того, чтобы объяснить производство диминутивных наречий: *босичком*, *пешочком*, *сторонкой* и др. Такие диминутивы наречий по форме выглядят как творительный падеж реальных или опять-таки фиктивных диминутивных имен (**босик* > **босичок* > *босичком*). Иными словами, носители языка без особых проблем справляются с созданием диминутивов, как если бы фиктивные исходные имена существовали в действительности.

Нельзя сказать, что это лучшее решение проблемы: оно не только идет против «законов членимости», но и игнорирует явно системные процессы, в частности образование отглагольных наречий. Очевидно, что не надо постулировать образование *труском* от **трусок*, вместо того чтобы принять производство с помощью суффикса *-ком* от глагола *трусить* (ср. наречия с глагольной мотивацией: *полз-ком* наряду с *рыв-ом*, *скольз-ом* [Лопатин, Улуханов 2016: 770]⁷). Распространение псевдопадежного форманта *-ом* на несубстантивные базы — это реальность языка, как и появление по аналогии расширенных суффиксов *-ком*, *-иком*.

Что касается наречных диминутивов, то их образование действительно допустимо объяснять аналогическими операциями: аналогическим «восстановлением» глубинных псевдосуществительных и затем аналогическим подбором уменьшительных суффиксов (нередко с довольно сложными фонеморфологическими чередованиями).

⁶ Имеется в виду исходное слово для наречия *босиком*.

⁷ Ср. также такие образования с *-ком* от прилагательных как *тайный* > *тай-ком* (вряд ли следует предполагать неудобоваримые исходные имена вроде *таёк*).

На самом деле в «Словаре» для наречных диминутивов принимается сходное решение, только вместо восстановления фиктивных имен предлагается оперировать понятием «усечения» основы. В этом случае для слов вроде *босичком* постулируется производство из *босиком* путем усечения *босик(ом)* (т. е. фактически усечения до псевдоимени) и добавления форманта *-ком*; причем такой формант содержит в себе и уменьшительный суффикс *-к-*, и собственно наречный формант *-ом* [Лопатин, Улуханов 2016: 589].

Специальные уменьшительные наречные суффиксы — это, как представляется, справедливая фиксация того, что наречия могут иметь и имеют собственные средства образования эвалуативов. Помещение же всех уменьшительных наречных суффиксов в главу «Суффиксы имен существительных и прилагательных» — это молчаливое признание системной и генетической близости диминутивов от существительных и наречий⁸.

Несмотря на такие сложные решения, «двухмерное» пространство словаря плохо справляется с континуумом слов, в котором сосуществуют производные на разной стадии переразложения формантов.

Так, переразложение форманта творительного падежа в расширенный наречный суффикс по-разному охватывает разные классы имен. «Словарь» фиксирует формант *-ком* как особый наречный суффикс, но не находит нужным отметить аналогичный по структуре *-кой* (*-к + -ой*, флексия творительного падежа имен женского рода 1-го склонения)⁹. Кажется, что в современном русском языке есть наречия, которые позволяли бы говорить об образовании на *-кой*, но для них фиксируются другие мотивации. В частности, для наречия *неоглядк-ой* предлагается мотивация именем *неоглядка* [Лопатин, Улуханов 2016: 768], хотя это слово устаревшее, и носитель языка скорее предпочтет возвести *неоглядкой* к глаголу или деепричастию с отрицанием: *не оглядываться, не оглядываясь*. «Словарь» предлагает целый ряд таких мотиваций, которые легче счесть историческими, чем синхронными.

⁸ Для пользователя остается неясным, почему в таком случае уменьшительные наречные суффиксы *-ЕНЬКУ*, *-ОНЬКУ* помещаются не вместе с суффиксами прилагательных *-ЕНЬК-*, *-ОНЬК-*, а в главе «Суффиксы наречий» [Лопатин, Улуханов 2016: 760]. Видимо, причина заключается в отсутствии фонеморфологических чередований на стыке основы и суффикса: присоединение наречного суффикса полностью транспарентно и не нуждается в указании на другую часть речи для объяснения чередований (Заметим также, что в суффиксах *-ЕНЬКУ*, *-ОНЬКУ* нет псевдопадежной финали, совпадающей с падежной флексией прилагательных.)

⁹ Омонимичный суффикс *-кой* в «Словаре» приводится как диминутивный наречный суффикс для тех случаев, когда существует недиминутивное производящее наречие, ср. постулируемое словообразование *сторон(ой) > сторон-кой*. Таким образом, сходные слова на *-кой* интерпретируются по-разному: случаи типа *сторон-кой* трактуются как образования от наречия (со специальным усечением и добавлением морфемы *-кой*, включающей диминутивный *-к-*), случаи вроде *неоглядк-ой* — как образования от имен на *-ка*, даже если эти имена фиксируются в словарях как устаревшие (заметим, что в таких именах действия *-к(а)* не является диминутивным суффиксом).

Внутренние противоречия возникают и для ряда других наречных формантов. К примеру, *в-затяжк-у* и *в-лѣжк-у* возводятся к *затяжка* и *лѣжка* (префиксально-суффиксальный способ производства с суффиксом *-у*), а *в-накид-ку*, *на-вытяж-ку* рассматриваются уже как производные с суффиксом *-ку* от глаголов *накинуть*, *вытянуться*. Лишь очень внимательный пользователь может вывести из этого заключение, что разная интерпретация опять-таки связана с семантическими причинами. *Взатяжку* и *влѣжку* напрямую связаны семантической производностью с отвлеченными именами *затяжка* и *лѣжка*, в то время как для *внакидку* — *накидка*, *навытяжку* — *вытяжка* такой прямой семантической мотивированности нет: *накидка* имеет конкретное значение ('одежда, покрывало'), а *вытяжка* как имя действия ('отвод и очищение воздуха' либо 'извлечение концентрата из органического сырья') не имеет отношения к семантике пар *вытягиваться* — *навытяжку*. Так вполне классическое применение семантического принципа при определении мотивирующего слова ведет к достаточно спорному разрыву связей с родственными словами. В результате ригористичного следования этому принципу в словах типа *внакидку* более не выделяется морфема *-к-*, а все подобные слова объединяются с теми производными, где *-ку* является, бесспорно, неделимым формантом (ср. отглагольные производные типа *в-догон-ку* от *догонять* [Лопатин, Улуханов 2016: 765]). Чтобы преодолеть пропасть между формальной и семантической членимостью, при лексикографическом представлении, вероятно, можно было бы выделять в группе слов на *-ку*, наряду со случаями неделимого форманта, случаи возможной формальной членимости *-к/у-*. При организации словаря в электронном виде (см. далее) это позволило бы проводить поиск переходных случаев и «комбинированных» морфемных финалей.

К случаям, переходным с точки зрения членимости, можно отнести и примеры, в которых слово с расширенным формантом (морфом с левыми наращениями, см. выше) допускает иное членение, рассекающее расширенный формант на исходные части. Постулировать морф *-ушка* как вариант $-K(A)_2$ можно на основе таких единственных членений, как *верх* — *верх-ушка*, но уже для пар *волна* — *волн-ух-а* 'гриб с волнистой шляпкой' [Там же: 674] и *волна* — *волн-ушк-а* 'гриб' [Там же: 459] возникает вопрос о приемлемости сопоставления *волнуха* — *волнуш-ка*. Еще более вероятным такой вариант становится для имен действия. Следует ли соотносить друг с другом *заварушка* и *заваруха* 'сумятица, беспорядок'? В «Словаре» есть вариант *-ушк(а)* морфемы $-K(A)_1$ 'действие или состояние, названное мотивирующим глаголом', ср. *завихриться* 'закружиться, подняться вихрем' — *завихр-ушк-а* (окказ.) [Там же: 449], и морфема $-УХ(A)_3$ с тем же значением, ср. *завариться* — *завар-ух-а* (просторечн.) [Там же: 675]. Чтобы постулировать направление мотивации *заваруха* > *заварушка*, нужно иметь в основе регулярное семантическое приращение в именах действия на *-ушка*. В слове *заварушка* явно усматривается оценочная семантика, связанная с диминутивностью (может быть, в именах действия на *-ушка*

мы все же встречаемся с омонимичной оценочной морфемой, а не просто с суффиксом имен действия?), но в «Словаре» нигде не говорится о регулярных оценочных коннотациях суффиксов имен действия/состояния.

Обобщение и лексикографические перспективы

Итак, дискуссия вокруг лексикографического представления слов русского языка побуждает выделить и проанализировать те проблемные моменты, которые связаны не с частными непоследовательностями, а с концептуальными основами построения словообразовательных словарей.

В целом ряде случаев проблемы кажутся плохо разрешимыми. Сама формальная строгость научного подхода (например, следование *принципу множества*) может порождать парадоксальные и неудобные решения, а тонкость в применении семантического критерия может вести к разрыву связей слов с единым формантом, разделению сходных случаев по разным словарным статьям. Ориентация же на прозрачность для пользователя приводит к появлению рядом со сложными решениями компромиссов вроде упрощенной организации морфем в «Словаре» по функциональному принципу.

С другой стороны, и отказ от объединения единиц в словообразовательные типы, обладающие своей внутренней структурой, и создание словарных статей на основе принципа 'формант — значение форманта в производных единицах' (предпочтение *принципа парности*) не могут дать полностью удовлетворительных решений. В частности, при этом не решается проблема лексикографического представления переходных случаев членимости и переразложения формантов.

Тем не менее — с технологической точки зрения — споры об альтернативных теоретических решениях в каком-то смысле являются для практической лексикографии архаическим бременем. Как представляется, современный этап развития компьютерной лексикографии может и должен предложить решения, позволяющие выводить «сквозные» связи в материале и таким образом снимать жесткие дихотомии разных подходов (от двумерного пространства — к своего рода формату 3D). Конечно, для этого перед компьютерной лексикографией должны быть поставлены принципиально новые задачи.

Среди таких задач, связанных с рассмотренным нами материалом, можно назвать следующие.

1. Тегирование частей составных морфем, позволяющее, в частности, выводить случаи двойной мотивации и переразложения.

2. Учет падежных формантов (вместе с их морфологическими значениями), превратившихся в словообразовательные аффиксы. В этом случае целесообразно задавать также морфологические классы имен (род и типы склонения), являющихся базами словопроизводства.

3. Вычленение «левых» наращений в морфемах (как в вариантных *-щик*, *-льщик*) и опциональное объединение таких морфем по сходной функции.

4. Выведение формально идентичных и вариантных морфов по одинаковым частным словообразовательным значениям (значениям подтипов), независимо от того, к какой морфеме (какому словообразовательному типу) они относятся.

5. Сквозное тегирование морфов с оценочными значениями, которое позволило бы выдавать примеры с ними, независимо от того, в комбинациях с какими другими формантами и в словах какой части речи они появляются.

Переход к компьютерной лексикографии — настоятельная необходимость современности; этот переход требует дополнительной работы лексикографов-теоретиков, но способен привести и к новым решениям.

Л и т е р а т у р а

Земская 1975 — Е. А. З е м с к а я. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке) // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. С. 69–88.

Земская 2016 — Е. А. З е м с к а я. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2016.

Иткин 2019 — И. Б. И т к и н. [Рец.:] В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2 (38). С. 198–212.

Лопатин, Улуханов 2016 — В. В. Л о п а т и н, И. С. У л у х а н о в. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.

Панов 1999 — М. В. П а н о в. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.

Dokulil 1962 — M. D o k u l i l. Tvoření slov v češtině: Teorie odvozování slov. T. 1. Praha: Nakladatelství Československá akademie věd, 1962.

Статья получена 05.10.2022

Natalia B. Pimenova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
n_pimenova@yahoo.com

DERIVATIONAL SEGMENTABILITY AND MOTIVATION OF RUSSIAN WORDS IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION

The discussion about the principles of the *Dictionary of Derivational Affixes of the Russian Language* by V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov put a spotlight on the critical and unsolved problems of Russian lexicography. When discussing and criticizing particular

decisions, it is important to have a clear understanding of the theoretical principles on which the sharply opposite and contradictory interpretations of motivation, derivational units and their semantics are based. The article reveals how debatable inconsistencies and weaknesses of lexicographic representation are directly related to the basic concept (“principle of sets” or “principle of pairing”) and the preference for certain criteria. At the same time, many complex transitional cases (double motivation, changes affecting morphemic boundaries) cannot be sufficiently taken into account in any approach currently used. In case of incompatibility of approaches, the removal of strict dichotomies and the necessary transparency can be ensured in the future only with the help of computer lexicography.

Keywords: word formation, lexicography, motivation, segmentability

References

- Dokulil, M. (1962). *Tvoření slov v češtině: Teorie odvozování slov* (Vol. 1). Prague: Nakladatelství Československá akademie věd.
- Itkin, I. B. (2019). [Rets.:] V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov. Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo iazyka. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(38), 198–212.
- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo iazyka*. Moscow: Azbukovnik.
- Panov, M. V. (1999). *Pozitsionnaia morfologija russkogo iazyka*. Moscow: Nauka.
- Zemskaia, E. A. (1975). K probleme mnozhestvennosti morfonologicheskikh interpretatsii (spornye sluchai chleneniia proizvodnykh osnov v sovremennom russkom iazyke). In E. A. Zemskaia (Ed.), *Razvitie sovremennogo russkogo iazyka – 1972. Slovoobrazovanie. Chlenimost' slova* (pp. 69–88). Moscow: Nauka.
- Zemskaia, E. A. (2016). *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie*. Moscow: Flinta.

Received on October 10, 2022

МАТЕРИАЛЫ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

doi.org/10.31912/rjano-2023.1.11

Р. В. РОНЬКО

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва,
Россия)
romanronko@gmail.com

А. С. АЗАНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
azanovaas98@gmail.com

А. Д. АНИСИМОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
adanisimov_1@edu.hse.ru

Е. Е. ВОЙТОВИЧ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
katya27052014@gmail.com

Е. А. ЗАЛИВИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
zalivina01@mail.ru

С. А. ЗЕМЛЯНСКАЯ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
sofizem.4@gmail.com

И. А. МАРЧЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
iamarchenko@miem.hse.ru

Д. И. МОЧУЛЬСКИЙ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
denis.mochulsky@gmail.com

**ПСКОВСКИЙ ГОВОР ДЕРЕВЕНЬ ШЕТНЕВО, МАКЕЕВО,
ЩЕЛКИНО, ТЕРЕХОВО И СТЕПАНЬКОВО
ЗАПАДНОДВИНСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.
ЭЛЕМЕНТЫ КОРПУСНОГО ОПИСАНИЯ
И ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ**

Статья посвящена псковскому говору четырёх близкорасположенных деревень в Западнодвинском районе Тверской области. Говор относится к группе среднерусских акающих псковских говоров и соседствует со смоленскими говорами, относящимся к южнорусскому наречию. В работе описываются морфологические и синтаксические черты говора. Морфологический анализ посвящён падежным окончаниям имени существительного, личным, указательным и вопросительно-относительным местоимениям, глагольной парадигме презенса, возвратным суффиксам глагола, морфологии причастий. В синтаксических разделах описаны согласование причастий, номинативный объект, некоторые конструкции с предлогами, конструкция со связкой *быть* и финитным глаголом в прошедшем времени, а также способы выражения внешнего possessора.

Ключевые слова: псковские говоры, западнодвинские говоры, диалектологические экспедиции, морфология русских говоров, согласование, внешний possessор

Введение¹

Наша работа представляет собой лингвистическое описание говора нескольких компактно расположенных деревень Западнодвинского района Тверской области: Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково. Дialect русского языка, распространенный в этих деревнях, относится к Псковской группе среднерусских акающих говоров, но находится на границе со смоленскими говорами (южнорусское наречие). Псковские говоры подробно описаны в литературе [ДАРЯ 1989 1–3; Образование 1970]. В рамках программы сбора материалов для диалектологического атласа русского языка [Программа 1947] было проведено обследование деревень Западнодвинского района Осташково (в 1952 г.) и Фофаново (в 1955 и 1959 гг.), в которых распространен схожий говор. Сведения о говорах деревень Осташково и Фофаново представлены в Базе данных Диалектологического атласа [DB DARL].

Материал, обсуждаемый в рамках этой работы, собран в двух экспедициях² сотрудников ИРЯ РАН и студентов школы лингвистики ВШЭ. Ис-

¹ Авторы выражают глубокую благодарность Татьяне Юрьевне Кудрявцевой за помощь в организации обеих экспедиций, по данным которых написана настоящая работа и сделан корпус.

² Состав первой экспедиции: А. С. Азанова, З. А. Бутенко, М. С. Замбрицкая, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский, Р. В. Ронько, Е. И. Цейтина. Состав второй экспедиции: А. Д. Анисимов, Е. Е. Войтович, Е. А. Заливина, М. С. Замбрицкая, С. А. Землянская, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский, Р. В. Ронько.

следуемые деревни расположены на одной дороге, расстояние между двумя самыми удаленными деревнями — Шетнево и Степаньково — составляет 11 км. Первая экспедиция проходила в июле 2021 г. и базировалась в деревне Шетнево, в результате было записано около 30 часов речи 18 информантов разных возрастов. Вторая экспедиция проводилась в июле 2022 г. и базировалась в деревне Терехово. Помимо деревень Шетнево и Макеево, были обследованы деревни Степаньково и Щелкино и были опрошены ещё восемь местных жителей, согласившихся дать нам интервью. Речь информантов записывалась на диктофоны и после расшифровывалась в программах Praat и ELAN.

Часть расшифрованных записей легла в основу звучащего корпуса говора деревень Шетнево и Макеево (далее — корпус ШМ) [Ронько и др. 2022]. На сегодняшний день объём корпуса составляет 58 003 словоформы (и 69 866 словоформ вместе с речью интервьюеров). Данные в корпусе поданы в специфической орфографии, в которой отражены некоторые морфосинтаксические свойства говора. Подобный подход позволяет производить поиск в корпусе по грамматическим тегам, подходящим для стандартного русского языка (преимущества такого формата представления корпусных данных объясняются [von Waldenfels et al. 2014]), однако для интерпретации данных из подобного рода корпусов необходимо прослушать все извлечённые контексты. Материал в статье будет представлен так же, как в корпусе, но в некоторых необходимых случаях после стандартной формы в скобках будет дана реально звучащая форма.

В работе обсуждаются корпусные данные, а также расшифрованные записи, которые ещё не включены в наш корпус. В статье будут показаны фрагменты описания морфологии и синтаксиса исследуемого говора, однако наша работа не претендует на полноту, разные разделы исследованы в разном объёме. Помимо описания лингвистических фактов, мы уделяем внимание изучению вариативности в рамках речи каждого информанта и диалектной системы в целом, а также уровню сохранности диалектных черт.

Нами были записаны люди разного возраста — от 1932 до 1994 года рождения, все они в той или иной мере являются носителями диалекта. Анализ речи разновозрастных информантов позволит нам сделать в рамках настоящей работы предварительные выводы об изменении диалектной системы. Для описания используются данные 9 информантов (в тексте они анонимизированы и представлены в виде трёхбуквенного кода и года рождения): МГА1932 (3 часа 9 минут записи; 16 932 словоформы), ЗНС1939 (1 час записи; 3352 словоформы), АПБ1940 (1,5 часа записи; 9471 словоформа), ЛХЛ1941 (22 минуты записи; 1577 словоформ), ЛНТ1950 (3 часа 13 минут записи; 23 364 словоформы), ГИП1953 (3 часа 5 минут записи; 23 520 словоформ), ИВС1954 (16 минут записи; 1301 словоформа), СХХ1974 (1 час записи, 5479 словоформ) и ЛХБ1977 (1 час записи; 5793 словоформы). Сентенциальные примеры в работе имеют сплошную нумерацию, примеры отдельных словоформ или составляющих приводятся без номеров.

ЧАСТЬ I: МОРФОЛОГИЯ

1. Имя существительное

1.1. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных 1-го склонения

В исследуемом говоре ожидалась так называемая «обратная» система флексий Р. п., Д.-М. падежей ед. ч. I скл., при которой выравнивание праславянской системы окончаний осуществилось не по твёрдому типу склонения, как это произошло в большинстве русских диалектов и было в том числе унаследовано современным литературным языком, а по мягкому типу (см. [Гер-Аванесова 1998: 170]):

Таблица 1

Системы флексий родительного, дательного и местного падежей

	С	С'					
Р.	/*i/	/*ǣ/	Р.	/и/	Р.	/e/	
Д.-М.	/*ǣ/	/*i/	Д.-М.	/e/	Д.-М.	/и/	
Праславянская система			Система СРЛЯ		«Обратная» система		

В настоящем разделе рассматривается материал идиолектов МГА1932, АПБ1940, ГИП1953 и ЛНТ1950, в каждом из которых обнаружена та или иная степень смешения флексий в формах Р., Д. и М. падежей существительных а-склонения; в речи других диалектоносителей данная черта словоизменения отмечена не была.

У всех информантов под ударением окончание /e/ реализуется в виде [e], окончание /и/ — в виде [и] или [ы] в мягких и твёрдых основах соответственно. Без ударения после основ на твёрдый губной и зубной окончания /и/ реализуется как [ы] с твёрдостью предшествующего согласного, /e/ — как [и] с мягкостью предшествующего согласного. Без ударения после основ на мягкий согласный, задненёбный и /ц/ окончания /e/ и /и/ нейтрализуются в [и]. Таким образом, к рассмотрению предлагаются словоформы с основами на твёрдый губной или зубной согласный.

Счётные формы и Р. п. в составе беспредложных сочетаний не показывают вариативности и образуются в соответствии с литературным языком. Ограниченный объём примеров беспредложных сочетаний с Д. п. не позволяет надёжно определить устойчивость диалектных форм, тем не менее в материале обнаружился один случай окончания /и/ в составе беспредложного сочетания у ЛНТ1950. Остальные примеры Д. п. в беспредложных сочетаниях оформлены по стандартной литературной модели:

МГА1932. Сч. ф., ударн., /и/: *три козы́, три сестры́, две семьи́*; безударн., /и/: *три помидо́рины*. Р. п., ударн., /и/: *нет воды́, сколько мошкары́, канава воды́, воды́ принести, травы́ нарубишь*; безударн., /и/: *си́лы нет, на конце дере́вни, не было маши́ны*. Д. п., безударн., /е/: *говорю Лю́бе*.

АПБ1940. Сч. ф., безударн., /и/: *три коро́вы, четыре ко́мнаты*. Р. п., ударн., /и/: *воды́ боюсь 4×, плиты́ нет*; безударн., /и/: *си́лы нет, директор школы́, день дере́вни 2×*. Д. п.: –.

ЛНТ1950. Сч. ф.: –. Р. п., ударн., /и/: *не надо жары́, сколько воды́, два метра воды́, моей сестры́, половина избы́*; безударн., /и/: *аппарату́ры нету, ни рабо́ты, полови́ны нет, руль маши́ны, клочок земли́, с лица земли́, рыбы́ напущено, много ряби́ны*. Д. п., ударн., /и/: *сколько этой избы́ лет*; безударн., /е/: *отдали па́пе*.

ГИП1953. Сч. ф., ударн., /и/: *три сестры́*; безударн., /и/: *две неде́ли, три буквы́, три помидо́рины*. Р. п., ударн., /и/: *нету колбасы́, больше лозы́, капельку кислоты́ 2×, боюсь воды́ 2×, зимы́ не стало*; безударн., /и/: *нет сметаны́, сморо́ды нет, лист сморо́ды, сколько капу́сты, больше полови́ны, рабо́ты много, много по́чты, много оде́жды 2×, не было оде́жды, оде́жды полный шкаф, сын ба́бы Нью́ры, лист ви́шни, лист мелі́ссы 2×, мы шу́бы [салат] не знали*. Д. п., безударн., /е/: *сколько ма́ме, ма́ме показывает, Та́не будет шестьдесят два*.

Итоговое распределение флексий счётных форм и Р., Д. падежей в беспредложных сочетаниях представлено в Таблице 2:

Таблица 2

**Распределение флексий счётных форм и словоформ
в родительном и дательном падежах
у существительных 1-го склонения в беспредложных сочетаниях**

	Сч. ф.		Р. п.		Д. п.	
	/и/	/е/	/и/	/е/	/и/	/е/
МГА1932	4 (100 %)	0 (0 %)	8 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	1 (100 %)
АПБ1940	2 (100 %)	0 (0 %)	9 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	0 (0 %)
ЛНТ1950	0 (0 %)	0 (0 %)	13 (100 %)	0 (0 %)	1 (50 %)	1 (50 %)
ГИП1953	4 (100 %)	0 (0 %)	23 (100 %)	0 (0 %)	0 (0 %)	3 (100 %)
	10 (100 %)	0 (0 %)	53 (100 %)	0 (0 %)	1 (17 %)	5 (83 %)

Далее будут рассмотрены только сочетания с предлогами.

МГА1932 демонстрирует тенденцию к синкретизму, в её материале 53 % форм Д.-М. пп. (21 из 40) при предложениях оформлены окончанием /и/, при этом Р. п. реализуется литературной флексией /и/:

Р. п., ударн., /и/: *после войны́* 2×, *до войны́*, *с войны́*, *у воды́*, *с избы́*; безударн., /и/: *с Торо́ны* 7×, *с этой сто́роны* 4×, *у Лю́бы* 4×, *у Ли́ды* 2×, *с рабо́ты* 2×, *от коро́вы*, *у Татья́ны*, *до Торо́ны*, *с дере́вни*.

Д.-М. пп., ударн., /е/: *в земле́*, *на земле́*, *в Москв'е́*, *в семье́*, *по жене́*, *к трое́*; /и/: *на войны́* 3×; безударн., /е/: *на маши́не* 2×, *в маши́не*, *в дере́вне* 6×, *на кúхне* 3×, *по дере́вне*; /и/: *в Торо́ны* 7×, *в кварти́ры* 3×, *на Э́льбы* 2×, *в ва́нны*, *в маши́ны*, *в ко́мнаты*, *на фи́рмы*, *на ле́нты*, *на фе́рмы*.

Информант АПБ1940 показывает сходную с информантом МГА1932 систему: 56 % форм Д.-М. пп. (14 из 25) при предложениях имеют окончание /и/, при этом отмечаются случаи оформления Р. п. окончанием /е/:

Р. п., ударн., /и/: *с Москв'ы́*; безударн., /и/: *с Торо́ны* 2×, *со шко́лы*; /е/: *у ба́бе* 3×.

Д.-М. пп., ударн., /и/: *на горы́*, *в Москв'ы́*; безударн., /е/: *на вера́нде*, *на окра́ине*, *в Торо́не*, *в дере́вне* 3×, *к дере́вне*, *по дере́вне*, *на кúхне*, *в кастрю́ле*, *в шко́ле*; /и/: *на маши́ны* 4×, *на фе́рмы* 2×, *на вера́нды*, *в ко́мнаты*, *на по́чты*, *в Торо́ны*, *в шко́лы*, *по рабо́ты*.

Стоит, однако, отметить, что обнаруженная у АПБ1940 форма Р. п. слова *баба* с окончанием /е/, возможно, имеет лексикализованный характер, поскольку у второго информанта, который употребил такую форму — ГИП1953, — она реализуется так в том числе и в аппозитивной конструкции, где второй элемент оформляется литературным окончанием /и/. Доля окончаний /и/ в Д.-М. пп. у ГИП1953 составляет 27 % (9 из 33):

Р. п., ударн., /и/: *с Двин'ы́* 2×, *с горы́*, *от жары́*; /е/: *для семье́*; безударн., /и/: *со шко́лы* 7×, *у Лари́сы* 2×, *без ла́мпы*, *с ла́мпы*, *с сморо́ды*, *с дере́вни*, *с ба́ни*, *у О́ли*; /е/: *у ба́бе* 2×, *у ба́бе Нью́ры* 2×.

Д.-М. пп., ударн., /е/: *в Москв'е́* 3×, *в семье́*; /и/: *на горы́* 2×, *в войны́*, *к сестры́*; безударн., /е/: *на маши́не* 2×, *в мо́де* 2×, *по рабо́те*, *к ба́бе*, *при ла́мпе*, *в дере́вне* 7×, *по дере́вне* 4×, *в кастрю́ле*, *на кúхне*; /и/: *на соло́мы* 2×, *по физкульту́ры*, *к Нью́ры*, *в этой сто́роны*.

У ЛНТ1950 доля форм Д.-М. пп. с окончанием /и/ при предложениях составляет 29 % от всего материала (6 из 21), а также имеет место один случай Р. п. с окончанием /е/:

Р. п., ударн., /и/: *с этой сто́роны́* 3×, *с воды́*, *у воды́*, *от жары́*, *после жары́*, *с зимы́*, *с избы́*, *с Москв'ы́*; безударн., /и/: *с Укра́ины* 3×, *с мали́ны* 2×, *с ряби́ны* 2×, *с сморо́дины*, *у же́нищины*, *для маши́ны*, *до суббо́ты*, *от берё́зы*, *с ба́ни*, *с дере́вни* 3×; /е/: *без коро́ве*.

Д.-М. пп., ударн., /е/: *в Москв'е́* 2×, *на голо́ве*, *в изб'е́*, *на сто́рон'е*; /и/: *на уса́дьбы* 3×, *в воды́*, *по воды́*, *на горы́*; безударн., /е/: *на маши́не*, *в дере́вне* 5×, *по дере́вне* 4×.

Итоговое распределение флексий Р., Д.-М. пп. у словоформ при предложениях представлено в Таблице 3:

Таблица 3

**Распределение флексий родительного, дательного и местного падежей
у существительных 1-го склонения при предлогах**

	Р.		Д.-М.	
	/и/	/е/	/и/	/е/
МГА1932	29 (100 %)	0 (0 %)	21 (53 %)	19 (47 %)
АПБ1940	4 (57 %)	3 (43 %)	14 (56 %)	11 (44 %)
ЛНТ1950	26 (96 %)	1 (4 %)	6 (29 %)	15 (71 %)
ГИП1953	19 (79 %)	5 (21 %)	9 (27 %)	24 (72 %)
	78 (90 %)	9 (10 %)	50 (42 %)	69 (58 %)

Таким образом, общей для всех рассмотренных идиолектов представляется вариативность в оформлении Д.-М. пп. окончаниями /и/ или /е/ в предложных сочетаниях, при этом у информантов старшего возраста доля /и/ наиболее высока. Окончание /е/ у словоформ в Р. п. в предложных сочетаниях отмечается единично. В беспредложных сочетаниях обнаружился один случай образования Д. п. с помощью флексии /и/, в то время как Р. п. и счётные формы оформляются в соответствии с литературным языком.

*1.2. Творительный падеж множественного числа
имён существительных и местоимений*

В некоторых русских говорах наблюдается совпадение окончаний творительного и дательного падежей во множественном числе. Это явление имеет наибольшее распространение в севернорусском наречии и западных среднерусских говорах, где, например, можно встретить такие формы, как *с рукам* [Пожарицкая 2005: 120–121; Касаткин и др. 2012: 131; Дьяченко и др. 2018: 279–280]. В западновинских говорах, по данным ДАРЯ, ожидается совпадение окончаний творительного и дательного падежей множественного числа в *-ам*, но также возможно и различие окончаний в единичных случаях [ДАРЯ 1989: карта 41].

В настоящем разделе представлен материал идиолектов МГА1932, АПБ1940, ЗНШ1939, ЛНТ1950, ГИП1953, СХХ1974 и ЛХБ1977.

Ниже приведены все рассматриваемые диалектные формы:

- (1) [*доила корову*] *руками (рукáм)* МГА1932;
- (2) *А один с этой. Куда она их? Конечно-то с нами (нам)* была МГА1932;
- (3) [*врезался*] *санками (сáнкам)* МГА1932;

- (4) Гуляют с **собачками (собáчкам)**, есть и большие, есть маленькие МГА1932;
- (5) Я дояркой **руками (рукáм)** доила коров, пятнадцать штук ЗНШ1939;
- (6) Как, тоже **руками (рукáм)** косили ЗНШ1939;
- (7) Сейчас трактора везде косят. А раньше **руками (рукáм)** ЗНШ1939;
- (8) Грабили **граблями (граблѣм)** ЗНШ1939;
- (9) Бывало с **песнями (песнѣм)** ходим с ним по деревне, как раньше ЗНШ1939;
- (10) По деревне ходили ещё с **песнями (песнѣм)** раньше ЗНШ1939;
- (11) А **этими (этим) руками (рукáм)** всё на свете делала ЗНШ1939;
- (12) С **тремя (трѣм) сосками (соскáм)** — три соска было у коровы (корове), она юрко доилась — и вот она любила её тягать ЗНШ1939;
- (13) Они у меня в Луки уехадчи. За **товарами (товáрам)** АПБ1940;
- (14) Все равно уже тут плоше было, все равно ездили за **продуктами (проду́ктам)**, бывало втроем садимся на поезд, и в Москву АПБ1940;
- (15) И набираем, и едем с **хотульём** АПБ1940;
- (16) Были вот так, в углу поставлено два **головешечками (головѣшечкам)**... АПБ1940;
- (17) С **факелами (фáкелам)** ходили АПБ1940;
- (18) Факелы, факелы делали и ходили с **факелами (фáкелам)** АПБ1940;
- (19) Бывало даже молотили, жали эту рожь **серпами (серпáм)** АПБ1940;
- (20) А эта войдет, даже **сутками (су́ткам)** нет АПБ1940;
- (21) Забрали, все этого были **небольшенькими (небольшѣньком)** сделано, переделывали, я же говорю, всё переделано АПБ1940;
- (22) Ходят, ходят. Ходят. За я= за **ягодами (я́годам)** ходят АПБ1940;
- (23) Вот двадцать копеек был хлеб, была... **Рюкзаками (рюкзакáм)** носили ходили ЛНТ1950;
- (24) Мене там картошка посажена, и тут картошка посажена за **этими (этим) теплицами (теплѣцам)** ЛНТ1950;
- (25) С **этими (этим) цветами (цветáм)** возни одной ⟨нрзб⟩ ЛНТ1950;
- (26) С малины ни разу не пробовала, я потом как стала ходить по **этим** ⟨нрзб⟩, хожу, они говорят, я говорю, Господи, где только я не побывала с **этими ягодами (этим я́годам)** ЛНТ1950;
- (27) Не, а не хочешь **ягодами (я́годам)**? ЛНТ1950;
- (28) Ну, далёко ж ходить было в Степаньково, вот попробуй идти на такую даль туда и назад. Это хорошо, что потом папка у меня работал шофёром — он было за **нами (нам)** приезжает в Степаньково — **приедет за нами (нам)** и с **нами (нам)** тогда вот едет домой, нас везёт со школы, вот, кого там ЛНТ1950;
- (29) Не, пап, ну ты ж зря вѣз нас — ну сейчас поедем, всё, сейчас вот. Поговорит с **нами (нам)**, стоит на дороге, стоит нам, разговари-

- вает с нами (нам), песни поёт и всё, и мы сидим на машине ЛНТ1950;
- (30) Она ⟨нрзб⟩ в деревню в Москву, а нету дровы, они костёр разжигали, на костер надо было ещё дров, за **дровами (дрова́м)** сухими ехать ЛНТ1950;
- (31) Вот так. А то потом опять с **этими справками (э́тым спр́авкам)** возиться, отстань ты ЛНТ1950;
- (32) А чего ты с **голыми ногами (го́лым ногáм)** даже? ЛНТ1950;
- (33) У нас москвичи так... Ну в Макееве не покупают дома, понимаешь, не покупали ничего, у нас только в Шетневе все, у нас всё Шетнево был заселён одними **москвичами (москвичáм)** ЛНТ1950;
- (34) Вот он таким ещё был, малец ездил **кругами (кругáм)**... ЛНТ1950;
- (35) Всё молодежь была еще где, а пойдёмте с **ребятами (ребя́там)** собираться, пошли сюда, пошли сюда, все сюда как-то ЛНТ1950;
- (36) То за товаром надо ехать, то по работе надо, то за **документами (докуме́нтам)**, то куда, все сама, и тут тогда я сижу в магазине ГИП1953;
- (37) А мы что раньше, сало солили вот, и в банке, и в ящике такие были сделано, свое сало было, и коптили, коптильни были раньше, в банях коптили, там дым, **дровами (дрова́м)** топилося (топило́ся) по-черному баня, и сало было вкусное очень, вот ГИП1953;
- (38) Там всего с **москвичами (москвичáм)**, может, человек шесть-восемь, если есть даже ГИП1953;
- (39) **Такими (такíм) снопами (снопа́м)** вязали ГИП1953;
- (40) Ну эти стебельки уходили, их **пучками (пучка́м)** вязали, потом расстилали в поле, чтоб они сохли ГИП1953;
- (41) А компот же как делаем — тоже с **косточками (ко́сточкам)** ГИП1953;
- (42) Ну, когда за **ягодами (я́годам)** только, в бор, в основном черника ж в бору ГИП1953;
- (43) Сейчас... раньше да, а сейчас не, у дочки моей столько шерсти было, **корзинами (корзи́нам)** стояли, вон, всё сжигали ГИП1953;
- (44) Вот тётка пришлёт своих старых платьев, перешьёт-пришлёт, мамка там дома **руками (рука́м), руками (рука́м)** шила, машинки не было, потом машинка стала ГИП1953;
- (45) И когда играет, бывало, половики обложешь, **половиками (половикáм)**, чтоб никуда ГИП1953;
- (46) Отбиваемся **руками (рука́м)** ГИП1953;
- (47) Ну погнались что-то по очереди с **коровами (коро́вам)** с **колхозными (колхо́зным)** ГИП1953;
- (48) Так они только **крысами (кры́сам?)** и питаются СХХ1974;
- (49) Ну, говорили, **какими-то палками (пáлкам)** СХХ1974;
- (50) А вот не знаю, то ли меня напугали **этими (э́тим) бородавками (борода́вкам)** СХХ1974;

- (51) *Под ногами (ногáм) не увидишь, может змея* СХХ1974;
 (52) *Когда там, какой-то там, перед **выборами**, перед **такими-то** там **праздниками (праздника?)** **большím** там, когда что-то от людей нужно там, проголосовать за что-то, тогда они приезжают* ЛХБ1977;
 (53) *Она с **собаками (собáками?)**, я не знаю она... лучше человека собаки едят у неё, ой, такая собачница. «Тань, — я говорю, — я не могу, я б их быстро выгнала»* ГИП1953;
 (54) *То с **машинами (маши́нами?)** вот там было много, там было их и плю= игрушек эти все мягкие накуплено, там было игрушек, они побогаче, а у этих не за что было покупать* ГИП1953.

В Таблице 4 представлено распределение окончаний творительного падежа.

Таблица 4

Распределение окончаний творительного падежа множественного числа

	МГА1932	ЗНШ1939	АПБ1940	ЛНТ1950	ГИП1953	СХХ1974	ЛХБ1977
-ам	5 (100 %)	8 (100 %)	9 (100 %)	17 (100 %)	13 (65 %)	4 (40 %)	1 (20 %)
-ами	0	0	0	0	7 (35 %)	6 (60 %)	4 (80 %)

Данные ДАРЯ частично подтверждаются. Из таблицы видно, что в речи старших носителей в наших материалах не встречено литературных вариантов и есть только окончание *-ам* в творительном падеже множественного числа, в то время как у младших носителей (после 1950 года рождения) допускается вариативность, причём чем моложе человек, тем выше доля литературного варианта.

В материале присутствуют два случая употребления окончания *-амы* (см. (53), (54)), однако они не вполне надежны и требуют более подробного изучения. Наречия времени, представляющие собой застывшую форму существительных в творительном падеже, также могут подвергаться сокращению окончания (см. (20)). Местоименные прилагательные могут иметь как такой же вариант окончания, что и у согласованного с ним существительного, так и другой (см. (49), (50)).

1.3. Второй предложный падеж

1.3.1. Отбор данных

Этот раздел основан исключительно на корпусных материалах. Данные из корпуса извлекались по запросам SQL. Для исследования второго предложного падежа были взяты все формы предложного падежа единственного числа 2-го склонения. Для форм второго предложного учтена графическая омонимия с дательным падежом и был использован следующий запрос:

[(word='*(y|ю)%c)& (tag = 'NOUN,(anim|inan),(masc|neut),sing,(loct|loc2|datv).*%c)].

Запрос для первого предложного падежа (с окончанием *-e*):

[(word='*e%c)& (tag = 'NOUN,(anim|inan),(masc|neut),sing,loct.*%c)].

Из полученных данных были взяты примеры с обязательными для предложного падежа предлогами *в, на, о, при* в левом контексте. Сочетания с предлогами *о* и *при*, одушевленные существительные и существительные среднего рода не исключались при поиске формы второго предложного, так как её сфера использования может быть шире в диалектной речи. Далее примеры проверялись вручную.

1.3.2. Параметры употребления предложного на *-у* в корпусе ШМ

В корпусе ШМ во втором предложном падеже встретились только неодушевленные существительные мужского рода с предлогами *в* и *на* (формы второго предложного падежа при предлогах *о* и *при* в корпусе не обнаружены): *дом, год, лес, берег, пол, сад, бережок, бок, вид, день, мост, плен, таз, угол, ход*. Из них также в первом предложном используется слово *дом*. Все найденные в корпусе примеры возможны и в литературном русском языке.

Параметры, отмеченные в Таблице 5, были выбраны, так как они являются обязательными или частотными для существительных, имеющих форму второго предложного падежа в стандартном варианте русского языка.

Таблица 5

Параметры форм предложного падежа единственного числа существительных 2-го склонения в корпусе ШМ

	Существительные мужского рода		Неодушевленные		Среднее число слогов в основе		Основа на тверд. согл.		Всего форм	
	<i>-у</i>	<i>-e</i>	<i>-у</i>	<i>-e</i>	<i>-у</i>	<i>-e</i>	<i>-у</i>	<i>-e</i>	<i>-у</i>	<i>-e</i>
	40	139	40	165	1.13	1.98	39	149	40	165
%	100	84.2	100	100			97.5	90.3	19.	80.5
Различие статистически значимо*	+		-		+		+			

* U-критерий Манна — Уитни, уровень значимости (p-value) < 0,05

Из Таблицы 5 видно, что в исследуемом материале все существительные, имеющие форму второго предложного, неодушевленные и мужского

рода. Частотный признак слов с формой второго предложного падежа — односложная основа — тоже наблюдается в данных, как и твердый исход основы.

Другим частотным свойством форм второго предложного падежа является подвижное ударение, как в акцентных парадигмах с, d или e. Для удобства работы ограничим выборку параметрами «мужской род» и «неодушевленность», это уменьшит количество примеров первого предложного на 16 %. Сравним в этой группе примеров долю лексем с подвижным ударением (акцентные парадигмы с, d, e) в первом и втором предложном.

Таблица 6

**Распределение форм предложного падежа неодушевлённых
существительных мужского рода в зависимости от подвижности ударения**

	-y	-e
Подвижное	33 (83 %)	21 (15 %)
Неподвижное	7 (17 %)	118 (85 %)
Всего	40 (100 %)	139 (100 %)

Распределение форм, полученное в таблице, статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера $p = 0,00001$, результат статистически значимый $p < 0,01$). Результаты сравнения показывают, что подвижность ударения является значимым параметром для данных форм.

1.3.3. Сравнение с данными карт ДАРЯ и Опочецким корпусом

Процент форм с окончанием предложного падежа единственного числа ⟨-y⟩ от общего количества среди односложных неодушевлённых существительных мужского рода в корпусе ШМ соответствует отмеченному в ДАРЯ [1989: карта 14] см. Таблицу 8: 61 % в корпусе и 61–70 % на карте.

Форма предложного падежа единственного числа существительного *лес* — *в лесу*. Помимо нее в ДАРЯ [1989: карта 15] отмечена форма *в лесе*, однако в корпусе ШМ она не встретилась. Форм типа *на сто́лику* [Там же] не отмечено на карте и не обнаружено в корпусе.

Мы сравниваем полученные данные с данными опочецких говоров [Ронько и др. 2019]. В корпусе опочецких говоров ситуация со вторым предложным падежом схожая, что видно из Таблицы 7. Однако процент форм второго предложного в Опочецком корпусе выше (23,6 % против 19,5 %).

В корпусных данных среди односложных неодушевлённых существительных мужского рода процентное отношение форм на -y ко всем формам предложного падежа единственного числа в опочецком говоре также выше, чем в исследуемых западновинских говорах (это распределение соответствует картине, представленной в ДАРЯ [1989: карта 14]), см. Таблицу 8.

Таблица 7

**Сравнение значений параметров,
исследуемых для второго предложного падежа,
в корпусе ШМ и в Опочечком корпусе**

Корпус	Сущ. м. р.		Неодуш.		Слогов в основе (среднее)		Оканчивается на тверд. согл.		Процент от всех форм	
	-у	-е	-у	-е	-у	-е	-у	-е	-у	-е
Шетнево и Макеево	100 %	84.2 %	100 %	100 %	1.13	1.98	97.5 %	90.3 %	19.5 %	80.5 %
Опочка	100 %	85.2 %	100 %	98.6 %	1.08	1.9	100 %	89 %	23.6 %	76.4 %

Таблица 8

**Распределение падежных форм среди односложных
неодушевлённых существительных мужского рода
с окончанием предложного падежа
единственного числа (-у) в корпусах и на карте 14 ДАРЯ**

Корпус	Доля второго предложного в корпусах	Доля второго предложного в данной местности на карте ДАРЯ
Шетнево и Макеево	61 %	61–70 %
Опочка	71 %	81–100 %

1.4. Второй родительный падеж

Для исследования второго родительного падежа были взяты все формы родительного падежа единственного числа 2-го склонения. Метод извлечения данных из корпуса аналогичен методу для второго предложного. Поиск в корпусе производился по запросам:

`[(word='.*(y|ю)%c)& (tag = 'NOUN,(anim|inan),(masc|neut),sing,(gen|gen2|datv).*%c)]` — для второго родительного падежа (учтена графическая омонимия с дательным падежом),

`[(word='.*(a|я)%c)& (tag = 'NOUN,(anim|inan),(masc|neut),sing,gen.*%c)]` — для первого родительного падежа.

Актуальные примеры были отобраны из полученных данных вручную. Анализ примеров родительного падежа показал, что из них 17 % составляют формы на *-у/ю* и 83 % — формы на *-а/я*. Параметры для анализа форм второго родительного падежа были взяты те же, что и для второго предложного: род, одушевлённость, количество слогов и твердость/мягкость финального согласного основы (о релевантности данных параметров см. [Daniel, Ter-Avanesova 2022]). Результаты представлены в Таблице 9.

Таблица 9

**Параметры форм родительного падежа единственного числа
существительных 2-го склонения в корпусе ШМ**

	Сущ. муж. р.		Неодуш.		Слогов в ос- нове (среднее)		Оканчивается на тверд. согл.		Процент от всех форм Р. п.	
	-у	-а	-у	-а	-у	-а	-у	-а	-у	-а
	100%	81%	100%	83%	1.79	1.79	100%	90.8%	17%	83%
	57	229	57	235			57	149	57	282
Статисти- ческая зна- чимость*	+		+		-		+			

* U-критерий Манна — Уитни, уровень значимости (p-value) < 0,05

Значения в Таблице 9 схожи со значениями для второго предложного падежа. Форма второго родительного падежа присутствует только у неодушевлённых существительных мужского рода с твердым исходом основы. Главное отличие заключается в равном среднем количестве слогов основы у форм первого и второго родительного падежей, т. е. этот параметр оказывается нерелевантным. К аналогичному выводу пришли М. А. Даниэль и А. В. Тер-Аванесова [Ibid.: 5.1] в отношении опочечских говоров.

Лексемы, имеющие форму второго родительного падежа, в единственном числе преимущественно имеют ударение на основе, но данное ограничение не действует, если основа кончается на заднёнёбный согласный [Бромлей, Булатова 1972: 68; Daniel, Ter-Avanesoava 2022: 5.3]. Сравним процент форм с ударением на основе во всех падежах ед. ч. (а. п. *a, c, e*) и форм, заканчивающихся на задненёбный, в первом и втором предложном падежах, ограничив выборку неодушевленными существительными мужского рода.

Таблица 10

**Парадигмы ударения в формах первого и второго
родительного падежей неодушевлённых существительных
мужского рода в корпусе ШМ с учетом исхода основы**

	Р. п. на -у	Р. п. на -а
Лексемы с постоянным ударением на основе в парадигме ед. ч. (а. п. <i>a, c, e</i>) или с основами, заканчивающимися на <i>к, з, х</i>	16 (28 %)	9 (5 %)
Лексемы с ударением на окончании в каком-либо падеже ед. ч. (кроме основ с исходом <i>к, з, х</i>)	41 (72 %)	183 (95 %)

Доля форм с неподвижным ударением на основе не так высока — 28 %, как доли форм с характерными для второго родительного свойствами по другим параметрам (ср., например, процент форм мужского рода или процент форм с конечным твердым согласным основы — 100 %). Однако значения по ударению сильно различаются между первым и вторым родительным падежом (5 % vs. 28 %, хи-квадрат, p -value < 0,001), что делает этот параметр существенным для наличия формы родительного падежа на -у.

Среди примеров второго родительного падежа в корпусе ШМ есть лексемы, которые не имеют этой формы в литературном русском языке (по грамматическому словарю А. А. Зализняка [2003]), приведём их все:

- (55) *Урожая нет — и не получишь;*
 (56) *А теперь спросу нету* (в словаре есть *без спросу*);
 (57) *У меня сорок один год стажу;*
 (58) *И мамке сразу штрафу сразу дали;*
 (59) *у нас вначале была яблоня, потом там её выкорчевали. Так где я была оставлены вот у краёв (краих) от забору;*
 (60) *Да, с понедельнику до субботы, в субботу мы уже уходим домой.*

2. Местоимения

2.1. Родительный, винительный, дательный и местный падежи личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и возвратного местоимения

В настоящем и следующем разделах мы рассматриваем материал идиолектов МГА1932, АПБ1940, ЛНТ1950, ЗНС1939, ГИП1953. Среди личных местоимений диалектные формы существуют у местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч., а также возвратного местоимения [Пожарицкая 2005: 123].

Принято выделять две системы (см. Таблицу 11). Считается, что первая система характерна для северных, большинства среднерусских и самых восточных из южных говоров, а вторая — для южных и некоторых западных говоров [Касаткин и др. 2012: 133].

Таблица 11

Системы окончаний личных местоимений

	Система 1	Система 2
Р. п., В. п.	-а	-е
Д. п., П. п.	-е (ѣ) или -и	-е

База данных ДАРЯ [DB DARL] за 1952 г. фиксирует в ближайшей деревне Осташково переходную систему — возможны окончания -а и -е в родительном и винительном падежах. Наши данные демонстрируют кон-

куренцию этих систем с преобладанием второй у старших носителей и первой, литературной, у более молодых информантов. Обобщенные данные по частотности форм с разными окончаниями приведены в Таблице 12:

Таблица 12

Общая таблица окончаний личных местоимений

	-а	-е
Р. п.	57 (47 %)	75 (53 %)
В. п.	28 (61 %)	18 (39 %)

Из таблицы следует, что распределение окончаний в зависимости от падежа статистически значимое (критерий хи-квадрат, $p\text{-value} < 0,05$). В Таблице 13 приводятся данные по каждому информанту отдельно:

Таблица 13

Распределение вариантов личных местоимений в родительном и винительном падежах

	МГА1932		ЗНС1939		АПБ1940		ЛНТ1950		ГИП1953	
	-а	-е	-а	-е	-а	-е	-а	-е	-а	-е
Р. п.	0	27 (100 %)	5 (29 %)	12 (71 %)	2 (11 %)	17 (89 %)	15 (60 %)	10 (40 %)	35 (80 %)	9 (20 %)
В. п.	2 (20 %)	8 (80 %)	2 (67 %)	1 (33 %)	0	1 (100 %)	13 (65 %)	7 (35 %)	11 (92 %)	1 (8 %)

Как видно из таблицы, у информантов МГА1932, ЗНС1939 и АПБ1940 доминирует система с окончанием *-е*, а у более молодых ЛНТ1950 и ГИП1953 — система с литературным *-а*. Наблюдается чередование основ в Д. падеже 1-го и 2-го лица. В 1-м лице: *мн-* 166× и *мен-* 10×, причём второй вариант встречается у всех информантов. Во 2-м лице: *теб-* 31× и *тоб-* 12×, второй вариант зафиксирован только у информантов МГА1932 (*теб-* 1×, *тоб-* 7×) и ЗНС1939 (*теб-* 7×, *тоб-* 4×). Кроме того, у МГА1932 встречается форма *ме* с кратким вариантом основы 1-го лица в Р. и В. падежах. У других информантов таких форм не обнаружено. Частотность всех встретившихся форм Р., Д. и В. падежей представлена в Таблицах 14.1 и 14.2.

Рефлексивное местоимение в наших данных ведёт себя в соответствии с более архаической моделью окончаний на *-е* в Р. и В. падежах. Приведём весь материал с рефлексивными местоимениями.

МГА1932: В. п. *себе* 1×.

ЗНС1939: Р. п. *себе* 1×, В. п. *на себе* 1×.

АПБ1940: Р. п. *себе* 2×.

ГИП1953: Р. п. *от себе* 1×, *для себе* 1×.

В дательном падеже встречается не только стандартная для СРЛЯ форма, но и форма *собе*. Она встретилась по одному разу у МГА1932 и АПБ1940 и 5 раз — у ЗНС1939.

Таблица 14.1

**Частотность форм родительного, дательного
и винительного падежей местоимения 1-го лица**

	Р. п. 1-го л. ед. ч.			Д. п. 1-го л. ед. ч.		В. п. 1-го л. ед. ч.		
	<i>меня</i>	<i>ме</i>	<i>мене</i>	<i>мне</i>	<i>мене</i>	<i>ме</i>	<i>мене</i>	<i>Меня</i>
МГА1932	0	4	23	21	1	1	6	1
ЗНС1939	5	0	12	19	2	0	1	2
АПБ1940	2	0	17	9	1	0	1	0
ЛНТ1950	14	0	8	57	1	0	4	8
ГИП1953	34	0	7	60	2	0	1	6

Таблица 14.2

**Частотность форм родительного, дательного
и винительного падежей местоимений 2-го лица**

	Р. п. 2-го л. ед. ч.		Д. п. 2-го л. ед. ч.		В. п. 2-го л. ед. ч.	
	<i>тебя</i>	<i>Тебе</i>	<i>тебе</i>	<i>тобе</i>	<i>тебя</i>	<i>тебе</i>
МГА1932	0	0	1	8	1	1
ЗНС1939	0	0	7	4	0	0
АПБ1940	0	0	0	0	0	0
ЛНТ1950	1	2	13	0	5	3
ГИП1953	1	2	10	0	5	0

2.2. Местоимения 3-го лица

Диалектная вариативность местоимений 3-го лица проявляется прежде всего в наличии или отсутствии начального [j]. Формы с [j] в беспредложных группах задокументированы у информантов МГА1932 и ЗНС1939 в формах И. и Т. пп. м. р. ед. ч. и В. п. мн. ч.:

МГА1932: 3 л. ед. ч. м. р. И. п. *он* 44×, *jon* 3×; 3 л. ед. ч. м. р. Т. п. *јим* 4×; 3 л. мн. ч. В. п. *их* 2×, *јих* 6×.

ЗНС1939: 3 л. мн. ч. В. п. *их* 2×, *јих* 1×.

Появление [j] в этих контекстах связано с унификацией основ местоимений по образцу форм, утративших *n-* в основе в сочетаниях с предлогами, ср. *у неё* / *у её*. Утрата или сохранение *n-* является важной переменной в вариативности местоимений рассматриваемого говора. Приведём весь материал:

МГА1932: 3 л. ед. ч. м. р. Р. п. *у него* 1×, *у jeho*³ 4×; 3 л. ед. ч. м. р. Д. п. *к нему* 3×; 3 л. ед. ч. м. р. В. п. *на него* 1×; 3 л. ед. ч. м. р. Т. п. *с ним* 2×, *над ним* 1×, *с им* 1×; 3 л. ед. ч. ж. р. Д. п. *к ней* 2×; 3 л. ед. ч. ж. р. Т. п. *с ней* 2×, *за ней* 1×; 3 л. мн. ч. Р. п. *у них* 7×.

ЗНС1939: 3 л. ед. ч. м. р. Д. п. *к нему* 1×; 3 л. мн. ч. Р. п. *у них* 1×, *у их* 2×; 3 л. ед. ч. м. р. Т. п. *с ним* 6×.

АПБ1940: 3 л. ед. ч. м. р. Р. п. *у jeho* 4×, *до jeho* 1×; 3 л. ед. ч. ж. р. Д. п. *к ней* 1×; 3 л. ед. ч. м. р. Т. п. *с ним* 1×.

ЛНТ1950: 3 л. ед. ч. м. р. Р. п. *у него* 12×; 3 л. ед. ч. м. р. Т. п. *над ним* 1×; 3 л. ед. ч. ж. р. Р. п. *у неё* 5×; 3 л. ед. ч. ж. р. Д. п. *к ней* 1×; 3 л. ед. ч. ж. р. Т. п. *с ней* 4×; 3 л. ед. ч. м. р. Д. п. *к ним* 3×; 3 л. мн. ч. Р. п. *у них* 12×, *от них* 1×, *у них* 3×.

ГИП1953: 3 л. ед. ч. м. р. Р. п. *у него* 7×, *у jeho* 2×; 3 л. ед. ч. ж. р. Д. п. *к ней* 2×, *к ней* 3×; 3 л. ед. ч. ж. р. Т. п. *с ней* 1×; 3 л. мн. ч. Р. п. *у них* 2×, *у них* 2×; 3 л. мн. ч. Д. п. *к ним* 1×.

У более пожилых респондентов МГА1932, ЗНС1939 и АПБ1940 в основном преобладают варианты без *н-*, тогда как у респондентов ЛНТ1950 и ГИП1953 чаще встречается литературный вариант с *н-*.

Следующая черта рассматриваемого говора связана с вариативностью местоимения *они*. Наблюдается преобладание варианта местоимения 3-го л. мн. ч. И. п. *оны* над *они* у информантов МГА1950, ЗНС1939, АПБ1940. У информанта ЛНТ1950 ситуация обратная:

МГА1932: *оны* 15×, *они* 1×.

ЗНС1939: *оны* 20×, *они* 3×.

АПБ1940: *оны* 17×, *они* 1×.

ЛНТ1950: *оны* 8×, *они* 84×.

Можно также отметить существование особой формы местоимения 3-го л. ед. ч. ж. р. Р. п. *ей* вместо стандартной *ней* в конструкции с предлогом *у*. Эти формы в сочетаниях с другими предлогами в нашем материале не встретились. В беспредложных контекстах такая форма нами не обнаружена — зафиксирован только литературный вариант *её*. Вариант *у ей* встречается у трех информантов, при этом у ЛНТ1950 и ГИП1953 он является вариативным:

МГА1932: *у ей* 4×.

ЗНС1939: *у ей* 1×.

ЛНТ1950: *у ей* 2×, *у неё* 5×.

ГИП1953: *у ей* 2×, *у неё* 5×.

2.3. Указательные местоимения

В говоре зафиксированы диалектные формы указательных местоимений ближней и дальней дистанции, свойственные говорам западной диа-

³ В этой форме, как и в подобных — с начальным согласным в первом предупредительном слого, наблюдается яканье, т. е. фонетический вариант в данном случае: [ujaǝ].

лектной зоны [Касаткин и др. 2012]: *тая, тую, тое, тые, этая, этые*. В настоящем разделе мы используем материал тех информантов, у которых были обнаружены данные формы (МГА1930, АПБ1940, ЛНТ1950, ГИП1953), а именно корпусные материалы и пока не вошедшие в корпус расшифровки АПБ1940. По другим старшим информантам в нашем материале недостаточно данных, у более младших информантов диалектных форм указательных местоимений не встретилось. Представим весь диалектный материал по этим четырём информантам.

АПБ1940:

Дальняя дистанция, ед. ч., ж. р., И. п.: *тая перекаден- (перекаденная) переложенная, когда мы переходили*; В. п.: *два раза вот тую печку*; мн. ч., В. п.: *приедут в тые выходные; в тые выходные дети приедут*.

Ближняя дистанция П. п.: *немножко побулькало в этым*; ж. р., И. п.: *а этая до мене стояла*; мн. ч., И. п.: *этые ребятки; ячки эты; эты бабки*; Д. п.: *туда вот этым*.

МГА1932:

Дальняя дистанция, ед. ч., ж. р., И. п.: *тая старшая; тая пять классов окончила*; ср. р., В. п.: *всё не тое; надо тое, пожалуйста*.

Ближняя дистанция, мн. ч., Т. п.: *а этым деньгам*.

ЛНТ1950:

Дальняя дистанция, ед. ч., ж. р., И. п.: *тая хоть теплица; тая бегла и я не знаю даже как она выбегла*.

Ближняя дистанция, е. ч., Т. п.: *только с этым вином (этым 7×)*.

ГИП1953

Дальняя дистанция, ед. ч., ж. р. И. п.: *Много знала баба тая; тая лечила; но она давно уже умерши, тая хорошо баба*.

Ближняя дистанция, мн. ч., Р. п.: *У меня этых газет вот такая коробка стоит (этых 9×)*.

Таблица 15 показывает, какие диалектные формы сохраняются у разных информантов. Вопросительный знак в ячейке обозначает отсутствие необходимых форм в материале, записанном от информанта, а знак «минус» обозначает литературный вариант.

Таблица 15

Диалектные формы указательных местоимений у разных информантов

	<i>тая</i>	<i>тую</i>	<i>тое</i>	<i>тые</i>	<i>этая</i>	<i>этые</i>
АПБ1940	+	+	?	+	+	+
МГА1932	+	?	+	?	–	+
ЛНТ1950	+	–	–	–	–	–
ГИП1953	+	–	?	–	–	–

Форма указательного местоимения дальней дистанции *тая* есть у всех четырёх информантов, и в нашем материале не было встречено стандартной формы *та*. Но это единственная форма указательных местоимений дальней дистанции, которую сохраняют информанты ЛНТ1950 и ГИП1953. Остальные диалектные формы (*тую, тое, тые*) встретились только у информантов МГА1932 и АПБ1940. Указательные местоимения ближней дистанции с твёрдым согласным в исходе основы тоже встретились только у информантов МГА1932 и АПБ1940: у МГА1932 засвидетельствована форма *этые*, а у АПБ1940 — *этые* и *этая*.

2.4. Местоимение *весь*

В материале зафиксировано два типа морфологически нестандартных (диалектных) форм. Во-первых, однократно встречена форма *усий* (*весь* или *всей*). В остальных случаях данная форма ведёт себя как в литературном языке. Подобная вариативность зафиксирована в корпусе смоленских говоров Хиславичского района [Рыко, Спиричева 2020]. В материалах опочецких говоров подобная вариативность не обнаружена.

Кроме того, зафиксирована форма дательного падежа при предложении *по* (*по всёму*). Все три формы, как и форма *усий*, встретились у информанта ГИП1953. Других форм местоимения *весь* при предложении *по* в дательном падеже в разобранный материале не обнаружено. В других псковских говорах, например в опочецких, данная форма выражена формой *всяму* [Дьяченко и др. 2018: 285].

Приведём диалектные формы местоимения *весь* у информанта ГИП1953:

М. р., д. п.: *по всёму дому; по всёму дому; по всёму центру*.

М. р., и. п.: *мы тут всю жисть замерзаем, а он [дом] усий холодный; уже весь мокрая*.

2.5. Вопросительно-относительные местоимения *кто* и *что*

Как и в некоторых других псковских говорах [Сидоренская 1968; 1979; Ронько 2020: 239], в исследуемом диалекте существуют конструкции, в которых на месте местоимения *что* в родительном падеже употребляется местоимение *кто*. Приведём весь материал из корпуса:

(61) *Кого мы сделаем?* (МГА1932);

(62) *Кого там было? Ничего не было* (МГА1932);

(63) *Я кого... в кино показывают, знаю, что это вот артисты, ругают их тогда, немцев всех, знают, что артисты, ругают* (МГА1932);

(64) Интервьюер: *Прививку тогда еще не делали?* МГА1932: *Кого?*

(65) *Это хорошо, что потом папка у меня работал шофёром — он было за нами приезжает в Степаньково — придет за нами и с нами тогда вот едет домой, нас везёт со школы, вот, кого там* (ЛНТ1950);

- (66) *И охотник, и... Господи, кого только нет у него... И рыбак... А рыбак заядлый, это что-то* (ЛНТ1950);
- (67) *Кого ж ты там, тебе ж не видать даже сидевши, кого ж ты такой маленький, куда же ты заводишь?* (ЛНТ1950);
- (68) *Ну она теперь да, она теперь всё это... Конечно. А там кого там, она ж уже... Это сколько лет уже* (ЛНТ1950);
- (69) *Кого там, это ж все, это столько убытков* (ЛНТ1950).

Также встречаются контексты с местоимением *никого* в значении *ничего*:

- (70) *никого ж не скажешь* (ГИП1953);
- (71) *тогда же тракторов не было, никого не было, ничего* (МГА1932).

3. Глагол

3.1. Презенс

Согласно сведениям [DB DARL], в деревне Осташково были обнаружены как твёрдые глагольные окончания 3-го лица единственного и множественного числа (-*т*), так и мягкие (-*т'*). В деревне Фофаново у глагольных форм зафиксированы только твёрдые окончания (-*т*).

В изучаемом говоре была выявлена вариативность окончаний глагольных форм. Мы использовали материал записей четырёх информантов: МГА1932, ЗНС1939, АПБ1940 и ЛНТ1950. Для трёх старших информантов были составлены парадигмы форм настоящего времени. В Таблице 19 представлена объединённая парадигма для первых трёх старших информантов.

Таблица 16

Основная парадигма презенса у МГА1932

Форма	Окончание			
	I спряжение		II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание	ударное окончание	безударное окончание
1 sg	-у		–	
2 sg	-’ои / -еи	-ии	-ии	-ии
3 sg	-’от’	-ит’		
1 pl	–	-им		–
2 pl	–	–	-ити	–
3 pl	-ут’	-ут’	-’ат’	-ут’

У данного информанта наблюдаются более архаичные окончания у глаголов с ударными окончаниями в формах 2-го лица единственного числа:

najd'ěui 2×, *pr'id'ěui* 2×. Таких форм встретилось четыре, окончание *-óui* имели только две формы: *ad'ejóui* (одеваешь) и *najd'óui*. В окончаниях форм 3-го лица единственного числа отмечено преобладание мягких вариантов окончаний. Обнаружены флексии *-ót'* в формах глаголов I спряжения с ударными окончаниями (*жыв'ót'*, *пр'ót'*), *-ít'* в формах глаголов I спряжения с безударными окончаниями и глаголов II спряжения (*бал'ít'*, *игр'áut'*, *тón'ut'*).

У информанта МГА1932 достаточно редки отклонения от основной парадигмы: *гьвар'ít'* 3×, *тón'ut'*. Обе глагольных формы встречались и с мягким вариантом окончания.

У глаголов I спряжения множественного числа с ударением на окончании фиксируются окончания *-út'*: *б'ар'út'*. Флексии *-át'* отмечены у глаголов II спряжения с ударением на окончании: *л'ат'át'*. У глаголов с безударными окончаниями формы множественного числа образуются по модели общего спряжения, реализуется окончание *-út'*: *таргуйут'*, *нос'ут'*.

Таблица 17

Основная парадигма презенса у ЗНС1939

Форма	Окончание			
	I спряжение		II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание	ударное окончание	безударное окончание
1 sg	-у		–	–
2 sg	–	-иш	–	-иш
3 sg	- 'от'	-ит'		
1 pl	- 'ом	-им	–	-им
2 pl	–	–	–	–
3 pl	-ут'		- 'ам'	-ут'

В целом парадигма форм у информанта ЗНС1939 совпадает с тем, что было обнаружено у МГА1932, однако в речи ЗНС1939 не встретились некоторые формы, поэтому сопоставлялись только обнаруженные окончания.

У ЗНС1939 также были зафиксированы исключения: *жрут*, *сб'ирайут*, *пр'исуйут* (прессуют). Последняя форма могла быть с твёрдым окончанием из-за прайминга: данный глагол был употреблён интервьюерами в вопросе, на который диалектоноситель давал ответ.

В отличие от МГА1932, в речи АПБ1940 у глаголов I спряжения с ударением на окончании в форме 2-го лица единственного числа встречается только флексия *-óui*. В остальной система похожа на предыдущие (за исключением незаполненных ячеек). У АПБ1940 обнаружены также твёрдые варианты окончаний 3-го лица: ед. ч. *пр'иеж'áut* 2×, *стайт*; мн. ч. *идут*, *сб'ирайут*.

Таблица 18

Основная парадигма презенса у АПБ1940

Форма	Окончание			
	I спряжение		II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание	ударное окончание	безударное окончание
1 sg	-у			
2 sg	-’ош	-иш	–	-иш
3 sg	-’ом’	-ит’		
1 pl	-’ом	-им	–	–
2 pl	–	-ит’и	–	–
3 pl	-ит’		-’ам’	-ит’

Таблица 19

Общая парадигма

Форма	Окончание			
	I спряжение		II спряжение	
	ударное окончание	безударное окончание	ударное окончание	безударное окончание
1 sg	-у			
2 sg	-’ош / -еш	-иш		
3 sg	-’ом’	-ит’		
1 pl	-’ом	-им		
2 pl		-ит’и		
3 pl	-ит’		-’ам’	-ит’

У всех рассмотренных информантов преобладают формы с мягкими вариантами окончаний 3-го лица, хотя у всех встречаются исключения. Было замечено одно условие, влияющее на выбор окончания: положение на конце фразы не характерно для твердых окончаний 3-го лица. Так, например, у ЗНС1939 у последней формы мягкое окончание, у первых двух — твёрдое.

(72) ...сейчас привезут, отвезут, накормят (накормять).

У информанта ЛНТ1950 обнаруживается большая вариативность окончаний глагольных форм 3-го л., см. таблицу 20/:

Почти во всех случаях отмечается преобладание твёрдых вариантов. Исключениями же являются формы II спряжения числа с ударением на основе, где распределение примерно равное.

Таблица 20

**Распределение форм 3-го лица презенса с твёрдыми
и мягкими вариантами окончаний
у информанта ЛНТ1950**

	I спряжение				II спряжение			
	ударное окончание		безударное окончание		ударное окончание		безударное окончание	
	-т'	-т	-т'	-т	-т'	-т	-т'	-т
3 sg	2 (11 %)	16 (89 %)	11 (38 %)	18 (62 %)	6 (19 %)	27 (81 %)	8 (50 %)	8 (50 %)
3 pl	4 (31 %)	9 (69 %)	0	8 (100 %)	2 (20 %)	8 (80 %)	8 (57 %)	6 (43 %)

Приведём весь собранный нами материал.

МГА1932Спряжение глаголов с ударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. в'ажу́ 2×, пр'ѣхажу́, жыву́ 3×, п'ју́

2 ед. ад'ејош (одеваешь), пайд'ош, пайд'еш 2×, пр'ид'еш 2×

3 ед. жыв'от' 2×, жывуш, жыво́с', нъстајот, пр'от', пр'от

3 мн. б'ар'ут' 2×

II спряжение

1 ед. гъвар'у 8×, п'ър'ьнашу́

2 ед. гъвар'иш, с'ид'иш

3 ед. гъвар'ит' 20×, гр'ит' 2×, гъвар'ит 5×, гр'ит, гон'ит', гар'ит',

бал'ит' 6×, пар'ит', стаит, стаит'

1 мн. л'ажым

3 мн. л'ат'ат'

Спряжение глаголов с безударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. зна́йу 4×, помну, пн'имáйу 2×

2 ед. зна́иш, нъгарáиш, нап'и́иш, помн'иш

3 ед. бегъ°, в'ажыт' 2×, зна́ит', игра́ит', работаит' 3×, работаит,
раска́зывает', скуч'аит' 2×, ст'ира́ит'

1 мн. зна́им, паед'им

2 мн. зна́ит'и, пн'имáит'и

3 мн. пр'иезжáйут' 3×, работáйут', таргáут'

II спряжение

2 ед. брос'иш

3 ед. прахóд'ит', тóп'ит', тóп'ит

3 мн. нóс'ут'

ЗНС1939Спряжение глаголов с ударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. п'у́ (пью)

3 ед. жы́в'о́т', раст'о́т'

1 мн. гр'а́б'о́м

3 мн. жру́т', жрут, па́жу́т'

II спряжение

3 ед. л'а́ж'ы́т', с'ид'и́т', стаи́т'

3 мн. ба́л'а́т', с'ид'а́т'

Спряжение глаголов с безударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. зна́йу, п'ьр'ьжыва́йу, вспъ́м'ина́йу

2 ед. в'а́жыи, де́лаиши, зъкыва́иши, ре́жыи

3 ед. куда́хч'ит', м'а́укаит', асавл'а́ит' 2×, пан'има́ит', рабо́таит', р'ежы́т'

1 мн. в'а́жым, называ́им

3 мн. бе́гайут', выса́жывь'о́т' 2×, зъставл'а́йут, нъзыва́йут', нъпъ́м'ина́йут', атм'имча́йут', пр'ису́йут (прессуют), пр'иезжа́йут', рабо́тайут' 2×, съб'ира́йут', съб'ира́йут, со́л'ут' 2×, уб'ива́йут'

II спряжение

1 мн. хо́д'им

3 мн. ква́с'ут', ла́зийут', л'о́в'ут', пр'иво́з'ут', хо́д'ут' 2×

АПБ1940Спряжение глаголов с ударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. встайу́, гл'ажу́, д'э́лайу́, ду́майу́ 2×, жы́ву 3×, пл'ату́ 3×, узнайу́

2 ед. ид'о́ш 2×, клад'о́ш 2×

3 ед. ба́р'о́т' 2×, жы́в'о́т', ид'о́т 3×, па́жо́т'

1 мн. в'аз'о́м, ид'о́м

3 мн. иду́т, иду́т', в'азу́т', жы́в'у́т', жму́т'

II спряжение

1 ед. гъвар'у́ 10×, к'ип'ач'у́, тапл'у́ хб, хажу́

3 ед. гар'и́т' 3×, кр'ич'и́т' 2× (в), л'ажы́т' (со мной), стаи́т' 8×, стаи́, стаи́т

3 мн. ч'уд'а́т'

Спряжение глаголов с безударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. ду́майу́ 2×, и́еду, зъгътавл'а́йу, зна́йу 10×, нак'идъвь'о́, п'ир'аст'ь-р'ьвь'о́, пьдн'има́йу, сажайу́, уб'ира́йу

2 ед. д'э́лаиши, е́дд'иши (ездишь), за́жажа́иши, к'ида́иши, атжыма́иши, п'ь-р'ам'эшывь'и, пьр'ад'э́лывь'и, рабо́таиши 2×

3 ед. игра́ит', нъм'ата́ит', атзыва́ит', па́шыт', пр'иежа́ит' 2×, рабо́-тъят', сажай́т', со́хн'ит'

1 мн. *йéd'им* 2×, *нѣб'ираим*, *стар'еим*, *вѣн'ис'ѣм*
 2 мн. *йéd'ит'и*
 3 мн. *дѣжыдáiют'*, *атм'ан'áют'*, *пр'идумъвъѣт'*, *пр'иежáiют'* 2×, *ра-
 бóтъѣ'т*, *рѣзб'ивáiют'*, *скакаáiют'*, *слу'шѣ'ѣ'т'*, *сѣб'ираáiют'*, *пáиют'*

II спряжение

1 ед. *пóмн'у* 4×
 2 ед. *вár'иш*, *ѣздиж*, *стáвиш*
 3 ед. *хóд'ит'* 2×, *гѣвар'ít'*, *гѣвар'ит*, *захóд'ит'* 2×, *пр'ихóд'ит'* 2×, *ухóд'ит'*

ЛНТ1950

Спряжение глаголов с ударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. *жывѣу*, *идѣу* 2×, *пáжѣу*
 2 ед. *б'jóш* 2×, *ид'óш* 6×, *н'ас'óш*
 3 ед. *жыв'óт'* 2×, *жыв'óт* 6×, *ид'óт* 2×, *пáжóт*, *раст'óт* 4×, *в'ид'óт* 3×
 1 мн. *бир'óm*, *жд'óm*, *ид'óm* 5×, *п'ек'óm*
 2 мн. *жд'óт'и*, *п'жóт'и*
 3 мн. *грызѣт'*, *идѣт'* 2×, *клад'ут'*, *в'адѣт'*, *жыв'ѣт'*, *идѣт'* 2×, *н'асѣт'*, *пáжѣт'* 2×, *растѣт'* 2×

II спряжение

1 ед. *гѣвар'ѣу* 20×, *гѣвр'ѣу*, *гѣр'ѣу* 2×, *гл'ажѣу*, *л'ажѣу*, *пр'ихажѣу*, *ухажѣу*, *хажѣу* 7×
 3 ед. *гл'ад'ит'* 3×, *с'ид'ит'*, *стаит'*, *тарч'ит'*, *бал'ит'* 7×, *гѣвар'ит'* 7×, *гр'ит'*, *кр'ич'ит'* 3×, *л'ажыт'*, *стаит'* 8×
 1 мн. *гл'ад'ím* 3×
 3 мн. *бал'át'*, *с'ид'át'*, *бал'át*, *гѣвар'át*, *гл'ад'át* 2×, *яд'át*, *л'яжát* 2×, *стаját*

Спряжение глаголов с безударными окончаниями:

I спряжение

1 ед. *брасáiу*, *вспам'инаáiу*, *дѣмайѣу* 8×, *зѣгатáвл'ѣвъѣ'ѣ*, *знáiу*, *падб'и-
 райѣу*, *ругáiу*, *саб'ирайѣу*, *ц'итáiу*, *ч'уствѣйѣу*
 2 ед. *д'ѣлаиш* 7×, *ѣдиш* 3×, *заижáiш* 2×, *знáиш*, *зѣпап'инаиш*, *пѣварá-
 ч'ивѣиш*, *ум'ѣиш*
 3 ед. *выд'ѣржывъѣт'*, *выплывáiт'*, *ѣдут'*, *зѣрастáит'*, *знáит'*, *мѣч'ит'*
 (мучает), *наступáит'*, *хватáит'* 2×, *хл'óпаит'*, *ч'уствѣит'*
 1 мн. *д'ѣлаим*, *знáим*, *нѣзывáiим*, *с'ѣим*
 3 мн. *вылизáiют'*, *м'ѣл'ют'*, *празнуйѣт'*, *см'ѣл'ют'*, *атрывáiют'*, *выли-
 з'áiют'* 4×, *выпалзáiют'*, *заклáдывайѣт'* 2×, *знáiют'*, *д'ѣлайѣт'*, *игрáiют'*, *па-
 крывáiют'*, *панимáiют'* 2×, *празнуйѣт'* 2×, *пр'иежáiют'*, *уб'ирайѣт'*

II спряжение

1 ед. *в'иѣжу*, *п'óмн'у*, *ув'иѣжу*
 2 ед. *вár'иш*, *в'ид'иш* 3×, *трав'иш*, *ув'ид'иш* 3×, *хóдиш*
 3 ед. *брóд'ит'*, *выхóд'ит'*, *падхóд'ит'*, *пóмн'ит'*, *прахóд'ит'*, *смó-
 тр'ит'*, *хóд'ит'* 2×

1 мн. *э́здим* 3×, *хо́д'им* 2×
 3 мн. *выхо́д'ут'*, *э́зд'и́ют'* ×3, *ухо́д'ут'*, *хо́д'ут'* 3×, *го́н'ут'*, *э́зд'и́ют'* 2×,
нахо́д'ут', *стро́йут'*, *ухо́д'ьт'*, *хо́д'ьт'*.

3.2. Глагол *хотеть*

У глагола *хотеть* в форме 2-го лица единственного числа распространена усеченная форма *хо́ш*, которая встретилась у всех четырёх рассмотренных информантов. У МГА1932 и ЛНТ1950 были обнаружены и литературные варианты. Стоит отметить, что ни у одного информанта не зафиксировано форм с *-т-* в исходе основы: *хо́ч'им* (ЛНТ1950), *захо́ч'ут'и* (МГА1932), *хо́ч'ут'* (ЗНС1939, ЛНТ1950). В Таблице 21 приведены данные по четырем информантам.

Таблица 21

Парадигма глагола *хотеть* (и однокоренных)

	МГА1932	ЗНС1939	АПБ1940	ЛНТ1950
1 sg				
2 sg	<i>хо́ш</i> 2×, <i>захо́ч'иш</i>	<i>хо́ш</i>	<i>хо́ш</i> 2×	<i>хо́ш</i> 3×, <i>хо́ч'иш</i>
3 sg				<i>хо́ч'ит'</i>
1 pl				<i>хо́ч'им</i>
2 pl	<i>захо́ч'ут'и</i>			
3 pl		<i>хо́ч'ут'</i>		<i>хо́ч'ут'</i> 2×

3.3. Возвратные суффиксы глагольных форм

В СРЛЯ выбор варианта постфикса в общем случае зависит от исхода формы, к которой он прибавляется. Не принимая в расчет причастий, вариант *-ся* присоединяется к формам глагола, оканчивающимся на согласный, а вариант *-сь* — к формам, оканчивающимся на гласный (ср. *успокоит-ся*, *нести-сь*) [Легучий 2014].

В исследуемом говоре наблюдается вариативность возвратного постфикса в позиции после гласной (*боюсь* и *боюсь*). Согласно [DB DARL] и карте 103 ДАРЯ, данное явление встречается и в говоре деревни Осташково. В настоящем разделе мы постараемся определить факторы, влияющие на выбор между двумя реализациями постфикса.

Мы проанализировали распределение возвратных постфиксов *-с'* и *-с'а* в позиции после гласных с точки зрения двух параметров: место ударения и тип фонетического контекста после постфикса. Ударение может располагаться на основе и на окончании, а для анализа фонетического контекста мы рассмотрели следующие случаи: 1) $_V \& _j$ — постфикс перед гласным и *j* (например, *боюсь* и *всё*; *боюсь* я); 2) $_C$ — перед согласным (ср. СРЛЯ:

собиралось много); 3) _# — перед паузой (*не осыпалось#*); 4) другое. В четвёртую категорию были отнесены контексты, в которых глагол находился в конце клаузы, но между ним и началом следующей клаузы не было паузы. Мы предполагаем, что /с'/ чаще встречается в позиции _V, а вариант /с'a/ — в _C и _#, а также, что /с'/ будет более частотным в глаголах с ударением на окончании, чем в глаголах с ударением на основе.

Сначала рассмотрим влияние места ударения на выбор возвратного постфикса. В следующих трёх таблицах показано распределение вариантов постфикса у трёх информантов.

Таблица 22

**Распределение вариантов возвратного постфикса в позиции
после гласного в зависимости от места ударения**

Таблица 22.1. МГА 1932

	/с'a/	/с'/
Ударение на основе	52 (78 %)	15 (22 %)
Ударение на окончании	5 (39 %)	8 (61 %)

Таблица 22.2. АПБ1940

	/с'a/	/с'/
Ударение на основе	15 (75 %)	5 (25 %)
Ударение на окончании	8 (57 %)	6 (43 %)

Таблица 22.3. ЛНТ1950

	/с'a/	/с'/
Ударение на основе	3 (43 %)	4 (57 %)
Ударение на окончании	11 (40 %)	27 (60 %)

Информант МГА1932 употребляет преимущественно /с'a/ в словоформах с ударением на основе и /с'/ — с ударением на окончании. Данное распределение является статистически значимым (точный критерий Фишера $p = 0,0077 (< 0,05)$). В распределении вариантов постфикса у АПБ1940 и ЛНТ1950 не найден статистически значимый результат (точный критерий Фишера $p = 0,4575 (> 0,05)$ и $p = 0,6593 (> 0,05)$, результат статистически НЕ значим).

Далее мы рассмотрим влияние правого фонетического контекста на выбор варианта рефлексивной морфемы. В следующей группе таблиц можно наблюдать распределение вариантов постфикса у трёх информантов в зависимости от фонетического контекста.

Таблица 23

**Распределение вариантов возвратного постфикса
в зависимости от следующего звука**

Таблица 23.1. МГА1932

	/с'а/	/с'/	Всего
Все позиции	57 (71 %)	23 (29 %)	80
_V & _j	1 (10 %)	9 (90 %)	10
_C	24 (80 %)	6 (20 %)	30
_#	24 (80 %)	4 (20 %)	28
Другое	8 (67 %)	4 (33 %)	12

Таблица 23.2. АПБ1940

	/с'а/	/с'/	Всего
Все позиции	23	11	34
_V & _j	2 (50 %)	2 (50 %)	4
_C	7 (78 %)	2 (22 %)	9
_#	8 (61 %)	5 (39 %)	13
Другое	6 (75 %)	2 (25 %)	8

Таблица 23.3. ЛНТ1950

	/с'а/	/с'/	Всего
Все позиции	14 (31 %)	31 (69 %)	45
_V & _j	0	7 (100 %)	7
_C	6 (33 %)	12 (67 %)	18
_#	4 (36 %)	7 (64 %)	11
Другое	4 (45 %)	5 (55 %)	9

Для информантов МГА1932 и ЛНТ1950 подтвердилась гипотеза о том, что /с'/ чаще становится в позиции перед гласным и j. В целом у МГА1932 и АПБ1940 наблюдается вариативность с преобладанием /с'а/, а у ЛНТ1950 — с преобладанием /с'/.

3.5. Некоторые особенности морфологии причастий

В изучаемом говоре существуют два основных морфологических типа причастий: действительные с суффиксами *-ши*, *-вши*, *-дчи* и страдательные с суффиксами *-но* (*-н*), *-то* (*-т*). Причастиям в данном говоре посвящена работа [Цейтина 2022]. Страдательные причастия образуются от переходных глаголов, действительные (за рядом исключений) — от непереходных и

возвратных глаголов (см. Таблицу 24). Данные, представленные в следующей таблице, получены корпусным методом. С помощью запросов [word='*.но%с'], [word='*.то%с'], [word='*.ши%с'], [word='*.дчи%с] мы извлекли материал из корпуса, а затем просмотрели контексты вручную. В Таблице 24 мы можем видеть, от каких глаголов образуются разные типы причастий.

Таблица 24

**Образование причастий в говоре
деревень Шетнево и Макеево по корпусным данным**

	<i>-ши, -вши, -дчи</i> (действительные причастия)	<i>-но, -то</i> (страдательные причастия)
Переходные	3 (2 %)	54 (98 %)
Непереходные и возвратные	72 (100 %)	0

Распределение форм, полученное в таблице, статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера $p = 0,00001$. Результат статистически значимый $p < 0,01$). В таблице число действительных причастий от переходных глаголов — 3. Ниже приведены примеры:

- (73) *Тань, ну до конца мы избу, она сгноит, не **топивши**, надо ж дом то ж топить-то деревянный* ЛНТ1950;
 (74) *что ты говорю сам= не **топивши**?* ЛНТ1950;
 (75) *а я-то хоть бы записала, понятно, что не записала, не **записавши** как вот я тебе буду сечь?* ЛНТ1950.

Такая же система задокументирована и в других псковских говорах (например, опочецких) [Дьяченко и др. 2018; Дьяченко и др. 2020; Цейтина 2022], а также в некоторых Смоленских говорах (Хиславичского района) [Цейтина 2022].

Глаголы *идти, ехать* и их дериваты образуют причастия не с суффиксом *-ши*, а с суффиксом *-дчи*: *ушодчи, уехадчи, приехадчи, пришодчи*. В корпусе представлено 22 подобных примера. Суффикс *-вши*, характерный для некоторых псковских говоров, в нашем материале не зафиксирован. Важно отметить, что причастия на *-ши* встречаются у всех местных жителей деревень. Так, в полевых записях экспедиционеров есть примеры с причастиями на *-ши* от информанта 1994 года рождения.

Часть II: Синтаксис

1. Согласование причастий

Синтаксис причастий в русских северных и западных говорах — большая тема, которой посвящено множество работ (см., например, [Кузьмина,

Немченко 1971; Трубинский 1983; Кузьмина 1993] и др.). В рамках данного исследования мы постараемся разобраться с одной компактной проблемой синтаксиса причастий, которая, как мы считаем, решается корпусным и количественным методом, а именно — с *согласованием причастий*. Причастия в данных говорах могут не согласовываться с контролёром⁴, а принимать форму среднего рода вне зависимости от рода контролёра. При этом глагол-связка *быть* может согласовываться или не согласовываться с контролёром вне зависимости от того, согласуется причастие с контролёром или нет.

1.1. Согласование причастий в конструкциях без глагола-связки

Рассмотрим отдельно согласование причастий с суффиксом *-н* в контекстах, где нет глагола-связки. В Таблице 1 отмечено, в скольких примерах согласование имени с причастием происходит по стандартной для русского языка модели, а в скольких — отклоняется от стандарта. Примеры поделены на группы в зависимости от согласовательного класса контролёра.

Таблица 1

Согласование причастий с суффиксом *-н*

Согласовательный класс	ж. р.	м. р.	ср. р.	мн. ч.	всего
Стандартное согласование	21 (95 %)	4 (19 %)	20 (95 %)	2 (15 %)	47 (61 %)
Другая модель согласования	1 (м. р.) (5 %)	17 (ср. р.) (81 %)	1 (м. р.) (5 %)	11 (ср. р.) (85 %)	30 (39 %)

Сначала рассмотрим случаи, в которых контролёр в форме женского рода. Окончания всех этих причастий безударные, и из-за редукции в ударных слогах невозможно определить, согласуется ли причастие с контролёром по ж. р. или стоит в своей дефолтной форме ср. р. Все такие примеры учтены в строке «стандартное согласование», но это просто условность, ср. пример

(1) *Когда печка **на**топлена — жарко* ГИП1953.

Единственный пример, где мы считаем, что согласования нет, — это пример (2), в котором причастие согласуется по модели м. р., т. е. имеет нулевое окончание:

⁴ Говоря о согласовании, мы используем термины «мишень» (англ. *target*) и «контролёр» (англ. *controller*) (см., например, [Corbet 1990; 2006; Плунгян 2011]). Мишень — это согласуемая словоформа, которая подчиняется грамматическим требованиям согласующей словоформы или контролёра.

- (2) *я прихожу, думаю, что это стоит, на плите (плиты) стоит у него **положен** доска, туда, чтоб в печку в саму, на этой печке поставлен домкратик, вот такой маленький, сюда **положена** доска, он в этот под домкратик подкон= домкратил, теперь наш= моя кирпичина вся в печке* ЛНТ1950.

Однако такая форма может быть вызвана сильной редукцией в беглой устной речи. Первое причастие с существительным-контролёром *доска* имеет нулевое окончание (*положен*), а второе причастие с тем же существительным уже имеет выраженное окончание (женского или среднего рода — нельзя определить).

Из таблицы видно, что в большинстве случаев с контролёром мужского рода причастие согласуется с ним по модели ср. р. Например:

- (3) *Но и то это свой личный... **Магазин поставлено**...* ЗНС1939;
 (4) *И один **брат** тоже **захоронено** в Пскове, там жил* МГА1932.

Из четырёх примеров, где согласование происходит по модели м. р., один пример принадлежит информанту ЛНТ1950:

- (5) *дом какой у них новый **выстроен** у него* ЛНТ1950.

Ещё один пример с согласованием по м. р. принадлежит информанту АПБ1940 (для него это явление — редкость, в остальных 11 примерах причастие не согласуется по м. р.):

- (6) *Я не помню, каким годом (каким году) он **построен*** АПБ1940 (речь о доме).

Для контекстов с контролёром среднего рода зафиксирован один пример, в котором согласование происходит по модели м. р.:

- (7) *Там, где **охотозайство построен**, за мостом* ЛХЛ1941.

В остальных двадцати контекстах с контролёром среднего рода причастия имеют безударное окончание, поэтому нельзя сказать наверняка, стоит ли причастие в форме ж. или ср. р., однако логично предположить, что в таких контекстах согласование происходит по среднему роду, например:

- (8) ***Зверьё** всё там **связано*** АПБ1940.

В большей части примеров с контролёром во множественном числе (11 из 13) причастие согласуется с существительным по модели ед. ч. ср. р. Ниже приведены примеры, в которых можно на слух определить окончание и, соответственно, форму причастия.

Пример со стандартным согласованием:

- (9) *вот всё вот так согнувши у него, **поставлены** какие-то болты даже на <нрзб> в Москве ему делали* ЛНТ1950.

Пример с причастием в форме среднего рода:

- (10) *Тряпки тоненько **нарезано**, надо было чуть потолще, сильно тоненько* АПБ1940.

В таблицу не вошли примеры, в которых контролёра согласования нет, даже если он ясен из контекста. В 17 из 19 таких предложений причастия стоят в форме среднего рода, так, как это происходит в русском литературном языке. В двух предложениях причастия имеют форму м. р. ед. ч.:

- (11) *Захламлен теперь так, ужас...* ЛНТ1950 (о буреломе в лесу);
 (12) *А лил дождь сначала и всё, так поздно **посажен** нынче* ЛНТ1950 (о картошке в огороде).

Теперь рассмотрим то же явление с причастиями с суффиксом *-т*. Всего было извлечено 22 примера с причастиями с суффиксом *-т* без глагола-связки. Исключено три примера с устойчивым выражением *так принято*. В таблице представлено распределение согласовательных моделей причастий на *-т*.

Таблица 2

Согласование причастий с суффиксом *-т*

Согласовательный класс	ж. р.	м. р.	ср. р.	мн. ч.	всего
Стандартное согласование	5 (100 %)	1 (50 %)	5 (100%)	2 (67 %)	13 (87 %)
Другая модель согласования	0	1 (с. р.) (50 %)	0	1 (с. р.) (33 %)	2 (13 %)

Ситуация с согласованием причастий на *-т* подобна ситуации с согласованием причастий на *-н*. Приведём примеры разных моделей согласования.

Согласование по женскому роду:

- (13) *Одну помидору поливать, потому что она **накрыта*** АПБ1940.

Согласование по мужскому роду:

- (14) *раньше знал его, да, так, чистый всё, **побрит*** ИВС1954.

Контролёр в мужском роде, но причастие в форме ср. р.:

- (15) *у бабушки в зале кровать стоит, а в кровати постельник такой и **набито** соломой* ГИП1953.

Согласование по среднему роду:

- (16) *Мы ⟨нрзб⟩ у нас **всё открыто**, тут открыто, там открыто, и дверь открыта, только одну закрываем и всё* МГА1932.

Согласование по множественному числу:

(17) *Сейчас посмотришь — у таких маленьких уже серёжечки одеты* ГИП1953.

Контролёр имеет форму мн. ч., а причастие — форму ед. ч. ср. р.:

(18) *Она и чесала, раньше такие чески были, такие вот, такая решётка, такие гвоздики набито, ручки, такие они* ГИП1953.

Также встретилось четыре предложения без объекта-контролёра согласования. Во всех этих предложениях причастие стоит в форме ср. р.:

(19) *Спихнуто, у нас на окраине (краине) земля хорошая была, и там вот распахано тоже зверью, посеяно* АПБ1940.

В Таблице 3 приведены обобщенные данные по согласованию причастий с суффиксами *-н* и *-т*.

Таблица 3

Согласование причастий с суффиксами *-н*, *-т*

Согласовательный класс	ж. р.	м. р.	с. р.	мн. ч.	всего
Стандартное согласование	26 (96 %)	5 (22 %)	25 (96 %)	4 (25 %)	60 (65 %)
Другая модель согласования	1 (м. р.) (4 %)	18 (с. р.) (78 %)	1 (м. р.) (4 %)	12 (с. р.) (75 %)	32 (35 %)

1.2. Согласование причастий в конструкциях со связкой

В этом разделе представлены данные по согласованию причастий и связки *быть* в конструкциях, где оба компонента присутствуют (в отличие от предыдущего раздела, в котором рассматривалось согласование причастий в бессвязочных конструкциях). В Таблице 4 приведены данные по всем встретившимся конструкциям с причастиями с суффиксами *-н* и *-т* и глаголом-связкой *быть* в прошедшем времени.

Приведём примеры на каждую из рубрик в данной таблице.

Контролёр в форме ж.р., связка и причастие согласованы:

(20) *Была липучка повешена* МГА1932;

(21) *Иду, в зал захожу, в зал, а дверь была открыта* АПБ1940.

Контролёр в форме м. р., согласована только связка:

(22) *Дом был накрыто щепой* МГА1932;

(23) *у меня был телефон проведено мне* АПБ1940.

Таблица 4

Согласование причастий с суффиксами *-н* и *-т* и глагола-связки

Согласовательный класс	ж. р.	м. р.	ср. р.	мн. ч.
Согласование и причастия, и связки	21	0	4	7
Согласование связки, но не причастия	0	5	0	7
Согласование причастия, но не связки	0	0	0	0
Нет согласования ни одной из мишеней	0	3	0	0

Контролёр в форме м. р., связка и причастие не согласованы:

(24) *Да, он и сейчас вон есть, куплено было сепаратор у меня* ГИП1953.

Контролёр в форме ср. р., связка и причастие согласованы:

(25) *Да. Было радио-то. Проведено* МГА1932.

Контролёр в форме мн. ч., связка и причастие согласованы:

(26) *Что были деньги положены...* ЛНТ1950;

(27) *И она — глаза были закрыты — открыла глаза* ЗНС1939.

Контролёр в форме мн. ч., согласована только связка:

(28) *Один мужик жил, потом еще кто-то там жили, они были разделено четыре на четыре* АПБ1940;

(29) *Ну они сделано были большие такие* ГИП1953.

На нашем материале наблюдается закономерность: если причастие согласовано, то связка обязательно будет согласована с контролёром. Обратное неверно: связка в 12 примерах стоит в форме, совпадающей с формой контролёра (согласуется с ним), в то время как причастие имеет отличную форму (т. е. не согласуется). Ситуация, где обе мишени не согласуются с контролёром, встретилась только в примерах, где контролёр находится в форме м. р. В этих примерах связка и причастие стоят в форме ср. р.

2. Номинативный объект

В русских северных и северо-западных говорах распространена конструкция с объектом в именительном падеже. Особенно часто подобная конструкция встречается в клаузах с модальным предикативом *надо* [Кузьмина 1993; Ронько 2017]. В нашем материале обнаружены:

— один пример с существительным *корова* при предикативе *надо* и инфинитиве:

- (30) *а вот успевали, [я] вставала рано, корова надо в поле отправить в шесть часов* ГИП1953;

— три примера с существительными 1-го склонения в И. п. при предикативе без глагольных форм:

- (31) *Надо было какая-то сыворотка* МГА1932;
 (32) *кому надо самогонка эта* ЛНТ1950;
 (33) *это лампа надо* ГИП1953;

— три примера при финитной форме глагола без модального предикатива:

- (34) *Скажешь: «правда говорила»* МГА 1932;
 (35) *Ну они и ссуда брали, и я ссуду тоже брал* ЛХЛ1941;
 (36) *Как-то я не знаю, как-то остановили, схва= успели, что машина остановили* ЛНТ1950.

3. Предлог *на* с винительным падежом при глаголах речи

Адресат сообщения при глаголе *говорить* в изучаемом говоре может быть маркирован двумя способами: стандартным для русского литературного языка дательным падежом и сочетанием предлога *на* и винительного падежа. Конструкции с предлогом *на* и именем в винительном падеже в роли адресата широко распространены в западных среднерусских говорах, говорах южнорусского наречия, а также в белорусских и украинских диалектах (см. карту в [Ронько 2021], а южнорусский материал в [Мальшева 2018]).

В нашем материале встретилось несколько примеров:

- (37) *Да, и это самое, и пришел и говорит на мамку, собирались наутро с ней идти и снесем было эту самогонку, а он пришел и говорит: «Ой тетя Рита, поедем», — говорит, — «сейчас поеду в Торопу, я тебя и свезу заодно»* ЛНТ1950;
 (38) *А сын говорит на мне, я говорю: Ванька говорит, сын: «Мам, пускай живёт», — говорит, — «Будешь жить, пускай живёт»* МГА1932;
 (39) *говорит, эта, Таня на его: «Костя! Где мой баран?», — а он говорит, — «Хуй его, твой баран»* МГА1932.

Один пример с не вполне ясным контекстом:

- (40) *с сельсовета пришел, говорит, — это, Ильич на папку* МГА1932.

И один пример, где глагол передачи речи не выражен:

- (41) *а вот староста ни в какую: «ты коммунист — поедешь!», — на папку* МГА1932.

Кроме материала с глаголом *говорить*, в корпусе присутствует один пример с глаголом *смеяться*, который сочетается с предлогом *на* и адресатом в винительном падеже:

- (42) *засмеялась на меня*: «мам, ну как ты будешь, я не знаю, а я поеду в Москву» ЛНГ1950.

4. Объектно-целевая конструкция с предлогом *в*: *ходить в ягоды*

В корпусе встречаются объектно-целевые конструкции с глаголами движения и объектами лесного собирательства (орехи, грибы, ягоды) с предлогом *в*:

- (43) *Ничего, в ягоды ходили, вот...* МГА1932;
 (44) *Одному человеку и на работу, и хозяйство брать, и в ягоды ходили, ходили за десять-пятнадцать километров в ягоды и клюкву собирали, дешевая была* ГИП1953;
 (45) *Раньше в ягоды одна ходила, в клюкву туда* ГИП1953;
 (46) *А что, вот сыпали как, в ягоды идем бывало вот это, (в) мох* ГИП1953;
 (47) *Ты приехал в ягоды* ГИП1953;
 (48) *И в грибы ходили* ГИП1953;
 (49) *В орехи ходили, собирать, орехи были раньше* ГИП1953;
 (50) *Пошёл в грибы* ЛХЛ1941;
 (51) *Ай, пойду в грибы* ЛХЛ1941.

Существительные из других лексических групп и местоимения образуют подобные конструкции стандартным образом, с предлогом *за*, например:

- (52) *надо ехать за сеном* МГА1932.

5. Плюсquamперфект

В корпусе встречаются редкие конструкции с глаголом-связкой в прошедшем времени и финитным глаголом, в значениях, свойственных «русскому плюсquamперфекту» (см. [Сичинава 2013]). Такая конструкция широко распространена в псковских говорах, например в опочечких, см. [Дьяченко и др. 2018: 298–299; Ронько 2020: 238]. Ближайшие псковские говоры, в которых зарегистрирована и описана подобная конструкция, располагаются в Торопецком районе Тверской области [Рыко 2002]. В примерах (53)–(54) данная конструкция выражает таксисно-временное значение — два события разнесены во времени: кот ходил драться с кошкой до того, как она пропала; до того, как привезли заказанную партию хлеба, в магазине оставалась одна буханка.

- (53) *Она, говорю, она [кошка] у нас на улицу ходит, а там же не ходят на улицу. А так вон ушодчи не знаю куда. Тут... Тут москвич, это Света живёт, а Виталика нет, помёр. Кот был ходил, так дрались с ним всё. И он тоже, говорит, пропал у Светки МГА 1932;*
- (54) *Вот хлебный день. А сегодня вон хлеба было заказано пятнадцать буханок только. И то вот ещё буханка была лежала. Не, его не разобрали, пятнадцать буханок... ГИП1953.*

В следующем примере данной конструкцией выражается давнопрошедшее время: перо называлось «удавленником» в школьные годы информанта.

- (55) *На столе лампа стояла, уроки надо было делать. Как? А писали этим, пером. Чернильница была. Чернила. Макал в чернильницу и писал. Перо было такое простое, и было перо называлось удавленник. ГИП19537.*

6. Способы выражения внешнего посессора

В изучаемом говоре обнаружена конкуренция конструкций с посессивным субъектом, выраженным сочетанием «у + родительный падеж» (57) и конструкций, где вместо такого субъекта выступает имя в дательном падеже (56):

- (56) *когда вот мне отмечали юбилей ГИП1953;*
 (57) *У меня таблетки кончаются ГИП1953.*

Подобные примеры засвидетельствованы и в смоленских говорах, например в корпусе говоров Хиславичского района [Рыко, Спиричева 2020]: *а меня (мне) здесь ажно всё замолодело, зашевелилось*. Согласно утверждению И. Б. Кузьминой, конструкции с дательным падежом не имеют определённой географической локализации в восточнославянских диалектах [Кузьмина 1993: 45], они присутствуют также в белорусском и украинском языках [Лопатина 1998], где наиболее употребительны семантически ограниченные конструкции с дательным падежом, распространяющим предикат с семантикой боли (*мне балиць галава*) [Кузьмина 1993; Лопатина 1998: 246; ДАБМ каментарыі: 770, 771]. В нашем материале они встретились у нескольких информантов, почти во всех случаях это конструкции с местоимением *мне (мине)*, однако зарегистрированы и случаи с другими местоимениями. Примеров с существительными в данных конструкциях нами не зафиксировано.

Изучаемые примеры относятся к синтаксическому типу конструкций с внешним посессором. Языки мира различают два синтаксических типа посессора: внутренний и внешний. Так, например, в предложении *Вася сломал Петину ногу* посессор (Петя) и обладаемое (нога) существуют в рамках одной синтаксической составляющей (именной группы), такие конст-

рукции называются конструкциями с внутренним посессором. В предложении *Вася сломал ногу Пете* посессор и обладаемое находятся в разных синтаксических составляющих, такой тип посессора называется внешним.

Известно, что в СРЛЯ тоже присутствует конкуренция конструкций с внешним посессором (сравни: *ему сломали ногу* vs. *у него сломана нога*), однако возможности выражения внешнего посессора в СРЛЯ более ограниченные — так, посессор в дательном падеже не может участвовать в образовании конструкций с глаголами боли: **Мне болит голова*. Вопрос о конкуренции конструкций с внешним посессором в СРЛЯ часто поднимается в литературе. Наличие двух типов конструкций с внешним посессором в рамках одного языка считается типологическим раритетом [Haspelmath 1999: 109].

Как конструкции с посессором в дативе, так и конструкции «у + родительный падеж» в нашем материале встречаются со значением предикативной посессивности, т. е. это такие конструкции, где значение обладания составляет предикативное ядро высказывания [Stassen 2001; 2013]:

(58) *У меня тоже была корова* ГИП1953;

(59) *мне была фамилия Ильина, а сейчас по мужу Петрова* ГИП1953.

В СРЛЯ конструкции с предикативной посессивностью не могут быть выражены с помощью дательного падежа без предлога.

Анализ данных контекстов осложнён способом выражения предлога *у* в исследуемом говоре. Как и в ряде других среднерусских и южнорусских говоров (см. [Мальшева, Тер-Аванесова 2016: 224–227; Ронько 2020: 239]), в нашем говоре предлог *у* в сочетании с родительным падежом в конструкциях со значением принадлежности, пребывания при ком-н., чем-н. может заменяться на *в* с местным падежом, а также может быть не выражен. Учитывая последнее обстоятельство, а также то, что родительный и дательный падежи местоимения 1-го л. ед. ч. могут совпадать в говоре в форме *мине*, мы вынуждены исключить из рассмотрения те случаи, где местоимение выражено этой формой, например:

(60) *шесть таких бороздок посажено мине* ГИП1953.

Таким образом, будут рассмотрены только случаи с местоимением 1-го л. ед. ч., в которых оно имеет форму Д. п. *мне*.

Приведём весь материал из корпуса, где посессор выражен дательным падежом.

Ед. ч., 1 л.:

(56) *когда вот мне отмечали юбилей* ГИП1953;

(59) *Вот мне была фамилия Ильина, а сейчас по мужу Петрова* ГИП1953;

(61) *Мне дома было больше сорока цветов* МГА1932;

(62) *А мне дочери живут рядом здесь* ЛХЛ1941;

- (63) *На кладбище, когда зайдёте, вот, она **мне** похоронена* ЛХЛ1941;
 (64) *У меня тоже была корова. **Мне** было две даже* ГИП1953;
 (65) *А потом **мне** уши заболели* ГИП1953;
 (66) *А потом такие **мне** валенки были* ГИП1953;
 (67) *а **мне** сейчас ещё с прошлого года есть* ГИП1953;
 (68) *теперь тут **мне** дырочка* ГИП 1953;
 (69) ***мне** болят ноги очень сильно* ГИП 1953;
 (70) ***мне** был парень хороший* ГИП1953;
 (71) *А **мне** у дочки есть мёд* ГИП1953;
 (72) *Как болели, так они **мне** и болели* ЛНТ1950;
 (73) *а **мне** рубль тридцать даже оставалось* ЛНТ1950;
 (74) *в тридцать девять лет он **мне** помер.*

Конструкция *у меня* встретилась у информанта ГИП1952 23 раза, у ЛНТ1950 — 4 раза, у ЛХЛ1941 не встретилась.

2 л.:

- (75) *И отдельно **тебе** будет виноград всё стоять* ЛНТ1950 (Тракторист привёз жительнице деревни столбы, установил их и говорит, что теперь будет хорошо, будет на них расти виноград);
 (76) *работаешь, **тебе** всё есть* ЛНТ1950.

В одном примере в роли посессора выступает краткая форма:

- (77) ***те** все мозги высохнут* ГИП1953.

Конструкция *у тебя* встретилась у информанта ГИП1952 2 раза, у ЛНТ — 2 раза, у ЛХЛ1941 не встретилась.

3 л.:

- (78) ***ему** было два юбилея: **ему** и **ей*** ГИП1953 (Праздновали юбилеи соседей, мужа и жены).

Конструкция *у него* зафиксирована у информанта ГИП1953 2 раза, у ЛНТ1950 — 2 раза, у ЛХЛ1941 не зафиксирована.

Мн. ч., 1 л.:

- (79) *Мы даже не знали, когда **нам** день рождения* ГИП1953.

Конструкция *у нас* встретилась у информанта ГИП1953 55 раз, у ЛНТ1950 — 47 раз, у ЛХЛ1941 — 2 раза.

Дополнением к материалу может служить контекст, записанный в разговоре во время поездки с водителем такси, живущем в 15 км от изучаемых нами деревень в посёлке городского типа Старая Торопа, в котором находится ближайшая железнодорожная станция (контекст записан в полевой дневник автора, в корпусе и в аудиозаписи его нет):

- (80) *не было **вам** хорошей погоды.*

Источники и словари

ДАБМ каментарыі — Дыялекталогічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведачныя матэрыялы, каментарыі да карт. Мінск, 1963.

ДАРЯ 1989 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Том. II. Морфология. М., 1989.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2022 [Электронная версия: <http://gramdict.ru/>].

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. Л., СПб., 1967–2016.

Ронько и др. 2019 — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охупкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова. Корпус опочецких говоров 2019. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/opochka> (дата обращения: 09.09.2022).

Ронько и др. 2022 — Р. В. Ронько, А. С. Азанова, З. А. Бутенко, М. С. Замбржицкая, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Е. Ю. Волошина. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#/> (дата обращения: 09.09.2022).

Рыко, Спиричева 2020 — А. И. Рыко, М. В. Спиричева. Корпус Хиславичского района Смоленской области. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: <http://lingconlab.ru/khislavichi/> (дата обращения: 26.08.2022).

DB DARL — I. A. Marchenko, O. N. Dolgov, A. S. Azanova, M. S. Zambrzhitskaya, E. A. Zalivina, S. A. Zemlyanskaya, D. I. Mochul'skij, E. I. Tsejtina, D. G. Chistyakova, R. V. Ron'ko. Database of Dialect Atlas of Russian language. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

Stassen 2013 — L. Stassen. Predicative Possession // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/117> (дата обращения: 06.01.2023).

Литература

Бромлей, Булатова 1972 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972.

Дьяченко и др. 2018 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Малышева, Р. В. Ронько, А. В. Тер-Аванесова. Экспедиция в Опочецкий район Псковской области // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 257–312.

Дьяченко и др. 2020 — С. В. Дьяченко, Е. Г. Жидкова, А. В. Тер-Аванесова. Причастия прошедшего времени и перфектные конструкции в говорах под Опочкой // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова.

Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка / Отв. ред. вып. Г. И. Кустова, А. А. Пичхадзе. М., 2020.

Касаткин и др. 2012 — С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова, К. Ф. Захарова, Л. Л. Касаткин, И. Б. Кузьмина, О. Н. Мораховская, Е. В. Немченко, В. Г. Орлова, О. Г. Ровнова, А. В. Тер-Аванесова / Под ред. Л. Л. Касаткина. Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993.

Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.

Летучий 2014 — А. Б. Летучий. Части речи. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.

Лопатина 1998 — Л. Е. Лопатина. Сочетания типа *у меня болит голова* (рус.) — *мне галава балиць* (бел.), Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а*-склонения // Восточнославянские изоглоссы 2. 1998. С. 245–251.

Малышева 2018 — А. В. Малышева. Маркирование семантических ролей при глаголах речи в южнорусском говоре // Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 108–129.

Малышева, Тер-Аванесова 2016 — А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова. Предлог *у* < **и*, **въ* в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филологического факультета МГУ профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой / Сост. О. В. Дедова, Е. В. Петрухина, Л. М. Захаров. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 224–227.

Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и севернорусских говоров. М.: Наука, 1970.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М.: Академический проект, 2005.

Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М.; Л., 1947.

Ронько 2017 — Р. В. Ронько. *Надо корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XIII. Ч. 3. Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии / Ред. В. А. Плунгян, Р. В. Ронько, А. Ю. Урманчиева, А. В. Циммерлинг; Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией / Ред. М. Д. Воейкова, К. И. Иванова, Е. Г. Сосновцева. СПб.: Наука, 2017. С. 244–264.

Ронько 2020 — Р. В. Ронько. Материалы экспедиции 2020 года в Опочецкий район Псковской области: тексты с комментарием // Русский язык в научном освещении. 2018. № 36 (2). С. 234–258.

Ронько 2021 — Р. В. Ронько. Конструкция с предлогом *на* и винительным падежом в значении адресата при глаголах *говорить* и *сказать* в некоторых южнорусских и западнорусских говорах // Slověne. 2021. Vol. 10, № 2. С. 277–296.

Рыко 2002 — А. И. Рыко. Причастия на *иш-* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 171–193.

Сидоренская 1968 — Н. Д. Сидоренская. Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах // Б. Л. Болгородский, С. М. Глускина, И. Т. Гомонов, Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская (ред.). Псковские говоры II. Труды второй псковской диалектологической конференции. Псков, 1968.

Сидоренская 1979 — Н. Д. Сидоренская. О территориальном распространении псковских диалектных местоимений // С. М. Глускина (ред.). Псковские говоры. Сборник научных трудов. Ленинград, 1979.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.

Тер-Аванесова 1998 — А. В. Тер-Аванесова. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных *а-*склонения // Восточнославянские изоглоссы 2. 1998. С. 170–196.

Трубинский 1983 — В. И. Трубинский. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // В. П. Неделков (ред.) *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983.

Цейтина 2022 — А. И. Цейтина. Конструкции с причастиями в предикативном значении в русских говорах. Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

Corbett 1990 — G. G. Corbett. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1990.

Corbett 2006 — G. G. Corbett. *Agreement*. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 2006.

Daniel, Ter-Avanesova 2022 — M. A. Daniel, A. V. Ter-Avanesova. The second genitive in the history of Russian and across its dialects // *Linguistic Variation*. 2023. 23 (1). P. 28–74. [Published online 2022 (accessed 19.02.2023): <https://benjamins.com/catalog/lv.21004.ter>]

Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective // *Typological Studies in Language*. 1999. 39. P. 109–136.

Stassen 2001 — L. Stassen. Predicative Possession // *Language typology and language universals: an international handbook* / Ed. by M. Haspelmath, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. P. 954–960.

Von Waldenfels et al. 2014 — R. von Waldenfels, M. Daniel, N. Dobrushina. Why Standard Orthography? Building the Ustyia River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Беласово, 4–8 июня 2014 г.)*. Вып. 13 (20). М.: Изд-во РГГУ, 2014

Получено 14.11.2022

Roman V. Ronko

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
romanronko@gmail.com

Anna S. Azanova

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
azanovaas98@gmail.com

Arseniy D. Anisimov

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
adanisimov_1@edu.hse.ru

Ekaterina A. Zalivina

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
zalivina01@mail.ru

Sofiya A. Zemlyanskaya

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
sofizem.4@gmail.com

Igor A. Marchenko

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
iamarchenko@miem.hse.ru

Denis I. Mochulskiy

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
denis.mochulsky@gmail.com

Ekaterina E. Voitovich

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
katya27052014@gmail.com

**THE DIALECT OF THE VILLAGES SHETNEVO, MAKEEVO, SH'ELKINO,
TEREKHOVO AND STEPAN'KOVO OF THE ZAPADNODVINSKIY DISTRICT,
TVER OBLAST'. A GRAMMAR SKETCH AND FIELD NOTES**

The paper focuses on the Pskov dialect of five neighboring villages in the Zapadnodvinsky district of the Tver oblast'. The dialect belongs to the group of Pskov dialects, which is adjacent to the Smolensk dialects belonging to the South Russian dialect. In this

paper, which is the first part of a grammar sketch of the dialect, we describe some of its morphological and syntactic features. Morphological analysis covers the noun inflection for case, personal, indicative, and interrogative-relative pronouns, the verbal paradigm of the present tense, reflexive suffixes of the verb, morphology of participles. Syntactical analysis describes the agreement of participles, the nominative object, constructions with prepositions, constructions with pluperfect and some means of expressing the external possessor.

Keywords: Pskov dialects, Zapadnaya Dvina dialects, dialectal fieldwork, morphology of the Russian dialects, agreement, external possessor

References

- Bromlei, S. V., & Bulatova, L. N. (1972). *Ocherki morfologii russkikh govorov*. Moscow: Nauka.
- Bromlei, S. V., Bulatova, L. N., Getsova, O. G., Zakharova, K. F., Kasatkin, L. L., Kuz'mina, I. B., Morakhovskaia, O. N., Nemchenko, E. V., Orlova, V. G., Rovnova, O. G., & Ter-Avanesova, A. V. (2012). *Russkaia dialektologiya: Uchebnik dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedenii*. Moscow: AST-PRESS.
- Corbett, G. G. (1990). *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Corbett, G. G. (2006). *Agreement*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Daniel, M. A., & Ter-Avanesova, A. V. (2023). The second genitive in the history of Russian and across its dialects. *Linguistic Variation*, 23(1), 28–74.
- D'iachenko, S. V., Zhidkova, E. G., & Ter-Avanesova, A. V. (2020). Prichastiia proshedshego vremeni i perfektnye konstruksii v govorakh pod OPOCHKOI. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 23: *Grammaticheskie protsessy i sistemy v diakhronii*, 55–88.
- D'iachenko, S. V., Zhidkova, E. G., Malysheva, A. V., Ron'ko, R. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2018). Ekspeditsiia v OPOCHETSKII RAION Pskovskoi oblasti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 36(2), 257–312.
- Haspelmath, M. (1999). External possession in a European areal perspective. *Typological Studies in Language*, 39, 109–136.
- Kuz'mina, I. B. (1993). *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte*. Moscow: Nauka.
- Kuz'mina, I. B., & Nemchenko, E. V. (1971). *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh*. Moscow: Nauka.
- Lopatina, L. E. (1998). Sochetaniia tipa *u menia bolit golova* (rus.) — *mne galava balits'* (bel.), Okonchaniia roditel'nogo, datel'nogo i mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh *a*-skloneniia. *Vostochnoslavianskie izoglossy*, 2, 245–251.
- Malysheva, A. V. (2018). Markirovanie semanticheskikh rolei pri glagolakh rechi v iuzhnorusskom govore. In L. E. Kalyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii 19–20. Slavianskie dialekty v sovremennoi iazykovoii situatsii. Dialektnyi slovar' kak sposob issledovaniia slavianskikh dialektov* (pp. 108–129). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Malysheva, A. V., & Ter-Avanesova, A. V. (2016). Predlog *u* < **u*, **v*" v iuzhnorusskom govore: fonetika, upravlenie, semantika. In O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, & L. M. Zakharov (Eds.), *Slavianskie iazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhd-*

narodnyi simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 23–26 maia 2016 g.): K iubileiu dekana filologicheskogo fakul'teta MGU professora Mariny Leont'evny Remnevoi (pp. 224–227). Moscow: MAKS Press.

Orlova, V. G. (Ed.). (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiia i severnorusskikh govorov*. Moscow: Nauka.

Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: Grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira*. Moscow: RGGU.

Pozharitskaia, S. K. (2005). *Russkaia dialektologiya*. Moscow: Akademicheskii proekt.

Ron'ko, R. V. (2017). *Nado korova doit'!* Nominativnyi ob"ekt v severnorusskikh dialektakh. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovani RAN*, 13(3), 244–264.

Ron'ko, R. V. (2018). Materialy ekspeditsii 2020 goda v Opochetskii raion Pskovskoi oblasti: teksty s kommentariem. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 36(2), 234–258.

Ron'ko, R. V. (2021). Konstruktsiia s predlogom *na* i vinitel'nym padezhom v znachenii adresata pri glagolakh *govorit'* i *skazat'* v nekotorykh iuzhnorusskikh i zapadnorusskikh govorakh. *Slověne*, 10(2), 277–296.

Ryko, A. I. (2002). Prichastiia na *shi-* v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholmskogo regiona. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(4), 171–193.

Sichinava, D. V. (2013). *Tipologiya pluskvamperfekta. Slavianskii pluskvamperfekt*. Moscow: AST-PRESS.

Sidorenskaia, N. D. (1968). Nekotorye nabliudeniia nad slovoobrazovaniem nelichnykh mestoimenii v pskovskikh govorakh. In B. L. Bolgorodskii, S. M. Gluskina, I. T. Gomonov, L. A. Ivashko, & O. S. Mzhel'skaia (Eds.), *Pskovskie govory – 2. Trudy vtoroi pskovskoi dialektologicheskoi konferentsii* (pp. 175–182). Pskov: PGPI.

Sidorenskaia, N. D. (1979). O territorial'nom rasprostraneni pskovskikh dialektnykh mestoimenii. In S. M. Gluskina (Ed.), *Pskovskie govory. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 130–134). Leningrad: LGPI im. A. I. Gertsena, 1979.

Stassen, L. (2001). Predicative Possession. In M. Haspelmath, W. Oesterreicher, & W. Raible (Eds.), *Language typology and language universals: an international handbook* (pp. 954–960). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Ter-Avanesova, A. V. (1998). Okonchaniia roditel'nogo, datel'nogo i mestnogo padezhei edinstvennogo chisla sushchestvitel'nykh *a*-skloneniia. *Vostochnoslavianskie izoglossy*, 2, 170–196.

Trubinskii, V. I. (1983). Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh. In V. P. Nedialkov (Ed.), *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* (pp. 216–226). Leningrad: Nauka.

Waldenfels, von R., Daniel M., & Dobrushina N. (2014). Why Standard Orthography? Building the Ustyia River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 4–8 iunია 2014 g.)* (Iss. 13(20), pp. 720–728). Moscow: Izd-vo RGGU.

Received on November 14, 2022

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i>	<i>Lomonosov Moscow State University</i>
119019, Москва, Волхонка 18/2	1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
<i>Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences</i>	<i>Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»</i>
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
<i>Институт славяноведения РАН</i>	<i>Higher School of Economics, National Research University</i>
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А	20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
<i>Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences</i>	<i>Узбекский государственный университет мировых языков</i>
32-А Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia	100138, Узбекистан, Ташкент, Учтепинский район, Малая кольцевая дорога, 21а
<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова</i>	<i>Uzbekistan State World Languages University</i>
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51	21 Kichik khalka yuli, massif Chilanzar-G9A, Uchtepa district, Tashkent, Uzbekistan

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2023

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 27. Заказ №